БМ
Голубцов
У-73

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

ОТРЫВКИ ИЗЪ НОВѢЙШИХЪ ПОЛЬСКИХЪ ЭКОНОМИСТОВЪ

СОБРАННЫЕ

ГРАФОМЪ СЕВЕРИНОМЪ УРУСКИМЪ

ПЕРЕВЕЛЪ

Е. МОЛЛЕРЪ.

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО СЛОВА».

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.
1859.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Б.М Польша
У73
178

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

ОТРЫВКИ ИЗЪ НОВѢЙШИХЪ ПОЛЬСКИХЪ ЭКОНОМИСТОВЪ

СОБРАННЫЕ

ГРАФОМЪ СЕВЕРИНОМЪ УРУСКИМЪ

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
190483

ПЕРЕВЕЛЪ

Е. МОЛЛЕРЪ.

[Т. II]

ИЗДАНІЕ «РУССКАГО СЛОВА»

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.
1859.

НО
1873

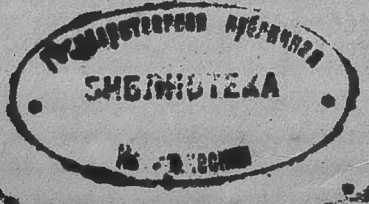
03. П!
9276
03

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 31 Октября 1859 года.

Цензоръ *С. Палаузовъ.*

190-83



ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Вступленіе. Къ Согражданамъ 7

ЧАСТЬ I.

Отдѣлъ I. Кс. Игнатій. Розысканіе о сочувствіи предковъ къ подданнымъ. 13

Отдѣлъ II. Гр. Андрей Замойскій. О собственности и арендѣ, въ отношеніи къ нашимъ крестьянамъ. . 37

Отдѣлъ III. Крестьянскій вопросъ и разборъ его 51

Отдѣлъ IV. Гр. Фридрихъ Скарбекъ. О вліяніи, какое производятъ на нравственность народа развитіе и стремленіе къ благосостоянію. 69

Отдѣлъ V. Адамъ Кжыжтопоръ. Объ устройствѣ земледѣльческихъ отношеній въ Польшѣ 76

Отдѣлъ VI. Гр. Павелъ Лубеньскій. Объ устройствѣ крестьянскихъ отношеній въ великомъ герцогствѣ Познаньскомъ 99

Отдѣлъ VII. а) Авторъ безъименный. О мужикахъ. . . 123

Отдѣлъ VII. в) Янъ Лудвигъ Жуковскій. О барщинѣ, съ прибавленіемъ замѣчаній о нравственномъ и матеріальномъ положеніи нашего народа 163

Отдѣлъ VIII. Антонія Михальскаго. Крестьяне и регуляція ихъ. 176

Отдѣлъ IX. Графа Леона Ржевускаго. Изложеніе начальныхъ понятій теоріи земледѣльческой производительности. 217

Отдѣлъ X. Графа Іуліана Ледуховскаго. Освобожденіе выкупомъ, выгоды этого средства выхода изъ барщиннаго состоянія 223

Отдѣлъ XI. Г. Салтыковича. О причинахъ бѣдности крестьянъ 233

Отдѣлъ XII. Антона Цыпрысиньскаго. О взаимныхъ отношеніяхъ владѣльцевъ имѣній и крестьянъ въ царствѣ Польскомъ 262

ЧАСТЬ II.

стр.

Отдѣлъ XIII. Феликса Зелинскаго. О вѣчныхъ арендахъ. 1

Отдѣлъ XIV. Августа Хейльмана. О потребности и условіяхъ вѣчно-аренднаго устава 16

Отдѣлъ XV. Графа Александра Стадницкаго. О крестьянскихъ наслѣдствахъ въ Галиціи 22

Отдѣлъ XVI. Гр. Рейнольда Тизенгауза. Объ Отношеніяхъ между сословіями владѣющими и сословіями арендующими, и о потребности введенія у насъ ординаціи. 77

Отдѣлъ XVII. Кн. Тадеуша Любомирскаго. Сѣверо-восточныя усадьбы Валахіи 94

Отдѣлъ XVIII. Эдмунда Ставицкаго. Историческія розысканія о земледѣліи 150

Отдѣлъ XIX. а) Гугона Колонтая. *Письмо Анонима* къ Станиславу Малоховскому, маршалку сейма и генеральной конфедераціи, объ исправленіи Рѣчи Посполитой 173

Отдѣлъ XIX. в) Франциска Вишневскаго. Отзывъ противъ уничтоженія инвентарскихъ повинностей въ Галиціи 182

Отдѣлъ XX. Ксендза Яна Шпадерскаго. Объ оброкѣ. . 191

Отдѣлъ XXI. Людвика Воловскаго. О раздѣлѣ земли . . 204

Отдѣлъ XXII. Генриха Каменскаго. Мысли объ усовершенствованіи отечественнаго земледѣлія 250

Отдѣлъ XXIII. Антона Шиманскаго. О военной службѣ крестьянъ. 258

Отдѣлъ XXIV. Августа Цѣшовскаго. О средствахъ къ улучшенію быта крестьянъ 298

ОТДѢЛЪ XIII.

О вѣчныхъ арендахъ.

ФЕЛИКСА ЗЕЛИНЬСКАГО.

1842 г.

Изъ всѣхъ законныхъ отношеній, касающихся поземельной собственности, вѣчныя аренды и чиншы развиты менѣе всѣхъ въ нашей странѣ и находятся въ наибольшемъ пренебреженіи. Это легко понять, какъ скоро мы примемъ въ соображеніе, что существованіе ихъ прямо противорѣчитъ духу французскаго закона, который до-сихъ-поръ составляетъ главнѣйшій источникъ и основаніе нашего законодательства и что постановленіе сейма, возвратившее въ 1825 году законное существованіе, извѣстнымъ у насъ съ давнѣйшихъ временъ, вѣчнымъ чиншамъ и арендамъ, было только временно-помогающимъ средствомъ; полное же и совершенное обсужденіе этого предмета, должно было послѣдовать только въ II книгѣ нашихъ гражданскихъ законовъ.

А между тѣмъ отношенія эти заслуживаютъ полное наше вниманіе, въ нихъ лежитъ лучшая будущность поземельной собственности; надежда улучшенія быта многочисленнѣйшаго, важнѣйшаго класса народонаселенія.

Допустимъ, что имѣнія, въ которыхъ есть колонисты, подвергаются насильственной продажѣ по требованію прежнихъ гипотечныхъ кредиторовъ. По закону о гипотекахъ, а именно по силѣ арт. 38 и 47, постановляющихъ, что гипотека удерживается на цѣлости и на всякой части недвижимыхъ имуществъ, что отдѣленіе части нисколько не вредно кредиторамъ, права которыхъ обезпечиваются всѣмъ имуществомъ, имущества могутъ быть проданы въ томъ положеніи, въ какомъ они нахо-

дились во время сдѣланнаго гипотечнаго долга, т. е. не обращая вниманія на права, пріобрѣтенныя позднѣе вѣчными чиншовниками, съ зависимостью отъ произвола новаго владѣтеля: захочетъ ли онъ оставить колонистовъ при ихъ правахъ, или взять у нихъ землю себѣ.

Суду уже не разъ приходилось разбирать подобные случаи; не разъ многочисленныя семьи теряли свое небольшое имущество потому только, что, не зная закона, слишкомъ довѣрялись владѣльцамъ. Принужденные раздѣлять участь владѣльцевъ, отъ которыхъ получили усадьбы, колонисты не смогутъ даже понять какимъ образомъ ихъ лишаютъ собственности, которую они пріобрѣли на собственныя, трудами рукъ заработанныя деньги; а грустный примѣръ ихъ лишитъ нашу страну трудолюбивыхъ переселенцевъ, оттолкнетъ сельское сословіе отъ заключенія уговоровъ съ владѣльцами и отдалитъ желанное время, когда классъ это сознаетъ собственную выгоду и станетъ принимать участіе въ развитіи страны.

Такое положеніе вещей показываетъ отчасти неудачное примѣненіе, отчасти даже существенный недостатокъ закона и требуетъ вспомогательныхъ средствъ тѣмъ поспѣшнѣе, что, если обратитъ вниманіе, въ одной Мазовецкой губерніи ежегодно слишкомъ тритса усадебниковъ обезпечиваютъ свои права на гипотекахъ, что, за тѣмъ, ежегодно увеличивается число семействъ, судьба которыхъ необезпечена закономъ.

Что касается до существующихъ чиншовыхъ усадьбъ, я полагалъ бы, что утвержденію ихъ отношеній очень много способствовало бы ближайшее примѣненіе судебной практики къ постановленіямъ гипотечнаго закона при аукціонной продажѣ.

При назначеніи къ продажѣ имѣній, въ которыхъ есть вѣчные арендаторы, нельзя миновать эти права, но, напротивъ, должно опредѣлить ихъ ясно въ условіяхъ продажи, какъ обременяющія имѣнія; за тѣмъ слѣдовало

бы высчитать всѣ прежніе долги и сначала подвергать продажѣ имѣнія, обремененныя чиншовыми правами и только тогда, когда цѣна, назначенная за нихъ не покрываетъ высчитанныхъ долговъ, въ тотъ же самый срокъ подвергнуть продажѣ имѣнія вторично, безъ всякихъ ограниченій пользованія.

Это единственное средство чиншовникамъ сохранить свои права въ случаѣ насильственнаго лишенія. Если бы даже въ гипотекѣ они занимали выгоднѣйшее мѣсто и прежніе долги составляли бы только половину цѣны, полученной съ продажи имѣнія, во всякомъ случаѣ при раздѣлѣ этой цѣны, колонисты не получатъ никакого вознагражденія за утраченныя права, и условія ихъ будутъ хуже условій позднѣйшихъ довѣрителей. Здѣсь практика строго примѣнила постановленія французскія о классификаціи, но забыла, что законныя отношенія раздѣленной собственности, а за тѣмъ вѣчныхъ арендъ и чиншовъ, нетолько не извѣстны закону французскому, но даже противорѣчатъ его духу. Съ другой стороны слѣдуетъ признать и недостаточность постановленія сейма 1825 года, которое освящая, извѣстныя съ давнихъ поръ у насъ и существующія помимо французскаго закона, вѣчныя аренды и чиншы, забыло опредѣлить точнѣе ихъ законное отношеніе.

Предлагаемое нами средство есть можетъ быть единственное, какое остается для обезпеченія существующихъ въ настоящее время чиншовниковъ отъ несправедливыхъ обидъ, но и оно не всегда полезно. Напротивъ, принимая въ соображеніе, что большею частію за осаживаніе чиншовниковъ хватаются владѣльцы, сильно задолжавшіе, которые, потерявъ кредитъ, стараются, посредствомъ *вкупнаго,* выманить деньги у людей неопытныхъ, мы принуждены сознаться, съ прискорбіемъ, что во всякомъ случаѣ большее, чѣмъ желали ли бы мы, число чиншовниковъ можетъ сдѣлаться жертвою своего незнанія и недостатка закона.

Когда желающій получить вѣчную аренду заключаетъ условіе съ владѣльцемъ, уже самое названіе контракта «вѣчнаго» показываетъ желаніе пріобрѣсть существенное право, которое не подвергалось бы ни нарушенію со стороны договаривающихся, ни нарушенію отъ третьяго лица. Исключеніе можно бы допустить только въ такомъ случаѣ, если бы уговаривающійся объ чиншовой усадьбѣ ясно объявилъ, что онъ согласенъ подчиниться возможнымъ случайностямъ насильственнаго лишенія. Ни въ какомъ другомъ случаѣ не слѣдуетъ слова «*вѣчная аренда*» принимать условно, ни по буквальному смыслу этого выраженія, ни по намѣренію, предполагаемому въ договаривающихся.

Слѣдовательно, когда лица договаривающіяся приходятъ къ регенту, онъ, по обязанности своего званія, долженъ составить такой актъ, по которому желаніе обѣихъ сторонъ достигало бы своей цѣли. Между тѣмъ, контракты вѣчной аренды, заключаемые судебнымъ порядкомъ, несоотвѣтствуютъ своему назначенію, потому что, какъ показалъ опытъ, могутъ быть нарушены третьимъ лицомъ и такимъ образомъ не оправдываютъ намѣреній договаривающихся. Лучше всего было бы, еслибъ эти регенты спрашивали договаривающихся лицъ, какой именно договоръ они желаютъ заключить, т. е. хотятъ ли, чтобы заключенное условіе не подвергалось нарушенію третьимъ лицомъ, или же подчиняются случайности лишенія? и только послѣ такого объясненія и опредѣлительнаго упоминовенія о немъ, регенты должны приступить къ составленію акта, если этого хотятъ договаривающіеся. Такимъ образомъ чиншовники предостерегаемые объ условіяхъ, подъ какимъ могутъ пріобрѣтать права отъ поземельныхъ владѣльцевъ, будутъ осторожнѣе и, по крайней мѣрѣ, если случай лишенія нарушитъ ихъ права, должны будутъ приписать вину самимъ себѣ. Должно прибавить, что правила, дабы регенты объясняли договаривающимся, достигнетъ ли условіе своей

цѣли, подтверждено недавно при одномъ случаѣ рескриптомъ Правительственной Коммиссіи Справедливости отъ 15—27 мая 1841 года за № 690.

Теперь остается послѣдняя и важнѣйшая часть моего труда, направленнаго къ указанію ненарушимаго основанія въ будущемъ отношеніямъ вѣчныхъ чиншовъ. Дѣло не обойдется безъ обновленія договоровъ, которое легко опредѣлить изъ правъ обязательныхъ и которое, по положенію вещей, необходимо.

Задача состоитъ въ томъ, чтобы, не нарушая правъ прежнихъ довѣрителей, обезпечить, однакожь, и вѣчныхъ чиншовниковъ противъ слѣдствій лишенія.

При отдачѣ земель въ вѣчную аренду, предметъ обезпеченія уменьшается на цѣнность всѣхъ тѣхъ правъ, которыхъ лишается владѣлецъ недвижимости въ ущербъ третьяго лица, такъ какъ владѣлецъ получаетъ за эти права вознагражденіе, состоящее изъ суммы единовременно-составленной изъ такъ называемаго вкупнаго и изъ извѣстнаго капитала, процентъ съ котораго составляетъ годовой чиншъ. Вознагражденіе это, по самой идеѣ отношенія, должно совершенно равняться уменьшенію цѣны недвижимости. А какъ цѣна эта принадлежитъ довѣрителямъ, то имъ собственно слѣдуетъ и вознагражденіе. Часть этого вознагражденія, т. е. право собиранія годоваго чинша, обезпечено на гипотекѣ, что служитъ достаточнымъ ручательствомъ для довѣрителей; но вкупное получаетъ въ настоящее время самъ владѣлецъ, оно слѣдуетъ, однакожь, довѣрителямъ, если они должны признать права чиншовникомъ.

Дѣло идетъ еще о томъ, чтобы договоръ владѣльца съ чиншовниками былъ заключенъ на условіяхъ, которыя не допускали бы вреда довѣрителямъ. Въ противномъ случаѣ владѣлецъ могъ бы назначить въ контрактѣ низшее вкупное, а излишекъ получить стороной. Чтобы предупредить это, нужно утвержденіе ближайшей власти, что вкупное, увеличенное чиншомъ въ капи-

талѣ, равняется цѣнности правъ, уступленныхъ владѣльцемъ. Тутъ не возможна математическая точность, достаточно, лишь бы не было явнаго обмана. Вѣдь *de minimis non curat praetor.*

Такое устройство повлекло бы за собою еще и то спасительное послѣдствіе, что раздѣленіе поземельной собственности совершалось бы при настоящихъ условіяхъ, т. е. что населеніе колонистовъ тамъ только имѣло бы мѣсто, гдѣ мѣстныя обстоятельства дѣлаютъ мелкія хозяйства самыми выгодными. Тѣ-же, которые отдавали свои земли колонистамъ или потому, что не имѣли средствъ прилично хозяйничать, или, потерявъ кредитъ, хотѣли по частямъ продавать вещь, принадлежащую имъ только номинально, а въ сущности составляющую собственность довѣрителей, отказались бы отъ своего ремесла.

Нѣтъ причины бояться вреднаго вліянія предложенныхъ нами средствъ на кредитъ. Въ дальнѣйшіе выводы по этому предмету я нехочу вдаваться, потому-что, гдѣ дѣло идетъ о перечисленіи возможностей, разсужденія *pro* и *contra* бываютъ безконечны и никого не убѣждаютъ. Только опытъ разрѣшаетъ дѣло. Этотъ опытъ я и могу привесть въ подтвержденіе моихъ разсужденій.

Въ Пруссіи, гдѣ кредитъ поземельныхъ владѣльцевъ стоитъ на высшей степени, чѣмъ у насъ, гдѣ заставные листы, приносящіе $3^1/_2\%$, цѣнятся на нѣсколько процентовъ выше, подобное учрежденіе уже существуетъ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ прусскихъ законовѣдовъ такъ говоритъ объ этомъ предметѣ:

«Каждый владѣлецъ, зная собственную власть, можетъ отдавать въ вѣчную аренду нетолько крестьянскія усадьбы, корчмы и мельницы, но даже и земли фольварочныя, цѣликомъ или по произвольнымъ частямъ. Гипотечные довѣрители не могутъ запретить этого, лишь бы вкупное было употреблено на уплату долговъ гипотечнымъ порядкомъ, а Главная Дирекція Кредитнаго

Товарищества провинціи или же власть правительственная засвидѣтельствовала, что отдача въ вѣчную аренду не лишаетъ правъ довѣрителей, неудовлетворенныхъ изъ вкупнаго».

Эта смѣлость законодательства прусскаго, достойная подражанія, тѣмъ менѣе должна удивлять насъ, что предложенныя нами правила получили далѣе еще развитіе при очиншованіи крестьянъ.

Политическая экономія и состояніе ея въ нашей странѣ

Варшавская библіотека 1850 г.

Англичане утверждаютъ, что законы, управляющіе цѣлымъ свѣтомъ, не примѣнимы только въ одной Ирландіи. Что-то подобное многіе желаютъ найти и въ нашихъ экономическихъ отношеніяхъ.

Не спорю, что наука эта, получивъ свое начало и развитіе въ странахъ промышленныхъ, пріобрѣла особый колоритъ отъ отношеній, разборъ которыхъ помогъ ея развитію.

Мы намѣрены примѣнить политическую экономію къ отношеніямъ въ нашей странѣ и показать, что они не представляютъ ничего противоестественнаго, ничего такого, чтобы могло исключить ихъ отъ дѣйствія главныхъ законовъ политической экономіи.

Сознаемся, что противники наши могутъ выставить на бой противъ насъ сильное заступничество и доказательствъ, повидимому говорящихъ, за нихъ, и писателей, пользующихся общимъ авторитетомъ. Пусть, однакожъ, они не слишкомъ довѣряются самими нами указанной помощи, ибо можетъ случиться, что въ продолженіе дѣла значительная часть непріятельскихъ силъ очутится на нашей сторонѣ.

Дѣйствія человѣка основываются на его свободной волѣ, но воля не составляетъ еще всего существа его духа.

Плата работнику подчиняется безъ сомнѣнія закону экономическому, учреждающему цѣну всѣхъ вещей. Но человѣкъ не мертвое орудіе; если онъ долженъ трудиться, долженъ въ вознагражденіи за трудъ найти возможность прокормить себя и содержать; и это имѣетъ вліяніе на установленіе извѣстнаго *minimum*, ниже котораго плата работнику можетъ упасть только въ необыкновенныхъ случаяхъ.

Соображеніе это уменьшаетъ нѣсколько колебаніе цѣнъ найма, оставляя, однакожь, все-таки черезъ чуръ обширное поле дѣйствію общаго закона цѣнъ.

Посмотримъ теперь какимъ образомъ дѣйствуетъ этотъ законъ въ странѣ, такъ преимущественно, какъ наша, земледѣльческой.

Въ странѣ земледѣльческой, главный предметъ труда составляютъ: земля этой страны и ея произведенія. При увеличеніи населенія, съ развитіемъ культуры, общее пространство неупотребленной въ дѣло земли постоянно уменьшается; пространство земли употребляемой въ дѣло, составляя предметъ человѣческаго труда, постоянно увеличивается. Идетъ ли общество впередъ или пятится,—движенія его, въ обоихъ случаяхъ, не быстры, и потому годъ отъ году имѣютъ вліяніе на отношенія найма незначительное.

Урожайный ли годъ или голодный, количество земли, обработываемой, составляя предметъ труда, почти неизмѣняется. Уменьшится оно тогда только, и то обыкновенно въ незначительной степени, когда въ голодный годъ не всѣ будутъ въ состояніи засѣять свои земли.

Такимъ образомъ мы можемъ, слѣдовательно, принять безъ большой погрѣшности, что земля, какъ предметъ труда, требуетъ ежегодно почти равнаго количества рукъ и потому не имѣетъ большаго вліянія на перемѣну въ отношеніи найма.

Другое дѣло въ отношеніи къ другому важному предмету человѣческаго труда, т. е. въ отношеніи къ произ-

веденіямъ земли, они подчиняются быстрымъ и имѣющимъ значительное вліяніе перемѣнамъ.

Если годъ дешевый, если хлѣба родилось вдвое противу того, что родилось въ голодномъ году, нужно собрать двойное количество хлѣба. Это увеличитъ въ огромной степени общій мѣстный трудъ и такимъ образомъ произведенія внезапнымъ увеличеніемъ, могутъ произвесть, какъ и производятъ, большія потрясенія въ отношеніяхъ найма. Постараемся показать значительность этихъ потрясеній въ цифрахъ, принявъ сначала въ расчетъ нѣкоторыя данныя.

Укажемъ численно, хотя отчасти только, какимъ значительнымъ образомъ возрастаетъ у насъ потребность труда въ года урожайные.

Царство Польское заключаетъ въ себѣ пространства, круглымъ счетомъ, 2,300 квад. миль. Статистическія показанія разнятся въ отношеніи къ количеству влокъ пахатной земли; среднимъ числомъ можно ее принять до 360,000.

Трехпольное хозяйство, такъ еще принято вездѣ попреимуществу, что, безъ всякой погрѣшности, его можно принять за основаніе при вычисленіи родовъ обработываемаго хлѣба, итакъ возьмемъ:

Что третью часть 360,000 влокъ, или 120,000 влокъ приходится ежегодно подъ засѣвъ озимаго;

Что такое количество земли занимаютъ поля яровыя;

Послѣдняя треть, наконецъ, находится подъ паромъ.

Влоки заключаютъ въ себѣ *триста-прентовыхъ* морговъ — тридцать; считая, какъ вездѣ, на морги *двѣсти прентовые*, ихъ будетъ 45. За тѣмъ число двѣсти-прентовыхъ морговъ поля, ежегодно засѣваемаго у насъ озимымъ, будетъ 5.400,000.

Принявъ за основаніе расчета другія статистическія данныя, какъ: извѣстное число посѣвовъ, число сборовъ, хлѣбъ нужный для продовольствія населенія страны, съ прибавленіемъ того, что вывозится за-границу, мы при-

демъ болѣе или менѣе къ тѣмъ же выводамъ, съ тѣмъ замѣчаніемъ, что они скорѣе окажутся слишкомъ низкими.

По этимъ даннымъ, надо очень значительнаго неурожая, чтобы количество собранныхъ копъ озимаго, средней увязки, составило менѣе 7.000,000. Принявъ эту послѣднюю цифру, одна молотьба такого количества копъ ручной работой займетъ 14.000,000 рабочихъ дней.

Количество этихъ занятыхъ дней придется, однакожъ, уменьшить, принимая во вниманіе сокращеніе работы, при молотьбѣ, введеніемъ молотиленъ.

Не станемъ предполагать слишкомъ значительнаго уменьшенія, принимая, что въ неурожайный годъ, сберегается молотильнями, около $^1/_{10}$ всей работы за молотьбой хлѣба; такимъ образомъ число рабочихъ дней, потребныхъ на умолотъ одного озимаго, положимъ на нашу страну, въ неурожайный годъ до 12.000,000.

Считая на человѣка, среднимъ числомъ, въ годъ 250 рабочихъ дней, вышло бы, что умолотъ озимаго хлѣба представляетъ у насъ въ неурожайный годъ, годичную работу наименѣе 50,400 человѣкъ.

Прибавляя половину этого количества на яровое, выйдетъ общая сумма въ неурожайный годъ, на людей, занятыхъ молотьбою — 75,600.

Сравнимъ съ этими случаями цифры урожайныхъ лѣтъ. Принявъ увеличеніе урожая въ эти годы только $^1/_7$, что вовсе немного, такъ какъ мы уже несчитаемъ среднихъ урожаевъ, число дней, потребныхъ на умолотъ озимаго выйдетъ — 18,000,000. Допустивъ, что увеличенное дѣйствіе молотильни, сбережетъ въ такомъ году не десятую, а девятую часть работы за молотьбою, число дней молотьбы выйдетъ — 16,000,000, и такимъ образомъ этотъ умолотъ будетъ представлять годичную работу 64,000 людей, а съ прибавленіемъ яроваго—96,000 людей.

Принявъ увеличеніе урожая на $^3/_7$, цифры эти дойдутъ до 71,200 и 106,800 людей.

Итакъ выйдетъ, что одна молотьба въ урожайный

годъ потребуетъ по крайней мѣрѣ на 20000—30000 людей болѣе, чѣмъ въ неурожайный годъ *).

Высчитаемъ теперь сколько работы составитъ въ урожайный годъ одинъ вывозъ хлѣба на рынки. Взглянемъ на эти одноконныя тѣлеги, запрудняющія всѣ наши дороги и своею четырехъ-корцевою кладью надсмѣхающіяся надъ улучшеніемъ сообщенія. Возьмемъ въ расчетъ, сколько, съ увеличеннымъ количествомъ урожая и болѣе обильнымъ запасомъ зерна, прибавится попусту-потраченнаго времени, которое теряетъ крестьянинъ, ожидая пока смелютъ на мельницѣ привезенные имъ полкорца. Обратимъ вниманіе на то, сколько возьметъ времени вывозъ на поле увеличеннаго, при лучшемъ содержаніи скота, количества навоза, дѣлаемый тѣлегами, вмѣщающими немного развѣ болѣе хорошихъ тачекъ. Когда разсмотримъ эти и другія хозяйственныя обстоятельства, тогда только убѣдимся, на какое огромное количество увеличивается у насъ потребность труда въ урожайный годъ, противу неурожайнаго.

Всѣ эти, однакожъ, средства едва достаточны, чтобы занять рабочее населеніе; ибо разница въ потребномъ количествѣ рукъ для хозяйства въ году урожайномъ и въ году голодномъ, такъ велика, что излишекъ рукъ въ послѣднихъ годахъ можетъ построить не конюшни деревенскія, а египетскія пирамиды, и не кусокъ рва выкопать для осушенія луга, но вырыть такіе каналы, какъ Августовскіе **).

*) Цифры этой никто не сочтетъ малозначащею, если приметъ во вниманіе отношеніе рабочаго населенія, подвергнутаго самой тяжелой работѣ, къ общему населенію страны. Всѣ фабрики въ странѣ занимаютъ круглымъ счетомъ 46,000 людей; всѣ ремесла 75,000, и сколько еще въ это число входитъ малолѣтнихъ и женщинъ.

**) На каналѣ Августовскомъ, устроиваемомъ въ теченіе шести лѣтъ (1825 — 1830 г.), работало 5000 — 7000 людей ежегодно. Принимая среднее число 6000 и считая, что работа продолжалась ежегодно семь мѣсяцевъ, выйдетъ годичной работы 2,100 людей. Это гораздо менѣе разницы въ работѣ за молотьбою въ года неурожайные и урожайные.

Вмѣсто этихъ выводовъ, основанныхъ на опытѣ и практикѣ, какое мнѣніе распространилось у насъ? Что читаемъ мы еще въ настоящее время въ сочиненіяхъ, принятыхъ почти со всеобщими рукоплесканіями? Всѣ отношенія по найму, показанныя нами, какъ нормальныя, взвалены на шею лѣности крестьянъ, которыхъ, если у нихъ есть кусокъ хлѣба, нельзя, видите, принудить къ труду.

Вотъ что читаемъ въ журналѣ Народнаго Хозяйства.

Что легкость содержанія порождаетъ у насъ страшную потребность лѣности и, такимъ образомъ, составляетъ главную причину недостатка въ наемникахъ; лучшее доказательство этого въ неурожайные годы или во время такъ называемаго «поднувка». Въ это время число работниковъ отыскивающихъ найма умножается чудовищнымъ образомъ, такъ, что приходится удивляться откуда ихъ взялось столько, тогда, какъ въ другое время ихъ нѣтъ вовсе.

Если бы въ соображеніе было принимаемо, что отношенія экономическія суть отношенія общенародныя всей страны, что слѣдовательно нельзя смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія частной, съ точки произвольной, но что на нихъ надо глядѣть съ точки зрѣнія общенароднаго всей страны, не было бы жалобъ тогда, можетъ-быть, на недостатокъ наемниковъ, на недостатокъ населенія, но признано было бы, вмѣстѣ со всѣми хозяевами, которые имѣли случай сравнивать мѣстное хозяйство съ заграничнымъ, признано было бы, вмѣстѣ съ просвѣщенными издателями народнаго хозяйства, что у насъ нѣтъ недостатка въ населеніи, занимающемся хлѣбопашествомъ, что его, относительно, болѣе даже, чѣмъ въ Англіи, но что не бережливость, не умѣнье пользоваться; однимъ словомъ: пустая трата работы составляетъ главный поводъ хлопотъ, въ какихъ часто находится хозяинъ.

Въ нынѣшнихъ сельскихъ отношеніяхъ главнѣйшій недостатокъ составляетъ то, что бездѣльничество по

ощряютъ и въ то же время необращаютъ на него вниманіе. Помочь злу въ этомъ отношеніи — дѣло не одной минуты; никогда зло не будетъ устранено, если не укажутся причины его тамъ, гдѣ онѣ находятся дѣйствительно.

«Въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, говорятъ намъ, множество людей, ничего неимѣющихъ и почти умирающихъ съ голоду, которыхъ не надо выгонять на заработокъ, потому что они сами его ищутъ, ибо голодъ лучше всего замѣняетъ понуканіе *); но у насъ, въ Польшѣ, нѣтъ до-сихъ-поръ счастья обладанія людьми, ни чѣмъ не обладающихъ и мучимыхъ почти постояннымъ голодомъ.»

Къ чему клонится эта преувеличенная картина? Право, непонимаю, и радъ бы видѣть въ ней только потѣху писательскаго остроумія.

За исключеніемъ одной Ирландіи, которая, однакожь, не Англія, незнаю гдѣ же эти милліоны людей, не только угрожаемые постояннымъ голодомъ, но, что болѣе, дѣйствительно уже почти умирающихъ съ голоду; мнѣ извѣстно, напротивъ, что сельское сословіе безъ сравненія лучше кормиться и содержится въ поименованныхъ странахъ, чѣмъ у насъ. Справедливо только то, что въ странахъ этихъ, болѣе промышленныхъ, чѣмъ наша, именно же въ Англіи, въ которой промышленное населеніе многочисленнѣе земледѣльческаго, уменьшеніе заработка въ неурожайный годъ, не такъ значительно относительно вообще работы всей страны, какъ у насъ; а такъ какъ и произведенія земли не составляютъ относительно такой значительной части оборотнаго капитала, какъ у насъ, легче стало-быть, чѣмъ у насъ, и замѣнить этотъ убытокъ.

Въ такой то странѣ могъ Ричардъ положить, что цѣна

*) По первому, однакожь, изъ приведенныхъ выводовъ казалось бы, что у насъ иногда голодъ замѣняетъ понукателя въ благородныхъ обязанностяхъ.

найма по своей натурѣ удерживается на высотѣ, обезпечивающей работнику и его семьѣ, содержаніе, при здоровьѣ и способности работать.

Но и въ Англіи даже положеніе Ричарда не оказалось совершенно вѣрнымъ, его опровергали Рамсай, Тооке и другіе. Въ этой странѣ, наконецъ, перевѣсъ торговли и промышленности имѣетъ большое вліяніе на цѣны найма, чѣмъ голодъ и урожай.

Къ нашему положенію гораздо ближе состояніе другихъ странъ. Во Франціи, напримѣръ, законъ экономическихъ цѣнъ, поставляющій ихъ зависимость отъ доставки и купли, имѣетъ совершенный перевѣсъ въ отношеніи по найму.

За-границей никому не приходило на мысль въ лѣности и равнодушіи рабочаго населенія искать объясненія фактовъ экономическихъ, которые существовали бы даже и тогда, еслибъ въ цѣломъ населеніи не было ни одного лѣнивца. Тамъ пересолили скорѣе въ другую сторону, хотѣли все зло свалить на промыслъ, на спекуляцію, однимъ словомъ—на высшіе классы. Это-то различіе въ способѣ возрѣнія и сдѣлало, можетъ-быть, то, что отношенія по найму, тѣ-же самыя за-границей, что и у насъ, стали принимать за совершенно другія.

На общее экономическое состояніе, лѣнность того или другаго имѣетъ мало вліянія; если въ урожайные годы нѣкоторые не хотятъ работать, за то масса населенія, лучше содержимая въ эти годы, чувствуетъ болѣе силы къ работѣ и менѣе хвораетъ. Убыль работы, вытекающая изъ лѣнности части населенія, которое, какъ говоритъ нашъ сочинитель, только голодъ или понуканіе, смогутъ выгнать изъ дому на работу, встрѣчаетъ въ этомъ отношеніи достаточное противовѣсіе.

Обстоятельство, что въ годы урожайные земледѣльческій трудъ сильно умножается и, между-тѣмъ, почти весь выполняется, лучше всего высказываетъ безосновательность слишкомъ общаго возраженія. Еслибъ пред-

метъ этотъ не имѣлъ такого значенія, мы прибавили бы своимъ обвинителямъ отвѣтъ, какой даетъ въ остроумной комедіи Бомарше Фигаро графу Альмавивѣ:

«A ce compte-la combien de maitres trouveriez-vous, qui fussent dignes d'etre valets?»

ОТДѢЛЪ XIV.

О потребности и условіяхъ вѣчно-арендnаго устава.

Августа Хейльманна.

1856 г.

Хотя вслѣдствіе первоначальнаго исполненія гипотечнаго устава 1818 года, всѣ частныя поземельныя владѣнія, съ небольшими развѣ исключеніями, вмѣстѣ съ ними и имѣнія казенныя, съ которыми правительство вошло въ Кредитное Товарищество, имѣли устроенныя гипотеки, однакожъ, во многихъ случаяхъ регуляція эта совершилась безъ объявленія въ ней чиншоваго имущества всякаго рода. Вслѣдствіе этого, по продажѣ имѣній третьему лицу, не объявленные вѣчные арендаторы, признаны за утратившихъ право пользованія или должны были подчиниться новымъ отяготительнымъ условіямъ, наложеннымъ новымъ владѣльцемъ.

Были также случаи, что послѣ первоначальнаго урегулированія гипотеки поземельныхъ владѣній, обремененныхъ гипотечными долгами, хитрый помѣщикъ сажалъ колонистовъ, незнакомыхъ съ закономъ, на вѣчномъ чиншовомъ правѣ, за полученіемъ съ нихъ вкупнаго и вписаніемъ ихъ правъ въ III отдѣлъ гипотеки. Но такъ какъ довѣрители, прежде вписанные, имѣли первенство по удовлетворенію, колонисты, отстраненные въ силу класификаціи, теряли все свое имущество, оставаясь при правѣ взысканія съ первоначальнаго владѣльца, который уже неимѣлъ ничего или скрывалъ остатокъ своего неправаго имѣнія или же съ его наслѣдниковъ, которые, отреченіемъ отъ наслѣдства или другими какими-нибудь хитростями, отдѣлывались отъ домогательствъ обманутыхъ колонистовъ.

Соотвѣтственно настоящимъ понятіямъ и потребностямъ, контракты колонизаціонные можно бы было раздѣлить на два рода, а именно: контракты вѣчно-арендные и контракты усадебные. Положительная разница между ними заключается въ томъ, что въ-первыхъ пріобрѣтатель имущества вѣчно-арендаго платитъ вкупное и годовой чиншъ; во-вторыхъ, усадебникъ вкупнаго не платитъ; платитъ только чиншъ, землю же подъ обыкновенную распашку получаетъ даромъ.

Встрѣчается большое различіе по отношенію къ величинѣ чинша, работы вмѣсто уплаты чинша и особенно же по отношенію къ постоянному или вѣчному поселенію.

Съ этой точки зрѣнія, слѣдовало бы прежде всего, разъ на всегда и безусловно, запретить на будущее время всякія временныя отдачи усадебъ, прежде ограничиваемыя обыкновенно 50 и 45 годами; въ настоящее же время — 30 и 20, потому-что, хотя въ такомъ случаѣ усадебники не платятъ вкупное, однакожъ ихъ работа на землѣ, въ теченіе столькихъ лѣтъ, при взносѣ значительнаго чинша, далеко превышаетъ стоимость земли, данной имъ подъ распашку; и помѣщикъ, выгоняя усадебниковъ, по истеченіи положеннаго срока, нетолько обрекаетъ ихъ на потерю имущества и голую бѣдность, но и на тяжкую необходимость подчиниться другимъ, чрезвычайно тяжкимъ условіямъ, а себѣ присвоиваетъ вдругъ плодъ чужаго, тяжелаго, долголѣтняго земледѣльческаго труда, въ противность вѣчнымъ основаніямъ справедливости, въ противность простымъ, математическимъ истинамъ политической экономіи.

Но и противъ условій новыхъ контрактовъ, вѣчно-арендныхъ, найдется не мало замѣчаній, необходимыхъ и законодательству нашему и законовѣденію. Достаточно будетъ примѣровъ изъ двухъ значительнѣйшихъ колонизацій имѣній, одной 1841 г., другой 1847 г.

По одному изъ этихъ контрактовъ, помѣщикъ имѣетъ

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА Историческая

право, безъ сохраненія всякихъ формальностей, предписываемыхъ настоящими постановленіями или имѣющими появиться на будущее время, за объявленіемъ передъ уѣзднымъ регентомъ, продать, при посредствѣ публичной лицитаціи, усадьбу колониста, распорядиться вырученною суммою и выгнать колониста.

По силѣ другаго контракта, изгнаніе колониста изъ усадьбы и продажа его усадьбы могутъ быть произведены при посредничествѣ гминнаго войта; онъ въ присутствіи двухъ знатоковъ, оцѣниваетъ строенія и посѣвы и оцѣнка эта составляетъ основаніе лицитаціи. За тѣмъ, вырученная сумма дѣлится и остатокъ вручается изгоняемому колонисту,

Въ обоихъ контрактахъ постановлено, что слѣдующій чиншъ будетъ взыскиваться посредствомъ экзекуціи, административно-доминіальной. Въ одномъ изъ нихъ добавлено, что посредствомъ той же экзекуціи будетъ взыскиваться еще по два каплуна или по 45 к. и по 30 шт. яблоковъ или по $7\frac{1}{2}$ коп.

Всѣ эти условія колонисты приняли, вѣроятно, по безграмотности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ люди незнакомые съ закономъ, они не поняли ни подробностей, ни общаго смысла контрактовъ, ни его послѣдствій. Между-тѣмъ, не считая даже послѣднюю оговорку въ контрактѣ 1847 года, что контрактъ этотъ будетъ только тогда имѣть силу обязательную, когда его утвердитъ правительство Царства Польскаго, усадебники найдутъ достаточную защиту въ обязательномъ правѣ гражданскомъ, а именно въ кодексахъ гражданскихъ и гражданскаго порядка и въ гипотечномъ уставѣ 1818 года, Большая часть указанныхъ выше условій просто не имѣютъ значенія, какъ противорѣчащія неизмѣнному порядку гражданскаго права, — порядку, который вообще называется «l'ordre public, jus publicum» и никакими частными контрактами измѣненъ быть не можетъ.

Итакъ, слѣдуя порядку приведенныхъ условій конт-

рактовъ, прежде всего приходится замѣтить, что ни какое частное лицо, а слѣдовательно и ни какой землевладѣлецъ, хотя бы онъ воображалъ себя феодальнымъ владѣтелемъ, не имѣетъ права измѣнять постановленій и гражданскаго порядка и постановлять обязующемуся условія, не извѣстныя законодательству, которыя удовлетворяли бы его самолюбію и произволу, а беззащитныхъ усадебниковъ лишали бы послѣдняго имущества и повергали бы въ нищету и пролетаріатъ. Ни какая лицитація недвижимаго имущества, безъ соображенія совершеннолѣтія или малолѣтства владѣльцевъ, ни передъ гминнымъ войтомъ, ни передъ регентомъ, не можетъ имѣть мѣста. Напротивъ, усадьбы вѣчно-арендныя, равно какъ и поземельная собственность и недвижимости въ городѣ, подвергаются только экзекуціи, предписанной гражданскими законами или постановленіемъ 2 сентября 1823 г. Какъ съ одной стороны, частное допущеніе формъ экзекуціи, несогласныхъ съ общимъ порядкомъ, подвергаетъ какъ помѣщиковъ, такъ и регентовъ обвиненію въ присвоеніи судебной власти или незнаніи закона; такъ съ другой стороны, исполненіе подобной беззаконной экзекуціи, подвергало бы ихъ отвѣтственности и вознагражденію всѣхъ убытковъ, потому — что, если «ignoratia juris» не защищаетъ усадебниковъ, тѣмъ болѣе незнаніе закона не можетъ оправдывать помѣщиковъ и регентовъ.

Замѣчательно, что въ одномъ изъ этихъ контрактовъ дѣло дошло до ограниченія законодательной власти на будущее время; отнимается у нея право введенія новыхъ формъ закона въ отношеніи колонистскихъ усадьбъ; однимъ словомъ усадебники лишаются покровительства общаго народнаго законодательства, нынѣшняго и будущаго; запрещается всякое вліяніе основныхъ истинъ справедливости, безъ которыхъ не можетъ существовать ни какой общественный порядокъ; все подчинено личному самолюбію.

Злоупотребленія прежнихъ временъ противу есте-

ственнаго права каждаго брать горячіе напитки, гдѣ понравится, какъ и прежде, никогда не были ясно признаны законодательствомъ и, какъ устарѣлыя, нисколько не ожили и не получили никакого освященія; потому что, такъ называемая пропинація, основываясь на давнемъ правѣ обычая, ограничивается исключительнымъ правомъ помѣщика гнать водку и варить пиво въ границахъ своего имѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ продажи этихъ напитковъ въ границахъ имѣнія, съ запрещеніемъ всякому другому ввоза ихъ и продажи.

Да и частное запрещеніе брать напитки или разную живность для собственнаго употребленія, гдѣ бы то ни было, кромѣ господскаго двора или господскихъ корчмъ представляетъ остатокъ феодальности и противорѣчитъ общественному порядку, установленному 686 арт. гражданскаго кодекса, по которому нельзя налагать служебностей и тягостей вѣчныхъ ни на лицо, ни для лица, а можно только налагать ихъ на землю и для земли.

Рядомъ съ вкупнымъ за землю, рядомъ съ настоящимъ, значительнымъ чиншомъ и всякими податями государственными, общинными, полицейскими, церковными, рядомъ со всякими другими уплатами или стѣсненіями, пусть усадебникъ подвергнется еще лишенію половины своего годоваго дохода, по какому-нибудь несчастному случаю, даже два года сряду, — какое же облегченіе получитъ онъ въ уплатѣ чинша? Ему разсрочатъ чиншъ, неболѣе, однакожъ, какъ на два года; по истеченіи ихъ, усадебникъ, испытывая несчастье за несчастьемъ, не въ состояніи бутетъ внести и настоящій чиншъ и недоимку и вслѣдствіе этого наступитъ лицитація, лишающая его «brevi, manu» всего, передъ гминнымъ войтомъ или точнѣе передъ наслѣдственнымъ феодальнымъ властелиномъ, и выкидывающая усадебника, съ женой и кучею дѣтей на большую дорогу, съ нарушеніемъ высокой истины, справедливости, которую свято хранили Римляне: «casum sentit dominus.»

Запрещеніе сбирать хворостъ и валежникъ, тогда какъ усадебникъ не можетъ обойтись безъ топлива, увѣковѣчиваетъ обычай лѣсной кражи.

Чтобы сказалъ помѣщикъ, запрещающій усадебнику пріобрѣтеніе двухъ усадьбъ, если бы правительство или власть законодательная запретила ему владѣть двумя имѣніями? Наконецъ, подобное частное запрещеніе, нарушающее права народа, не дѣйствительно, какъ и запрещеніе вѣчно-арендному усадебнику дѣлать долги, безъ разрѣшенія помѣщика, даже съ угрозой довѣрителямъ, что они ничего не получатъ; все это нетолько противорѣчитъ гипотечному уставу 1818 года, но даже отзывается нелѣпостью.

Что же значило бы это, что каждый солтысъ и усадебникъ долженъ подчиниться законодательству помѣщика. Въ наше время, при устроенномъ общественномъ порядкѣ, все это, говоря коротко, чепуха.

Такія и имъ подобныя условія, всѣ отзывающіяся безразсудствомъ, встрѣчаются во множествѣ контрактовъ очиншованія. Порождающіеся изъ этого споры между помѣщиками и усадебниками, подчиняются исключительно судебному разсмотрѣнію, которое должно основываться на духѣ обязательнаго права и настоящемъ общественномъ положеніи. Такъ какъ обычай очиншованія начинаетъ распространяться у насъ и число подобныхъ контрактовъ постоянно увеличивается, а власть исполнительная, по разнымъ причинамъ, все еще колеблется; да и въ настоящемъ гражданскомъ законѣ нѣтъ постановленій, разрѣшающихъ всѣ споры по отношенію къ вѣчной земледѣльческой связи между помѣщиками и крестьянами; то, для твердаго и вѣрнаго устройства отношеній или связи между важными сословіями, а именно, между помѣщиками и земледѣльцами, необходимо должно пополнить наше законодательство уставомъ по предмету вѣчныхъ арендъ и очиншованія.

ОТДѢЛЪ XV.

О крестьянскихъ наслѣдствахъ въ Галиціи.

ГРАФА АЛЕКСАНДРА СТАДНИЦКАГО.

Законы и обычаи въ отношеніи къ крестьянскимъ наслѣдствамъ въ Галиціи, при польскомъ правительствѣ.

Къ отличительнымъ чертамъ подданическихъ отношеній въ Польшѣ и всей Западной Славянщинѣ принадлежитъ двойственность (dualizm) земель *закупныхъ* и *незакупныхъ*, т. е. земель, которыя принадлежали владѣющему или подданному и такихъ, которыя составляли собственность двора, помѣщика. Принятая во вниманіе уже въ Вислицкомъ статутѣ, двойственность эта тянется непрерывною нитью во всѣхъ измѣненіяхъ, какія испытывали отношенія крестьянъ при польскомъ правительствѣ; она отзывается даже еще въ первыхъ годахъ по занятіи Галиціи правительствомъ австрійскимъ. Она видна также и въ прежнихъ австрійскихъ законахъ о крестьянскихъ отношеніяхъ Чеховъ, въ Моравіи и Силезіи, а сѣтованія нѣкоторыхъ частей Германіи, доходившія до насъ въ послѣдніе года, по поводу уничтоженія этихъ отношеній, позволяютъ думать, что и въ извѣстной части Сѣверной Германіи, которая была когда-то достояніемъ славянъ, существовало это же самое раздѣленіе земель. Не знаю сдѣлались-ли и тамъ, въ другихъ славянскихъ странахъ, закупныя земли собственностью владѣвшихъ ими подданныхъ. У насъ и въ цѣлой Польшѣ это раздѣленіе относилось къ первоначальному устройству, къ условіямъ усадебнымъ. Земли, заселенныя на нѣмецкомъ правѣ, были уже при самомъ на-

чалѣ *закупными*, т. е. собственностью, ограниченною впрочемъ, владѣющихъ ими. Земли на польскомъ или русскомъ правѣ оставались, и по выдѣленіи ихъ подданымъ, собственностью выдѣляющаго помѣщика, въ королевскихъ, въ духовныхъ-ли, или въ дворянскихъ имѣніяхъ, а подданый пріобрѣталъ только право временнаго пользованія. Различіе это должно было произвесть рѣшительное вліяніе и на крестьянскія наслѣдства. При земляхъ *незакупныхъ*, о правѣ родныхъ на наслѣдство не могло быть и рѣчи. Могло быть только пользованіе, а какое оно было, мы скоро объяснимъ. Земли же *закупныя*, въ отношеніи къ наслѣдству, руководились, какъ и во всѣхъ отношеніяхъ, закономъ нѣмецкимъ, или скорѣе магдебургскимъ. Обратимъ вниманіе именно на то, что сельскія усадьбы руководились закономъ магдебургскимъ, т. е. городскимъ; потому что если законъ этотъ въ главныхъ своихъ началахъ и согласовался съ закономъ провинціальнымъ, саксонскимъ, то уже потому только, что онъ былъ городскимъ, долженъ былъ во многихъ статьяхъ отличаться отъ него. Разборъ постановленій въ отношеніи наслѣдствъ покажетъ и то и другое.

Главнѣйшимъ основаніемъ ихъ было, что родовое недвижимое имѣніе, безъ дозволенія прямыхъ наслѣдниковъ, ни кѣмъ не могло быть отчуждаемо. Объ этомъ ясно говоритъ провинціальный, саксонскій законъ въ 52 арт. и прибавляетъ, что если бы кто-нибудь служебное прово (servum) или недвижимую собственность, при жизни естественныхъ наслѣдниковъ, безъ ихъ дозволенія, продалъ или, въ случаѣ смерти, завѣщалъ кому-нибудь чужому, наслѣдники этого имѣнія, по смерти распорядителя, всегда имѣютъ право хлопотать о возвратѣ имъ имущества, такъ какъ уступлено то, чего по закону нельзя было уступить. Законъ магдебургскій въ 20 арт. объявляетъ то-же самое правило въ отношеніи родоваго недвижимаго имущества; но позволяетъ распоряжаться благопріобрѣтеннымъ. Здѣсь постановленіе должно бы-

ло непремѣнно сдѣлать исключеніе, потому что, какъ скоро никто безъ дозволенія прямыхъ наслѣдниковъ, не могъ продать недвижимое имѣніе, рѣдко кто могъ купить такое имѣніе и распоряжаться имъ потомъ по произволу.

За тѣмъ чрезвычайно ограничены были права распоряженія имѣніемъ по законамъ магдебургскимъ, какъ провинціальнымъ, такъ и городскимъ.

Но не больше было свободы и въ отношеніи движимаго имущества. Приведенный уже 52 арт. провинціальнаго закона распоряжается совершенно въ рыцарскомъ духѣ: «всякою недвижимостью каждый можетъ распоряжаться, по произволу, безъ дозволенія наслѣдниковъ, до-тѣхъ-поръ, пока опоясанъ мечемъ и держитъ въ рукѣ мечь, можетъ сѣсть на своего коня безъ посторонней помощи, если ему держатъ коня и стремя, а подъ ноги положатъ камень или колоду съ локоть вышиною. Когда этого не сможетъ, не имѣетъ права (эту недвижимость) ни отчуждать, ни дарить, ни распоряжаться ею никакимъ образомъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы по смерти его наслѣдники были лишены этого имущества.»

По 65 арт. магдебургскаго закона, который былъ даже осужденъ папою, жена безъ позволенія мужа, не можетъ дать или завѣщать, а въ болѣзни (in lecto aegritudinis), какъ мужчина, такъ и женщина, не могутъ, безъ дозволенія наслѣдниковъ, дать или завѣщать болѣе цѣнности въ три шелинга (грошъ). Сколько же поэтому закону, и сколько по закону провинціальному, могъ мужъ удѣлить вообще своей женѣ, видно лучше всего изъ 22 арт., который я и привожу здѣсь: «Въ земскомъ правѣ къ приданому принадлежатъ заборы, деревянныя строенія и скотъ, который ходитъ на пастьбище. Но въ городскомъ правѣ, которому одинаково подчиняются всѣ живущія въ каменныхъ зданіяхъ, жена получаетъ только рухлядь.» Подъ рухлядью же, по 23 арт. этого городскаго закона, должно понимать всю утварь, платье, бѣлье и всѣ женскія украшенія.

При такихъ ограниченіяхъ, только весьма малая часть имѣнія могла перейти въ чужія, даже въ женины руки; большая часть, особенно недвижимаго имѣнія, переходила всегда къ наслѣдникамъ путемъ наслѣдованія «ab intestato». Порядокъ же этого наслѣдованія былъ, какъ извѣстно изъ законовъ саксонскихъ и польскихъ, слѣдующій:

Прежде наслѣдство отъ родителей получаютъ дѣти, безъ различія пола; сынъ получаетъ то-же, что и дочь. Внуки же и внучки получаютъ только «jure representationis часть, т. е. in capita.»

Во-вторыхъ, сынъ или дочь, умирающіе безъ потомка, оставляютъ имѣніе отцу, съ исключеніемъ матери, которой наслѣдство переходитъ только по смерти отца. Послѣ нея, или если нѣтъ родителей, наслѣдство принадлежитъ прямо дѣду, или бабкѣ, съ отстраненіемъ даже брата и сестры покойниковъ по мнѣнію нѣкоторыхъ; по мнѣнію другихъ: дѣды и бабки имѣютъ части, одинаковыя съ братьями и сестрами.

Въ-третьихъ, за недостаткомъ дальнѣйшихъ наслѣдниковъ въ прямой, восходящей и нисходящей линіи, наслѣдство переходитъ въ боковую, потому общему правилу, что ближайшій отстраняетъ дальнѣйшаго наслѣдника, а за тѣмъ братья и сестры отъ одного брака отстраняютъ братьевъ и сестеръ отъ вторичныхъ браковъ. Сверхъ того упомянутый законъ, кромѣ лицъ, отстраняемыхъ отъ наслѣдства правомъ римскимъ, т. е. незаконнорожденыхъ, помѣшанныхъ и изгнанниковъ, отстраняетъ еще также карловъ, нѣмыхъ и глухихъ.

Таковы были основанія саксонскихъ законовъ въ отношеніи наслѣдствъ. Главнѣйшимъ стремленіемъ было удержать недвижимыя имѣнія, и на сколько это возможно, также и движимое имущество, въ рукахъ фамиліи, въ которой они были. Отсюда-то запрещеніе уступать и завѣщать недвижимыя имѣнія, безъ дозволенія прямыхъ наслѣдниковъ; отсюда чрезмѣрное ограниченіе

въ распоряженіи движимымъ имуществомъ; отсюда, наконецъ, правило, что за неимѣніемъ потомковъ наслѣдовали дѣдъ и бабка и только за неимѣніемъ ихъ, на наслѣдство получали право боковыя линіи, потому что такимъ образомъ имѣніе всегда возвращалось въ руки, изъ которыхъ вышло. А между тѣмъ, не смотря на это стремленіе, законы эти допускали дѣлежъ наслѣдства между родственниками одной степени, оговаривая даже ясно, что старѣйшіе въ родствѣ постановляютъ сходы, а младшіе избираютъ.

Если бы это правило равнаго дѣлежа между наслѣдниками, во всей своей обширности, было примѣнено и къ крестьянскимъ имуществамъ, управляемымъ нѣмецкими законами, хозяйства эти во время польскаго владычества должны были бы уже раздробиться въ безчисленные клочки. А дѣлалось именно совершенно противное. Въ западныхъ именно частяхъ Галиціи, гдѣ большая часть деревень управлялась нѣмецкими законами, земли крестьянскія раздроблены менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Еще и теперь мы видимъ въ нѣкоторыхъ округахъ, сохранившими свои первоначальные размѣры, тѣ поля кметей, которыя шириной едва въ нѣсколько сажень, тянутся въ длину отъ половины до трехъ четвертей мили и которыя, поэтому, въ своихъ отдаленныхъ частяхъ едва ли когда могутъ быть и бываютъ обработываемы. Если и въ такомъ положеніи раздѣлъ пашни, не смотря на его очевидную пользу, не имѣлъ мѣста, стало-быть этому сопротивлялся обычай; слѣдовательно обычай этотъ былъ сильнѣе закона, сильнѣе даже требованій собственной пользы.

Что недѣлимость каждаго хозяйства принадлежала къ обычаямъ наслѣдственныхъ усадьбъ, управлявшихся нѣмецкими законами, это мы заключаемъ изъ того, что отличительною чертою, едва ли не непремѣннымъ условіемъ ихъ, было, чтобы вся земля, принадлежащая извѣстной избѣ, тянулась въ одной, непрерывной линіи. За чѣмъ же бы домогались этого усадебники, почему бы находили

въ этомъ одно изъ главнѣйшихъ различій между деревнями, управляющимися нѣмецкими и русскими законами, если бы каждое хозяйство, при каждомъ переходѣ по наслѣдству, должно было дѣлиться по разнымъ рукамъ. Итакъ допустимъ, что, не смотря на оговоренный въ магдебургскомъ законѣ, равный дѣлежъ наслѣдства между наслѣдниками равной степени, обычай недопускалъ такого дѣлежа пашень. Допустимъ это, тѣмъ болѣе, что скоро намъ представится случай показать, что позднѣе, послѣ изданія отдѣльнаго закона, запрещающаго всякій раздѣлъ, раздѣлъ этотъ именно развился.

Такимъ же образомъ и въ томъ же самомъ духѣ, т. е. въ духѣ отдѣленія и округленія каждаго владѣнія, измѣнилъ обычай также и постановленія нѣмецкихъ законовъ въ отношеніи выморочныхъ имѣній (кадуковъ). Если не было нетолько ближайшихъ родственниковъ, но и боковыхъ наслѣдниковъ, выморочное имѣніе по городскому закону переходило королю. По провинціальному же, саксонскому закону, выморочное имѣніе, если оно не превышало трехъ лановъ — шло на увеличеніе войтовства или солтыства; отъ трехъ до тридцати лановъ — переходило въ комитетъ, а уже только больше тридцати лановъ принадлежало королю. Повсемѣстный обычай измѣнилъ и этотъ законъ такимъ образомъ, что выморочныя имѣнія присоединяли къ себѣ тѣ деревни и города, къ округу которыхъ принадлежали эти имѣнія.

Конституція 1588 года, статьею *о кадукахъ*, удержала правда вышеприведенныя постановленія въ отношеніи къ городскимъ выморочнымъ имуществамъ и обязала короля судить на основаніи этихъ законовъ. Но измѣнила ихъ совершенно въ отношеніи къ крестьянскимъ выморочнымъ имѣніямъ оговоркою, что «выморочныя имѣнія, въ мѣстечкахъ и деревняхъ дворянскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, послѣ подданныхъ не переходятъ ни къ кому, кромѣ владѣльца, и никто не можетъ оспаривать, *salvo tamen jure proximarum.*

Со времени этой конституціи, развѣ только еще въ старостваxъ земли крестьянскія, остающіяся безъ всякаго законнаго наслѣдника, могли перейти королю или деревнѣ, въ которой находились.

Исчисливъ законы и обычаи, которые распоряжались, по отношенію къ наслѣдству, *закупными* крестьянскими землями, перейдемъ теперь къ землямъ *незакупнымъ*, т. е. такимъ, которыя въ королевскихъ, духовныхъ и дворянскихъ помѣстьяхъ составляли собственность двора. Изъ самой сущности этого отношенія вытекаетъ уже, что при земляхъ, принадлежащихъ къ этому разряду, не могло быть никогда и рѣчи о правѣ наслѣдія, что только отъ произвола владѣльца зависѣло, оставить ли хозяйство потомкамъ покойника, или отдать его другому подданному, или взять себѣ. Законъ этотъ служилъ не только въ Польшѣ, но и въ Чехіи и Моравіи, гдѣ только существовали *закупныя* земли; это утвердилось за ними даже прежними австрійскими законами, какъ мы покажемъ это въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Въ Польшѣ, однакожъ, и въ этомъ отношеніи обычай измѣнилъ законъ; а обычай былъ такой, что по смерти крестьянина, осѣдлаго на польскомъ правѣ, земли и все движимое имущество оставались его потомкамъ. Нѣсколько интересныхъ подробностей въ этомъ отношеніи представляетъ намъ недавно найденная Стензломъ хроника генриковскаго монастыря 1220—1260 годовъ, т. е. эпохи, въ которую Силезія управлялась еще польскими законами и сохраняла еще во множествѣ польскія общественныя отношенія.

Уже самый основатель генриковскаго монастыря Николай, натаріусъ княжескій, найдя въ маленькой колоніи за Олавою потомковъ княжескаго крестьянина «Колача», которые жили тутъ безъ всякой пользы владѣтелю и себѣ, удалилъ ихъ, посредствомъ подарковъ, съ земли, и присоединилъ ее къ Генрикову. Этотъ же самый Николай подарилъ генриковскому монастырю свое помѣстье

Глембовицы, которое онъ получилъ, равно какъ и всѣ свои помѣстья, отъ княжеской милости. Но по смерти его, нѣсколько собственныхъ крестьянъ князя Генрика, имѣющихъ собственность въ Сенковицахъ, явилось съ жалобою, что лѣсъ глембовицкій принадлежитъ имъ, потому что дѣдъ ихъ «Пироро» былъ роднымъ братомъ перваго владѣльца, какого-то «Глембо.» Услыхавъ это и повѣривъ словамъ кметей, князь Генрикъ отнялъ глембовицкій лѣсъ и отдалъ его просителямъ. Не должно, однакожъ, заключать изъ этого факта, что право наслѣдства крестьянскихъ земель было признаваемо, потому что монастырскій лѣтописецъ тотчасъ же прибавляетъ, «что едва князь Генрикъ возвратилъ глембовицкій лѣсъ кметямъ, какъ опять отнялъ его у нихъ и отдалъ какому-то Стефану Кобылоголовѣ.»

Артикулъ Вислицкаго статута «de bonis de relictis villanorum etc.», доказываетъ, что владѣльцы никогда не оспаривали права потомковъ получать въ наслѣдство по умершемъ подданномъ движимое имущество. Стало-быть, они всегда получали во владѣніе оставшееся хозяйство.

Такимъ же общимъ, хотя ни на какомъ ясномъ законѣ неоснованнымъ, былъ на Руси и Литвѣ обычай, что землю и избу получалъ не старшій, а младшій сынъ. Мы говоримъ ни на какомъ законѣ не основаннымъ, потому что нельзя признать закономъ заключающуюся въ §§ 68 и 69 оговорку, «что если дѣти остались малолѣтнія, а мать ихъ пойдетъ за мужъ, тогда хотя бы отчимъ и принялъ этихъ дѣтей съ наслѣдствомъ, домъ отцовскій безраздѣльно принадлежитъ всегда младшему сыну.» Если бы захотѣли даже приписать закону 1108 года рѣшительное вліяніе на позднѣйшія, совершенно другія отношенія, мы нашли въ его нѣкоторыхъ постановленіяхъ достаточный поводъ къ сомнѣнію, утверждаютъ ли приведенные §§ миньоратъ вообще, или относятся только къ одному случаю, когда отчимъ принимаетъ къ себѣ малолѣтнихъ дѣтей. Уже въ § 68 мы находимъ распоряженіе совершенно

инаго основанія: «Если кто умирая раздѣлитъ домъ между своими дѣтьми, раздѣлъ этотъ и остается; если же умретъ не сдѣлавъ распоряженія, то дать часть всѣмъ дѣтямъ и за упокой души самого покойника. Правда, что § этотъ помѣщенъ въ отдѣлѣ *о наслѣдствѣ бояръ и дружинъ*; §§-же 68 и 69 въ отдѣлѣ болѣе общномъ; но все таки подлежитъ сомнѣнію, относится ли это даже къ наслѣдству послѣ *смердя*, о которомъ по этому поводу говоритъ только одинъ § 61, что если *смердь* умеръ бездѣтнымъ, или выдѣлилъ только дочерей, все его достояніе идетъ князю. А между тѣмъ мужики не принадлежали къ разряду смердей.

Мы охотнѣе готовы, съ Тадеушомъ Чацкимъ, приписать этотъ обычай тому родительскому разсужденію, что старшій сынъ можетъ прокормиться и содержаться съ помощью собственныхъ силъ и что за тѣмъ младшій требуетъ большей заботливости. Чацкій прибавляетъ, однакожъ, что миньоратъ этотъ ограничивался только избой, землей и волами, необходимо нужнымъ, а остальная движимость шла въ равный дѣлежъ.

Обычай этотъ не могъ быть нарушенъ и завѣщаніемъ, по крайней мѣрѣ въ Литвѣ, такъ какъ статутъ литовскій въ отдѣлѣ *объ опекахъ и завѣщаніяхъ* ясно постановляетъ: «что каждый изъ людей невольныхъ можетъ записать кому захочетъ третью часть своего имущества, а двѣ трети своей движимости долженъ оставить дѣтямъ для службъ на занимаемой ими земли. А если бы онъ и дѣти были свободны, они имѣютъ право отойти со всѣмъ своимъ имуществомъ, оставивъ барину землю, засѣянную житомъ, строенія и все то, что было дано ему отъ барина во время отдачи земли въ пользованіе». Артикулъ этотъ, обязывающій даже освобожденнаго подданнаго отдать помѣщику землю, которую держалъ, съ посѣвомъ и со всею дворовою запряжкою, а не свободному позволяющій въ завѣщаніи распоряжаться только третьею частью своей движимости, не

оставляетъ никакого сомнѣнія, что самая земля, ни въ какомъ отношеніи, не подлежала ни какому завѣщательному распоряженію крестьянина-владѣльца.

Правила эти и обычаи получили позднѣе силу въ цѣлой Польшѣ, и именно въ послѣднее время передъ ея раздѣломъ.

Въ сочиненіи Гаура «Сельская экономія (Ekonomika ziemska), находится, между-прочимъ, довольно обширный отдѣлъ о наслѣдствахъ и наслѣдникахъ. Изъ этого отдѣла съ нѣкоторою вѣроятностью можно заключить, какихъ правилъ держались въ Польшѣ въ отношеніи наслѣдства отъ крестьянъ, имѣющихъ земли *незакупныя*. Что касается до движимаго имущества, оно переходило всегда дѣтямъ, которыя прежде всего выплачивали изъ него отцовскіе долги, отдавали завѣщанное костеламъ или бѣднымъ, возвращали барину недоимки и потомъ остатокъ дѣлили на равныя части, вычитая то, что дано было въ приданое дочерямъ. За недостаткомъ дѣтей, въ права наслѣдства по движимости, подъ тѣми же самыми условіями, вступали братья или сестры и другіе, ближайшіе по степени родства.

Что же касается до недвижимаго имѣнія, наслѣдники, кажется, неимѣли никакихъ правъ, такъ какъ Гауръ совѣтуетъ, чтобы, по смерти хозяина, дворъ бралъ тотчасъ же его пашню и, только при новой отдачѣ, имѣлъ въ виду ближайшихъ наслѣдниковъ умершаго и его родныхъ, если они не малолѣтны, или, по другимъ причинамъ, менѣе годны вести хозяйство и отбывать надлежащія, дворовыя услуги. Даже весь инвентарій, данный дворомъ умершему, Гауръ совѣтуетъ отбирать и только то включать въ общую массу наслѣдства, что было собственностью покойника. Взаимно же онъ считаетъ обязанностью двора возвратить наслѣдникамъ расходы, понесенные умершимъ хозяиномъ на постройки, удобреніе и посѣвъ.

Мы можемъ, стало-быть, обозначить слѣдующимъ

образомъ обычай, существовавшій въ послѣднее время въ Польшѣ, въ отношеніи наслѣдствъ подданныхъ, осѣдлыхъ на русскомъ или польскомъ правѣ. Имущество движимое, послѣ покойника, если онъ не оставилъ долговъ или завѣщанія въ пользу костеловъ и бѣдныхъ, дѣлилось на равныя части между дѣтьми, а за недостаткомъ потомства, на братьевъ и сестеръ покойнаго и другихъ ближайшихъ родственниковъ, по степени родства. Что же касалось до оставшагося крестьянскаго хозяйства, то оно не будучи его собственностью, а составляя собственность двора, не могло быть предметомъ завѣщанія или наслѣдства *ab intestato* и зависѣло только отъ двора, хотѣлъ ли онъ взять земли себѣ или отдать которому нибудь изъ прямыхъ наслѣдниковъ покойника. Гдѣ, однакожъ, не было особенныхъ препятствій, не отступалъ и дворъ отъ повсемѣстнаго обычая и отдавалъ хозяйство младшему сыну.

Таковъ былъ порядокъ вещей въ Галиціи, при первомъ владычествѣ правительства австрійскаго.

Первыя дѣйствія австрійскаго правительства, съ цѣлью устройства крестьянскихъ наслѣдствъ въ Галиціи, по образцу законовъ чешскихъ и моравскихъ. — Духъ этихъ прежнихъ законовъ. — Законодательство Іосифа.

Мы не видимъ, чтобы правительство австрійское, въ первыя 10 лѣтъ по занятіи Галиціи, въ чемъ-нибудь измѣнило законные обычаи, какіе застало оно по отношенію крестьянскихъ наслѣдствъ; чтобы оно потребовало даже какихъ-нибудь объясненій, съ цѣлью ближайшаго опредѣленія этихъ обычаевъ.

Только въ 1784 году, устроивши твердо особеннымъ распоряженіемъ крестьянскія отношенія въ Моравіи, правительство австрійское предложило вопросъ, нельзя ли это-же распоряженіе, съ нѣкоторыми измѣненіями, примѣнить и къ галиційскимъ отношеніямъ.

Моравскій законъ этотъ составляетъ буквальную копію Высочайшаго рескрипта отъ 20 декабря 1770, даннаго съ тою же самою цѣлью чехамъ, съ единственнымъ исключеніемъ § 4, который въ законѣ моравскомъ былъ выпущенъ.

Рескриптъ этотъ тѣмъ важнѣе для Галиціи, что онъ показываетъ, какъ сходны были отношенія галиційскія съ чешскими и моравскими, какъ въ отношеніи къ строгому различію между землями закупными и незакупными, такъ и въ отношеніи къ выморочнымъ имѣніямъ, и какъ справедливо упоминала уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Галиція, чтобы различіе это и его законность были такъ же строго охранены и введены въ законодательство Галиціи, какъ сдѣлано это у чеховъ и въ Моравіи.

Городскіе чешскіе законы, по которымъ опредѣлялся порядокъ наслѣдства ab intestuto для подданыхъ, заключали въ себѣ постановленіе, что подданые могутъ дѣлать завѣщанія только съ дозволенія своего поземельнаго начальства.

Собраніе Штатовъ, разсмотрѣвъ эти законы, объявило свое мнѣніе въ реляціи, которую и представило въ началѣ 1785 года съ своими замѣчаніями высшему правительству.

Начавъ оговоркою, что сообщенные ему городскіе чешскіе законы о наслѣдствахъ должны примѣниться и въ Галиціи только къ закупнымъ крестьянскимъ землямъ, Собраніе объяснило, что примѣненіе это не представляетъ ни какой трудности, потому что помянутые законы большею частью основываются на правѣ саксонскомъ или магдебургскомъ, которыми управляются не только всѣ значительнѣйшіе города Галиціи, но и всѣ закупныя земли. Только три измѣненія нашли Штаты нужными, принимая въ соображеніе, что дѣло идетъ о поселянахъ, земледѣльцахъ, по большей части неумѣющихъ ни читать, ни писать.

Первое, чтобы, по этому соображенію, допустить въ

деревняхъ словесныя завѣщанія, съ тѣмъ условіемъ, дабы таковыя были дѣлаемы въ присутствіи войта или присяжнаго и нѣсколькихъ свидѣтелей, совершенно чужихъ завѣщателю.

Второе, чтобы по смерти дѣтей наслѣдство переходило не матери, какъ это предписываетъ магдебургскій законъ во многихъ галиційскихъ городахъ и особенно въ Львовѣ, но наслѣдникамъ мужскаго пола, поименованнымъ завѣщателемъ, потому что въ деревнѣ дѣло идетъ главнѣйшимъ образомъ о полевомъ хозяйствѣ и исполненіи повинностей, на что женщина, особенно пожилая, менѣе способна.

Третье, чтобы раздѣлъ при наслѣдственномъ дѣлежѣ допускался не далѣе какъ до «minimum» — шести корцевъ посѣва на душу, потому что земли меньше этихъ размѣровъ уже не хватитъ на содержаніе семьи и не дастъ владѣющему ею возможности исправно платить казенныя подати и исправить всѣ повинности; особенно затяглую работу.

Четвертое, чтобы выморочныя крестьянскія имѣнія, по законамъ существующимъ въ Польшѣ, т. е. по артикулу «о пустошахъ» Литовскаго Статута и по конституціи 1588 года, были признаваемы за дворомъ, т. е. за поземельною властію.

Измѣненные такимъ же образомъ и ограниченные въ отношеніи и къ землямъ закупнымъ, законы эти не только можно было бы примѣнить къ Галиціи, но и было бы весьма хорошо, потому что вниманіе къ правамъ подданыхъ, имѣющихъ закупныя земли, поощряло бы и другихъ къ пріобрѣтенію такихъ земель.

Мнѣніе это не имѣло успѣха. Не только не было взято во вниманіе различіе между землями закупными и незакупными, различіе укоренившееся въ отношеніяхъ галиційскихъ не менѣе чѣмъ въ моравскихъ и чешскихъ; не было взято во вниманіе, потому что тогдашнія мѣстныя власти, незнающія этихъ отношеній, не обратили на

нихъ вниманія и высшаго правительства; но не было принято даже ни одно изъ измѣненій, предложенныхъ Галиційскими Штатами.

Надворный декретъ, отъ 17 апрѣля 1785 года, отвергъ прежде всего правило, по которому послѣ умершаго хозяйство должно было переходить наслѣдникамъ мужскаго поколѣнія, поименованнымъ завѣщателемъ.

Отвергъ означенный декретъ и другія предположенныя измѣненія.

Отвергъ словесныя завѣщанія, на сторонѣ которыхъ были и мѣстныя власти, потому поводу, что завѣщатель объявляетъ свою послѣднюю волю обыкновенно въ болѣзни, если не на смертномъ одрѣ, и для записыванія ея рѣдко можетъ явиться въ присутственное мѣсто.

Отвергъ, наконецъ, придерживаясь мнѣнія мѣстныхъ властей, предложеніе, чтобы право «caducitatis» признавать за поземельною властію; напротивъ, принялъ предложеніе мѣстныхъ властей распространить права наслѣдниковъ этой степени, признавъ право «caducitatis» за казной.

Что же касается до раздѣла земли при наслѣдствахъ, высшее правительство потребовало отъ мѣстныхъ властей болѣе пространной реляціи; запретивъ, между тѣмъ, 6 мая 1785 года, всякое дѣленіе земли.

Оно поручило также мѣстному правительству обработку проэкта закона въ отношеніи крестьянскихъ наслѣдствъ, на выше указанныхъ основаніяхъ, обѣщая прислать ему постановленія, изданныя для Нижней Австріи, Чехіи и Моравіи, о способѣ оцѣнки подданическихъ земель и назначеніи сроковъ наслѣдникамъ для уплаты.

Съ этою цѣлью мѣстныя власти снеслись съ аппеляціоннымъ судомъ и сообщили ему свои мнѣнія. Аппеляціонный судъ принялъ въ соображеніе всѣ мнѣнія, занимаясь въ это время именно этимъ предметомъ, подъ руководствомъ особаго надворнаго коммисара, и пред-

ставилъ высшему правительству проэктъ новаго закона.

Въ проэктѣ этомъ не упоминается о старинномъ славянскомъ обычаѣ, въ силу котораго по смерти отца хозяйство доставалось младшему сыну, а если онъ былъ малолѣтній, хозяйствомъ завѣдывали вдова и отчимъ. Но эти обычаи законодатель хотѣлъ именно уничтожить.

Доказательство этому вступленіе и постановленія патента, отъ 3 апрѣля 1787 года, который данъ императоромъ Іосифомъ цѣлому государству и которымъ уничтожились вездѣ всѣ мѣстныя законодательства о крестьянскихъ наслѣдствахъ. Основаніе его такъ коротко, что мы передаемъ его здѣсь буквально:

«Мы Іосифъ вторый и проч. и проч.»

«Въ отношеніи наслѣдства и опекъ въ крестьянскомъ сословіи существовалъ до-сихъ-поръ обычай, что когда по умершемъ оставалось нѣсколько дѣтей, хозяйство доставалось чаще всего младшему, обыкновенно малолѣтнему сыну, опека надъ малолѣтними обыкновенно оставшейся вдовѣ, за тѣмъ малолѣтнихъ поручали отчиму, вслѣдствіе чего крестьянское имущество переходило въ чужое управленіе».

«Итакъ, чтобы обезпечить на будущее время имѣніе малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей отъ всякихъ потерь, которымъ они подвержены при существующемъ обычаѣ, мы признаемъ полезнымъ постановить слѣдующее:»

«§ 1. Въ случаѣ наслѣдства «ab intestato» и если имѣніе должно раздѣлиться между нѣсколькими дѣтьми, самая земля крестьянская, т. е. крестьянское хозяйство, должно всегда быть приписано старшему сыну; отъ этого постановленія можно отступить тогда только, когда поземельная власть представитъ важныя возраженія противъ личности старшаго сына; въ такомъ случаѣ разсмотрѣніе и рѣшеніе, основательны ли представленныя причины, принадлежитъ окружному правительству.

«§ 2. Все, что постановлено въ 5 арт. гражданскаго

кодекса въ отношеніи опекъ, должно быть примѣнимо также и къ крестьянскому сословію».

«§ 3. Желая еще вѣрнѣе достичь предназначенной цѣли, т. е. охранить малолѣтнихъ сиротъ, признаются симъ не отдѣлимыми отъ дома и не раздѣльными всѣ земли, которыя непосредственно принадлежатъ извѣстному нумеру, подлежащему податямъ и записаны въ кадастрѣ. Цѣна же, въ какой долженъ принять хозяйство сынъ старшій, или поименованный завѣщателемъ, или избранный поземельною властью, съ вѣдома окружнаго начальства, должна быть опредѣлена по оцѣнкѣ положенной въ ректификаторіумѣ; изъ этого вычитается прежде всего стоимость податей и дворовыхъ повинностей и тогда уже только остальное выплачивается въ извѣстные сроки наслѣдникамъ».

Довольно одного взгляда на постановленія этого патента, чтобы убѣдиться, что онъ былъ первою основою новаго законодательства о крестьянскихъ наслѣдствахъ. Онъ упоминаетъ, правда, о наслѣдствѣ по завѣщанію, но ничего не постановилъ въ этомъ отношеніи; а между тѣмъ, этотъ родъ наслѣдствъ былъ предметомъ особенныхъ толковъ. Говорится, слѣдовательно, только о наслѣдствѣ «ab intestato», но и тутъ взятъ во вниманіе только одинъ случай, когда остались сыновья умершаго и одинъ изъ нихъ—старшій членъ семьи. Случаи же, когда старшимъ и единственнымъ изъ дѣтей остается дочь, или когда умирающій неоставляетъ никакого потомства, неупомянуты вовсѣ.

Этого мало; во многихъ провинціяхъ, равно и въ Галиціи, не доставало ректификаторіевъ, т. е. казенныхъ описей каждаго крестьянскаго хозяйства, стоимости его податей и лежащихъ на немъ повинностей; слѣдовательно такія описи нельзя было брать за основаніе для опредѣленія платы, которая слѣдуетъ наслѣдникамъ отъ пріобрѣтающаго хозяйство. Являлся также вопросъ, относятся ли постановленія патента къ тому случаю, когда

оставшійся изъ супруговъ былъ по табели совладѣльцемъ по остающемуся имѣнію и, при такомъ обстоятельствѣ отстраняется ли онъ отъ права наслѣдства, которое переходитъ къ сыну. Какъ поступать, если этотъ сынъ при смерти отца имѣлъ уже собственное хозяйство? Могъ ли онъ удержать его, вмѣстѣ съ достающимся ему отъ отца, или не долженъ ли былъ отречься отъ одного изъ нихъ, и отъ котораго?

Вопросы властей, требующихъ объясненія, были разрѣшены надворными декретами 1787 и 1788 г. слѣдующимъ образомъ:

1. Если хозяйство принадлежитъ обще обоимъ супругамъ и жена умираетъ, оставшійся мужъ имѣетъ право удержать за собой все хозяйство и обязанъ только уплатить женину часть ея прямымъ наслѣдникамъ. Напротивъ же, когда умретъ мужъ, вдова не можетъ даже управлять и своею частью, но обязана отдать все имѣніе старшему сыну и довольствоваться денежною уплатою за свою часть въ соотвѣтствующей суммѣ.

2) Если старшій сынъ, при смерти отца, уже владѣетъ другимъ хозяйствомъ кметя, ему предоставляется выборъ или остаться при немъ, или взять достающееся ему отъ отца. Получивъ это послѣднее, онъ не можетъ быть принуждаемъ къ отказу отъ прежде владѣемаго имъ хозяйства, въ пользу другаго брата или старшей сестры; отъ него можно требовать только, «безъ нарушенія правъ собственности,» чтобы онъ продалъ или уступилъ кому нибудь это хозяйство, такъ какъ это законодательство не позволяетъ соединенія двухъ хозяйствъ въ одномъ лицѣ. Владѣніе отдѣльными землями, однакожъ, не обязываетъ старшаго сына отказываться отъ нихъ при полученіи отцовскаго хозяйства. Постановленіе это во всякомъ случаѣ, прибавляетъ ясно законодатель, только тогда имѣетъ примѣненіе, когда нѣтъ завѣщанія, (которымъ бы, за выдѣленіемъ старшаго сына, недвижимое имущество предназначалось другому или третьему), ибо

гдѣ только такое существуетъ, слѣдуетъ держаться его распоряженій.

3) За неимѣніемъ сына, крестьянское хозяйство переходитъ старшей дочери, съ условіями, предписанными для сыновей *).

4) Если старшій сынъ обойденъ, слѣдуетъ все-таки держаться постановленія, не принимая въ соображеніе, переходитъ ли наслѣдство сыну или же дочери **).

5) Когда старшій сынъ малолѣтенъ, въ отношеніи опеки и попечительства слѣдуетъ держаться постановленій, заключающихся въ общемъ гражданскомъ кодексѣ. Въ случаѣ же совершенолѣтія старшаго сына, мать не можетъ требовать управленія отцовскимъ наслѣдствомъ, по поводу обязанности воспитанія остальныхъ малолѣтнихъ дѣтей.

6) Тѣмъ менѣе можетъ быть довѣрено когда-нибудь управленіе этимъ хозяйствомъ отчиму.

7) Равнымъ образомъ не можетъ быть никогда отдано имѣніе старшей сестрѣ, если есть младшіе сыновья.

8) Недѣлимость крестьянскихъ хозяйствъ ограничивается только тѣми землями, которыя составляютъ съ домомъ одно цѣлое и, какъ принадлежащія къ нему, записаны въ кадастрѣ; земли, не принадлежащія къ этому разряду, не подлежатъ исключительному закону о наслѣдствѣ крестьянскихъ земель, но подчиняются постановленіямъ общаго гражданскаго кодекса. За тѣмъ онѣ мо-

*) Такъ какъ вопросъ касался и случая, когда старшая дочь уже замужемъ и владѣетъ уже другимъ хозяйствомъ или отдѣльными землями, то, кажется, и она, наравнѣ со старшимъ сыномъ, имѣла право удержать владѣніе прежними отдѣльными землями; если же сидитъ съ мужемъ на цѣломъ крестьянскомъ хозяйствѣ, должна непремѣнно выбирать между имъ и хозяйствомъ, достающимся отъ отца, дабы двухъ хозяйствъ въ однѣхъ рукахъ не было.

**) Кажется, здѣсь рѣчь о томъ случаѣ, когда старшій сынъ обойденъ за неспособностью его вести хозяйство, а не въ силу завѣщанія; потому что, вѣдь цѣлый указъ опредѣляетъ только наслѣдство ab intestato.

гутъ быть раздѣлены между наслѣдниками или проданы постороннему лицу.

9) Въ оцѣнку хозяйства, стоимость котораго наслѣдующій сынъ долженъ заплатить остальнымъ роднымъ, входитъ также и стоимость строеній. Съ другой стороны къ тягостямъ, которыя должны быть вычтены изъ стоимости хозяйства, принадлежитъ стоимость работы. И такъ: если гдѣ нибудь стоимость строеній, съ одной стороны, и стоимость работы, съ другой, не упомянуты уже въ ректификаторіумѣ,—и то и другое, отдѣльно, должно быть оцѣнено.

10) Вообще если гдѣ-нибудь оцѣнка, по ректификаторіуму, оставшагося имѣнія очевидно низка, наслѣдники могутъ просить формальной переоцѣнки.

11) Хлѣбъ, нужный на посѣвъ и извѣстный капиталъ «instructus» въ скотѣ, орудіяхъ, на сколько его необходимо въ хозяйствѣ, должны быть исключены наслѣдующему хозяйство, какъ его принадлежность. Остальное принадлежитъ общей массѣ наслѣдства и должно быть раздѣлено по-ровну между наслѣдниками.

12) Изъ опредѣленной стоимости хозяйства, за вычетомъ стоимости всѣхъ повинностей, наслѣдующій имѣетъ право выдѣлить себѣ часть, принадлежащую ему какъ сонаслѣднику; остальное долженъ онъ уплатить соотвѣтствующими суммами.

Со всѣми этими поясненіями новое законодательство о наслѣдствахъ служило только въ случаѣ, когда оставалось потомство умершаго. Необходимо было, слѣдовательно, устроить наслѣдство «ab intestato» крестьянскихъ земель и на случай совершеннаго недостатка прямаго потомства.

Это сдѣлалъ указъ отъ 25 іюня 1789 г., призывая къ наслѣдству крестьянскаго хозяйства, послѣ умершаго безъ потомства, прежде всего оставшагося отца, а за неимѣніемъ сына — дочь; за тѣмъ, родныхъ покойника или отъ того же брака, или отъ другаго: за недостат-

комъ, наконецъ, такого родства, старшаго внука отъ старшаго сына, или, если нѣтъ такого, отъ старшей дочери. Тогда уже только, когда нѣтъ никого изъ выше поименованныхъ лицъ мужской линіи, наслѣдство достается матери.

Итакъ этотъ порядокъ наслѣдства совершенно отличается отъ того, который постановленъ магдебургскимъ закономъ и который при недостаткѣ потомства, тотчасъ за отцомъ призываетъ къ наслѣдству мать, а за неимѣніемъ родителей, признаетъ первенство, передъ родными боковой линіи, за дальнѣйшими асцендентами. Онъ отличается также отъ правилъ городскихъ чешскихъ законовъ тѣмъ, что, за неимѣніемъ родителей, наслѣдство умершаго безъ потомства переходитъ къ его роднымъ, а если нѣтъ этихъ родныхъ, къ ихъ потомству до 10-й степени включительно, безъ разбора, происходитъ ли оно отъ отца или отъ матери. Если помянутый указъ, при недостаткѣ потомства, не призывалъ къ наслѣдству отца, онъ сближался бы съ постановленіями закона польскаго, который призываетъ къ наслѣдству боковую линію.

Особенно занимателенъ § 3 помянутаго указа слѣдующей сущности: «еслибъ при жизни не было даже матери и еслибъ за тѣмъ наслѣдство должно было перейти къ роднымъ съ материнской стороны, тогда отстраняются всѣ постановленія, имѣющія цѣлью удержать крестьянскія хозяйства въ однѣхъ рукахъ и всякія условія, въ отношеніи къ наслѣдству». Это доказываетъ, что законодатель постановилъ недѣлимость крестьянскихъ хозяйствъ только для наслѣдства «ab intestato», и то не во всѣхъ случаяхъ.

Духъ законодательства Іосифа.

Приводя въ итогъ постановленія Іосифовыхъ законовъ въ отношеніи наслѣдства «ab intestato» крестьян-

скихъ земель, мы можемъ собрать ихъ въ слѣдующіе пункты:

Если умершій крестьянинъ не распорядился по завѣщанію своимъ имѣніемъ, хозяйство его, т. е. всѣ земли, принадлежащія къ этому хозяйству и притомъ записанныя въ кадастрѣ, переходятъ какъ одно нераздѣльное, цѣлое:

1) прежде всего старшему сыну;
2) за неимѣніемъ таковаго, старшей еще живущей дочери;
3) за неимѣніемъ таковой, старшему внуку отъ старшаго сына;
4) за неимѣніемъ же таковаго, старшему внуку отъ старшей дочери, а еслибъ не было и таковой:
5) старшей внучкѣ отъ старшаго сына, или:
6) старшей внучкѣ, отъ старшей дочери;

Если нѣтъ выше перечисленныхъ потомковъ, упомянутое хозяйство переходитъ къ роднымъ боковой линіи, въ слѣдующемъ порядкѣ:

7) отцу;
8) старшему брату умершаго владѣтеля;
9) старшей сестрѣ;
10) старшему сыну, отъ старшаго брата;
11) старшему сыну, отъ старшей сестры;
12) старшей дочери, отъ старшаго брата;
13) старшей дочери, оть старшей сестры;
14) матери.

Каждое изъ вышесказанныхъ лицъ исключаетъ отъ владѣнія наслѣдственнымъ хозяйствомъ всѣхъ за нимъ слѣдующихъ. Получая наслѣдство, оно беретъ на себя, однакожъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанность выплатить сонаслѣдникамъ одной съ нимъ степени, соотвѣтственно ихъ части, стоимость всего полученнаго хозяйства, по оцѣнкѣ ректификаторіума, а гдѣ нѣтъ его, по цѣнѣ, опредѣленной ими добровольнымъ соглашеніемъ или фор-

мальною оцѣнкою. Въ оцѣнку этого хозяйства входятъ также строенія, но не входитъ стоимость земель, строго не принадлежащихъ этому хозяйству. Не входятъ сюда также скотъ, домашняя утварь и орудія, безъ которыхъ можно обйтись въ хозяйствѣ; наконецъ, хлѣбные запасы, превышающіе количество, нужное для посѣва. Изъ стоимости хозяйства, опредѣленнаго такимъ образомъ, слѣдуетъ вычесть прежде всего стоимость всѣхъ повинностей, и оставшаяся, за этимъ уже вычетомъ, стоимость дѣлится на столько частей, сколько наслѣдниковъ, и получающій хозяйство, вычтя себѣ еще часть, остальное выплачиваетъ сонаслѣдникамъ въ соотвѣтственныхъ суммахъ.

Земли, не принанадлежащія собственно къ хозяйству и вся движимость, что, какъ уже сказано, не составляетъ «fundum instructum», составляютъ общую массу наслѣдства и должны быть раздѣлены, по-ровну, междув сѣми сонаслѣдниками одной и той же степени родства, in natura, или же, по выгодной продажѣ, чистыми деньгами.

Когда всѣ дѣти малолѣтны, примѣняются постановленія общаго гражданскаго кодекса, которыя поручаютъ опеку матери, вмѣстѣ съ опекуномъ отъ правительства; завѣдываніе хозяйствомъ, однакожъ, не довѣряется никогда матери, а тѣмъ менѣе отчиму, но предоставляется всегда одному изъ ближайшихъ родственниковъ умершаго, который долженъ заниматься хозяйствомъ, нести всѣ повинности и замѣнять во всѣхъ случаяхъ малолѣтняго наслѣдника.

Когда сельскій хозяинъ владѣлъ хозяйствомъ обще съ своей женою и они какъ совладѣльцы были записаны въ табели, мужъ по смерти жены имѣетъ право владѣть всѣмъ имѣніемъ, за уплатою однакожъ, женіной части ея прямымъ наслѣдникамъ. Когда же умретъ хозяинъ, жена не получаетъ подобнаго права, но обязана отдать все хозяйство старшему законному наслѣднику.

Позднѣйшимъ циркуляромъ, отъ 11 марта 1790 года,

отнята была у владѣльцевъ, какъ попечителей, власть продавать имѣнія малолѣтнихъ, безъ дозволенія мѣстнаго правительства.

Законодательствомъ этимъ руководится до-сихъ-поръ Галиція, не смотря на то, что оно уже въ 1790 году было отмѣнено въ цѣломъ государствѣ, какъ мы покажемъ это въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Разсмотримъ за тѣмъ ближе это законодательство.

Два отдѣльныя стремленія проглядываютъ въ немъ; двѣ цѣли имѣлъ въ виду законодатель. Первое было установленіе крестьянскихъ хозяйствъ въ томъ положеніи, въ какомъ застало ихъ новое законодательство, и удержаніе каждаго въ родѣ тогдашнихъ владѣтелей, именно въ рукахъ родныхъ и потомковъ мужскаго поколѣнія; вообще учрежденіе нѣкоторымъ образомъ крестьянскихъ майіоратовъ, для обезпеченія исправнаго выполненія дворовыхъ повинностей и взноса казенныхъ податей.

Другое — очевидно, было предоставленіе каждому хозяину права распоряжаться своимъ недвижимымъ имѣніемъ, путемъ завѣщанія.

Припомнимъ, что въ то время, какъ даны были эти постановленія, право о распоряженіи недвижимостью могла служить крестьянамъ только въ отношеніи закупныхъ земель, какъ это ясно опредѣлили для другихъ австрійскихъ провинцій, ихъ прежніе законы о наслѣдствѣ, а Галиціи — надворный декретъ отъ 30 іюня 1793 года. Различіе это, по надѣленіи крестьянъ собственностью, совершенно изчезло и потеряло всякое практическое значеніе.

Но мы не можемъ умолчать, что оба вышеизложенныя главнѣйшія основанія законодательства Іосифа, какъ въ теперешнихъ, такъ и въ прежнихъ отношеніяхъ, не согласуются между собою.

Нельзя желать создавать майіораты изъ крестьянской недвижимой собственности и предназначать ее стар-

шему сыну, когда допускается распоряженіе его по завѣщанію, когда хозяину предоставляется свобода отдать свое хозяйство, минуя старшаго сына, младшему, даже дочери, которая при замужествѣ необходимо должна перенесть ее въ другой родъ. Этимъ правомъ и пользовались крестьяне, чтобы путемъ завѣщаній возвратиться къ прежнему обычаю, уничтожить который, какъ мы уже видѣли, было цѣлью новаго указа. Какъ до того, такъ и потомъ, крестьянинъ оставлялъ земли и избу младшему изъ дѣтей, если уже выдѣлилъ старшихъ.

Но еще менѣе согласовалось правило недѣлимости крестьянскихъ земель, приписанныхъ въ кадастрѣ къ извѣстному крестьянскому хозяйству, съ оговоркою, что наслѣдникъ, пріобрѣтающій все хозяйство, долженъ уплатить стоимость его своимъ сонаслѣдникамъ, одной степени, за вычетомъ принадлежащей ему части. При земляхъ незакупныхъ, а число такихъ наибольшее, противорѣчіе это такъ поразительно, что не требуетъ даже и объясненія. Не пользуясь даже этими землями, не имѣя возможности продать ихъ или заложить, какимъ же образомъ, спрашивается, могъ получающій наслѣдство уплатить своимъ сонаслѣдникамъ, если не уступкою частей земли, составляющей это хозяйство.

Не много лучше было его положеніе и при земляхъ закупныхъ. Онъ, правда, могъ ихъ продавать. Но не имѣя помощи основныхъ банковъ, не имѣя даже книгъ гипотеки, на которую онъ могъ бы занять сумму, нужную на уплату сонаслѣдникамъ, получающій хозяйство, если хотѣлъ удовлетворить своихъ сонаслѣдниковъ, долженъ былъ дѣлиться и закупными землями.

Итакъ одно основаніе законодательства Іосифа требовало измѣненія другаго, и указъ 3 апрѣля 1787 г. и въ этомъ отношеніи произвелъ послѣдствіе противное задуманному. Гдѣ только начиналъ онъ свое дѣйствіе, раздробленіе земель усиливалось, и не ошибемся мы, если припишемъ именно этому законодательству фактъ, о ко-

торомъ упомянули, говоря о постановленіи извѣстнаго «minimum» для крестьянскихъ земель. Мы говоримъ о фактѣ, что не смотря на существующее въ теченіе 70 лѣтъ запрещеніе раздѣленія крестьянскихъ хозяйствъ, средняя обширность наименьшихъ крестьянскихъ земель у насъ менѣе средней обширности наименьшихъ владѣній во Франціи, не смотря на то, что тамъ въ теченіе 70 лѣтъ царствуетъ неограниченная свобода раздѣленія земель. Ничего не измѣнило въ этихъ отношеніяхъ надѣленіе крестьянъ собственностью, наступившее въ 1848 году. Не имѣя возможности уплатить деньгами своимъ сонаслѣдникамъ, получающій хозяйство дѣлится съ ними землей, если онъ порядоченъ. Непорядочный же, или нисколько незаботится объ уплатѣ, или тотчасъ же послѣ оцѣнки продаетъ свое имущество, отнимая такимъ образомъ у сонаслѣдниковъ даже возможность отыскивать принадлежащее имъ.

Уничтоженіе законодательства Іосифа.

Въ нѣмецкихъ провинціяхъ Австрійской монархіи, гдѣ крестьяне издавна были полными владѣтелями своихъ земель, гдѣ издавна заведены были книги и гдѣ, при большомъ денежномъ оборотѣ, существовала и большая легкость сдѣлать гипотечный долгъ, непріятность новыхъ законовъ о наслѣдствѣ не была чувствительна въ такой степени, какъ у насъ. Указъ 1787 года былъ тамъ обременителенъ въ другомъ отношеніи. Онъ противорѣчилъ прежнимъ провинціальнымъ постановленіямъ, вредилъ правамъ поземельныхъ властей въ отношеніи выморочныхъ имѣній, разрывалъ семейныя связи, причинялъ убытокъ правамъ вдовъ, разрушалъ прежніе обычаи, принятые въ отношеніи опекъ. А какъ объясненія, изданныя 1787 и 1788 годахъ, отстранили только небольшую часть этихъ неудобствъ, неудовольствія продолжались до-тѣхъ-поръ, пока законодательство неудовле-

творило ихъ въ 1790 и 1791 годахъ, уничтоженіемъ всѣхъ законовъ о крестьянскихъ наслѣдствахъ.

Прежде всего это сдѣлано для верхней и нижней Австріи, указомъ отъ 29 октября 1790 г., основаніе котораго слѣдующее:

«Различныя жалобы и усиленныя предстательства, противъ устава отъ апрѣля 1787 г., въ отношеніи наслѣдства крестьянскихъ земель, послужили намъ поводомъ къ отмѣнѣ упомянутаго указа отъ 3 апрѣля 1787 г. и относящихся къ нему позднѣйшихъ постановленій отъ 7 мая 1787 г., 16 мая, 22 сентября и 30 октября 1788 г., отъ 25 іюня 1782 г. и 18 февраля 1790 г., и къ возвращенію прежняго законодательства.

А потому предписываемъ:

1) «Что касается до наслѣдства «ab intestato», порядокъ наслѣдства настановленный общимъ уставомъ отъ 11 мая 1786 г. долженъ служить за правило и для земель крестьянскихъ.

2) «Точно такъ и относительно опекъ надъ малолѣтними крестьянами, должны быть примѣнены постановленія гражданскаго кодекса, такимъ образомъ, что только показанныя въ этомъ кодексѣ причины, а не другія отстраняютъ отъ опеки и могутъ имѣть рѣшительное вліяніе на управленіе и продажу имѣній, состоящихъ подъ опекою.»

3) «Никто, однакожъ, не можетъ владѣть двумя самостоятельными (gestiftete) крестьянскими хозяйствами.»

4) «Земли первоначально принадлежавшія уже каждому крестьянскому хозяйству (Stift oder so genannte Hausgründe), никогда не могутъ быть раздѣлены или отдѣлены.»

5) «Въ случаѣ наслѣдства «ab intestato» и если отецъ уже не отдалъ крестьянскаго хозяйства исключительно одному изъ дѣтей, хозяйство это должно всегда переходить старшему сыну; а если бы поземельная власть представила противъ него уважительныя препятствія,

старшему за нимъ брату; за неимѣніемъ сыновей старшей дочери.»

6) «Если же оставшійся изъ супруговъ былъ совладѣтелемъ оставшагося хозяйства, каждый изъ нихъ имѣетъ право купить наслѣдственную часть и пріобрѣсть все хозяйство.»

7) «Кто пріобрѣлъ крестьянское хозяйство вышепоказаннымъ образомъ, долженъ заплатить наслѣдникамъ или сонаслѣдникамъ точную стоимость полученнаго хозяйства какая будетъ опредѣлена или взаимнымъ согласіемъ или казенною оцѣнкою.»

8) «Если владѣтель крестьянскаго хозяйства умеръ безъ потомства, отъ согласія законныхъ наслѣдниковъ съ поземельною властію зависитъ, кому выдѣлить или продать означенную землю.»

Довольно сравнить основаніе этого указа съ законодательствомъ Іосифа, чтобы замѣтить въ какихъ пунктахъ сдѣланы важныя измѣненія. Новый указъ уполномочиваетъ вдовъ на пріобрѣтеніе всего оставшагося, послѣ мужа, имѣнія, если она была совладѣтельницею; законодательство Іосифа въ подобномъ отношеніи признавала это право только за овдовѣвшимъ мужемъ. Слѣдовательно мать неограничивается въ отношеніи опеки надъ малолѣтними. Допуская, наконецъ, что и при наслѣдствахъ крестьянскихъ, долженъ быть примѣненъ общій порядокъ наслѣдства ab intestato, постановленный гражданскимъ кодексомъ, указъ признаетъ за матерью, на равнѣ съ отцемъ, право на наслѣдство послѣ дѣтей умершихъ безъ потомства; тогда какъ законодательство Іосифа призывало мать къ наслѣдству, только уже за неимѣніемъ наслѣдниковъ боковой линіи въ третьей степени.

Указъ чешскій, отъ 26 мая 1791 г., различается отъ австрійскаго въ слѣдующихъ пунктахъ:

Во-первыхъ. Вмѣсто запрещенія, раздѣленія и раздробленія земель, такъ называемыхъ домовыхъ, т. е. уже

первоначально принадлежавшихъ къ извѣстному хозяйству, указъ чешскій о наслѣдствѣ постановляетъ, что каждое хозяйство должно переходить къ законному наслѣднику въ томъ объемѣ, въ какомъ оставилъ его умершій; наслѣднику же дозволяетъ дѣлить слишкомъ большія хозяйства или, по крайней мѣрѣ, продать слишкомъ отдаленныя земли, лишь бы вслѣдствіе такихъ отчужденій обширность хозяйства не стала менѣе 40 мецовъ, т. е. 20-ти корцевъ на посѣвъ.

Во-вторыхъ. Если хозяйство имѣетъ 80 мецовъ, т. е. 40 корцевъ на посѣвъ, оставшійся изъ супруговъ былъ совладѣтелемъ, а наслѣдникъ — совершеннолѣтній, оставшійся изъ супруговъ, безъ различія пола, нетолько имѣетъ право пріобрѣсть цѣлое хозяйство, но можетъ домогаться выдѣленія ему одной половины хозяйства.

Въ-третьихъ. Кто уже владѣетъ двумя крестьянскими хозяйствами, тому указъ чешскій позволяетъ удержать ихъ и на дальнѣйшее время, постановляя только, чтобы по смерти его они были снова раздѣлены. Желая и въ Галиціи замѣнить уничтоженное въ цѣлой монархіи законодательство о крестьянскихъ наслѣдствахъ новымъ уставомъ, высочайшая власть сообщила въ 1792 г. мѣстнымъ галиційскимъ правительствамъ выше приведенный австрійскій законъ, съ повелѣніемъ спросить Отдѣлъ Штатовъ и Управленія Камеральныхъ имѣній: нельзя ли примѣнить этотъ законъ и въ Галиціи, по крайнѣй мѣрѣ, къ землямъ закупнымъ.

Какъ Штаты, такъ и Управленіе Камеральныхъ имѣній безотлогательно объявили, что примѣненіе это возможно. Управленіе Камеральныхъ имѣній прибавило, однакожъ, что кромѣ земель закупныхъ, въ казенныхъ имѣніяхъ находятся еще другіе два рода крестьянскихъ пашень.

Однѣ составляютъ полную собственность земской власти, т. е. камеры, которая ежегодно раздаетъ ихъ подданымъ какъ арендаторамъ.

Другія составляютъ собственность цѣлыхъ общинъ «in concreto», которыя, въ силу королевскихъ привиллегій, за оплатою извѣстнаго постояннаго чинша, уступили эти земли на вѣчныя времена. Земли этого рода, которыхъ очень много въ столовыхъ Самборскихъ имѣніяхъ, дѣлятся ежегодно между усадебниками уже не земскою властью, но самою общиною. Къ землямъ того и другаго рода, сообщенный указъ, по мнѣнію Управленій Камеральныхъ имѣній, примѣненъ быть не могъ.

Въ концѣ 1792 г. мѣстныя власти сообщили мнѣнія, что присланный имъ указъ можетъ быть примѣненъ только къ землямъ закупнымъ. Они прибавили, что даже и это примѣненіе требуетъ двухъ предварительныхъ дѣйствій: первое составляетъ положительное запрещеніе раздѣла крестьянскихъ земель, котораго нѣтъ въ Галиціи; другое составляетъ введеніе *поземельныхъ книгъ*, такъ какъ безъ описи, какія земли принадлежатъ каждому крестьянскому хозяйству, нельзя точно наблюдать за нераздѣльностью этихъ хозяйствъ.

На эти донесенія высочайшая власть отвѣтила пространно надворнымъ декретомъ, отъ 30 марта 1793 г.

Въ немъ неотвергалось законное различіе, существующее между закупными и не закупными крестьянскими землями, признавалось только, что даже при первыхъ, владѣтели имѣютъ право распоряжаться ими при жизни или путемъ завѣщанія. Не приписывалось, однакожъ, этому различію никакого значенія, при устройствѣ крестьянскаго наслѣдства «ab intestato,» такъ какъ земли, не закупныя и закупныя, не могутъ быть, кромѣ случаевъ означенныхъ закономъ, отобраны земскою властью у владѣльцевъ, и всегда переходятъ къ прямымъ наслѣдникамъ умершаго.

Но если и спасительно было дарованіе этого монаршаго указа, то, съ другой стороны, заключавшееся въ немъ ограниченіе извѣстнаго пространства, ниже котораго раздѣлъ не имѣлъ мѣста, и высочайшее повелѣніе,

чтобы цифра эта была принята и для Галиціи—послужили источникомъ безконечныхъ затрудненій, которыя откладывали на многія лѣта составленіе проэкта новаго устава.

Какъ и можно было предвидѣть, появились вслѣдствіе этого самыя разнородныя мнѣнія. Одни принимали 9 морговъ, другіе 100 морговъ за пространство земли, достаточное къ содержанію одной семьи. Многіе въ своихъ предложеніяхъ приближались то къ одной, то другой изъ этихъ цифръ; нѣкоторые требовали луговъ и пастбищъ, другіе ничего не требовали; Управленіе Камеральныхъ имѣній приняло сторону цифры 20 морговъ. Но всего замѣчательнѣе то, что нѣкоторыя мѣстныя власти, подали предложенія, совершенно различныя отъ тѣхъ, съ которыми они явились черезъ нѣсколько лѣтъ позже, когда постановленія извѣстнаго minimum для крестьянскихъ хозяйствъ было разсматриваемо.

Изысканія эти еще продолжались, когда послѣдовало высочайшее повелѣніе, дабы въ соглашеніи съ высшими мѣстными судами и по отобраніи мнѣній Фискальной Прокуратуры и Отдѣла Штатовъ, представленъ былъ проэктъ устройства опекъ и обезпеченія сиротскихъ имѣній въ крестьянскомъ званіи и т. д. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ этого, приказано соединить этотъ проэктъ съ проэктомъ о правахъ по крестьянскимъ наслѣдствамъ и о нераздѣльности, въ извѣстныхъ границахъ, крестьянскихъ хозяйствъ; отсюда необходимо вышло, что составленіе такого обширнаго проэкта должно было протянуться опять нѣсколько лѣтъ.

Только въ донесеніи, отъ 12 октября 1814 г., Фискальное Правленіе подало свое предложеніе по всѣмъ этимъ вопросамъ; а такъ какъ донесеніе это было основаніемъ положительныхъ проэктовъ предложенныхъ Штатами и мѣстными властями по предмету крестьянскаго наслѣдства, такъ какъ смѣлыя мысли, заключенныя въ немъ, могутъ считаться за первый приступъ на

отношенія подданыхъ, то мы посвятимъ этимъ проэктамъ особый отдѣлъ. Дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что проэктъ Галиційскихъ Штатовъ, по мнѣнію нашему болѣе всѣхъ достигаетъ цѣли.

Проэкты новаго закона. Мнѣніе поэтому дѣлу Отдѣленія Штатовъ.

Съ двойнымъ удовольствіемъ поглядываетъ каждый галиціанинъ на нынѣшнее положеніе крестьянскаго дѣла въ своемъ краѣ, ибо помнитъ, въ какое короткое время пріобрѣтено оно, какими быстрыми шагами распространялись и развивались понятія объ истинныхъ потребностяхъ страны.

Сорокъ лѣтъ уже минуло, какъ Фискальное Управленіе въ первый разъ выступило съ мыслью, что безполезно, даже смѣшно трудиться надъ закономъ о крестьянскихъ наслѣдствахъ и устройствомъ сиротскихъ имѣній, до-тѣхъ-поръ, пока крестьяне не будутъ надѣлены, по крайней мѣрѣ, собственностью пользованія владѣемыми ими землями, а судопроизводство патримоніальное не замѣнится судами правительства. Первый разъ тогда явилось требованіе, чтобы высочайшій законодатель, въ силу своего самовластія, самъ далъ подданымъ на будущее время собственность пользованія.

Чтобы онъ призналъ за ними право аліенаціи своихъ хозяйствъ въ пользу другихъ.

Чтобы уничтожилъ всѣ тѣ ограниченія раздѣла и кумуляціи крестьянскихъ хозяйствъ, которыя вытекаютъ только изъ подданическаго отношенія, а не изъ основаній политической экономіи. Чтобы наконецъ обезпечилъ всѣмъ подданнымъ свободу выдти на волю.

Всѣ эти предположенія показались въ то время самому Фискальному Управленію до того смѣлыми, что оно почувствовало надобность завести поэтому предмету обширное дѣло. Оно воспользовалось повелѣніемъ собрать всѣ

польскіе законы, касающіеся крестьянскихъ наслѣдствъ, опекъ и попечительствъ, въ такой мѣрѣ, чтобы написать цѣлую исторію польскаго законодательства по отношеніямъ къ крестьянамъ, которою усиливалось доказать, что всѣ тѣ права, о возвратѣ которыхъ хлопочутъ, крестьяне уже имѣли прежде и потеряли только позднѣе, при возрастающемъ самовластіи шляхты.

Выводы эти произвели еще большее неудовольствіе не только въ цѣломъ сословіи помѣщиковъ, но и въ Отдѣленіи Штатовъ, стоящемъ во главѣ ихъ.

Доказательствомъ сего служитъ объясненіе Отдѣленія Штатовъ, отъ 5-го Апрѣля 1823 г., которымъ оно отвѣтило на сообщенный ему манифестъ. Отдѣленіе Штатовъ сочло для себя обязанностію опровергнуть всѣ положенія Фискальнаго Управленія, написать исторію польскаго законодательства съ точки зрѣнія совершенно противоположной, равно какъ и отрывочную исторію, точно также мѣшающую правду съ ложью какъ и та, противъ которой писалась. Оно отвергло требованіе выдѣлить крестьянъ безъ соизволенія поземельныхъ владѣльцевъ, какъ нарушеніе правъ собственности. Оно прибѣгало къ политической экономіи, къ статистикѣ, даже къ наукамъ отвлеченнымъ, дабы убѣдить, что современное отношеніе подданныхъ соотвѣтствуетъ потребностямъ страны, потребностямъ земледѣлія и низкой степени образованія нашихъ крестьянъ.

Какъ отстали отъ насъ всѣ эти распри. Какими мелкими кажутся онѣ намъ теперь, когда подданство уничтожено, крестьяне надѣлены собственостію и поставлены нѣкоторымъ образомъ на степень свободныхъ гражданъ, когда наконецъ патримоніальная юрисдикція уничтожена и каждый прогрессистъ благословляетъ произшедшія перемѣны. Теперь, благодаря Бога, и рапортъ Фискальнаго Управленія и реляція, которою отвѣчало на него Отдѣленіе Штатовъ, имѣютъ только важность историческаго матеріала.

И то, и другое извѣстно всѣмъ галиційскимъ помѣщикамъ. Всѣ эти предметы разсматривались въ другой разъ на Сеймѣ Галиційскомъ въ 1845 г., когда по предложенію высшихъ властей Штаты приступили къ разсмотрѣнію вопроса о надѣленіи правомъ пользоваться поземельною собственностію, и въ это время уже никто не сомнѣвался, что съ этимъ вопросомъ состоитъ въ неразрывной связи вопросъ о регуляціи крестьянскихъ наслѣдствъ, дѣлимости и кумуляціи крестьянскихъ хозяйствъ.

Споспѣшествуя на этомъ Сеймѣ надѣленію правомъ пользованія собственностію, разсматривали и мы, пишущіе, всѣ условія этого надѣленія. Такимъ образомъ мы внимательно пересматривали всѣ акты Штатовъ, касающіеся этого предмета, и съ нѣкоторою увѣренностію можемъ подать хотя въ общихъ чертахъ различающееся предположенія въ дѣлѣ о регуляціи крестьянскихъ наслѣдствъ, кумуляціи и дѣлимости ихъ хозяйствъ.

Оба противныя мнѣнія, не смотря на огромное различіе положенія, изъ котораго они вытекали, сходились, однакожъ, въ нѣсколькихъ пунктахъ.

Первымъ была необходимость уничтоженія всѣхъ патентовъ отъ 1787—1789 г., съ цѣлью приведенія въ порядокъ законныхъ наслѣдствъ крестьянскихъ и примѣненія и къ этимъ наслѣдствамъ повсемѣстнаго гражданскаго кодекса.

Лишнимъ было бы распространяться объ этомъ пунктѣ, такъ какъ недостатки законодательства Іосифова уже передъ тѣмъ были сознаны самими высшими властями, и поэтому были уничтожены и упомянутые патенты.

Другое, никѣмъ неоспариваемое положеніе было — *необходимость уничтоженія существующихъ запрещеній дѣлить крестьянскія земли и невозможность опредѣленія общаго minimum, ниже котораго не можетъ* быть допущено такое дѣленіе.

Единогласно рѣшили, что если запрещеніе дѣлить земли, не смотря на его постоянное повтореніе, никогда не

могло быть исполнено, то уже это самое доказываетъ невозможность его исполненія. Отдѣленіе Штатовъ прибавило, что если-бы земскія власти захотѣли строго придерживаться этого запрещенія, то рѣшительно вся земля была бы оставлена крестьянами. Опытъ научаетъ насъ, что крестьянинъ лучше всего чувствуетъ, если у него недостаетъ силъ вести свое хозяйство, и что тогда онъ проситъ или о его раздѣленіи, или объ удѣленіи ему меньшаго количества земли, и, когда ему откажутъ въ томъ и въ другомъ, онъ самъ бросаетъ землю. Нужно бы, слѣдовательно, непремѣнно назначить minimum объема, ниже котораго только запрещеніе раздѣленія было бы всеобщимъ. Но такой именно объемъ, какъ доказывало Фискальное Управленіе не можетъ быть постановленъ нетолько для цѣлой провинціи, но даже и для одной общины (dminy), такъ какъ все зависитъ отъ качества почвы, ея положенія, отношенія, въ которомъ пашня находится къ пастбищамъ и, прежде всего, отъ городскихъ и частныхъ повинностей, которыя тяготѣютъ надъ владѣльцами. Владѣлецъ, обремененный землями съ большею трудностію можетъ вести меньшее хозяйство, чѣмъ обремененный долгами большое. «Какже наконецъ, спросило Фискальное Управленіе, постановить извѣстное количество земли для каждой категоріи крестьянскихъ хозяйствъ, когда въ одной и той же деревнѣ встрѣчаются различнаго размѣра хозяйства крестьянскія, даже пашни и полупашни кметей; и какже согласить тогда требованіе, чтобы такой minimum былъ назначенъ особенно для каждой категоріи крестьянскихъ хозяйствъ съ вопросомъ о minimum земель, который необходимъ для прокормленія одной семьи? Можно ли послѣдовательно хвататься то за одно, то за другое положеніе и рѣшить, что, напримѣръ, кмети, т. е. цѣлыя пашни не могутъ быть раздѣлены ниже извѣстнаго объема, когда въ той же самой деревнѣ встрѣчаются *четверники*, на прокормленіе которыхъ достаточно ихъ пашни?»

Болѣе или менѣе, то-же самое сказало и Отдѣленіе Штатовъ. Оно замѣтило при этомъ нелѣпость искать основанія для такого *minimum* въ количествѣ корцевъ посѣва, когда на равное количество земли нужно почти вдвое болѣе сѣять овса, чѣмъ жита. Указало равнымъ образомъ, что еслибы принять, съ Управленіемъ Камеральныхъ имѣній, за *minimum* не количество посѣва, а пространство земли въ 20 морговъ, всей земли въ Галиціи не хватило бы для надѣленія крестьянъ. На 360,000 крестьянскихъ семействъ, считая на каждую по 20 морговъ, потребовалось бы 7,200,000 морговъ, а всѣ земли въ Галиціи вмѣстѣ не составляютъ и пяти съ половиной милліоновъ. По-мимо всѣхъ этихъ убѣжденій Отдѣленіе Штатовъ положило, однакожъ, что не должно путемъ раздѣленія создавать въ деревняхъ другія категоріи крестьянскихъ хозяйствъ, кромѣ существующихъ. Ограниченіе это, имѣющее цѣлью поддержать достоинство земской власти и болѣе легкій способъ раскладки повинностей, поддерживалось мѣстными властями, когда въ 1824 году требуемый проэктъ былъ предложенъ закономъ.

Въ-третьихъ. Оба проэкта согласились *на потребность уничтоженія тѣхъ постановленій, которыя безусловно запрещаютъ увеличеніе крестьянскихъ земель.* Первый обращается къ чешскому постановленію о наслѣдствѣ, которое дозволяетъ крестьянину, имѣющему два хозяйства, держать ихъ до его смерти и только тогда уже предписываетъ ихъ раздѣленіе. Онъ прибавляетъ далѣе, что два хозяйства, соединенныя въ рукахъ одного дѣльнаго хозяина, принесутъ болѣе дохода, чѣмъ раздѣленныя между двумя лѣнивцами. И открыто утверждаетъ, что гораздо лучше, если лѣнивый или неспособный хозяинъ сдѣлается батракомъ, чѣмъ будетъ завѣдывать хозяйствомъ, изъ котораго не съумѣетъ извлечь нужную выгоду ни себѣ, ни государству. Возможность увеличенія имущества, замѣчаетъ справедливо Фискальное Управленіе, есть величайшій двигатель къ труду, а такъ какъ

въ глазахъ крестьянина земля имѣетъ наибольшую цѣнность, надо каждому оставить открытое поле къ увеличенію своего имущества, пріобрѣтеніемъ другаго хозяйства, или, если недостанетъ у него на это денегъ, къ покупкѣ отдѣльныхъ земель; потому что тогда можно быть увѣреннымъ, что для разширенія имѣнія и улучшенія судьбы своихъ дѣтей, онъ будетъ трудиться усиленно. Но такъ какъ двигатель этотъ дѣйствуетъ только при жизни хозяина, проэктъ Фискальнаго Управленія хотѣлъ ограниченнаго, въ отношеніи сдѣлокъ при жизни, права къ пріобрѣтенію другаго хозяйства или отдѣльныхъ земель и за тѣмъ недопускалъ, чтобы крестьянинъ путемъ завѣщанія могъ дѣлить свои земли, или въ случаѣ бездѣтности уступать свое хозяйство другому владѣльцу.

Странная вещь, въ какія непослѣдовательности впадаютъ тѣ, которые хотятъ ограничить только отчасти раздѣленіе земель! Тотъ же самый проэктъ, который запрещаетъ крестьянину раздѣленіе своей земли распоряженіемъ завѣщанія, дозволяетъ его, какъ увидимъ далѣе, даже при наслѣдствѣ, если половина земли, въ послѣдніе три года передъ смертью хозяина, лежала подъ паромъ.

Болѣе либеральнымъ оказалось Отдѣленіе Штатовъ, которое хотѣло безусловно уничтожить запрещеніе увеличенія земель, называя это запрещеніе ограниченіемъ прирожденнаго каждому человѣку права увеличивать свое имущество. Оно считало это ограниченіе тѣмъ болѣе обременительнымъ для крестьянъ, что имъ нельзя было пріобрѣтать табулярныхъ имѣній и что, присоединяя еще къ этому запрещеніе увеличенія крестьянскихъ хозяйствъ, у нихъ отнималась всякая возможность выдѣлять дѣтей. Оно предвидѣло, правда, возраженіе, что соединеніемъ хозяйствъ уменьшится сельское населеніе; но отразило это возраженіе замѣчаніемъ, что соединенныя хозяйства, по смерти владѣтеля, опять при наслѣдственномъ дѣлежѣ распадутся.

Отдѣленіе Штатовъ не оставило также безъ вниманія, что упомянутое запрещеніе находится въ тѣсной связи съ закономъ, ограничивающимъ «maximum» работы тремя днями съ самыхъ большихъ хозяйствъ. Но законъ этотъ, по его мнѣнію, такъ нелѣпъ, что незаслуживаетъ и вниманія, а если бы онъ и сохранялъ силу, то для того, чтобы обойти его, достаточно только замѣнить работу, слѣдующую съ соединенныхъ хозяйствъ, денежнымъ чиншомъ или другими повинностями.

Не такъ легко смотрѣли мѣстныя власти на возможность этого дѣла. Онѣ отстраняли его чрезвычайно ловко предложеніемъ, чтобы при хозяйствѣ высшей категоріи, какія существуютъ въ каждой деревнѣ, не дозволялось владѣть другимъ, какой бы то ни было категоріи, а увеличеніе меньшихъ хозяйствъ, чтобы было допущено только до той степени, пока величина ихъ не сравняется съ отдѣльнымъ обширнѣйшимъ хозяйствомъ, принадлежащимъ къ высшей категоріи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что запрещеніе увеличенія крестьянскихъ хозяйствъ, измѣняемое такимъ образомъ, оставляло еще большую свободу движенія по имуществу и, однакожъ не приводило къ измѣненію «maximum» трехъденной работы. Но не можемъ не замѣтить, что при теперешнихъ отношеніяхъ, по уничтоженіи всякихъ повинностей подданства, потребность помянутаго ограниченія исчезаетъ.

Въ-четвертыхъ. Принявъ вообще въ основаніе, что и къ крестьянскимъ наслѣдствамъ должны быть примѣнены постановленія гражданскаго кодекса, опредѣляющія наслѣдства «abintestato», оба проэкта удалились отъ этихъ постановленій, въ томъ главномъ пунктѣ, что *они исключаютъ изъ наслѣдственнаго раздѣла все недвижимое имущество, со всѣми его принадлежностями, въ томъ объемѣ, въ какомъ владѣлъ имъ завѣщатель, и хотятъ, что бы оно было отказываемо всегда одному только изъ ближайшихъ наслѣдниковъ.* Подъ принадлежностями же они

согласно понимаютъ «fundum instrictum,» къ которому Отдѣленіе Штатовъ причисляетъ: весь рогатый скотъ, зерно нужное до будущаго сбора на посѣвъ и на прокормленіе, наконецъ, всѣ хозяйственныя орудія. По его мнѣнію всѣ эти предметы не раздѣльны съ землей и должны составлять съ нею одно тѣло; слѣдовательно: кто получаетъ землю, долженъ получить и «fundum instrictum.»

Изъ этого правила, т. е. не раздѣльности остающейся недвижимости, проэктъ Фискальнаго Управленія допускаетъ только два исключенія. Первое, когда оставшееся крестьянское хозяйство уже при жизни его владѣтеля принадлежало въ половину овдовѣвшему изъ супруговъ. Помянутый проэктъ считаетъ въ такомъ случаѣ одну половину принадлежащею къ массѣ наслѣдства и тотчасъ опредѣляетъ ее оставшемуся изъ супруговъ. О другомъ исключеніи мы уже упомянули выше; оно относится къ случаю, когда половина земли уже въ послѣдніе три года передъ смертью хозяина лежала подъ паромъ.

Этихъ исключеній недопускало Отдѣленіе Штатовъ. Призывая, прежде всѣхъ, къ полученію всего хозяйства оставшагося изъ супруговъ, оно не видѣло надобности выдѣленія въ его пользу половины оставшейся недвижимости. Противъ же раздѣла земли, въ томъ случаѣ, когда при жизни хозяина половина ея оставалась подъ паромъ, оно возстало положительно по тому поводу, что за беззаботность или бѣдность хозяина, не слѣдуетъ карать его наслѣдниковъ, упомянувъ при этомъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страны, а именно въ Карпатахъ, по всемѣстному и самой природой тамошняго хозяйства оправдываемому обычаю, всегда обработывается только одна половина земли, а другая остается подъ паромъ.

Если въ изложенныхъ, до-сихъ-поръ, пунктахъ оба проэкта согласуются, по крайней мѣрѣ, въ основаніи, то уже со всѣмъ разнятся во всѣхъ другихъ.

Отдѣленіе Штатовъ хотѣло имѣть ограниченныя раз-

личными средствами права крестьянъ по завѣщаніямъ, хотя они основаны на знаніи сельскаго сословія во многихъ отношеніяхъ и нашли бы примѣненіе еще въ настоящее время, но кажутся намъ излишними, какъ скоро земля съ принадлежностями должна быть исключена изъ распоряженія по завѣщанію и какъ скоро уже по общимъ постановленіямъ закона о наслѣдствѣ, прежде всего, должны быть удовлетворены долги хозяина.

Точно также пространны предложенія, поданныя тѣмъ и другимъ проэктами съ цѣлью устройства опекъ и обезпеченія сиротскихъ имѣній для сословія крестьянъ. Выберемъ изъ нихъ только тѣ, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ нашимъ предметомъ.

Итакъ скажемъ коротко, что всѣ проэкты единогласно признали первое право опеки надъ малолѣтними наслѣдниками за матерью, съ прибавленіемъ, однакожъ, соопекуна, и что къ этому соопекунству назначали преимущественно ближайшихъ родственниковъ. Но тогда какъ проэктъ Фискальнаго Управленія право наименованія соопекуна представлялъ власти общинной, Отдѣленіе Штатовъ хотѣло сохранить его для земской власти, и только при продажѣ состарѣвшагося скота и покупкѣ на его мѣсто новаго, требовало участія семейнаго совѣта, который опредѣлялся проэктомъ Фискальнаго Управленія для всѣхъ дѣлъ по опекунству.

При настоящихъ отношеніяхъ, въ соображеніе могутъ быть приняты только предложенія Фискальнаго Управленія и заслуживаютъ онѣ тѣмъ болѣе вниманія, что мѣсто доминикальной власти заступили Окружныя Управленія, которыя, имѣя далеко большія пространства въ управленіи, будутъ менѣе знакомы съ мѣстными и семейными отношеніями.

Практичнѣйшимъ, однакожъ, было требованіе Отдѣленія Штатовъ, чтобы опекунъ былъ освобожденъ отъ отчетности, а только обязывался бы содержать малолѣтнихъ такъ, какъ содержались они при отцѣ, не дозво-

лять упасть хозяйству, исполнять всѣ лежащія на немъ повинности и, безъ совѣта ближайшихъ родственниковъ и дозволенія инстанціи попечительства, не продавать не только ничего изъ хозяйства, но даже и приплода скота.

Мы выполнили нашу задачу: обозначили путь, по которому проходило законодательство въ отношеніи крестьянскихъ наслѣдствъ въ Галиціи, какъ при польскомъ, такъ и австрійскомъ правительствахъ.

Мы указали постоянную связь, въ какой стоялъ всегда и стоитъ вопросъ этотъ съ вопросомъ о раздѣленіи и соединеніи крестьянскихъ хозяйствъ и направленіе, которое дало тому и другому законодательство Іосифа. Мы показали въ то-же время, что не смотря на отступленія, отъ этого законодательства, сдѣланнаго уже во всей монархіи съ 1791 года, имъ до-сихъ-поръ управляется Галиція, по той единственной причинѣ, что введенный законъ до-сихъ-поръ еще незамѣненъ новымъ.

Мы собрали сущность важнѣйшихъ проэктовъ новаго закона, поданныхъ высшему правительству, на сколько эти проэкты или вышли изъ Галиційскихъ Штатовъ, или были сообщены имъ и по этому вездѣ извѣстны.

Какія стремленія руководили новѣйшими пріемами надъ этими вопросами, — намъ совершенно неизвѣстно. Тѣмъ менѣе можемъ мы предвидѣть, когда они будутъ разрѣшены.

Не можемъ также скрыть убѣжденія, которое выработалось въ насъ по долгомъ разсмотрѣніи этого предмета. Убѣжденіе это заключается въ томъ, что законодательству предстоятъ два совершенно отдѣльные, съ противоположныхъ почти положеній выходящіе, пути и что оно можетъ пойти исключительно однимъ или другимъ.

Надо или совершенно остановить движеніе въ крестьянскихъ хозяйствахъ, сдѣлавши ихъ маіоратами, и ввести этотъ порядокъ со всѣми его послѣдствіями; или ужъ прямо идти гораздо далѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ пошло законодательство Іосифа, даже далѣе, чѣмъ двинулось Отдѣленіе Штатовъ.

Или же: надо совершенно уничтожить прежнее исключительное законодательство, примѣнить къ крестьянскимъ наслѣдствамъ всѣ постановленія гражданскаго кодекса, объявить неограниченное дѣленіе и соединеніе ихъ, какъ при наслѣдственномъ дѣлежѣ, такъ и во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ; подчинить, однимъ словомъ, крестьянскія имѣнія общимъ законамъ.

Средины тутъ нѣтъ; нѣтъ примиренія между свободою движенія въ имѣніяхъ и неподвижностью крестьянскихъ имуществъ, между прежнимъ законодательствомъ исключительнымъ и гражданскимъ кодексомъ.

Нельзя запрещать раздѣленіе крестьянскихъ земель по угодьямъ, при жизни, а допускать его при дѣлежѣ наслѣдственномъ и на оборотъ.

Нельзя, наконецъ, не подвергаясь постояннымъ противорѣчіямъ, налагать по частямъ ограниченія этому раздѣленію.

Доказательствомъ этому—постоянно повторявшіяся, и всегда безполезно, усилія съ цѣлью сравнить «minimum» объема крестьянскихъ хозяйствъ, ниже котораго раздѣленіе уже должно было запретить.

Еще лучшимъ доказательствомъ служатъ противорѣчія, въ которыя впалъ проэктъ Фискальнаго Управленія.

Объявивъ себя за свободу раздѣленія земель и ихъ соединенія, собравъ почти всѣ замѣчанія, которыя говорятъ за эту свободу, признавъ, съ другой стороны, за крестьянами право распоряжаться своимъ хозяйствомъ по завѣщанію,—этотъ проэктъ, однакожъ, за небольшими исключеніями въ отношеніи сдѣлокъ «inter viros», ограничиваетъ право соединенія и раздѣла земель.

Такимъ образомъ, крестьянинъ, хозяйство котораго превышаетъ его силы, можетъ при жизни уступить половину другому, но не можетъ по завѣщанію дѣлить ее между своими сыновьями, за исключеніемъ только того случая, когда онъ въ послѣдніе три года своей жизни оставлялъ половину земли подъ паромъ. Въ этомъ слу-

чаѣ помянутый проэктъ уже допускаетъ раздѣлъ наслѣдственной земли.

Если нѣтъ этого исключенія, проэктъ не допускаетъ также и раздѣла земли при наслѣдствѣ «ab intestato». Слѣдовательно, старшій сынъ долженъ получить всю недвижимость и выплатить стоимость ея наслѣдникамъ одной и той же степени. Нельзя плату эту осуществить землями, но можно продать потомъ брату ту часть земель, которая слѣдовала бы ему при равномъ дѣлежѣ, потому что проэктъ Фискальнаго Управленія допускаетъ раздѣленіе земель по добровольнымъ сдѣлкамъ при жизни, не желая стѣсиять возможность увеличивать имущество, которую онъ считаетъ сильнѣйшимъ побужденіемъ къ труду.

Проэктъ, правда, даетъ еще другое средство наслѣднику хозяйства отдѣлаться отъ выплатки съ наслѣдниками. Онъ уполномочиваетъ его объявить, что онъ не желаетъ принять это хозяйство по сдѣланной оцѣнкѣ и отказывается въ пользу одного изъ наслѣдниковъ, нарушая такимъ образомъ порядокъ наслѣдства. Но если ни одинъ изъ сонаслѣдниковъ не хочетъ взять на себя этого бремени, упомянутый проэктъ требуетъ продажи всего хозяйства съ публичнаго торга и раздѣла вырученной цѣны между всѣми сонаслѣдниками.

Если умершій имѣлъ уже самъ два хозяйства, они въ цѣломъ своемъ объемѣ переходятъ по наслѣдству «ab intestato» старшему сыну, потому что нигдѣ въ упомянутомъ проэктѣ не сказано, что такія хозяйства при наслѣдствѣ должны раздѣляться. Но коль скоро сынъ этотъ уже владѣетъ однимъ хозяйствомъ, проэктъ предоставляетъ ему право выбора только одного изъ наслѣдственныхъ хозяйствъ.

Если уже такъ разительны противорѣчія съ прежнимъ законодательствомъ проэкта, согласнаго только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, въ несравненно большія долженъ бы попасть всякій другой, который бы захотѣлъ согла-

сить постановленія этого законодательства съ еще болѣе либеральными основаніями, съ большею свободою движенія въ имѣніяхъ, или вынуть изъ разныхъ проэктовъ отдѣльныя предложенія и склеить въ одно цѣлое, какъ это и сдѣлали нѣкоторые проэкты.

Опредѣляя, напримѣръ что при наслѣдствѣ «ab intestato» все оставшееся имущество, въ томъ объемѣ, какъ его оставилъ умершій, переходитъ къ наслѣдникамъ, и уже отъ ихъ согласія зависитъ, раздѣлить ли это хозяйство низшихъ категорій, какія существуютъ въ деревнѣ; нельзя за тѣмъ допускать къ наслѣдству старшаго сына; а если онъ неспособенъ хозяйничать, ближайшаго за нимъ, и уже за неимѣніемъ сыновей—старшую дочь. Такой порядокъ наслѣдства исключаетъ раздѣлъ между наслѣдниками. Тѣмъ болѣе нельзя уволить получающаго такимъ образомъ все хозяйство отъ уплаты сонаслѣдникамъ и налагать на него только обязанность содержать малолѣтнюю сѣмью и оставшагося изъ родителей, когда эта уплата можетъ осуществиться очень легко раздѣломъ хозяйства въ дозволенныхъ границахъ.

Постановивъ разъ вышеозначенный порядокъ наслѣдства, нельзя опять съ Отдѣленіемъ Штатовъ призывать къ наслѣдству оставшагося изъ супруговъ, развѣ за исключеніемъ случая, когда всѣ дѣти малолѣтны, и тѣмъ болѣе не слѣдуетъ признавать за нимъ опредѣленіе неозначенной части.

Позволивъ однажды увеличеніе меньшихъ хозяйствъ, до-тѣхъ-поръ, пока общій объемъ ихъ не сравняется съ величиною хозяйствъ высшей категоріи, какія существуютъ въ деревнѣ, нельзя заимствовать основанія изъ прежняго законодательства, что когда, получающій наслѣдственное хозяйство, старшій сынъ уже владѣетъ другимъ хозяйствомъ, ему предоставляется выборъ, которое хочетъ оставить за собой и которое уступить ближайшему за нимъ брату или сестрѣ. Потому что и ему вѣдь

нельзя запретить увеличенія хозяйства въ означенныхъ границахъ.

Въ подобныя, а можетъ быть и большія противорѣчія будетъ впадать каждый законъ, который не встанетъ смѣло на одну изъ указанныхъ нами точекъ зрѣнія и не будетъ послѣдовательно ее держаться.

Намѣреваясь подчинить крестьянскія имущества общему закону и опредѣлить ихъ неограниченныя раздѣленіе и совокупленіе, законодательство найдетъ путь, весьма облегченный съ 1848 года, потому что имъ отстранены отношенія, требовавшія извѣстныхъ ограниченій. Съ надѣленіемъ крестьянъ собственностью, упало право земской власти, на противодѣйствіе раздѣленію крестьянскихъ земель. Съ уничтоженіемъ повинностей исчезла и потребность ограниченія этого раздѣленія.

Нѣтъ недостатка также и въ другихъ причинахъ для законодателя къ занятію выше указанной точки зрѣнія.

Поставленные на степень свободныхъ владѣльцевъ, крестьяне могутъ требовать, чтобы ихъ хозяйства не подчинялись исключительнымъ законамъ, но чтобы наслѣдства ихъ разбирались по постановленіямъ гражданскаго кодекса. Этого же будутъ справедливо домогаться и тѣ члены другихъ слоевъ общества, въ руки которыхъ уже отчасти перешли земли крестьянскія и будутъ переходить еще болѣе. Какъ скоро мѣщане, чиновники, фабриканты имѣютъ право пріобрѣтать отдѣльныя крестьянскія хозяйства, нѣтъ никакой разумной причины запретить имъ раздробленіе и увеличеніе земель. Напротивъ, надо желать, чтобы по деревнямъ, между большими имѣніями и мелкими крестьянскими хозяйствами образовалась средняя поземельная собственность, дабы, прежде чѣмъ просвѣщеніе дойдетъ до крестьянъ, въ каждой общинѣ явились люди призванные стать въ главѣ. Надо, наконецъ, на пользу народнаго хозяйства, чтобы разбросанныя крестьянскія земли могли быть скуплены, по крайнѣй мѣрѣ, въ руки тѣхъ, которые въ состояніи оцѣнить

важность этого соединенія; а важность этого соединенія представляется въ свободѣ раздѣленія существующихъ хозяйствъ и взаимномъ обмѣнѣ принадлежащихъ къ нимъ участковъ.

Если же высшее правительство не захочетъ подчинить крестьянскія земли общему закону, опредѣлить ихъ раздѣленіе и совокупленіе, какъ по завѣщанію, такъ и между живыми, примѣнить къ нимъ, безъ исключенія, постановленіе гражданскаго кодекса, надо начать съ исключенія крестьянскихъ наслѣдствъ отъ вліянія этихъ законовъ, надо создать крестьянскіе майораты, въ полномъ значеніи этого слова, и ввести эти правила съ такою строгостью, или даже съ бо́льшею, съ какою вводилъ ихъ проэктъ Отдѣленія Штатовъ.

Итакъ надо, слѣдовательно, прежде всего отнять у владѣтелей крестьянскихъ земель право распоряжаться ими по завѣщанію и допустить только въ отношеніи этихъ земель наслѣдство «ab intestato». Надо установить для этого наслѣдства особенный исключительный порядокъ, все хозяйство передавать всегда только одному наслѣднику и исключить изъ права наслѣдія весь женскій полъ, дабы хозяйства не могло перейти съ нимъ въ другой родъ и не появился бы снова вопросъ о раздѣлѣ и увеличеніи хозяйствъ, уже увеличенныхъ по завѣщанію. Надо, наконецъ, освободить наслѣдника, получающаго все хозяйство отъ всякаго обязательства уплачивать стоимость всего хозяйства сонаслѣдникамъ, одной и той же степени, и имъ отказывать преимущественно движимую собственность, не принадлежащую хозяйству, дабы запрещеніе раздѣленія не могло быть нарушаемо. Потому что, еще разъ должны мы повторить, основаніе не дѣлимости крестьянскихъ хозяйствъ нельзя на практикѣ согласить съ постановленіемъ, что наслѣдникъ, получающій такое хозяйство обязанъ уплатить стоимость его сонаслѣдникамъ. Не отстранило этого разногласія надѣленіе крестьянъ собственностью, не отстранять ее ни

введенія поземельныхъ книгъ, ни даже образованіе кредитныхъ банковъ для крестьянскихъ имуществъ потому, что ни одинъ кредитный банкъ въ свѣтѣ не сдѣлаетъ на хозяйство ссуды $^5/_6$, а можетъ быть и $^7/_8$ его стоимости. А между тѣмъ, можетъ-быть, при семьѣ помногочисленнѣе такая большая ссуда понадобилась бы новому хозяину, чтобы уплатить сонаслѣдникамъ. Въ такомъ случаѣ ему остается одно средство: продать хозяйство и вырученною цѣною подѣлиться съ наслѣдниками. И развѣ могли бы установиться крестьянскія имущества, если бы каждый годъ значительное число крестьянъ было принуждаемо къ продажѣ отцовскаго наслѣдія и шатанію съ мѣста на мѣсто. Итакъ повторяемъ, надо освободить наслѣдника получающаго крестьянскій майоратъ отъ обязанности платить своимъ сонаслѣдникамъ, и обязать его только къ содержанію оставшейся матери и малолѣтней семьи.

Этого мало: вслѣдствіе постоянныхъ раздѣловъ, крестьянскія хозяйства раздробились бы на такіе мелкіе участки, что смѣшно было бы желать оставить ихъ въ настоящемъ объемѣ. Итакъ, надо начать съ возстановленія всѣхъ раздѣленныхъ хозяйствъ, съ надѣленія всѣхъ участковыхъ владѣтелей, съ цѣлью привести хозяйства въ прежніе ихъ объемы, не смотря на то, что населеніе съ того времени такъ значительно увеличилось. Надо прежде всего согласиться о степени, на которую хозяйства должны быть поставлены.

Въ иныхъ мѣстахъ, особенно на Руси, благодаря вѣковому обычаю, земли такъ разбросаны, что хорошее хозяйство невозможно. Надо, стало-быть, непремѣнно налегать на скопленіе и округленіе такихъ хозяйствъ.

Ибо равно неудобно было бы постановлять нераздѣльность земель разбросанныхъ по цѣлой деревнѣ и уже по этому самому неудобныхъ для хорошаго правленія, какъ и желать округленія и устройства хозяйствъ, которыя, путемъ свободнаго раздѣла, должны скоро раз-

дробиться между разными владѣльцами. Такъ какъ за такое устройство, которое должно совершенно пересоздать всѣ отношенія по имуществу, сами владѣльцы крестьянскихъ земель не примутся, то правительство должно предпринять его тамъ, гдѣ оно окажется нужнымъ.

О постановленіи извѣстнаго minimum для крестьянскихъ имуществъ въ Галиціи.

Не слѣдуетъ ли предупредить раздробленіе бывшихъ подданическихъ хозяйствъ постановленіемъ извѣстнаго minimum ихъ объему, ниже котораго раздѣлъ сказанныхъ земель уже не могъ бы имѣть мѣста?

Нисколько не удивительно и всѣмъ намъ извѣстно стремленіе натуры человѣческой къ устройству, прежде всего того, что именно нельзя устроить, что по своему существу подвержено измѣненіямъ, зависитъ отъ разнородныхъ условій и не можетъ быть опредѣлено точными цифрами. И если есть что-нибудь подобное, такъ это конечно объемъ земли, необходимой для содержанія одной семьи.

Поводомъ къ изслѣдованіямъ послужилъ вопросъ верховныхъ властей: нельзя ли общее распоряженіе, сдѣланное въ 1818 году для цѣлой монархіи, примѣнить и къ Галиціи; распоряженіе, что съ этого времени ни одному крестьянину, поселяемому на барской землѣ, нельзя выдѣлить земли менѣе какъ на 30 мецовъ посѣву, т. е. 26⅔ морговъ, и что даже образованіе такихъ значительныхъ сельскихъ хозяйствъ изъ земель дворовыхъ можно дозволять только по уважительнымъ причинамъ.

Провинціяльныя власти и Отдѣленія Штатовъ, подробнѣе знакомыя съ отношеніями въ провинціяхъ и ихъ потребностями, возстали сильно противъ примѣненія помянутаго распоряженія къ Галиціи, которой оно угрожало бы самыми вредными послѣдствіями. Отдѣленіе Штатовъ представило именно, что «minimum» 26⅔

морговъ не можетъ быть принятъ въ Галиціи уже потому, что обработываніе такой значительной земли требуетъ 25 штукъ крупнаго скота, 5 работниковъ и значительнѣйшее количество хозяйственныхъ орудій, на что нельзя разсчитывать у новопоселенцевъ. Оно прибавило, что благосостояніе крестьянъ и хорошая обработка земли зависятъ не отъ количества земли, но отъ капитала и рабочихъ силъ, которыми можетъ владѣлецъ располагать и по этой причинѣ, какъ указываетъ опытъ, меньшія, въ 10 морговъ, крестьянскія пашни обработываются у насъ обыкновенно лучше бо́льшихъ, такъ какъ бо́льшія хозяйства превышаютъ рабочія силы нашего крестьянина.

Мѣстныя власти сильно поддержали это представленіе замѣчаніемъ, что постановленіе такого большаго «minimum» затруднило бы поселеніе землепашцевъ въ восточныхъ округахъ, въ которыхъ между тѣмъ оно такъ необходимо для умноженія населенія и улучшенія земледѣлія; въ западныхъ же обводахъ оно навсегда помѣшало бы образованію новыхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Въ этихъ послѣднихъ обработка земли, по низменности ея, требуетъ и на небольшомъ пространствѣ большаго труда; или же земледѣлецъ смотритъ на хлѣбопашество, какъ его второстепенное занятіе и живетъ, главнымъ образомъ, выдѣлкою полотна, извозомъ и поденнымъ наймомъ.

Этимъ представленіемъ не ограничились мѣстныя управленія, но согласно съ Отдѣленіемъ Штатовъ, объявили себя противъ постановленія какого бы то ни было общаго «minimum».

Высшія власти не признали, однакожъ, эти замѣчанія на столько уважительными, чтобы отказаться отъ постановленія общаго minimum. Потребованы были еще обстоятельнѣйшія мнѣнія по этому предмету и предписано именно подробнѣйшее изслѣдованіе, какъ велико въ каждой деревнѣ количество земли *четвериковъ*,

т. е. того класса крестьянъ, которые по количеству земли своей, приближаются къ загродникамъ и коморникамъ, хотя ни къ одной изъ этихъ категорій не могуть быть причислены.

Результаты этихъ изслѣдованій, которыя въ 1833 году окончены и представлены, показываетъ приложенная здѣсь таблица, изъ которой выходитъ, что имущество наименѣе надѣленныхъ четверниковъ въ Сандецкомъ округѣ $12^{2}/_{8}$ морговъ, въ Ясельскомъ достигаетъ почти 10 морговъ, изъ другихъ же ни въ одномъ не составляетъ болѣе $7^{5}/_{4}$ морговъ; въ нѣкоторыхъ же уменьшается до 4 морговъ.

Подать, оплачиваемая съ такихъ имуществъ составляетъ среднимъ числомъ отъ 1 зер. до 3 кр. до 3 м. к. 48 зер.

Среднимъ числомъ слѣдовательно, дѣйствительный «minimum» имущества кметей составлялъ 6 м. 500 кв. с. пространства для цѣлой провинціи, а 1 зер. 54 кр. среднее количество оплачиваемой подати.

Представляя эти данныя высшимъ властямъ, мѣстныя управленія воспользовались этимъ, чтобы новыми доводами подкрѣпить свое мнѣніе, что «minimum» поземельной собственности нельзя установить нетолько для всей монархіи, но и для одной провинціи. Оказалось, что въ среднихъ цифрахъ, выведенныхъ мѣстными властями, неровности между деревнями сглажены; но округъ отъ округа различаются значительно. Оказалось, наконецъ, что нѣкоторыя мѣстныя власти въ разное, довольно близкое время, предложили различный «minimum», что стало быть, каждое подобное предложеніе вытекаетъ не изъ дѣйствительныхъ отношеній, но изъ личнаго, индивидуальнаго взгляда на вещи, или выходитъ изъ того, что предлагающій беретъ исключеніе за общее правило.

Этимъ указаніямъ обязана страна, что она избавилась отъ постановленія «minimum» для крестьянскихъ имуществъ.

Указаніе пространства, какое имѣли наименьшія сельскія хозяйства въ 1833 и 1834 году и подати отплачиваемыя съ нихъ; тутъ же и *minimum* для имѣющихъ вновь образоваться хозяйствъ, предложенный окружнымъ управленіемъ для каждаго округа отдѣльно.

ОКРУГЪ.	КОЛИЧЕСТВО ЗЕМЛИ.		ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ПОДАТЬ.		Послѣднія предложенія округовъ въ отношеніи имѣющаго постановиться minimum.	Прежнія предложенія окружныхъ управленій по этому же предмету.
	морг.	сажен.	злр.	кр.		
Вадовицы	6	935 5/9	1	45 6/8	отъ 8 до 10 морговъ пространство земли.	30 злр. подати minimum.
Ржешовъ	6	75	2	5 5/8	9 морговъ.	8 морговъ minimum.
Станиславовъ . . .	5	133 5/6	1	3 6/3	8 морговъ.	10 злр. minimum.
Стрый	6	663	1	6 1/5	20 морговъ.	20 морговъ minimum.
Сончъ	12	1019 4/8	2	42 4/8	отъ 8 до 10 злр. поземельной подати.	10 злр. minimum.
Тарновъ	7	586	2	47 6/8	13 моровъ, а 4 злр. 30 кр. поземельной подати.	въ горохѣ 10 морговъ minimum.
Бохая	6	1196	3	26	10 злр. поземельной подати.	въ равнинахъ 5 морговъ minimum. Есть мнѣнія, чтобы рѣшенія въ каждомъ исключительномъ случаѣ предоставить окружнымъ управленіямъ.
Злочовъ	5	1261	1	42 1/4	6 морговъ, а 1 злр 40 кр. позем. подати.	Никакого minimum.
Чортковъ	4	1388	1	4	1 злр. 40 кр. поземельной подати.	4 морговъ поля. 1/2 морга огорода.
Самборъ	4	855	1	31	6 морговъ, а 2 злр. позем. подати.	4 морга 4 злр. 30 кр позем. подати. 2 злр. 30 кр. позем. подати.
Жулкевъ	5	823	1	36	5 морговъ, а 1 злр. 30 кр. позем. подати.	15 морговъ пшеничнаго грунта или соотвѣтственно подати.
Тарнополь	6	989	1	38 5/8	6 морговъ, а 1 злр. 36 кр. позем. подати.	никакого minimum.
Буковина	6	—	—	—	6 морговъ.	26 5/2 морговъ minimum.
Коломыя	6	232	1	15 1/6	8 морговъ, а 2 злр. 20 кр. позем. подати.	средн. колич. имущ. кметя низшей категоріи.
Ясло	9	1304	3	48	3 злр. позем. подати.	3 злр. подати.
Санокъ	6	1002	1	29 1/8	6 1/2 морговъ, 1 злр. 20 кр. позем. подати.	какъ въ коломыйскомъ.
Львовъ	3	969	1	35 2/4	6 морговъ а 2 злр. 13 кр. позем. подати.	какъ въ бохайскомъ.
Бжезаны	5	1129	1	45 1/2	отъ 10 до 14 морговъ	никакого minimum.
Пшемыслъ	3	1404	1	43 3/8	5 морговъ, а 2 злр. позем. подати.	никакого minimum.
Среднимъ числомъ въ цѣлой странѣ	6	500	1	54 1/6		

Таково было въ 1833 и 1834 годахъ среднее количество наименьшихъ хозяйствъ кметей въ Галиціи.

Посмотримъ каково было оно въ то-же время во Франціи, которая уже въ продолженіи 50-ти лѣтъ пользовалась неограниченною свободою въ отношеніи раздѣла поземельныхъ имуществъ и которую приводятъ всегда въ примѣръ печальныхъ послѣдствій раздробленія.

«Курсъ политической экономіи въ Россіи,» изданный въ 1836 и 1837 годахъ, который посвящаетъ два отдѣла вопросамъ о положеніи собственности, послужитъ намъ объясненіемъ по этому предмету. Мы можемъ тѣмъ болѣе вѣрить его мнѣніямъ, что онъ нисколько не отвергаетъ значительнаго раздробленія пашень во Франціи и опровергаетъ только пріувеличенные толки по этому предмету, по поводу которыхъ выводятся опасенія о близкомъ разореніи Франціи.»

«Въ 1820 году, пишетъ г. Росси, въ Палатѣ Перовъ говорили, что земля во Франціи уже не раздроблена, но едва не стерта въ порошокъ (poulrerisé), что землю не только на гекторы, но даже и на морги уже не мѣрятъ, и что ежедневно, и почти вездѣ, едва можно найти хозяйство заключающее въ себѣ 1 моргъ. Въ 1825 году въ Палатѣ Депутатовъ говорили: откуда такая бѣдность въ нашихъ деревняхъ, почему не сбываются наши произведенія, не продается нашъ скотъ, почему пусты наши мѣстечки, почему ремесленники наши безуспѣшно стараются найти покупателей на мебель, матеріи, даже на одежду и обувь. Откройте гражданскій кодексъ и въ арт. 745 и слѣдующихъ за нимъ найдете отвѣтъ. Поземельная собственность стерта въ порошокъ (гипербола эта употребляется въ теченіе 5-ти лѣтъ), законодательство французское формально уничтожаетъ плугъ. Эта другая ораторская фигура означала, что поземельныя владѣнія такъ уменьшились и измельчали, что скоро во Франціи земля будетъ обрабатываться лопатой.

Легко было г. Росси опровергнуть постепенно это

ораторство. Сравнивъ число участковъ, подлежащихъ поземельной подати (côtes fancières) въ 1815 и 1835 годахъ, показалъ, что въ теченіе двадцати лѣтъ она поднялась на одну десятую часть, отъ 10083751 до 10893528, и что еще изъ этого излишка нужно исключить 500000 участковъ, которые приходятся на построенные дома съ 1827 до 1835 года и заложенныя фабрики. Сознавая, что, не смотря на это, приведенныя цифры доказываютъ значительный раздѣлъ земли, г. Росси заключаетъ свой 23 отдѣлъ слѣдующимъ замѣчаніемъ.

«Мы можемъ, не боясь грубой ошибки, раздѣлить поземельныхъ владѣльцевъ на 3 категоріи.

«Первую составляютъ мелкіе владѣльцы, которыхъ можно считать до 3,500,000 и которые занимаютъ половину всей обработываемой земли, такъ, что, среднимъ числомъ, ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ болѣе шести гекторовъ.»

«Вторую составляютъ владѣльцы среднихъ имѣній, которыхъ около 350,000. Они владѣютъ половиною остальной, обработываемой земли, за тѣмъ среднее количество ихъ владѣній не превышаетъ 30 гектаровъ.»

«Третью составляютъ значительнѣйшіе поземельные владѣльцы, которые дѣлятъ между собою остальную четверть всей хлѣбопашенной земли, такъ, что среднимъ числомъ, на каждое большое имѣніе приходится по 120 гектаровъ.»

Изъ приведенныхъ цифръ, къ нашему предмету ототносятся только тѣ, которыя касаются мелкихъ владельцевъ. Приводимъ подлинныя слова.

«Les petits propriétaires qui, au nombre d'environ 3,500,000 possedant pas en mogenne plus de 6 hectares». Шесть гектаровъ равняются восьми моргамъ, считая гектаръ въ 2100 кв. вѣнск. саж. Итакъ, слѣдовательно въ то время какъ въ Галиціи, не смотря на существующее 50 лѣтъ запрещеніе дѣлить сельскія имущества, средняя величина наименьшихъ пашень кметей не-

достигала и семи морговъ, средняя величина хозяйствъ во Франціи, вслѣдствіе не ограниченнаго раздѣленія земель, не упала ниже восьми морговъ. Еще разъ повторяемъ, что если бы, при отыскиваніи средней величины въ Галиціи, обратили вниманіе нетолько на земли самыхъ бѣдныхъ кметей, но также и на земли загродниковъ, средняя величина эта была бы еще ниже и различіе между Галиціею и Франціею еще увеличилось бы значительно.

Примѣчаніе Графа Урусскаго: Помѣщаю въ концѣ таблицу, составленную графомъ Александромъ Стадницкимъ въ 1845 году; она лучше всего объяснитъ читателю, по какой причинѣ крестьянскія земли неимѣютъ цѣнности, пока тяготѣетъ на нихъ барщина.

Она ясно указываетъ, какъ надо заботиться объ устройствѣ крестьянскихъ наслѣдствъ; заботился объ этомъ еще Казиміръ-Великій, но съ царствованія Зигмунта-Августа и королей избирательныхъ право наслѣдства сдѣлалось излишнимъ для польскихъ крестьянъ, вслѣдствіе увеличенія работъ, которыя отнимаютъ у этихъ земель всякую цѣнность; и въ наше время, когда такъ поднялась цѣнность земли въ цѣлой Европѣ, вслѣдствіе раздробленной собственности и увеличенія движенія капиталовъ, право наслѣдства важно только для тѣхъ колоній губерній Варшавской и Плоцкой, въ которыхъ чиншъ умеренъ и не возвышается.

Въ Галиціи, гдѣ всѣ работы уменьшены указомъ Іосифа II до наивысшей цифры трехъ дней въ недѣлю съ крестьянской усадьбы, какой бы то ни было величины, и гдѣ одно или двухъ дневная работа не возвышается, стоимость всѣхъ этихъ ежегодныхъ крестьянскихъ повинностей доходила, однакожь, среднимъ числомъ, до $^2/_3$ общей стоимости земель, на которыхъ посажены крестьяне въ Галиціи. У насъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ цифра барщины не уменьшилась австрійскимъ закономъ, отношеніе между доходомъ крестьяни-

на съ земли и стоимостью отбываемой крестьяниномъ четырехъ и шести-дневной барщины, невыгоднѣе крестьянину, чѣмъ въ Галиціи. Только легкость заработка удерживаетъ нѣкоторыхъ крестьянъ на мѣстѣ. Если цвѣтущее положеніе сосѣднихъ Пруссаковъ производитъ на насъ выгодное вліяніе, если возрастаніе Варшавы и желѣзныя дороги поднимаютъ у насъ постепенно цѣнность всѣхъ земель, надо сознаться, что и стоимость рабочихъ дней увеличивается въ той же мѣрѣ, особенно съ того времени, какъ стали внимательнѣе смотрѣть за фольварочнымъ хозяйствомъ.

Въ округахъ: Тарновскомъ, Саноцкомъ и Стрыйскомъ плата, слѣдующая помѣщикамъ въ видѣ барщины и податей, въ соединеніи съ поземельною податью, превышала передъ 1846 г. весь доходъ съ ихъ усадьбы; крестьянамъ ничего не оставалось изъ того, что давалъ имъ помѣщикъ, кромѣ дома, общихъ пастьбищъ и сбиранки въ лѣсу; только въ одномъ Коломыйскомъ округѣ работа не превышала половины дохода съ земли. Урбаріальная оцѣнка имѣетъ значеніе, потому что была въ теченіе 70 лѣтъ основаніемъ подати въ Галиціи; наконецъ, каждая оцѣнка можетъ быть сравнительною мѣрою между стоимостью двухъ предметовъ, только бы за основаніе оцѣнки обоихъ предметовъ была принята одна и та-же степень.

Эти цифры лучше всего вразумятъ тѣхъ, которые еще предлагаютъ вѣчно-арендные договоры съ крестьянами вмѣсто платы барщиною *), или которые хотятъ получать чиншъ деньгами въ соединеніи съ такъ называемою помощью, т. е. барщиною выговоренною на время жнитва и сѣнокоса, не принимая въ соображеніе того, что вся барщина, къ которой у насъ привыкли, есть чаще всего лихва, или вслѣдствіе бѣдности, или же вслѣдствіе денежнаго неурожая и безплодія крестьян-

*) Смотри брошюру объ арендахъ и очиншованіи соч. Рафала Стройновсаго. Варшава. 1858 г.

скихъ усадьбъ. Одинъ день барщины въ недѣлю, дѣйствительно не отяготителенъ. Такая барщина была въ употребленіи въ другихъ мѣстахъ и до-сихъ-поръ существуетъ въ Валахіи. Она не подрыла въ тѣхъ странахъ, какъ у насъ, благосостоянія крестьянъ, ихъ нравственнаго достоинства и не уничтожила въ деревняхъ свободный трудъ; крестьяне Бессарабскаго округа, по ливентарію, отработываютъ по одному дню въ мѣсяцъ; правда, работы, назначенныя на одинъ день, требуютъ около четырехъ дней; крестьянинъ, однакожъ, имѣетъ право выбрать себѣ для отправленія барщины удобнѣйшій день въ мѣсяцѣ или же исполнить свою обязанность разомъ, выйдя на работу одинъ разъ въ мѣсяцъ съ цѣлою семьею. У насъ же каждая, даже наименѣе отяготительная недѣльная барщина отнимаетъ у крестьянина независимость и даетъ владѣтелю возможность, въ силу своей власти, потребовать со временемъ бо́льшее число дней, потому что исторія учитъ насъ, что такъ именно и возросла цифра нашей барщины. Итакъ никакая реформа не будетъ твердою въ нашей странѣ и не поможетъ нуждѣ нашихъ деревенекъ, пока не будетъ установленъ въ цѣломъ государствѣ одинъ день барщины, за исключеніемъ такъ называемыхъ *шарварковъ*. Въ Познани власти чрезвычайно заботились, чтобы послѣ регуляціи, помѣщики не отдавали опять каморникамъ участковъ земли за работу и чтобы за крестьянъ не выплачивалъ чинша ни одинъ изъ аферистовъ, которому бы за это крестьянинъ отправлялъ барщину. Это было необходимо, какъ скоро чиншъ долженъ былъ современемъ составить индемнизаціонный капиталъ, на которомъ основывался курсъ *рентбриховъ*. Управленіе кредитнаго товарищества крестьянскаго не можетъ нуждаться въ барщинѣ. На столько лишь можно быть увѣреннымъ, что на крестьянахъ не будетъ большихъ недоимокъ, на сколько кредитное товарищество крестьянское будетъ распоряжаться всѣмъ заработкомъ земле-

дѣльческаго труда крестьянъ, т. е. наибольшимъ капиталомъ въ странѣ и главнѣйшимъ отдѣломъ торговли, который всегда и вездѣ можетъ быть обращенъ въ деньги, только бы нигдѣ не былъ вымогаемъ безплатно.

Очиншованіе есть благодѣяніе для крестьянъ потому, что каждое очиншованіе основано на нынѣшней, дѣйствительной оцѣнкѣ вѣчно-арендуемой земли. Нельзя пускать крестьянскія земли въ продажу съ аукціона, коль скоро очиншованымъ долженъ быть тотъ самый крестьянинъ, который поселенъ на землѣ въ минуту очиншованія, и коль скоро помѣщикъ не имѣетъ права согнать крестьянина. Нельзя также требовать отъ очиншованнаго деньгами болѣе, чѣмъ земля можетъ принести ему самому дохода, всѣ же возвышенія цѣнности усадьбы, сдѣланныя трудомъ чиншовника, становятся его собственностью.

Сравнительная таблица доходовъ Галиційскихъ крестьянъ съ стоимостью ихъ повинностей урбаріальныхъ въ минуту договора. НАЗВАНІЕ ОКРУГОВЪ.	Чистый доходъ сельскихъ земель по урбаріальной оцѣнкѣ. злр.	кв.	Поземельная подать съ сельскихъ земель. злр.	кр.	Чистый доходъ сельскихъ земель, за отчисленіемъ поземельной подати. злр.	кр.	Общая всѣхъ ур повинн урбаріаль злр.
Водовицкій	470833	6/6	64028	36	406804	6/8 24	34374
Бохайскій	492107	7/11	67062	15	425044	59	31375
Сандецкій	328421	59	44736	41	283685	18	25534
Ясельскій	455968	5/20	62187	3	393781	8/17	32789
Тарновскій	506378	4/19	63899	57	437478	52 5	44102
Ржежовскій	615053	5/11	83765	48	531287	26 2	38432
Саноцкій	437998	2/9	59694	26	378303	43	42061
Самборскій	533645	39	72756	35	460889	4 5	34884
Пшемыслскій	676579	5/32	92217	20	584362	12 6	51581
Жулкіевскій	591580	6/12	80818	59	510761	13	37578
Львовскій	324950	30	44383	45	280566	45 7	17582
Стрыйскій	274261	7/23	37608	34	236652	51 6	25400
Бжежаньскій	578618	6/12	78935	48	499682	14 1	34650
Злочовскій	596488	1/13	81579	5	514909	38 5	30550
Тарнопольскій	461636	5/5	62779	31	398836	32	30029
Чортковскій	394219	38	53668	32	340551	6 5	29115
Станиславскій	344594	5/19	47298	11	297296	38 5	24014
Коломыйскій	367709	5/10 5/8	50718	4	316991	6	15050
Вся Галиція вмѣстѣ	8451044	36	1153159	10	7297885	26	580008

Въ концѣ своего царствованія издалъ Іосифъ II свои послѣднія постановленія, кот нѣйшую опозицію, чѣмъ его законы о привиллегіяхъ кощеныхъ, это были указы о монархъ трудился отъ изданія постановленія о крестьянахъ, т. е. съ 1784 года до 1 и 10 этихъ постановленій находятся слѣдующія распоряженія о крестьянахъ.

Не можетъ быть достигнута цѣль истиннаго отношенія общественныхъ податей и разложенія податей такимъ образомъ, чтобы каждый уплачивалъ ихъ съ легкостью, дутъ ограничены обязанности частныхъ поддапныхъ тамъ, гдѣ таковыя слишкомъ от

Итакъ уважая законную собственность помѣщика, мы обязаны, однакожъ, какъ умѣрить всѣ эти барщины, чинши и другія крестьянскія обязанности, которыя пре центъ съ дохода, получаемаго ихъ собственнымъ трудомъ съ земли, и указать помѣш бы они никогда не имѣли права нарушить. Итакъ мы постановили, чтобы 7% съ д но ожидать отъ земли, оставалось бы на содержаніе крестьянина, равно какъ и н общественныя, а только 3% употреблять такимъ образомъ: 12 фр. 13 1/2 кр. подъ

тоимость ріальныхъ стей по ихъ оцѣнкѣ.	Отношеніе чистаго дохода съ сельскихъ земель къ общей стоимости урбаріальныхъ повинностей.	Стоимость уменьшенныхъ урбаріальныхъ повинностей, въ сравненіи съ стоимостью съ барщиной съ запрѣжною и пѣшей, чинши денежный.		Стоимость дворовыхъ десятинъ.		Стоимость десятинъ in natura, за исключеніемъ тѣхъ, которые подъ барщиной.		Стоимость всѣхъ меньшихъ податей въ произведеніяхъ земли домашнею птицею, овощами и скотомъ, свиньми, пчелою и. др.		Стоимость чинша хлѣбомъ по урбаріальной оцѣнкѣ.		Сумма податей высчитанныхъ въ трехъ послѣднихъ рубрикахъ.		Отношеніе общей стоимости урбаріальныхъ повинностей къ стоимости уменьшенныхъ податей, десятинъ in natura и чинша хлѣбовъ.
кр.		злр.	кр.	злр.	кр.	злр.	кр.	злр.	кр.	злр.	кр.	злр.	кр.		
4 1/8			2/8												
33	100 : 84 1/2	37176	30					8277	22	6649	46	17927	8	100 : 4	
											1				
40	100 : 73 3/4	19718	3 1/3			1542	8	8318	54	14789	59	24651	1	100 : 7 3/4	
					6						4		4		
7	100 : 90	17428		4485	40	280	3	8474	7	9921	53	18676	3	100 : 7 3/4	
											3				
57	100 : 83 1/3	12897	1/2			33	33	10321	28	5404	40	15759	41	100 : 4 3/4	
12	100 : 100 1/4	7535	21			1148	30	13908	40	17404	31	32461	41	100 : 7 1/3	
15	100 : 72 1/3	13918	2/3 и			725	24	15920	57	37035	1	53681	22	100 : 14	
											4				
2/3	100 : 111 1/3	20504	2/3					20018	50	31167	6	51185	56	100 : 12 1/6	
1	100 : 75 3/4	22358	58			363	3	9715	26	54688	31	64767		100 : 18 1/2	
											4		4		
2	100 : 88 1/3	19755	23	149	45			18979	33	36822	34	55802	4	100 : 10 1/8	
8															
4	100 : 73 2/3	170866	52			312	14	11538	7	14136	17	16086	32	100 : 4 1/1	
18											2		2		
4	100 : 62 3/4	15135	2/4 и			343	59	5404	7	20842	37	26590	43	100 : 15 1/8	
1					2						7		1		
7	100 : 107 1/3	23439	1/3 1	14	14	791	21	5314	4	13281	30	19886	55	100 : 7 6/8	
41					2						7		7		
3	100 : 69 1/3	10695	40			7740	6	4681	20	16348	42	28770	26	100 : 8 1/4	
59											5				
6	100 : 59 1/3	15891	46			4549	25	4392	10	15104	58	24046	33	100 : 7 1/8	
5											1		1		
1	100 : 77 1/3	17227	5/8			14080	46	9328	40	3174	15	16583	41	100 : 5 1/4	
7											7		4		
5	100 : 85 1/2	35396				387	19	7682	16	2665	3	10734	38	100 : 3 2/5	
19											3		3		
5	100 : 80 3/5	19100	11			3118	5	8178	18	7535	52	18832	15	100 : 7 1/8	
5/16											7				
54	100 : 47 1/2	19491	7/25			5070	22	6763	55	1391	41	13226	1	100 : 8 3/4	
5/16					1						5		5		
27	100 : 79 1/2	346006	2/35	4649	40	40586	18	177718	14	305155	25	623459	57	100 : 10 1/5	

...ыя встрѣтили еще силь-...одатяхъ надъ которыми ...: — Въ параграфахъ 9

...еньшеніе этой тяжести ...и въ то-же время не бу-...отительны.

...хранители общаго блага, ...плаютъ извѣстный про-...мъ границы, которыхъ ...ода брутто, какого мож-...новинности церковныя и ...ваніемъ царской подати

17 фр. 46 2/5 своему помѣщику, высчитавъ на деньги барщину за тяглую и пѣшую чинши, хаудемію и т. д., гдѣ крестьянинъ платилъ менѣе, остается при прежней платѣ; деньги будутъ съ этихъ поръ единственымъ мѣриломъ обязанностей крестьянскихъ въ отношеніи помѣщиковъ и т. д.

Сравнивая эти правила Іосифа II съ цифрами приложенной таблицы, мы не удивимся, что указъ этотъ о податяхъ тотчасъ послѣ смерти Іосифа II преемникомъ его Леопольдомъ II былъ отмѣненъ; мы видимъ, что до 1845 года обязанности крестянъ въ Галиціи составляли относительно далеко болѣе 5/10 дохода съ усадьбы, не смотря на то, что обязанности эти, какъ извѣстно, были значительно уменьшены указомъ Іосифа II въ 1784 году.

Это новое доказательство, что барщина никогда не можетъ быть заключена въ предѣлы законности, даже строгой справедливости, и что можетъ быть только терпимо неустановившимися законами, пока денежныя отношенія въ странѣ не дозволятъ уничтожить этотъ остатокъ средневѣковыхъ злоупотребленій, которыя не обогатятъ насъ, но, напротивъ, доведутъ всѣхъ до раззоренія. (Отрывокъ изъ сочиненія: «Іосифъ II и его вѣкъ,» Карла Рамсхорна 1845, стр. 435).

(К. д. стр. 76 и 77.)

ОТДѢЛЪ XVI.

Объ отношеніяхъ между сословіями владѣющими и сословіями арендующими, и о потребности введенія у насъ ординаціи *).

Гр. Рейнольда Тизенгауза.

При образованіи общества, пока заселенное пространство земли превышаетъ потребности населенія и даетъ ей возможность расходиться въ разныя стороны, власть этого общества, если уже существуетъ какая-нибудь таковая, позволяетъ отдѣльнымъ членамъ занять въ личное владѣніе каждый клочекъ земли выработанной или употребленной семьею или лицемъ. Но какъ скоро населеніе сгущается до такой степени, что уже начинаются споры о границахъ владѣнія или собственности каждой семьи, то сильнѣйшій сосѣдъ съ этой минуты беретъ перевѣсъ и становится властителемъ или на всегда, или только на время, пока прежній владѣтель совокупными силами не отниметъ своего владѣнія. Но повсемѣстное право насилія (Faustrecht) не можетъ быть законнымъ положеніемъ; общество соглашается на пожертвованіе нѣкоторыхъ личныхъ правъ жизни, заработка и имущества въ пользу сильнѣйшаго, лишь бы онъ защищалъ отъ взаимнаго разбоя. Если общество не велико, начальникъ страны самъ сбираетъ дань черезъ сообщниковъ и повѣренныхъ.

Такой порядокъ вещей длится только до-тѣхъ-поръ, пока населеніе меньше производительности занимаемой имъ земли. Коль скоро земля, какъ промыселъ или мѣстопребываніе, сдѣлается главнѣйшею потребностію

*) Неиздано.

общества, начальникъ, какъ власть распорядительная, отказывается отъ правъ на землю, тяготѣющихъ на личномъ трудѣ, потому что власть эта имѣетъ уже достаточно нравственной силы, чтобы въ случаѣ потребности отобрать жилище у того, который позволилъ себѣ насилія. Но кромѣ этого, властитель ни отчего не можетъ отказаться безъ нарушенія общаго спокойствія. Съ этой минуты общая собственность владѣнія замѣняется собственностью личною. Предводители и начальники областей по раздачѣ земель и допущеніи отдѣльныхъ лицъ къ личнымъ владѣніямъ, переставая властвовать надъ потребностью, должны съ этихъ поръ властвовать надъ личною собственностью и волею, посредствомъ подати, посредствомъ принужденія, посредствомъ смертной казни и конфискаціи. Раздѣлъ земли между многочисленнымъ родомъ доводитъ мелкихъ владѣльцевъ до необходимости брать въ аренду земли отъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ остались обширныя и нераздѣльныя пространства и съ которыми сами эти владѣльцы не могутъ справиться; арендующія пользуются излишкомъ дохода надъ ихъ расходомъ, ибо аренда есть нечто иное, какъ посвященіе части плода своей работы для полученія нужнаго на трудъ промысла. Итакъ, одни обитатели посвящаютъ странѣ часть своего дохода въ видѣ подати, посвящаютъ свободу и личную независимость, въ общественной службѣ, а въ случаѣ нужды, приносятъ и жизнь въ жертву обществу, на защиту отъ нападеній и сохраненія общественной безопасности и независимости. Другіе же обитатели этой страны приносятъ въ жертву часть своего годоваго заработка для обезпеченія себѣ аренды у частныхъ лицъ. За данную арендную сумму, арендаторы достигаютъ, такимъ образомъ, вездѣ повторяющагося результата, т. е. что они становятся временными владѣльцами всѣхъ земель, подъ условіемъ уплаты чиншовъ. Развѣ же не гораздо лучше, что каждый сынъ арендатора, способный

къ труду, легко получитъ аренду тамъ, гдѣ вся страна подъ арендой? въ странѣ же личной собственности не найдетъ ее никогда: тамъ найдетъ онъ только службу работника, который даетъ такимъ семействамъ существованіе невѣрное, неосѣдлое и нищенское.

Общинное владѣніе землею можетъ существовать только до-тѣхъ-поръ, пока цѣлая община имѣетъ общій интересъ въ арендѣ или дани съ этой земли. Уничтоженіе этого порядка даетъ личную собственность каждому трудящемуся роду, а отсюда вышепоказанныя слѣдствія. Личная собственность должна непремѣнно вырождаться, какъ скоро земледѣліе подчиняется условіямъ экономической производительности. Въ настоящее время общинная собственность существуетъ только въ монастыряхъ, а въ царствѣ животныхъ—у пчелъ и муравьевъ.

Исторія каждаго народа представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ исторію преобразованія общинной собственности въ собственность личную. Князьки и владѣтели занимаютъ обыкновенно по праву войны всѣ общинныя земли и въ началѣ исторіи становятся владѣльцами всей страны; за недостаткомъ же денегъ раздаютъ заслуженнымъ эти земли, какъ теперь раздаются правительствомъ пенсіи въ награду за общественную службу, а служба военная была единственною общественною службою у народовъ неразвитыхъ. Это создало частное владѣніе поземельными капиталами, которое въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, послѣ многихъ насилій съ одной и съ другой стороны, породило обычаемъ права, въ послѣдствіи записываемыя для памяти; это названо инвентаріемъ. Эти инвентаріи были дѣйствительно добровольнымъ договоромъ между имѣющимъ и неимѣющимъ, выраженіемъ процента съ капитала, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока подданство не дало возможности требовать болѣе, чѣмъ могутъ дать, какъ аренда, земля и приспособленный къ ней трудъ. Законъ литовскій, правда, не освободилъ крестьянъ формально, но недо-

статокъ власти исполнительной, во время польскаго правленія, былъ причиною, что отъ каждаго помѣщика, желающаго увеличить прежнія повинности, люди бѣгали въ другія воеводства, въ другія имѣнія, и нельзя было возвратить ихъ; отъ этого-то во многихъ прежнихъ рабочихъ инвентаріяхъ, можно найти *поденщину по добровольному уговору.*

Раздѣленіе поземельной собственности, раздробляя капиталъ, увеличивало потребность возвышенія повинности; мелкій капиталъ въ оборотѣ, по крайней мѣрѣ въ нашей сторонѣ, даетъ процентъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ соединенный въ однихъ рукахъ. Выкупъ или дарованіе земли крестьянамъ не можетъ произвести другаго послѣдствія, какъ раздробленіе имѣній между мелкою шляхтою.

Если правительство встрѣчаетъ затрудненіе въ наблюденіи за отношеніями шляхты къ крестьянамъ, когда собственность соединена въ рукахъ шляхты (допустимъ что въ настоящее время этихъ владѣтельныхъ родовъ 10,000, а число тѣхъ, которые желаютъ получить собственность — 1,000,000); чего же можно ожидать, когда будетъ отстранено вышепоказанное количество 10,000 шляхты. Эти, въ продоженіе нѣсколькихъ лѣтъ, привиллегированные роды привыкли къ власти и господству, если не врожденная умѣренность, то привычка, ивентаріи, освященные обычаемъ, меньшія потребности для меньшаго числа лицъ, наконецъ узда общественнаго мнѣнія ограничиваютъ ихъ желанія и даютъ гарантію тѣмъ, которые отъ нихъ зависятъ. Мѣсто этихъ 10,000, по надѣленію крестьянъ собственностью, займетъ 1,000,000 новыхъ владѣльцевъ, которые скоро образуются изъ общаго числа надѣленныхъ крестьянъ, а въ новыхъ владѣльцахъ не будетъ иной страсти кромѣ корыстолюбія. Правда есть законы для предупрежденія злоупотребленій, но какая же возможность у правительства наблюсти за отношеніями между 1,000,000 владѣльцевъ и 9,000,000 желающихъ отъ нихъ аренды или службы.

Правительство учредило ссудный банкъ, для пониженія степени процента частныхъ капиталовъ, въ такой же степени управленіе каждаго частнаго имѣнія поддерживается сохраненіемъ равновѣсія въ потребностяхъ арендаторовъ (крестьянъ), удовлетворяя ихъ требованіямъ ссудою, чаще всего пропадающею, лишь бы замѣнить кредитъ крестьянскій, составляющій на зерно 50% отъ весны до осени, и чтобы замѣнить кредитъ жидовскій, который составляетъ на деньги 52% въ годъ.

По надѣленіи крестьянъ собственностью, помѣщики перестанутъ ссужать своихъ бѣднѣйшихъ сосѣдовъ, а будетъ ли въ состояніи правительство удовлетворять кредитъ ежедневный, мелочный? Приступимъ теперь къ къ неудобству и вреднымъ послѣдствіямъ раздробленной собственности.

До-сихъ-поръ масса народа богатѣла соотвѣтственно собственнымъ нуждамъ и естественнымъ произведеніямъ страны; каждый старшій сынъ въ семьѣ влочнаго арендатора, свободнаго, или прикрѣпленнаго крестьянина, достигнувъ совершеннолѣтія, просилъ отца, чтобы онъ уволилъ его изъ дома и позволилъ взять новую усадьбу; то же самое дѣлалъ другой и третій до самаго младшаго, который наслѣдовалъ отцовскую аренду, со всѣмъ имуществомъ, какъ слабѣйшій, менѣе опытный, а потому долѣе требующій родительской опеки.

Арендуемая влока, измѣненная въ наслѣдственную, сразу перестаетъ обогащать народъ. Ни одинъ сынъ, даже по приказанію отца, не пойдетъ въ свѣтъ добывать себѣ имѣніе, имѣя право на наслѣдство. По смерти отца раздѣленіе измѣнитъ влоку въ четверти, а за тѣмъ въ клочки, истрачивающіе человѣческія силы; тогда пашня перестанетъ быть промысломъ, вырабатывающимъ содержаніе цѣлой страны и отъ раздробленія сдѣлается безполезною, даже вредною, потому что человѣкъ который владѣетъ меньшимъ участкомъ земли, чѣмъ онъ можетъ обработывать, тратитъ по-пусту остатокъ

силъ; прикупить же подлѣ себя или не можетъ, или ему не на что.

Влока составляетъ хозяйственную единицу, при условіяхъ абрщинной аренды. Этотъ родъ аренды, составляющійся для помѣщика изъ чинша работою, одну треть работы посвящаетъ дворовому полю, а двѣ трети труда употребляетъ на обработываніе арендуемой влоки, которая подъ названіемъ крестьянской усадьбы, достаточна на удовлетвореніе всѣхъ потребностей семьи, и нетолько здоровыхъ и работящихъ крестьянъ, но и согбенныхъ лѣтами родителей, равно какъ и подрастающей молодежи; при этомъ лѣсъ и пашня даровыя. Влока наслѣдственная сразу теряетъ пастьбище и лѣсъ, или приходъ съ этого источника замѣняетъ расходомъ, и тратитъ по-пусту третью часть труда.

Неподлежитъ сомнѣнію, что даже при надѣленіи крестьянъ влоками въ собственность, раздѣленіе ихъ должно быть запрещено. Кто же долженъ наслѣдовать: старшій или младшій въ родѣ? Если старшій, законъ создаетъ крестьянскіе майораты. Кто же, по смерти отца, будетъ заботиться о подрастающихъ и малолѣтнихъ ребятишкахъ, если старшій сынъ наслѣдуетъ и уже имѣетъ собственную семью? Если младшій долженъ наслѣдовать, то-же самое затрудненіе: кто же станетъ изъ родственниковъ даромъ работать для него? Можетъ также случиться, что старшій или младшій сынъ не способенъ хозяйничать, а спасобенъ на что-нибудь другое; за что же онъ и хозяйство должны пострадать отъ этого? отчего же законъ не можетъ признать права наслѣдства и среднему въ родѣ?

Если наслѣдникъ можетъ продать землю и слѣдовать призванію своихъ способностей, — нѣтъ майората, нѣтъ средства удержать цѣлость и нераздѣльность усадьбъ для земледѣльческаго населенія; богатѣйшіе, сильнѣйшіе, умнѣйшіе скупятъ нѣсколько влокъ и, вмѣсто нѣсколькихъ тысячъ шляхты, явится милліона два новыхъ вла-

дѣльцевъ, которымъ предстоитъ имѣть дѣло съ нѣсколькими милліонами арендаторовъ, какъ я сказалъ уже въ самомъ началѣ.

По этимъ причинамъ, мнѣ кажется, очевидно, что капиталъ недвижимый тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ онъ не подвижнѣе, а движимый, чѣмъ болѣе дано ему движеніе. Увлекаясь этими основаніями, экономисты нѣмецкіе нѣкоторое время поставляли себѣ цѣлью стремиться къ раздѣленію земель, что равно не возможно, какъ и раздѣленіе фабрики и всякаго другаго промышленнаго предпріятія. Можно дѣлить на мельчайшія части плоды труда, а не источникъ, на который онъ обращенъ.

Продажу или дарованіе земли крестьянамъ, я считаю средствомъ сбросить съ себя на нѣсколько лѣтъ бремя устройства затруднительныхъ отношеній, какія возникаютъ иногда между имѣющимъ и неимѣющимъ. Въ сущности же эта раздача земли въ собственность земледѣльцевъ, нетолько не прекратитъ, а лишь начнетъ безконечный рядъ злоупотребленій, которыя не возможно уничтожить.

Постановленія Прусскаго сейма, которыя облегчили чиншовникамъ уплату и доходъ съ арендуемой ими земли, могутъ, по моему мнѣнію, быть нужными каждому на то, чтобы опровергнуть тѣ основанія, на которыя онѣ опираются.

Правительство Прусское, испуганное послѣдствіями раздѣльности земель, кажется предложило сейму проэктъ образованія крестьянскихъ майоратовъ, что сеймъ, разумѣется, отвергъ. Всѣ эти затрудненія добровольно созданы въ Германіи, онѣ слѣдствіе того, что повсемѣстное арендованіе земель вышло изъ рукъ значительныхъ поземельныхъ владѣльцевъ и облегченія земледѣльческому классу пріобрѣтенія промысла, т. е. земли въ собственность.

Отношенія поземельной аренды, которая столько тысячъ лѣтъ не была ограничена закономъ и которая

основывалась единственно на возможности пріобрѣтенія выгодъ съ одной стороны и потребности промысла для употребленія на него труда, съ другой стороны, стѣсненная у насъ въ настоящее время законными условіями, требуетъ многолѣтней опытности для полезнаго толкованія о ней, многолѣтняго труда для примѣненія расхваленной вещи и еще болѣе лѣтъ терпѣливаго ожиданія имѣющихъ явиться послѣдствій правилъ, примѣненныхъ къ труду человѣческому.

Главная, однакожъ, основа всѣхъ усилій на этомъ поприщѣ ограничивается одною задачею—утвержденіемъ долговѣчной поземельной аренды, какъ въ мелкихъ участкахъ крестьянъ и *загоновой* шляхты, такъ и въ цѣлыхъ имѣніяхъ, составляющихъ мѣсто оборота значительнѣйшихъ капиталовъ, опираясь всегда на добровольный уговоръ. Но долговѣчная аренда можетъ существовать только въ имѣніяхъ, сохранившихся долго въ одномъ родѣ, не подлежащихъ раздробленію, продажѣ, переходу изъ рукъ въ руки, обремененію частными долгами, требующими часто насильнаго добыванія денегъ и отсюда уменьшенія лѣсовъ, деревень и пашни. Все это, кажется, убѣждаетъ, что какъ порядочная крестьянская аренда, такъ и всякая значительнѣйшая аренда, которая требуетъ большаго оборотнаго капитала и условій, можетъ образоваться только въ странѣ постепеннымъ установленіемъ изъ поземельной собственности ординаціи. Ординація не можетъ быть раздѣлена, продана, она можетъ быть только обременена долгомъ, не превышающимъ шестую часть ея стоимости.

Понятіе объ ординаціи мало имѣло поборниковъ у насъ въ прежнее время; легко понять причины этого нерасположенія къ маворатамъ, которое господствовало у насъ. Противники учрежденія маворатовъ, по спокойномъ разсмотрѣніи причинъ, какъ съ точки зрѣнія политической экономіи, такъ и мѣстныхъ потребностей, присущихъ нашей странѣ, одни сознаютъ въ настоящее

время необходимость, а другіе, по крайней мѣрѣ, пользу подобнаго учрежденія поземельныхъ владѣній.

Не одно только надѣленіе крестьянъ собственностью влечетъ за собой пагубныя послѣдствія раздробленія имѣній,—раздробленіе имѣній можетъ равно явиться и въ рукахъ шляхты.

Но средство введенія майоратовъ по указу, т. е. наслѣдственнымъ образомъ, повлекло бы за собой болѣе дурныхъ, чѣмъ хорошихъ послѣдствій.

Подобныя учрежденія должны проистекать изъ добровольнаго согласія владѣтелей поземельныхъ имуществъ, по установленнымъ уже законамъ, дозволяя наименьшимъ майоратамъ сливаться въ бо́льшіе, до указанныхъ границъ, въ которыхъ необходимъ «maximum», дабы недопустить ростъ частныхъ капиталовъ до размѣровъ, могущихъ превзойти волю правительства или общества.

Нашъ законъ о *заповѣдныхъ* имѣніяхъ, назначаетъ «minimum» 12,000 р. сер. дохода, а maximum — 2,000,000 р. сер. Если бы существовало желаніе образовывать майораты, не надо бы было назначать никакого «minimum», и дозволить только сливаться мелкимъ ординаціямъ въ бо́льшія, безъ возможности послѣдующаго раздробленія ихъ.

Майораты имѣютъ экономическую цѣль и, кромѣ уничтоженія излишняго народонаселенія безъ кровопролитія, по самой натурѣ общей аренды, даютъ, съ одной стороны, въ старшихъ сыновьяхъ каждой семьи, классъ распорядителей, а съ другой стороны, направляютъ орудія къ труду, какъ въ младшихъ братьяхъ семействъ ординаціи, такъ и въ остальномъ арендующемъ населеніи. Въ прежней нашей исторіи недоставало намъ внѣшней политики и вооруженныхъ силъ, по тому только, что и въ Литвѣ постепенно дозволено, по образцу коронныхъ, дѣлить имѣнія ленныя и привиллегированныя. Постоянные офицеры въ литовскомъ войскѣ были изъ Курляндіи и Лифляндіи, изъ младшихъ майоратныхъ братьевъ этихъ провинцій.

Въ настоящее время, каждое большое благопріобрѣтенное имѣніе тѣмъ вреднѣе, что плодъ труда одного способнаго человѣка достаетъ на нѣсколько поколѣній, получающихъ наслѣдство для бездѣятельной, безпутной жизни. Деньги, какія давали прежде майораты, замѣнились въ настоящее время, увы, заемными письмами.

Много разъ я задумывался, не пристрастенъ ли мой взглядъ и не вытекаетъ ли онъ изъ личныхъ видовъ.

Я ставилъ себя въ положеніе земледѣльца, арендатора, торговца, помѣщика и правительства, и разсматривая дѣло съ каждой стороны, допуская наимельчайшія и главнѣйшія основанія административныя и экономическія, законныя и политическія всегда принужденъ былъ приходить къ тому же выводу.

Всякій законодательный трудъ, который не приметъ въ основаніе новыхъ учрежденій—нераздѣльность большихъ поземельныхъ владѣній, и который только выдастъ и приметъ постановленіе долговѣчности арендныхъ договоровъ, какъ законъ обязательный, кажется мнѣ обманчивымъ, проходящимъ и ухудшающимъ общее положеніе.

Примѣчаніе Графа Урусскаго: Направленіе приведеннаго отрывка составляетъ, кажется, также и тенденціи извѣстнаго помѣщика, изъ сочиненій котораго мы помѣстили отрывки въ нашей книгѣ. Наибольшій майоратъ въ нашей странѣ и единственный, который завѣщало намъ прошедшее, находится въ родѣ, къ которому принадлежитъ вышеупомянутый писатель.

Но глубокій мыслитель, къ произведенію котораго присоединяемъ мы настоящее примѣчаніе, имѣлъ смѣлость объявить яснѣе и безъ обиняковъ, что считаетъ необходимостью образованіе въ нашей странѣ многочисленныхъ ординацій, онъ хочетъ уничтоженія раздѣльности дворянскихъ имѣній и постепеннаго приведенія наслѣдственныхъ правъ по поземельнымъ имуществамъ къ праву первородства. Это право было у насъ когда

то популярнымъ. Въ правленіе Пястовъ всѣ имѣнія дворянскихъ родовъ были майоратами; со многими майоратами былъ связанъ графскій титулъ. Графство Тенчиньское оставалось не раздѣльнымъ до-тѣхъ-поръ, пока не угасъ родъ Тенчиньскихъ, т. е. до 1636 года. Удѣлы князьковъ литовскихъ и русскихъ до люблинской уніи были именно ни чѣмъ другимъ, какъ ординаціями, съ-тѣхъ-поръ, какъ княжества эти перестали быть отдѣльными государствами. Въ правленіе Ягеловъ начали образовываться многочисленныя ординаціи изъ новыхъ и даже мелкихъ имѣній, которые должны были замѣнить майораты временъ Пястовъ, упавшіе вслѣдствіе уничтоженія леннаго права. Ягеллоны, власти которыхъ постоянно угрожали, въ Литвѣ и на Руси, удѣльные князьки, противились разспространенію майоратовъ въ Польшѣ; но когда династія Ягеллоновъ угасла, мы видимъ, что, не смотря на духъ равенства и братства шляхты, образовалось снова нѣсколько ординацій, которыя существовали до новѣйшихъ временъ.

Майораты, въ глазахъ нашего автора, составляютъ необходимое условіе для разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ отношеніи временнаго очиншованія, потому что введеніемъ майоратовъ меньшее число дворянскихъ имѣній будетъ подвергаться раздробленію, обремененію долгами и упадку, вслѣдствіе насильственныхъ денежныхъ потребностей владѣльцевъ. Отдадимъ честь такой добросовѣстной послѣдовательности въ убѣжденіяхъ, а всѣмъ другимъ, менѣе послѣдовательнымъ, противникамъ вѣчнаго очиншованія или надѣленія крестьянъ собственностью замѣтимъ, что только такого рода доказательства могутъ защитить ихъ убѣжденія противъ огромнаго большинства нашихъ мыслителей и политико-экономовъ, которые приняли сторону болѣе или менѣе безусловнаго надѣленія собственностью.

Если все земледѣльческое населеніе Польши, т. е. если нѣкоторымъ образомъ весь народъ, нѣсколько мил.

ліоновъ, должно надѣлить собственностью и если его существованіе и быть должно предоставить безусловно милости и немилости десяти тысячъ поземельныхъ владѣльцевъ, если должно уничтожить всякіе инвентаріи и распоряженія, стѣсняющія произвольное владѣніе землею, надо въ тоже время отстранить младшихъ братьевъ и женщинъ въ семьяхъ дворянскаго сословія отъ права въ дѣлежѣ отцовскаго наслѣдства, надо не дозволять раздѣленіе ординаціи, сколько бы не перешло мелкихъ майоратовъ въ однѣ руки; надо, наконецъ, предупредить возможность задолжать владѣльцу и такимъ образомъ дать чиншовникамъ и арендаторомъ, безъ сомнѣнія, большее обезпеченіе, чѣмъ постановленія, которыя очень легко обойти, пока законъ не опредѣлилъ совершеннаго раздѣла на мое и твое.

При временномъ очиншованіи нашихъ крестьянъ, сдѣлавъ ихъ предварительно колонистами ординацій, не должно нарушать началъ нравственности и справедливости, начавъ надѣленіе собственностью съ самихъ себя; потому что, надо знать, что верховная власть каждой ординаціи принадлежитъ правительству, которое одно можетъ предписывать или измѣнять условія владѣнія майоратами и которое контролируетъ образъ дѣйствія владѣльцевъ ординацій съ своими чиншовниками. Ординація есть стѣсненная собственность для ея обладателя; но, за то, даетъ ему нѣкоторымъ образомъ правительственное положеніе, въ-силу права рожденія.

Въ Англіи земля, даже не принадлежащая къ ординаціи, не составляетъ до-сихъ-поръ наслѣдственной собственности частныхъ лицъ, потому что собственность наслѣдственная (алодіальная) земли, создана уже именно только ея раздробленіемъ; это же раздробленіе вызвало взаимно необходимость гражданскихъ законовъ и подробныхъ гипотекъ, которыя сравняли недвижимую собственность съ абсолютнымъ имуществомъ «peculii», уничтожая вмѣстѣ съ тѣмъ всякую классификацію земель.

Но это уже порожденіе законовъ новѣйшихъ, преимущественно въ странахъ не-романскаго происхожденія, и потому чуждое средневѣковому законодательству Англіи, которое существуетъ до-сихъ-поръ. Землевладѣльцы въ Англіи не знаютъ гипотекъ при продажѣ; они должны прибѣгать къ изворотамъ, чтобы продажа ихъ была законна, безъ дозволенія высочайшей власти; но на сторонѣ землевладѣльцевъ въ Англіи то, что высочайшая власть безсильна, особенно въ этомъ отношеніи, съ царствованія Генриха VII; потому-что, когда начали въ XV вѣкѣ уничтожать въ Англіи подданство кметей, парламентъ не позволилъ королю постановить личную эмансипацію англійскихъ крестьянъ, какъ сдѣлалъ это Людовикъ X во Франціи, въ 1315 году, огласивъ, что въ королевствѣ *Франковъ* не могутъ существовать частные подданные. Освобожденіе земледѣльцевъ изъ подданства дополнило дворянство путемъ добровольныхъ договоровъ или при помощи изворотовъ, употребленныхъ Трибуналами; если кто обращался въ судъ по спору съ кметемъ, признавалъ, передъ судомъ, своего подданнаго — свободнымъ. Побужденіемъ дворянства, освобождать своихъ подданныхъ, была хорошо понятая собственная выгода, которой мы непонимаемъ еще въ половинѣ XIX столѣтія; но то-же самое побужденіе было впослѣдствіи причиною совершеннаго удаленія англійскихъ кметей изъ усадьбъ, это удаленіе совершалось въ такихъ большихъ размѣрахъ, что теперь въ Англіи фольваркъ граничетъ съ фольваркомъ. А чтобы дополнить въ этой странѣ строгую законность выдѣленія крестьянъ, нужно было кому-нибудь опредѣлить законныя отношенія между владѣльцемъ и освобожденнымъ изъ подданства земледѣльцемъ.

Короны — французская, австрійская, прусская, датская, шведская, равно и меньшія нѣмецкія государства, за исключеніемъ прежняго славянскаго Мекленбурга, признали крестьянскія земли ненарушимыми, съ того вре-

мени, какъ феодальныя учрежденія замѣнены правами опредѣленными и законными, и сословію дворянства дала только власть требовать крестьянскія служебности. Въ исторіи Англіи, которая—до-сихъ-поръ, не поясняетъ этихъ отношеній, видно, однакожъ, что корона англійская обнаруживала подобное же стремленіе, но парламентъ былъ другаго мнѣнія. Обычай доминіи въ отношеніи количества платы и работъ признанъ и въ Англіи невозвышаемымъ, въ-силу судебныхъ протоколовъ; а копіи съ этихъ протоколовъ замѣняли казенные контракты, которые и тамъ, какъ у насъ, не существовали между помѣщикомъ и прежнимъ подданнымъ; со времени указа 1846 года, появилось только одно различіе между Копыгольдерсомъ и крестьяниномъ Пруссіи, Австріи и Царства Польскаго. Оно заключалось въ томъ, что въ этой копіи of the court roll не было упомянуто о вѣчности этихъ договоровъ и это одно послужило поводомъ тому, что въ цѣлой Англіи нѣтъ почти ни одной крестьянской усадьбы, хотя едва ли не вся Англія раздѣлена на большія ординаціи.

Такого положенія вещей никогда не могутъ ожидать владѣтели майоратовъ на контингентѣ, кромѣ того, что этотъ родъ владычества по имѣнію привлекателенъ для значительныхъ поземельныхъ владѣльцевъ, каждая корона охраняетъ права народа на собственность или, по крайней мѣрѣ, неизмѣнное владѣніе землями, находящимися въ рукахъ крестьянъ, если не по другимъ причинамъ, то ради вооруженной силы, въ которой Англія нуждается менѣе, въ той мѣрѣ, сколько она сильна на морѣ. Нѣтъ страны, которая имѣла бы болѣе населенныхъ городовъ, чѣмъ Великобританія и, однакожъ, только до-тѣхъ-поръ можетъ расчитывать на охотниковъ въ военную службу, пока все лишнее населеніе горной Шотландіи и Ирландіи не будетъ замѣнено овцами. Только въ деревняхъ можетъ найтись болѣе людей, чѣмъ ихъ необходимо для земледѣлія; чѣмъ хуже

живутъ они, чѣмъ болѣе закаливаются они въ борьбѣ съ природой, тѣмъ лучшими становятся солдатами. Земледѣліе устроено въ Англіи, какъ всякая фабрикація. Въ Англіи не можетъ существовать регулярный наборъ войска, на которомъ основывается могущество и независимость всѣхъ другихъ народовъ, потому что остановлено было бы движеніе земледѣлія и фабрикъ призывомъ подъ знамена фольварочныхъ работниковъ и ремесленниковъ. Въ послѣднюю войну населенная Англія едва собрала корпусъ въ 30,000 людей и начала было уже, по своей привычкѣ, сманивать деньгами рекрутовъ съ материка Европы, изъ странъ, гдѣ менѣе большихъ городовъ, но гдѣ за то деревни населены, вслѣдствіе раздробленной поземельной собственности. Слѣдовательно сельское населеніе составляетъ единственное пополненіе регулярныхъ войскъ.

Писателямъ и политико-экономамъ не нужно заниматься утвержденіемъ судьбы крестьянъ, на сколько они не отданы въ руки арендаторовъ, потому что чиншовникъ такого большаго барина, какъ монархъ, не нуждается въ контрактѣ, чтобы имѣть всевозможныя гарантіи, которыя можетъ дать ему гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ контрактъ, когда чиншовникъ этотъ имѣетъ дѣло съ лицемъ частнымъ. Отдѣлы XII и XIII предлагаемаго сочиненія учатъ насъ, что даже контрактъ нотаріальный не обезпечиваетъ чиншовниковъ въ Царствѣ Польскомъ.

Каждый безпристрастный политико-экономъ сознаетъ, что, при настоящемъ недостаткѣ вѣчно аренднаго устава, судьба частныхъ чиншовниковъ будетъ всегда сомнительна, до-тѣхъ-поръ, пока не послѣдуетъ надѣленіе собственностью, т. е. пока сборъ чинша не сдѣлается обязанностью короннаго правительства; а если не будутъ разрѣшены связи между владѣльцемъ фольварка и крестьяниномъ, до-тѣхъ-поръ, пока чиншовниковъ не станутъ защищать прокураторства и пока въ этомъ от-

ношеніи не будутъ распоряжаться власти административныя.

Въ разрѣшеніе крестьянскаго вопроса нужно удовлетворить интересамъ обѣихъ сторонъ, надо удовлетворить и помѣщиковъ и крестьянъ, но нельзя желать себѣ закона французскаго, а крестьянамъ—закона англійскаго; себѣ собственности потомственной (алодіальной) и полной движенія, а крестьянамъ—отрѣшенія ихъ отъ всякой недвижимой собственности и пролетаріата. Я безусловный защитникъ надѣленія крестьянъ собственностью; во-первыхъ, потому, что нераздѣльность недвижимыхъ имуществъ и невозможность перехода ихъ въ руки того, который способнѣе всѣхъ добыть своимъ трудомъ и своимъ капиталомъ наиболѣе выгоды изъ этой земли, составляетъ основаніе, опровергаемое всѣми новѣйшими законодательствами и всѣми политико-экономами. Во-вторыхъ, стою за надѣленіе собственностью потому, что введеніе новаго закона о наслѣдствѣ, на основаніи первородства, я считаю дѣломъ невозможнымъ въ такой странѣ, какъ Польша, въ которой противятся этому обычаи, инстинктъ поколѣній, привыкшихъ, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, къ обсолютной и раздѣльной собственности, а потому, не думая, чтобы можно было отвергать практическое средство, желаемое всѣми крестьянами и составляющее необходимое послѣдствіе наслѣдственныхъ началъ французскаго кодекса, подъ которымъ живемъ мы, ради соображеній, можетъ-быть, и прекрасныхъ, но по моему мнѣнію не возможныхъ къ осуществленію; недостатокъ же маіоратовъ разрушаетъ всю систему условныхъ поборниковъ очиншованія, съ ограниченіемъ лѣтъ крестьянской аренды. Итакъ намъ нужно болѣе гражданской рѣшимости, чѣмъ замѣчается ее въ помѣщичьихъ собраніяхъ, чтобы въ нихъ не преобладалъ исключительный духъ противниковъ надѣленія крестьянъ собственностью; надо намъ сознать, что тѣмъ, которые хотятъ безусловнаго надѣленія крестьянъ соб-

ственностью, нельзя соединяться нетолько съ поборниками вѣчной аренды, но даже и съ поборниками временнаго очиншованія, подъ условіемъ введенія ординаціи. Не должно намъ преслѣдовать тѣхъ, которые не хотятъ очиншованія, соединеннаго съ разчиншованіемъ однихъ фольварковъ, но которые хотятъ постепеннаго включенія земель и соединенія четырехъ или болѣе крестьянскихъ усадьбъ въ одинъ маленькій фольваркъ; одно и другое будетъ современемъ необходимымъ слѣдствіемъ временнаго очиншованія. Гарантіи, какія каждый придумалъ по совѣсти для нынѣшнихъ чиншовниковъ, должны быть приняты и утверждены; введеніе другихъ въ употребленіе должно быть, по крайней мѣрѣ, близкимъ и возможнымъ.

Я могу ошибаться въ отношеніи возможности примѣнить къ жизни систему, основанную на ординаціяхъ, и потому уважаю мнѣніе, которое во-многихъ отношеніяхъ удовлетворяетъ общественной нравственности и народной добросовѣстности.

ОТДѢЛЪ XVII.

Сѣверо-восточныя усадьбы Валахіи.

(Кн. Тадеуша Любомирскаго).

(Варшавская Библіотека 1855.)

Даніэль простеръ свое владычество къ Хельму. Власть Даніэля, основателя многихъ волостей, все направила въ нихъ къ суровой цѣли воинственности. Эту же цѣль предназначилъ онъ и спокойнымъ деревенскимъ усадьбамъ.

Всѣ мужики обязаны личной службой на войнѣ, платятъ дань, но чинша на нихъ нѣтъ никакого.

Подъ могущественнымъ покровительствомъ Польши, земля Бѣльская нѣсколько успокоилась въ теченіе XV столѣтія, но въ концѣ его и въ началѣ слѣдующаго столѣтія стала подвергаться нападеніямъ татаръ.

Въ Буськомъ воеводствѣ, привожу слова сборщика податей, фольваркъ Лопатинъ не состоятеленъ, такъ-что съ цѣлаго лопатинскаго помѣстья орать выходитъ только шесть плуговъ. Деревни принадлежащія къ Сокалу не сожжены, но обезлюдены и лишены воловъ, такъ что изъ деревни не выходитъ ни одного плуга, и староста оретъ своими волами «septem vel octo kmetones in toto Copitaneautu restant.»

Въ 1507 году, въ Бѣльскомъ воеводствѣ всего считалось 345 деревень, изъ которыхъ: сожженныхъ (combuste) 95, пустыхъ (deserte) 76, а вмѣстѣ сожженныхъ и пустыхъ 171; въ Красноставскомъ повѣтѣ, составляющемъ южную часть хельмской земли, изъ числа 84 деревень, было: сожженныхъ 18; пустыхъ, земскихъ, безъ кметей,—гдѣ оставались только одни помѣщики, 13; цѣ-

лыхъ деревень только 35, т. е. съ 1499 до 1507 года уничтожена половина страны и народонаселенія.

Подъ правленіемъ Зигмунда I, страна вздохнула нѣсколько свободнѣе; однакожъ, мы находимъ и здѣсь неудачи.

Староста сжалился надъ бѣдностью подданныхъ и взялъ съ корца овса, слѣдующаго съ нихъ, только по шести грошей. «Менѣе проѣзжало купцовъ, по причинѣ голоднаго года или дороговизны.» Въ Красноставѣ ничего не собрано съ купцовъ, ѣдущихъ обыкновенно къ празднику св. Симеона и Іуды въ Люблинъ.

По причинѣ нападенія татаръ и небезопасности въ дорогѣ, многіе изъ королевскихъ подданныхъ, купцы и торговцы перестали торговать.

Въ борьбѣ съ этими неудобствами, Польша не отказалась помочь Россіи.

Соединившись съ Польшею, Русь представляла ей свѣжія, плодородныя поля для обработки. Народъ польскій двинутый къ сѣверу, къ русскимъ плодоноснымъ землямъ, спустился къ богатому русскому племени, какъ прежде тевтонскія племена явились въ Римъ, чтобы принесть запасъ новой жизни, чтобы соединиться и противостать успѣшно грозному магометанскому востоку.

Любопытно прослѣдить за постепеннымъ составленіемъ капитала, происхожденія чисто польскаго, современи заложенія казиміровскихъ житницъ на Вислѣ, пріобрѣтеніемъ Свижа и Сѣверца, уплатою за Белжъ; наконецъ, за вліяніемъ этого же капитала на судьбу остальныхъ странъ, потому-что, возрастая, онъ стремился образовать за-границею мѣсто соединенія. Первымъ мѣстомъ его выхода была Русь, гдѣ его встрѣтила удача и борьба съ постоянными опустошеніями, производимыми татарами. Это первое замѣтное появленіе польскаго капитала, встрѣтившее плодородныя поля Руси, при относительномъ условіи малой и средней обработки. Движеніе польскихъ капиталовъ продолжалось на Руси до половины XVI столѣтія. Съ половины XVI сто-

лѣтія дѣйствіе его перенесено въ Подолію и Брацлавъ, въ XVII ст. въ Кіевъ; въ половинѣ этого столѣтія оно перешло за Днѣпръ. Въ XVIII столѣтіи капиталы эти возвращены на правый берегъ Днѣпра, въ теченіе трехъ четвертей вѣка удерживаемые въ отдаленіи отъ его водъ, они снова устремляются въ Кіевъ и окончательно засѣляютъ эту пустыню. Въ XVI столѣтіи на Руси стали отдавать имѣнія въ аренду и закладывать ихъ. Одровонжане, а за ними королева Бона, захватили въ свои руки третью часть Руси. Гурковы, изъ Великопольши, арендуя Вускъ и Лопатинъ, поднимали ихъ безпрестанно изъ подъ развалинъ отъ наѣздовъ. Тенчинскіе, Янъ и Андрей, держали Белжъ, Хельмъ, Красноставъ, Рубежовъ и Любомль.

Польскіе капиталы предположили себѣ четыре цѣли: вырубку лѣса и сплавъ его въ Данцигъ; перемѣну лѣснаго хозяйства на земледѣльческое, заложеніемъ деревень на нѣмецкомъ правѣ; улучшеніе скотоводства, поселеніемъ Волоховъ и возвышеніе большаго хозяйства для увеличенія производительности землепашества.

До-сихъ-поръ, съ лѣсовъ имѣлось только два источника доходовъ: покупка лѣсу для пастьбищъ и продажа его на дрова. Капиталъ обратился къ пользованію лѣсомъ; одновременно съ торговымъ движеніемъ, по открытіи Америки, съ 1545 года, около Буга, занялись съ горячечнымъ увлеченіемъ торговлею золою, бочарнымъ лѣсомъ и клепками. Въ Любомлѣ, въ теченіе 26 лѣтъ, 250 пипъ (родъ большой бочки), 30,000 клепокъ, 54,000 бочарныхъ досокъ и 14,000 ластовъ золы.

За работу со-ста бочарныхъ досокъ платилось на мѣстѣ по 3 фл., а въ Данцигѣ, онѣ продовались по 24 фл.; выдѣлка ста клепокъ на мѣстѣ стоила 30 фл. (1545 г.), за тѣмъ 50 фл. (1564 г.); ластъ золы 6 фл. (1545 г.), а черезъ 25 лѣтъ 34 фл. Обработываемые такимъ образомъ лѣса, скоро обѣднѣли, въ Хельмѣ, изъ прежнихъ лѣсовъ, едва осталось пространство въ полмили (1564).

Староста, собирая доходъ въ видѣ дани, имѣетъ гумна наполненныя хлѣбомъ; нѣсколько же выходцевъ съ запада принимаютъ на себя платить подать въ видѣ чинша. Староста радъ, что ежегодно станетъ получать отъ крестьянъ серебромъ то, что досихъ-поръ получалъ мертвымъ капиталомъ. Въ Забужскихъ волостяхъ, гдѣ по бѣдности нельзя было вдругъ посадить на чиншъ цѣлой деревни, сажали сначала по одному, по два мужика на одну гривну чинша; дѣло это обратило на себя королевское вниманіе въ Краковѣ и королевская канцелярія выдавала привиллегію «in cateuso» такому, сажаемому на одну гривну. На земляхъ Хельмскаго старостваго было восемь деревень, плативщихъ дань работою; переселенцы изъ Польши и Германіи (самые прозвища усадебниковъ: Conradus, Albertus указываютъ, что они чужеземцы) закладываютъ десятую деревню, она получаетъ названіе «Серебрицы», потому что она первая, которая берется платить серебромъ, съ двора по полгривны чинша; они орутъ, приготовляютъ сѣно, отбываютъ барщину, на сколько имъ прикажутъ, они не обязаны военной службой, что свидѣтельствуетъ новый порядокъ. Такимъ образомъ Хельмская феодальная область приняла на свою землю чиншъ. Конрадъ, Альбертъ и ихъ потомки, развивая потихоньку земледѣліе на основаніи чинша, уничтожили вооруженную феодальную общину, а скоро и сами будутъ уничтожены большими хозяйствами.

Въ правленіе князя Зимовита, рядомъ съ нѣмецкими усадьбами Валахіи, Якубъ и Мишка въ концѣ XIV или въ началѣ XV столѣтія, на большой дорогѣ изъ Львова въ Люблинъ, заложили деревню Любичи. Въ 1422 году въ замѣнъ осаженной деревни на княжество (Ducatum), взяли бывшій княжескій фольваркъ въ этой же деревнѣ, съ приплатою денегъ. Въ 1424 году князь Зимовитъ отдѣлилъ, въ деревнѣ Руда, часть луговъ и лѣсу, въ границѣ которыхъ должны были управляться

валахскимъ закономъ. Если привиллегія 1374 года составляетъ самое древнее упоминаніе о законѣ валахскомъ въ Польшѣ, то привиллегія данная Рудѣ, есть самая древнѣйшая, какая сохранилась до сихъ поръ въ цѣлости. Деревня эта, въ началѣ слѣдующаго столѣтія перешла уже наслѣдствомъ въ родъ Магеровъ, происхожденія вѣроятно валахскаго.

Въ воеводствѣ Волынскомъ Тылевчи пожалованны королемъ Зигмундомъ I князю Теодору Четвертинскому (1532 г.); между извилинами Иквы и Стира въ Моравицахъ кн. Вышневецкихъ, мы встрѣчаемъ валаховъ съ 300 овецъ (1572 г.), а надъ Стиромъ, уже за Луцкомъ, въ Олыцкахъ, имѣніяхъ кн. Радзивилловъ они имѣли уже 500 овецъ.

Упомянутыя до-сихъ-поръ деревни только однѣ пользовались полными валахскими законами, въ другихъ жили только усадебники изъ валаховъ. По примѣру тѣхъ и другихъ, уже многія деревни заложенныя русинами принимали обычаи валахскаго закона, т. е. вмѣсто тіуна имѣли князя и платили со скота десятину.

Овецъ продавали или употребляли для стола. Въ 1565 году взято съ Кошина 19 овецъ *струни*, которые пригнаны въ Радомъ, на кухню его королевскаго величества. Истинный Ягелонидъ могъ похвастать плодомъ заботливости своихъ великихъ предковъ о народѣ, когда на золотыхъ блюдахъ разносили кушанья сенаторамъ и земскимъ посламъ сидящимъ за дубовыми столами.

Валахи отличались тѣмъ, что не платили никакого чинша съ земли, не отправляли никакой фольварочной работы, но платили только подать со скота и *двадцатины*, или струнги съ овецъ. Въ то время какъ кмети другихъ правъ, поповскіе мужики, мельники — платили военную подать (по 12 гр. съ лана), откупаясь отъ личной службы; валахи были свободны, потому что особенно служили на войнѣ. Соединеніе въ общины, подъ предводительствомъ князей, давало имъ перевѣсъ передъ

нѣмцами, въ чемъ вмѣстѣ съ тѣмъ была и причина ихъ успѣха.

Правила покупки «Empticiis» пашни кметей утверждено закономъ валахскимъ, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ. Правило это не было чуждо прежнему закону обычая, но законы валахскіе и нѣмецкіе болѣе письмянные, неизмѣняя сущности этого правила, опредѣлили его внѣшнюю сторону и, изъ круга обычая, ввели его въ кругъ письмяннаго закона.

Мы можемъ утверждать съ увѣренностью, что вознагражденіе кметя за улучшеніе пашни и за строенія было всегда обязательнымъ, а валахскіе и нѣмецкіе законы опредѣлили только условія, способъ, какимъ оно должно было совершаться. Въ королевщинахъ ни одинъ кметь не могъ быть тронутъ безъ королевскаго соизволенія и безъ вознагражденія. Правило строго наблюдаемое въ XVI столѣтіи, счастливо замѣнило право поземельной собственности, обращенное въ послѣдствіи безусловно въ пользу шляхты; оно отстраняло двѣ главныя крайности: стремленіе соединить имущества въ небольшомъ числѣ рукъ и обращеніе этимъ остальнаго населенія въ невольниковъ или поденщиковъ.

Конституція 1562 года назначила пяти лѣтній срокъ для производства ревизіи и измѣненія правилъ касательно податей. Ради сохраненія будто-бы постояннаго отношенія между податью и производительностью, на этой послѣдней лежало несносное бремя: одинаковая подать взималась съ начинающей и съ возмужавшей производительности.

Всѣ деревни, потому какъ платили повинности, раздѣлялись: на рабочія (inservicio, serviles, servi), податныя, (dacionariis) и чиншовыя (in censu).

Конституція 1605 года, а еще болѣе данцигская торговля принудили къ уничтоженію прежнихъ мѣръ. Между осѣдлымъ населеніемъ были и негодяи, они были свободны отъ наборовъ, податей, чиншовъ и работъ.

Въ волостяхъ живутъ люди принадлажащіе къ сословію, среднему между шляхтой и мужиками; въ Красноставѣ ихъ зовутъ *манами*, въ Забужскихъ волостяхъ боярами, гражданами. Ревизоры въ XVI столѣтіи съ удивленіемъ встрѣчаютъ въ одной Любомской деревнѣ человѣка, который именуетъ себя scartabellatus. Тутъ именно на границѣ Литвы и Польши, гдѣ кончается дѣйствіе статута Казиміровскаго, а начинается Литовскій, насъ поражаетъ различіе въ положеніи челяди. Въ польскихъ фольваркахъ, въ черной избѣ надъ Бугомъ; челядь — свободная и наемная; въ литовскихъ избахъ живетъ челядь невольная и покупная. Нигдѣ ярче не отражаются нравственныя способности двухъ свѣтовъ.

Въ Кременецкѣ, въ пограничномъ замкѣ, находящемся подъ владычествомъ литовскимъ, изба челядника представляетъ другой видъ; здѣсь — рабъ и рабыня, какъ понимало ихъ дохристіанское время; старыя незамужнія дѣвки, женщины съ дѣтьми не женатыми и не замужними, едва одна замужняя чета. Мнѣ кажется, что въ этомъ краткомъ описаніи литовской челяди намъ представляется вся бездна несчастій рабства.

Можно почесть правдоподобнымъ, что Митусъ, единственный извѣстный пѣвецъ, имя котораго сохранила исторія послѣ Бояна, былъ родомъ изъ Хельмской или Бельской земли.

Въ 1578 году въ цѣлой Бѣльской землѣ оставалось шесть ausculistarum. Картина эта поражаетъ насъгрустью, потому что гдѣ пѣснь прекращается, тамъ зарождается дурная мысль, ибо только сладкій звукъ струны и голоса облегчаетъ страданіе жизни: въ обозѣ Хмелницкаго не бывало никогда ни одного гусляра. Въ началѣ слѣдующаго столѣтія, одинъ изъ старостъ, болѣе обращающій вниманіе на потребности народа, видя въ Рогатынѣ (Рогатынъ издавна славился своими скоморохами) нѣсколько familias musicorum, образовалъ музыкальный цехъ, единственный на Руси, и послѣдова-

тели Бояна и Митуса нашли тамъ пріютъ подъ покровительствомъ Магдебургскаго права.

Начало большаго хозяйства отыскать не трудно. Король Владиславъ (въ XV вѣкѣ), давая земли каноникамъ хельмскаго капитула предлагаетъ имъ заложеніе фольварковъ (praedium); но, вѣрнѣе, большое хозяйство въ Польшѣ, которое должно сопровождаться принужденною работою и прикрѣпленіемъ къ землѣ, начинается съ развитія данцигской торговли и открытія Америки.

Въ 1507 году въ Бѣльскѣ на 348 деревень было только 119, съ которыхъ помѣщики платили четвертую часть чинша, т. е. только третья часть деревнь не имѣла фольварковъ, а была предоставлена мелкому хозяйству. За шляхетскими имѣніями послѣдовали и королевскія; къ этому присоединились и братья Тенчинскіе, которые владѣя имѣніями въ Польшѣ, знали по опыту какіе огромные результаты давали большія фольварочныя хозяйства, уже повсемѣстно распространенныя по Вислѣ, въ сравненіи съ мелкимъ хозяйствомъ, первенствующимъ надъ Бугомъ. Изъ этого распространяющагося стремленія вытекаетъ статутъ Торунскій, 1520 г., предписывающій подданнымъ отбываніе одного дня въ недѣлю, и это составляетъ первую правительственную интропизацію большаго хозяйства. Черезъ 25 лѣтъ Бугъ покрывается судами, плодомъ обширнаго хозяйства

Скотоводство не могло соперничать съ земледѣліемъ: цѣны на хлѣбъ какъ предметъ заграничнаго сбыта были относительно выгоднѣйшими для земледѣльца (ластъ хлѣба стоилъ въ Краснославѣ 12 фл., а уже въ Торунѣ 20 фл. 1545 г.), чѣмъ цѣны на шерсть, предметъ имѣющій только мѣстный сбытъ. Овца, два раза остриженная, давала въ годъ только одну гривну дохода. Къ этому могла еще присоединиться зараза.

Подъ гнетомъ этихъ обстоятельствъ валахскія усадьбы приняли участіе въ земледѣльческомъ движеніи; они начали покидать овцеводство и обращаться къ земледѣлію.

Приводимъ декретъ короля, который окончательно замѣнилъ скотоводство въ валахскихъ усадьбахъ земледѣліемъ, потому что онъ лучше нашихъ словъ опишетъ этотъ переходъ *). Изъ деревни Виршъ Рахане прибыли къ намъ съ жалобою на Станислава изъ Тепчина, какъ на старосту бѣльскаго, что онъ налагаетъ на нихъ новыя повинности.

Староста объяснялъ, что онъ сдѣлалъ это по самоволію, но въ силу заключеннаго съ ними контракта, что они подчиняются не одному своему валахскому закону, который обязываетъ ихъ только къ скотоводству и овцеводству и къ платѣ извѣстнаго дохода, но что онѣ также владѣютъ множествомъ полей на основаніи закона, какъ подданные нашли въ другихъ деревняхъ.

Король постановляетъ: они должны давать по одной гривнѣ или работать по одному дню въ недѣлю и уже тогда не обязаны къ работамъ, которыя они отправляли до-сихъ-поръ по нѣскольку дней на Ржечицкій фольваркъ.

Имъ должны быть отмѣрены поля и луга въ такомъ количествѣ, какимъ владѣетъ остальная часть деревни, не пользующаяся валахскимъ закономъ. Обязываются они привесть по два дерева на строенія Бѣльскаго замка.

Равновѣсію, наблюдаемому Зигмундомъ I и отчасти Зигмундомъ-Августомъ, между большимъ и малымъ хозяйствами, страна обязана огромнымъ развитіемъ внутренней жизни, населенностью и числомъ обработанныхъ земель. Были войны, были повѣтрія, были наводненія, но все это безсильно, когда страной руководитъ мудрое, осторожное правительство. Деньги, плодъ большаго хозяйства, употреблялись опять на землю и служили на удовлетвореніе потребностей страны, потому что историкъ, который строго вглядывался въ дѣянія человѣческія, который заглядывалъ въ избы и хлѣвы, не вѣритъ, чтобы потомъ выработанныя деньги кидались только на

роскошь, на что вообще жалуются города и деревни; король, шляхта и мужики удвоиваютъ дѣятельность.

Управленіе королевскими имѣніями отдѣлено, въ воеводства Русское, Бельское и Люблинское (1558 г.) и поставленъ генеральный экономъ. Каждому старостѣ выдано предписаніе, по которому служащіе въ замкѣ и фольварочная челядь должны сбирать *виктъ* и *мыто*. Разсчеты должны оканчиваться 31 декабря; подъ этимъ числомъ должны старосты представлять казнѣ расходы; запрещена постройка новыхъ строеній, безъ королевскаго соизволенія, также и заложенія въ лѣсахъ льготныхъ земель и деревень.

Построенные дома, въ нѣкоторыхъ каменные, сдѣлались удобнѣйшими къ помѣщенію короля во время проѣзда, или для пріюта именитыхъ выходцевъ изъ Валахіи и Москвы. Поощряли врачей къ поселенію въ городахъ и награждали тѣхъ, которые оказывали помощь шляхтѣ и жителямъ всякаго сословія богатымъ и бѣднымъ. Церквамъ даны прежнія земли, укрѣплены пожизненно за достойными священо-служителями и ихъ дѣтьми, если они окажутся способными. Красноставскіе мѣщане хотятъ построить церковь и получаютъ королевское разрѣшеніе, на постройку же школъ Зигмундъ-Августъ уступаетъ имъ мѣсто, гдѣ передъ тѣмъ былъ королевскій домъ.

Число деревень въ шляхетскихъ имѣніяхъ увеличилось на одну треть, въ имѣніяхъ королевскихъ вдвое. Въ Бѣльской землѣ въ 1472 г. было 298 деревень; черезъ 40 лѣтъ 345, а въ 1580 — 458. Въ землѣ Хельмской въ 1510 г было 15 городовъ и 364 деревни; черезъ 30 лѣтъ 60 городовъ, 690 деревень.

Слишкомъ быстрый успѣхъ на пути, указанномъ Торунскимъ договоромъ, замедляли, во-первыхъ, противодѣйствіе подданныхъ, не забывшихъ еще обычаи и привиллегіи; во-вторыхъ, огромное значеніе, — какое имѣлъ

Зигмундъ I, послѣдній король, который соединялъ въ своей душѣ всѣ лучи солнца Польши.

Первѣйшее примѣненіе Торунскаго статута сдѣлано въ Хельмѣ при канцлерѣ К. Дебинскомъ (1530 г.); въ Лежайскѣ (1531); красноставскихъ деревняхъ Нысмениги и Зазаблоньѣ (1550), при обязательствѣ подданныхъ на два дня работы въ недѣлю. Чуждые будущности Руси, подданные смотрѣли съ недовѣріемъ на средства, съ непріятностью на послѣдствія, по этому нигдѣ не встрѣчали покорно новый законъ, вездѣ какъ бы желали услышать изъ устъ самого короля его подтвержденіе. До-сихъ-поръ признавалось, что король и шляхта постановляютъ законъ въ предметахъ политическихъ. Статутъ Торунскій пріобрѣлъ законодательную силу въ предметахъ политической экономіи, которые досихъ-поръ предоставлены были частнымъ уговорамъ, и рѣшалъ безъ вѣдома кметей. Указъ же еще 1545 года признавалъ другія основанія, потому что, имѣя цѣлію облегчить подданныхъ, даетъ народу представителей городовъ и деревень, «ибо не слѣдуетъ ни о комъ дѣлать постановленія заочно.» Пребываніе короля въ Красноставѣ въ 1558 году должно обратить на себя наше вниманіе и, хотя историкъ шляхты того времени не нашелъ ничего достойнаго повѣствованія, мы укажемъ, что для руссаковъ не было дня важнѣе торунскаго сейма. Если на немъ собралось мало дворянъ, то шумными толпами собрались мужики со всѣхъ мѣстъ Руси.

Посреди недавно возведенныхъ еще каменныхъ зданій 1 августа стояли на дворѣ толпы, каждая отдѣльно. Королевскіе дворяне, привыкшіе бѣгать изъ конца въ конецъ по странѣ, узнавали и указывали, которая толпа изъ какого угла прибыла. И безъ этого указанія, по тѣлосложенію, по чертамъ лица, можно было различить надбугскаго кметя, окруженнаго большимъ хозяйствомъ, отъ кметя изъ гористыхъ околодковъ Сана и Днѣстра, пользующагося большей свободой при мелкомъ

хозяйствѣ; плечи и голова уже погнулись у перваго отъ работы, какъ отъ тяжести свинцовой короны. Въ рубашкѣ изъ конопляныхъ волоконъ, въ лаптяхъ или толстыхъ чоботахъ, покрытый бѣлою сермягою, — мужикъ изъ за Припети; рядомъ съ нимъ въ красивомъ кофейномъ кафтанѣ, бельскій подданный, съ краснымъ кушакомъ и голубымъ колпакомъ. Галичанинъ, привыкшій драться и торговать съ татарами, принарядился въ шелковую рубашку, въ желтые турецкіе сапоги и въ синій индеракъ, лунскій или мухояровый, съ серебряными кольцами. Горцы съ Стрвенжа отличаются лисьями или рысьями колпаками, кожухами и венгерскими зенгатурами. Посреди ихъ молчаливой толпы легко отгадать по важному виду Дамка, князя съ Устрикъ, который преслѣдуетъ не милосердно разбойниковъ и упорно отстаиваетъ мѣстныя права. У самыхъ дверей, при сабляхъ въ кожаныхъ ножнахъ, ждутъ королевскаго приказанія бояре изъ Любомля, въ красныхъ жупанахъ, кушакъ литой: серебро и шелкъ, а шапка изъ хвостовъ черной лисицы. Наконецъ, въ дорогихъ каразейныхъ ферезяхъ, мѣщане, прибывшіе защищать дѣло своихъ предмѣстій, незаконно потребованные на работу.

Общій голосъ подданныхъ обвинялъ старостъ, что они требуютъ пшеницы, овса и меду въ размѣрахъ необычайныхъ, что они берутъ по одному волу въ каждый свой пріѣздъ, «въ видѣ поклона», берутъ шерсть съ овецъ, принуждаютъ возить «бортовыя» деревья не только для самаго старосты, но и для сосѣдней шляхты. Деревни, остававшіяся до-сихъ-поръ на феодальной службѣ, конюшенной, плотничной и подводной, обращены въ рабочія. На красноставскомъ съѣздѣ работа примѣнена только къ деревнямъ пшемыскимъ, а черезъ 12 лѣтъ эта самая мысль примѣнена и къ хельмскимъ. Декретъ 1570 года подтвердилъ договоръ, заключенный между старостою и деревнями Кожовъ, Струпинъ, Кшивицы, Роздяловы Большія и Меньшія и Допультицы, и

постановилъ отбывать три дня съ полъ-лана. Староста (чтобы сдѣлать менѣе чувствительнымъ преобразованіе повинностей) далъ слово, что въ текущій годъ онъ ограничится двумя днями въ недѣлю. Другія сословія, созданныя промысломъ, бортники, рыболовы, охотники, наслѣдственные мельники также обязаны къ фольварочной работѣ, а ремесла ихъ уничтожены. Долженъ былъ упасть всякій промыслъ, который заваливалъ Силезію полотнами; сукно шло изъ Бева, тулупы изъ Москвы и Крыма.

Большое хозяйство умѣло направить въ свою непосредственную пользу и выдѣлку напитковъ. Прежній порядокъ вещей по немногу измѣненъ. Сначала предписано чтобы подданные брали солодъ только на фольварочныхъ мельницахъ; цѣна не должна была превышать цѣны въ ближайшихъ городахъ; за тѣмъ выдѣлка напитковъ позволена только на время праздниковъ, крестинъ, похоронъ и свадьбы; наконецъ, и для этихъ случаевъ установлена плата, которая увеличиваясь съ каждымъ разомъ породила наконецъ убѣжденія, что гораздо выгоднѣе брать напитки у арендатора, чѣмъ дѣлать ихъ самому. Напитки поглощали значительную часть заработанныхъ денегъ, пока выдѣлка и ихъ продажа оставались въ рукахъ народа, капиталъ соотвѣтственный обращался между народомъ; съ того же времени, какъ выдѣлка напитковъ стала постепенно переходить въ руки большихъ хозяйствъ, а отъ нихъ къ жидамъ, капиталъ уже не оставался между народомъ. Въ этомъ то и заключается причина народнаго обѣдненія. Прекращеніе пивоварства въ среднемъ хозяйствѣ повлекло за собою и прекращеніе откармливанія скота; мясная пища ограничивалась до-сихъ-поръ одной свининой. Болѣе рѣдкое употребленіе мясной пищи было причиной, что организмъ мужиковъ, при постоянныхъ работахъ въ полѣ, слабѣлъ, а излишнее употребленіе водки становилось болѣе необходимымъ. Посолъ Турецкій, въ XVIII сто-

лѣтіи, говоритъ, что на Руси подданный считаетъ себя счастливѣйшимъ, когда ему удастся съѣсть кусокъ мяса, и что на такого вездѣ указываютъ пальцами. Послѣдствія нравственныя были важнѣе; поэтъ, въ латинскихъ стихахъ котораго слышится отголосокъ народныхъ сѣтованій, описываетъ трогательно, какія опустошенія причиняла водка. Но въ стихотвореніи люблинскаго мѣщанина могла быть нѣкоторая искусственность; прислушаемся къ трогательному плачу отцевъ семейства изъ хельмскихъ деревень, которые родительскимъ сердцемъ предчувствуютъ послѣдствія водки и жидовъ. Луговскій, управитель Хельмскаго староства, представилъ намъ, что поданные изъ деревень Жмуди и Дружчова сильно жалуются, что они терпятъ убытки и неудобства а также и на извращеніе обычаевъ между дѣтьми обоего пола, и все это отъ учащаемаго посѣщенія корчмы, которую взялъ въ аренду жидъ, грабитель и ненавистникъ христіанъ, и которая поставлена какъ бы для сходки и убѣжища всѣхъ занимающихся воровствомъ.

А потому подданные просятъ, чтобы корчму публичную уничтожить, а варку пива на домашній ихъ обиходъ раздавать по очереди каждому подданному этихъ деревень, обязываясь давать по десяти гривенъ, которыя мы получали до сихъ поръ съ корчмы. Признавая просьбу подданныхъ справедливою и благонамѣренною, постановляемъ, что съ этихъ поръ нигдѣ не должно быть публичной корчмы, но сами подданные, каждый по очереди, должны варить пиво и продавать по одной цѣнѣ каждому, кому только оно понадобится.

Но уже въ слѣдующемъ году жидъ побѣдилъ общину и возвратился къ арендѣ корчмы.

Размежеваніе, требуемое большимъ хозяйствомъ, настойчиво производимое въ волостяхъ, со времени красноставскаго съѣзда, уничтожило вездѣ общины фольварочныхъ имѣній. Съ какою грустью смотримъ мы, когда вода осеннихъ дождей пробирается по цоколю тесан-

наго желтаго камня великолѣпнаго храма въ Пестѣ, и отрываетъ по немногу камугики, пока не обрушитъ всю стѣну, съ такою же грустью поглядываемъ мы на связи дворовъ, какъ передъ развивающеюся фольварочною барщиною, распадается на части и гибнетъ этотъ могучій и скромный фундаментъ, который вынесъ на себѣ сельское населеніе съ X до XVI столѣтія, уступая мѣсто новой общинѣ фольварочно-шляхетской. Та, чисто народная, подняла отчизну на ступень славы и прочности, шляхетско-фольварочная была только свидѣтелемъ упадка этой отчизны. Шляхетская уронила то, что народная возвысила. Не безъ насилія совершалась организація общинъ; въ равнодушныхъ словахъ ревизіи легко отгадать цѣлый рядъ сѣтованій и отчаяній.

Невозможность справиться съ арендными тягостями, новый порядокъ хозяйства, въ которомъ приходилось бороться съ лѣностью, а не разъ и съ достоинствами человѣка, должны были принудить управленіе къ замѣнѣ кроткой денежной пени болѣе суровымъ наказаніемъ тѣлеснымъ. Въ началѣ большаго хозяйства старосты колебались въ выборѣ средствъ, которыми бы могли замѣнить денежную пеню (1545—6). Зигмундъ Августъ въ послѣдствіи уничтожилъ пеню, а наказаніе предоставилъ произволу старостъ (1548). На красноставскомъ съѣздѣ отъ денежной пени отстранены проступки противъ рабочихъ повинностей; въ такихъ дѣлахъ на будущее время должно было употреблять другія средства. Повсюду приняты funi torti.

Тѣ-же самыя условія большаго хозяйства потребовали измѣненія прежняго судопроизводства и мелкихъ органовъ власти. Рядомъ существовали два міра: шляхетскій и народный. Шляхетскій феодальный человѣкъ, занятый солдатствомъ, касался поверхности страны, мало заботясь о томъ, что дѣлалось внутри ея. Полтора вѣка хлопотали о томъ, чтобы общинамъ руссиновъ дать законную независимость при замковомъ и земскомъ упра-

вленіи, чтобы присвоить имъ силы развиваться, чтобы надѣлить ихъ законнымъ защитникомъ, который былъ бы въ то-же время и посредникомъ между народомъ и шляхтою. Первымъ шагомъ въ этомъ отношеніи было установленіе войтовъ на правѣ магдебургскомъ; но учрежденіе войтовствъ было дорого; по строгимъ расчетамъ видно, что помѣщикъ терялъ шестую часть капитала, община деревни теряла выгонъ и нивы; поэтому въ цѣлой Бельской землѣ заложено только девять войтовствъ, въ Хельмской—13 (1533—1538). Если они были невозможны въ матеріальномъ отношеніи, тѣмъ болѣе были невозможны и въ отношеніи нравственномъ, потому что нигдѣ не соединяли своего интереса съ интересомъ мужиковъ, которые смотрѣли на нихъ какъ на чужихъ, а Тывона, (по новому Подвойтъ или Лентвойтъ), почитали единственнымъ своимъ представителемъ. Самая суровость магдебургскаго судопроизводства была совершенно чужда кроткому старинному судопроизводству руссиновъ. Въ этомъ отношеніи князья валахскія были лучше и для шляхты и для народа. Войтъ владѣлъ отъ трехъ до шести ланов имѣлъ фольварки, корчму и принужденную работу; князь довольствовался однимъ ланомъ. Войтъ стремился сдѣлаться господиномъ надъ хозяевами,—князь добивался только быть первымъ между равными себѣ; войтъ стремился слиться съ шляхтою,—князь сравнивался съ народомъ. Сыновья войта проводили свою молодость какъ прислужники, экономы или товарищи хоругвій; сыновья князей поступали въ хоругвій—пѣхоты и составляли плебейскій элементъ вооруженной силы.

Эта умѣренность должна бы была обезпечить лучшую будущность, но не смотря на это мы по всюду видимъ противное: здѣсь княжества, куплею, перешли въ руки шляхты, тамъ князья сравнены съ Тыванами, а инымъ, когда они покинули обычаи валахскаго права, отказано въ судейской и полицейской власти, когда усилія образовать посредниковъ изъ элементовъ чуждыхъ, ока-

зались безплодными; Зигмундъ I взялся за развитіе мѣстнаго посредническаго элемента. Для разбора недоразумѣній, возникающихъ между подданнымъ и управленіемъ, онъ установилъ привиллегированныхъ присяжныхъ (1530) и опредѣлилъ въ русскомъ законѣ наслѣдственныя тіунства (1543). Уже въ концѣ прошедшаго столѣтія, тіуны изъ подъ Львова за благоразумныя распоряженія получаютъ отъ правительства выраженія признательности. Всякое развитіе новыхъ устройствъ народности радуетъ сердце. Съ такою мыслью Спытекъ изъ Тарнова въ Кмешовѣ и Петръ Барси въ Львовѣ обезпечивали тіунства пожизненно и наслѣдственно; но дальнѣйшее развитіе на этомъ пути остановлено, или за недостаткомъ просвѣщенія въ народѣ, или твердости въ верховной власти.

Съѣздъ красноставскій, передъ которымъ излиты кравовыя нареканія на чиновниковъ, войтовъ, князей, тіуновъ, принесъ только временное облегченіе.

На красноставскомъ съѣздѣ, вмѣсто прежнихъ полудней, введены были цѣлые рабочіе дни. Мудрый былъ обычай, который обязывалъ къ тяжелой фольварочной работѣ только до полудня или отъ обѣда до солнечнаго заката. Мы сомнѣваемся, что тѣ которые пересоздали прежній рабочій день въ новый, бывали когда нибудь подъ вечеръ въ избѣ поселянина, который возвращается съ барщины утомленный, блѣдный, входитъ нетвердымъ шагомъ и молчитъ. Все здѣсь должно радостно привѣтствовать хозяина: и его рукой возведенныя стѣны, и его топоромъ вытесанныя лавки, и бѣлоснѣжная овца, вытягивающая голову, и дитя, хватающееся за ноги. Все это обыкновенно освѣжаетъ силы человѣка, какъ утренняя роса; но для того, кто возвращается съ шестнадцати часовой барщины, все это нѣмо; ему и пища, и ласки жены, и улыбка дѣтей — чужды; словно колосъ подрѣзанный, падаетъ онъ на солому и только съ утромъ начинаетъ жить жизнью человѣка.

Съ каждымъ разомъ возрастающее стремленіе пренебреженія побочными отраслями хозяйства и относительное пониженіе стоимости чиншовъ, породили въ большихъ хозяйствахъ охоту пересозданія урочныхъ работъ (ловли, кошенія, извоза) въ работы недѣльныя, прибавленіемъ одного дня въ недѣлю къ одному, уже назначенному первоначально статутомъ Торунскимъ. Когда уже въ теченіи 20 лѣтъ слышались эти требованія большаго хозяйства, на красноставскомъ съѣздѣ подтверждено, чтобы съ этого времени подданные отправляли въ недѣлю двухъ-дневную барщину. До статута Торунскаго привиллегированныя деревни повсюду были обязаны отъ 8—10 дн. раб., послѣ статута отъ 14—18, послѣ красноставскаго съѣзда до 104 (1579 г.).

И послѣ красноставскаго съѣзда жалобы мужиковъ, какъ слезы изъ страждующихъ очей, падаютъ на грудь королей, жалуются подданные изъ Лукова, что у нихъ отобрано 20 штукъ скота и всѣ полотна, а они ни какимъ образомъ не могутъ управиться и съ прежнимъ извозомъ, и съ новою работою (1569). Домашевцы жалуются, что ихъ выгоняютъ четыре дня въ недѣлю; хельмцы, что ихъ выгоняютъ шесть дней (1570); бѣдные, но достойные Полѣсники изъ Любомля все чаще и чаще, говоритъ король, безпокоютъ насъ мольбами, ежедневными уже наконецъ, жалуясь что они обременены невыносимыми работами (1578).

Суды ассесорскіе и референдарскіе приговорили новый родъ закона, — законъ рабочій.

Шестдесять лѣтъ прошло съ красноставскаго съѣзда, а большое хозяйство домогалось уже третьяго дня въ недѣлю. Въ Любомлѣ позволено только до времени имѣющаго быть размежеванія три дня съ лана (1596), а въ послѣдствіи уже судебнымъ декретомъ утверждено восемь дней, какъ постоянная повинность (1637). Въ Хельмѣ допущено съ лана четыре дня въ недѣлю, а во время лѣта

шесть дней (1570), позднѣйшій же декретъ предписываетъ восемь дней съ лана зимой и лѣтомъ (1637).

Да не удивляется никто, что мы такъ подробно обозначаемъ года декретовъ; все это отразилось на народѣ. Шестнадцатая весна минула этой дѣвицѣ, а грудь ея уже поблекла и опустилась; едва первымъ ребенкомъ восхищается эта женщина, а уже увѣчье постигло ее: желѣзная рука работы коснулась и привлекательной молодости и сокровеннѣйшихъ тайниковъ природы. Менѣе или болѣе нитокъ въ рубашкѣ, менѣе или болѣе длинный тулупъ молодыя лѣта; а лице изобличающее старость, сухіе руки и узкая грудь, и мы уже знаемъ сколько этотъ человѣкъ, или сколько его отецъ, или дѣдъ отправляли въ недѣлю принужденной работы, сколько вынесли тѣлесныхъ наказаній.

Въ Любомлѣ бояръ попрекаютъ зажинками, шарварками, замковою работою. Вѣньчковскій писарь, ведущій счеты всѣхъ доходовъ (писарь провентовый) привыкъ мучить безъ всякаго основанія и до такой степени, что референдарскій судъ приказалъ коммиссарамъ не выѣзжать до-тѣхъ-поръ изъ староства, пока писарь этотъ не будетъ удаленъ. Предупреждая, говоритъ декретъ, чтобы не разошелся остатокъ подданныхъ, которыхъ уже и такъ не много вслѣдствіе тяжкихъ побоевъ и работъ, Курекъ долженъ быть лишенъ власти, подданнымъ подъ страхомъ строгаго наказанія запрещено болѣе повиноваться ему. Въ старостве хельмскомъ зимой выгоняли по четыре, а лѣтомъ по восемь душъ съ дому, держали ихъ по нѣскольку недѣль въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и отнимали у нихъ серпы, топоры и воловъ цѣною до 2000 злотъ.

Хотя имя Михаила Мочковскаго, войта Щиржецкаго аріанина не достойно помѣщаться на страницахъ исторіи королей; но пусть знаетъ и наше поколѣніе, что, какъ дворецъ сильнаго и обозъ гетмана, такъ изба эконома, равно подлежатъ вниманію исторіи, что позднѣе

или ранѣе лучи ея падаютъ на дѣянія однихъ похвально другихъ порицаніемъ и грозою. Въ деревняхъ Семеновцахъ и Хросней, во время уборки хлѣба, въ самое тягостное прохожденіе войска онъ привязалъ къ столбу Мартина Роля, билъ его шестомъ и стрѣлялъ по немъ; Лазурка рубилъ саблей по лопаткамъ; Юрчака велѣлъ бить палкой, травилъ его, посаженнаго въ колодки, собаками и дозволилъ терзать его; слугу мельника сковалъ по татарски и билъ палками до-тѣхъ-поръ пока онъ лишился чувствъ, поливалъ разсоломъ, потомъ связавъ его, повѣсилъ на веревкѣ. Мартину Дегинчаку вырвалъ бороду. Сторожа Волка задушилъ; да старика Пирога, связавъ тиранническимъ образомъ, изувѣчилъ топоромъ.

Нѣкоторые крестьяне рѣшались подавать жалобы королю и защищаться передъ судами, и совершили свое намѣреніе съ твердостью, не смотря на угрозы тюремнымъ заключеніемъ и рискуя жизнью. Имена Яцка Самулика изъ Галовна, Ипата Климовича, Сача изъ Нудзиша, Ивана изъ Сачка, заслуживаютъ упоминанія въ исторіи болѣе, чѣмъ людей по наружности великихъ надъ-днѣпровскихъ странъ. Первые, вѣруя въ отечественный законъ, отыскивали его съ твердостью; другіе усумнившись, покрыли родную землю кровью и пожарами.

Увеличеніе работы различно дѣйствовало на разнородные слои общества. Мужикъ изъ поколѣнія, такъ называемыхъ, «попечительныхъ» привыкъ властвовать надъ общинами.

Онъ почиталъ короля за представителя Бога на землѣ, разъ въ годъ видѣлъ пана-старосту, привѣтствовалъ его гостинцемъ, а низшихъ чиновниковъ не ставилъ ни во-что, потому что уплативъ поборы и чиншъ, исполнивъ свои обязанности, не имѣлъ нужды ни слушать судей, ни выпрашивать вспомоществованія. Сдѣланный теперь изъ независимаго хозяина едва не поденщикомъ, не могъ онъ подавить въ себѣ чувства, наслѣдованнаго отъ отцевъ; онъ готовъ былъ скорѣе под-

вергнуть опасности и жизнь, и семейство, чѣмъ сносить угнетенія. Трудолюбивѣйшіе уходили на Запорожье, богатѣйшіе въ Украйну и Подолію; не разъ съ удивленіемъ видѣли мы, что въ ново-закладывающейся деревнѣ въ Подоліи, гдѣ не было еще домовъ, а лишь кое-какъ сплетенные шалаши, у мужиковъ водилось по нѣскольку десятковъ талеровъ, одежда изъ бархата и сукна. Въ прежнихъ усадьбахъ исчезали люди, которые родясь въ независимости, только независимостью и могли жить. Ктожъ занялъ ихъ мѣсто? Слабѣйшія, бѣднѣйшія поколѣнія людей. Правительство видя пустѣющія поля, принялось создавать себѣ усадьбы изъ сброда, изъ плохихъ остатковъ населенія, которые, будучи менѣе привычны къ независимости, оказались бы болѣе склонны къ барщинѣ.

Они вызвали загродниковъ, коморниковъ, крохи поселенія для замѣны прежняго, сбѣжавшаго и изъ остатковъ одного соединеннаго съ другимъ создали рабочее поколѣніе. Невозможность передѣлать прежнее населеніе и необходимость замѣнить его новымъ, взятымъ изъ среды загродниковъ и коморниковъ, были сознаваемы всѣми. Каждый вновь закладывающійся фольваркъ создавалъ полсотню казаковъ на Запорожьѣ и пристраивалъ нѣсколько домовъ въ слободахъ князей Збаражскихъ и Острожскихъ. Для прекращенія побѣговъ Наливайко объявилъ готовность обязаться обрѣзывать носъ и уши тѣмъ, которые бы пристали къ казакамъ (1596). Непослушаніе принимало все болѣе и болѣе серьезный характеръ и наконецъ въ половинѣ XVII вѣка обратилось въ открытое возстаніе.

Разсматривая царствованіе Яна-Казимира мы вмѣстѣ съ Тиверіадскимъ пустынникомъ скажемъ: *Orbis Romanus ruit.* Возстаніе Хмельницкаго, удачное сопротивленіе введенію на Украйнѣ большихъ хозяйствъ, отозвалось и между населеніями бельскимъ и хельмскимъ. Тѣ-же самыя страданія терпѣлъ и здѣсь народъ; безъ сомнѣнія, страсти

кипѣли въ душѣ съ такою же силою и, если проявленія ихъ не были такъ тверды, то потому только, что народъ здѣсь не имѣлъ времени устроить возстаніе и разнуздать свои страсти. Города подали первый примѣръ; мѣщане хельмскіе, при приближеніи козаковъ, толпами кинулись на замокъ и разграбили его.

Немногіе изъ этихъ негодяевъ избѣгли наказанія. Любачовскія деревни приняли на себя обузданіе валаховъ бельскихъ.

Въ отношеніи къ другимъ, повѣтрія, голодъ и татары исполняли приговоры. Не разъ, рѣшенное по суду дѣло, бросалось неоконченнымъ, потому что въ спискѣ обвиненныхъ находили приписку: *такой-то* повѣсился, другой помѣшался, жена задушила, умеръ съ голоду, умеръ въ повѣтріе, изрубленъ татарами.

Зоркій мужикъ стоитъ на холмѣ и стережетъ, не тянется ли Хмельницкій изъ подъ Замойща или венгры изъ Люблина, не идутъ ли на постой войска польскія и въ ту-же минуту старики, женщины и дѣти бѣгутъ въ лѣсъ, таща съ собой возы съ живностью, а въ деревнѣ остаются или старецъ, котораго лѣта сдѣлали уже безчувственнымъ, или мужикъ, Богомъ лишенный разсудка.

Чтобы принудить мужиковъ открыть убѣжище и таборы, употреблялся «*колъ*», особенно у татаръ.

Толпы двигались отъ деревнѣ къ деревнѣ, голося: нѣтъ въ отечествѣ законовъ, нѣтъ короля, нѣтъ дворянства, а другіе—нѣтъ теперь господина въ Польшѣ: кто душитъ, тотъ и правъ.

Сегодня на квартирахъ войско польское, завтра нѣмецкіе наборщики, а тамъ шведъ, казакъ, татаринъ.

Часто добродѣтель деревенскихъ женщинъ сопротивлялась насиліямъ; пойманныя, оскорбляемыя, онѣ, при первомъ удобномъ случаѣ, скрывались, возвращались домой съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Не разъ спасающаяся отъ разврата падала, пронизанная пулею; иной разъ кидались въ колодези или, уходя черезъ заборы, ранили

себѣ грудь, и умирали. По деревнямъ находили некрещеныхъ младенцевъ. При двухъ свѣчахъ, изъ которыхъ одну отдаютъ въ церковь, а другую зажигаютъ въ корчмѣ, при шумномъ опоражниваніи кружки, грабятъ маршалки и клянутся сжечь фольваркъ или засыпать камнемъ и щебнемъ мельничный поставъ.

Посреди всеобщаго упадка нравственности, когда толпы шатались изъ деревни въ деревню, словно стада сѣрыхъ волковъ, являлись иногда характеры доблестные. Не разъ помѣщикъ, принужденный скрываться, повѣрялъ все свое богатство мужику, и рѣдки были примѣры измѣны. Не въ одной дворянской семьѣ свято сохранялось имя Мартына или Павла — спасителя во время казачины; нѣкоторые характеры доходили до героизма. Францишекъ Буртковичь, мѣщанинъ ушинскій, принуждаемый, вмѣстѣ съ сыномъ, поступить въ шведское войско, пытаемый огнемъ и желѣзомъ, отвѣчалъ: «неприлично католику приставать къ иновѣрцамъ.» Въ послѣдніе года безпорядковъ, народъ уже пересталъ дѣйствовать; изъ нелѣпыхъ мечтаній перешли къ равнодушію. То была Зигмунтовская болѣзнь, которая вызвала изъ устъ Яна-Казиміра извѣстную клятву, вмѣстѣ съ Сенатомъ, передъ образомъ Божіей Матери въ Львовѣ. Поступокъ этотъ не остался безъ отзыва: народъ, воскрешенный священными словами короля, обратился на путь закона, къ справедливости монарха, на путь, который бы не долженъ былъ никогда покидать, потому что инаго и не было честному человѣку.

«Пресвѣтлѣйшій Милостивый Король, Властелинъ нашъ Милостивый и Благодѣтель Великій! Мы, убогіе подданные Вашего Королевскаго Величества деревни Мощанней, умоляемъ Ваше Королевское Величество нашего Господина Милостиваго, который у насъ первый послѣ Господа Бога, принося жалобу на Е. М. П. старосту и П. Павловича слугу его въ томъ, что Е. М. П. староста изъ дня въ день, безъ малѣйшаго отдыха, съ

разсвѣта до сумерекъ, всякую недѣлю гоняетъ на работу и тѣ работы, которыя мы прежде отправляли ежедневно тридцатью сохами, принуждаетъ теперь отправлять едва тремъ сохами, требуя что бы земли были засѣваемы такъ же точно, какъ были засѣваемы прежде; причиняетъ намъ такъ много иныхъ обидъ, что нельзя ихъ и пересказать. Смилуйся, смилуйся, Государь и Благодѣтель Милостивый, окажи по крайней мѣрѣ къ намъ жалость и милосердіе и подай милосердную руку рабамъ, дабы мы въ нашихъ обидахъ, при крайнемъ раззореніи, получили облегченіе, а мы, съ дѣтками нашими и женами, недостойные подданные деревни Мощанней, никогда не перестанемъ молить Бога о долгомъ, добромъ здоровьѣ и долголѣтнемъ царствованіи Вашей Королевской Милости.»

Суды референдарскіе удвоили дѣятельность, желающимъ судиться давались охранительныя грамоты, а арендаторовъ и чиновниковъ, обличенныхъ въ злоупотребленіи, приговаривали къ заточенію и взысканію, отнимали аренды.

Въ своемъ мѣстѣ мы уже указали время, съ котораго, казалось намъ, началось уныніе, составляющее сущность народнаго характера; наступимъ годъ, въ который зародилось чувство недовѣрія и нерасположенія къ шляхтѣ. Съ этихъ поръ шляхта могла сказать: «*Populus hic labiis me honorat, cor autem corum londe est a me.*»

Староство Ратеньское.

Отрывокъ изъ исторіи валахскихъ усадьбъ въ Польшѣ.
(Библиотека Варшавская 1856 г.)

Управленіе староства въ Ратнѣ занималось только хозяйствомъ лѣснымъ и рыбнымъ.

Хозяева, поселившіеся прежде, брали въ аренду нѣсколько десятковъ влокъ земли, отдавая уже отъ себя въ аренду клочки половинникамъ.

Хозяева составляли родъ подарендаторовъ. Треть

урожая они отдавали управленію и, сохраняя часть земли въ свое непосредственное пользованіе, остальную раздавали между половинниками и съ этой уже, розданной, брали половину урожая.

Деревня, или нѣсколько дворовъ, писались подъ именемъ одного хозяина и въ нихъ было нѣсколько дасятковъ половинниковъ. Хозяева имѣли свое извѣстное положеніе, признанное если не закономъ, то обществомъ. Они стояли наравнѣ съ тіуномъ, княземъ и войтомъ, но не съ шляхтой.

Такъ какъ прикрѣпленіе имѣло характеръ болѣе вещественный, касающійся капитала, принадлежащаго человѣку, а не самой личности, половинники же, подсадки, поименники составляли свободную часть населенія, которая могла свободно переходить, то управленіе не имѣло никакого интереса въ ихъ прикрѣпленіи.

Хозяева прикрѣпленные составляли часть населенія, неподвижнаго, сохранявшаго капиталы для другой половины земледѣльческаго населенія, не прикрѣпленной, подвижной, которая переходила съ мѣста на мѣсто какъ только встрѣчалась работа.

Такимъ образомъ струя умѣренной свободы протекала между слоями земледѣльческаго населенія и способствовала распространенію богатства. Подъ рукою были способы добыть имѣніе, безъ обращенія къ пагубному вспомоществованію фольварка, запасы котораго скоро исчерпывались, или который, для предупрежденія этого, принужденъ былъ вознаграждать себя увеличенною барщиною, граничащею съ притѣсненіями и нуждой.

«Лѣнтяй», такъ назывался человѣкъ, который не держалъ въ арендѣ земли и работалъ за поденную плату, бралъ клочекъ земли, какъ половинникъ; черезъ извѣстное время приступалъ къ другой складчинѣ на влоку земли въ четверомъ или пятеромъ, получая сначала осмину или четверть. Проходило еще извѣстное время; движимый капиталъ его увеличивался и дозволялъ ему

съ этой поры взять пополамъ съ другимъ уже цѣлую влоку, пока наконецъ, доходило до того, что онъ могъ держать эту влоку самъ, раздавая изъ своихъ рукъ половинникамъ меньшія ея части.

Не одна дворянская фамилія произошла отъ простаго половинника; мы знаемъ одну, предокъ которой былъ соучастникомъ, потомъ четверникомъ, сынъ его влочнымъ и войтомъ, внукъ арендаторомъ нѣсколькихъ деревень, потомъ администраторомъ этой вотчины, наконецъ позвалъ гетмана Великаго княжества Литовскаго въ трибуналъ виленскій и добился приговора, лишающаго гетмана его достоинства и изгоняющаго его изъ страны.

Соучастки уже составляли родъ мелкой общины; связь ихъ могла мѣшать сильному развитію общины большей; но не смотря на это, есть доказательства соединенія дворовъ въ общины.

Нѣсколько дворовъ одной деревни или вся деревня сообща (*communatum*) платили извѣстную дань, производя раскладку ея уже сами между собою.

Жизнь общины еще болѣе выражалась въ вѣчахъ. Мелкія дѣла разрѣшались на вѣчѣ двухъ деревень посредниками, выбранными изъ мужиковъ, дѣла важнѣйшія предаставлялись на рѣшеніе вѣча нѣсколькихъ деревень.

Приговоры вѣчъ были окончательны: аппеляціи недопускались. Подстаростій не принималъ участія въ судѣ, онъ записывалъ приговоры посредниковъ и представлялъ ихъ старостамъ.

Всѣ деревни были обязаны только къ работамъ, исполняемымъ мужчинами. Онѣ доставляли въ Люблинъ возъ рыбы или меду.

Въ общинахъ власть родительская не была еще поколеблена; пять-шесть братьевъ, живущихъ вмѣстѣ, было дѣломъ обыкновеннымъ. Наилучшимъ доказательствомъ вѣры нашихъ подданныхъ могутъ служить слова чиновника: «Доходъ увеличился, говоритъ онъ, потому, что собирали его не по реэстрамъ, а со словъ самихъ подданныхъ.»

Ремеслъ не было почти никакихъ, за сѣтями ежегодно посылалось въ Торунь. По деревнямъ два кузнеца, а въ Вѣлунчѣ гончарная община, составленная изъ двухъ сотъ гончаровъ.

Между напитками любимѣйшими были: пиво, потомъ медъ, въ началѣ этого столѣтія не было ни одного винокуреннаго котла; только черезъ пятьдесятъ лѣтъ водка сдѣлалась необходимою принадлежностью шинковъ (кабаковъ). Каждому подданному дозволено было приготовленіе всякихъ напитковъ за оплатою съ варива или съ котла. Зажиточнѣйшіе имѣли свои солодовни, котлы, которыхъ было два, а третій общій крестьянскій въ замкѣ.

На семнадцать деревень было восемь церквей, изъ нихъ двѣ пустыя. Приходскіе священники, наконецъ, находились подъ особеннымъ покровительствомъ королей.

Въ 1504 году приходу дано въ собственность нѣкоторое количество земли, въ 1624 поселена на немъ для прихода деревня, утвержденная привиллегіею короля Зигмунта III. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, чтобы съ этихъ поръ не назначалось ни одного приходскаго священника *nisi fuit unitus cum ecclesia.* Но это встрѣтило сопротивленіе.

Сборщикъ податей въ 1510 году везъ въ казну подать съ 75 лановъ; черезъ тридцать лѣтъ—250, а около 1576 года триста лановъ платили подать; прирощеніе это, впрочемъ, должно отнести скорѣе къ оставленію ремеслъ и обращенію къ земледѣлію, а не къ соотвѣтствующему умноженію населенія, потому что между 1510 и 1592 годами населеніе увеличилось на одну седьмую, а число лановъ вчетверо. Таково было положеніе староства подъ исключительнымъ управленіемъ закона русскаго.

Но пробилъ послѣдній часъ хозяйству пчельному, судамъ на вѣчѣ, посредникамъ и общинамъ. Его приблизили и люди и обстоятельства.

Правительство усмотрѣло выгоды въ отстраненіи подарендаторовъ и въ принужденіи половинника платить двору, на равнѣ съ хозяиномъ.

Мысль эта, только по наружности вѣрная, принесла казнѣ лишь временный доходъ, а въ послѣдствіи повлекла къ раззоренію и казну и подданнаго. Она для нашего земледѣлія была то-же, что рудокопни въ Потозіи для Испаніи, которыя временно обогативъ ее, довели до раззоренія на нѣсколько столѣтій.

Зигмундъ-Августъ пишетъ старостѣ: «Касательно работъ подданныхъ замка Рательскаго мы полагаемъ, что каждый, такъ какъ ѣстъ свой хлѣбъ, долженъ нести работы наши и другія тяжести, слѣдующія намъ; въ отношеніи же сужденій людей между собою, если это случалось до-сихъ-поръ, вѣрность твоя должна ихъ запрещать.»

Въ 1564 году староста приказалъ уничтожить, какъ безбожные поборы, *змерщизны*, установленныя *почеревизны* и выходныя *куницы*; вмѣстѣ съ поборами уничтожился и законъ.

Такимъ образомъ едва ли не одновременно уничтожены почеревизна, выходныя, змерщизна и разведены общины.

Половинники, обращенные въ загродниковъ и коморниковъ, поставленные въ непосредственныя сношенія съ правительствомъ, перешли въ классъ прикрѣпленныхъ; черезъ это уничтожилось столь выгодное раздѣленіе населенія на движимое и недвижимое. Съ этихъ поръ Польша представляла на выборъ: или безусловное прикрѣпленіе, или выселеніе изъ страны, эти выселившіеся половинники и разложили огонь въ пустыняхъ приднѣпровскихъ, зарево котораго охватило небо всей Польши.

Опустошенія лѣсовъ и упадокъ лѣснаго хозяйства были очень дурнымъ приготовленіемъ къ неурожаю между 1538 и 1551 годами. Были деревни, въ которыхъ разбѣжалась половина хозяевъ.

Подданные, словно лежащіе наболѣзненномъ одрѣ, незнали гдѣ искать спасенія. Когда разнесся слухъ, что король въ Люблинѣ, четыре деревни Вянтлянскаго повѣта отправились съ жалобами на управленіе и получили

удостовѣреніе, что останутся при прежнихъ обычаяхъ — удостовѣреніе непродолжительное.

Уже не одна вотчина разбѣжалась, не одна изба половинника опустѣла и голодъ добиваетъ населеніе.

Въ это время король и староста Янъ Секлускій употребили средства, какія указывали имъ экономія и ихъ житейская опытность — обратились къ закону валахскому и къ фольварочной системѣ, подчиняя первому четыре Вянтлянскія деревни, второму остальныя тринадцать.

Примѣненіе того и другаго не окозалось достигающимъ цѣли.

Предполагалось, что общинное устройство, свойственное усадьбамъ валахскимъ, желаннымъ образомъ сольетъ разъединенные дворы русскіе, что обширныя здѣшнія луга дозволять развить овцеводство, исключительное занятіе усадебниковъ валахскихъ, что предпріимчивые князьки при значительныхъ привиллегіяхъ выйдутъ изъ бѣдности.

Мы напрасно захотѣли бы отыскивать привиллегій. Подданные на вопросъ объ этомъ отвѣчали, что они сгорѣли во время непріятелей. Мы не находимъ никакихъ князьковъ; въ спискахъ хозяевъ стоятъ войты, но это были только войты рабочіе, не имѣющіе правъ ни основанныхъ на привиллегіяхъ, какъ валахскія, ни на обычаѣ, какъ тіуны русскіе, у которыхъ сынъ наслѣдовалъ отцу, «si aptus fuit;» а рабочіе же войты могли быть свергнуты каждую минуту по произволу чиновника.

Но устройство валахское имѣло въ извѣстномъ отношеніи вліяніе на судьбу подданныхъ; ему обязаны были тѣмъ, что въ четырехъ деревняхъ, остающихся на этомъ правѣ, пашни считались закупными, съ которыхъ безъ королевскаго дозволенія и безъ вознагражденія, по таксѣ, за строенія и улучшенія, подданнаго никто не могъ выгнать. Подданные могли дѣлать долги на землю.

Каждый легко оцѣнитъ все благодѣяніе этой системы. Въ послѣдствіи она распространилась на всѣ деревни.

По какимъ же причинамъ право валахское не пошло

вообще. Первая причина заключалась въ характерѣ народа. Условіемъ существованія валахской общины была дѣятельность князя; устройство же дворовъ русскихъ не способствовало тому, чтобы личные сильные характеры выдвигались, какъ это было въ Стрыйскѣ, въ Саноцкѣ, въ Самборскѣ, изъ цѣлаго ряда князей или между личностями простыхъ подданныхъ, какими были Алексѣй Тута и Ференсъ Кибултъ.

Другая причина была мѣстная. Разъединенные дворы русскіе могли совокупить подъ кормило одной воли рабочія силы для обработыванія пространства въ нѣсколько влокъ; но вѣдь и это было ничтожно въ странѣ затопленной, гдѣ, чтобы приспособить нѣсколько морговъ подъ засѣвъ, нужно было предпринимать работы для осушки на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ влокъ. Тутъ потребно было соединеніе рабочихъ силъ, которое охватило бы все пространство староства, силъ расчитанныхъ не по мелкому хозяйству дворовъ русскихъ, не по среднему въ общинѣ валахской, но по обширному фольварочному хозяйству.

Скромны были начатки хозяйства фольварочнаго, которое съ теченіемъ времени должно было поглотить и мелкое и среднее хозяйство. Въ 1528 году засѣяно нѣсколько влокъ дворовыхъ подъ замкомъ, которыхъ въ 1546 году едва доставало на прокормленіе подстаростія, писаря, повара, пивовара, пекаря, привратника и двухъ сторожей. Янъ Секлуцкій разширилъ замковый фольваркъ и основалъ въ Дубечнѣ. Сбиралось до 400 копъ жита.

Большое хозяйство, требующее расходовъ, спокойствія и времени не могло развиться среди несчатія, съ разсвѣтомъ XVII вѣка, мучащимъ Польшу. Этими мученіями были, мятежъ, принужденіе солдатъ, нападеніе татаръ и особенно произшествія между 1648 и 1662 годами; такихъ бурь не могло выдержать ни одно хозяйство, а тѣмъ болѣе большое.

Число подданныхъ уменьшилось до третьей части,

число лановъ до пятой и шестой. Нужда дѣйствовала сильнѣе смертности.

Какъ зарево пожаровъ стояли надъ староствомъ козаки, татары, ничего неполучающій солдатъ. Особенно старательно-хранимое богатство: рубашка для умершаго, не спаслось отъ грабежа. Корыстолюбіе непріятеля, недостатокъ и нужда солдата не разъ обдирали съ подданнаго и эту гробовую одежду, сшитую набожною рукою. А. Залускій въ своихъ сеймовыхъ рѣчахъ такъ выразилъ положеніе подданныхъ въ 1685 году: «Обремененные бѣдствіями, особенно при теперешнемъ неурожаѣ, подданые наши представляютъ крокодиловъ, у которыхъ есть глаза, чтобъ плакать, но нѣтъ языка, чтобъ жаловаться. Въ 1688 году народъ доходитъ до такой бѣдности, о какой въ Москвѣ напоминаетъ исторія: «*tanta inedia hominum ut passim proclamarent: da quod manducem et postea interfice me.*»

Съ началомъ XVIII вѣка новые раздоры, новыя конфедераціи, новыя волненія; такъ дойдемъ мы до второй половины столѣтія, когда коммисары, присланные въ одну изъ значительнѣйшихъ королевщинъ Руси, сказали:» теперь оправдалась старинная поговорка: polonia est infernus rusticorum.»

Выдержавъ несчастья, съ Яна-Казимира до половины царствованія Августа III, народъ сталъ озираться.

Порядокъ фольварочнаго хозяйства, получившій начало въ XVI столѣтіи и брошенный въ XVII, возобновляется во второй половинѣ XVIII и доходитъ до такихъ размѣровъ, о какихъ, вѣроятно, не могли и мечтать люди XVI столѣтія.

Декретъ референдарскихъ судовъ 1594 года, расчитывая работу, предписалъ шести деревнямъ, изъ числа восемнадцати, отбывать по два дня въ недѣлю съ лана.

Послѣ люстраціи 1765 года всѣ 27 деревень (девять новыхъ) обязаны къ двумъ днямъ съ четверти, или восьми днямъ съ лана.

Это совокупленіе рабочихъ силъ въ дѣловыхъ рукахъ Іосифа Сосновскаго, старосты послѣ Александра Любомиркаго, дало развитіе большому фольварочному хозяйству. Въ теченіе этого времени высѣвъ фольварочный взросъ отъ 90 корцевъ до 800 зимаго (въ томъ числѣ 56 пленицы). Подданные въ 1592 году на 300 общинъ имѣли 250 сохъ, а въ 1594 имѣли уже 1000 паръ воловъ и 200 лошадей на 1400 хозяевъ. Общій доходъ увеличился до 100,000 злот., $^1/_{26}$ котораго составляло рыболовство (приносившее въ 1510 году одну пятую дохода).

Нетрудно разрѣшить чему отдать первенство: фольварочному ли хозяйству въ большихъ размѣрахъ, или тому же хозяйству въ малыхъ размѣрахъ. Намъ остается только коснуться дурныхъ сторонъ одного и другаго и, разсмотрѣвъ ихъ, мы поймемъ почему сердце сжимается сожалѣніемъ, что уничтожена община феодальнаго права и что не достигла она надлежащаго развитія имени валахскаго права.

Развитіе большаго хозяйства глубоко измѣнило отношенія мужиковъ въ ихъ домашнемъ быту.

На сколько развилось большое фольварочное хозяйство, на столько уменьшились хозяйства подданныхъ. Такъ въ послѣдней четверти XVI вѣка 350 хозяевъ занимали 300 лановъ, въ послѣдней четверти XVIII вѣка 1400 хозяевъ занимали 217 лановъ; число хозяевъ въ продолженіе двухъ столѣтій увеличилось вчетверо, количество занимаемыхъ земель уменьшилось на одну треть. Въ XVI вѣкѣ каждый хозяинъ имѣлъ шесть седьмыхъ лана, въ XVIII одну шестую.

Общниковъ поражало это страшное дробленіе хозяйствъ. Для предупрежденія его постановлено: «Когда хозяинъ будетъ выдѣлять сына или брата, не долженъ дѣлить тягловой четверти, а отдать по мѣрѣ потребности или изъ чинша, или съ копны», но въ противность постановленію, черезъ пять лѣтъ до 300 хозяевъ было на осьминахъ. потому что натура фольварочнаго хозяйства, при основаніи» *be panenon de patrimonio*» имѣла свое вліяніе.

Дробленію земель сопутствовало дробленіе семействъ,

На 1400 было 900 такихъ, гдѣ отецъ жилъ съ однимъ сыномъ, и только 400, гдѣ жили не раздѣлившись два брата, сто было живущихъ по одиночкѣ.

Гдѣ то время, когда въ общинахъ по шести домовъ живало подъ однимъ хозяиномъ.

Мы кинули бѣглый взглядъ на подданныхъ.

Ни умаляли мы результатовъ и фальварочнаго хозяйства, безспорно большихъ; но съ другой стороны выказали вліяніе хозяйствъ подданныхъ на дробленіе земель, дробленіе семействъ, а разрывъ семействъ ужъ сколько сдавилъ и уничтожилъ добродѣтелей и счастья, обычныхъ свѣжихъ улыбокъ и горячихъ чувствъ.

Теперь постараемся отстранить нравственную сторону этихъ жалобъ, этихъ тягостей, этихъ страданій, этихъ слезъ, этихъ стенаній. Прослѣдивъ три столѣтія, посмотримъ, сдѣлали ли подданные какой-нибудь успѣхи.

Церкви черныя, бревенчатыя, сколоченныя на скорую руку, съ звонарнею на четырехъ столбахъ; кладбища безъ ограды, съ свободнымъ доступомъ на нихъ деревенскихъ стадъ, съ крестами, сваленными на землю вѣтромъ и снѣгомъ.

Нѣтъ уже поминокъ, тризнъ, игрищъ, но есть корчмы при каждой деревнѣ безъ исключенія. Простая мужицкая изба, холодныя и голыя стѣны, замѣнили гостепріимныя стѣны прежнихъ дворовъ, гдѣ дѣйствительно не отказывались отъ осушенія веселыхъ жбановъ; но какая разница между бесѣдою хозяина во дворѣ и бесѣдою въ корчмѣ!

Между тѣмъ и другимъ предѣлъ, какой существуетъ между употребленіемъ и злоупотребленіемъ.

Распространились ли ремесла? Мы находимъ тѣхъ же самыхъ кузнецовъ и горшечниковъ, прибыло нѣсколько ткачей,—другаго успѣха незамѣтно. Орудія земледѣльческія и домашнія употребляются тѣ-же, что и въ XVI вѣкѣ.

Феодальное, варварское право не осмѣливалось гнать на дворовую или замковую работу женщинъ, за исключеніемъ невольницъ; всѣ тягости несли одни мужчины.

Теперь призвали женщинъ сначала на жниво, на уборку сѣна, наконецъ на копанье рвовъ и каналовъ.

По щиколку стоятъ онѣ въ замерзшей землѣ. Лапти и перегнившее полотно превращаются въ жесткую, мучительную скорлупу на ея ногахъ; невольница прикована къ работѣ, между тѣмъ какъ дитя ея, брошенное въ липовомъ коробѣ реветъ.

Изъ этого источника бѣдности должны нарождаться бѣдныя поколѣнія. Какова же сила законовъ природы, что женщина можетъ родить, жить и кормить, несмотря на противодѣйствія.

Если возможно выводы нравственные представить цифрами, мы скажемъ, что въ XVI вѣкѣ отвѣтственность и свобода подданнаго были на $^{5}/_{6}$ большими, чѣмъ въ XVIII, когда принужденіе и отвѣтственность, принятыя на себя правительствомъ, замѣнили то, что прежде предоставлялось на обсужденіе каждаго подданнаго отдѣльно. Самое принужденіе получило характеръ насилія и суровости. Наказаніе и его орудіе, вмѣсто того, чтобы какъ прежде падать на имущество, падали на то, что послѣ души ближе всего человѣку—на тѣло.

Правительство, находя свою выгоду, равнодушно смотрѣло, какъ выдѣляющійся крестьянинъ тратилъ силы, сколачивая жерди надъ сараемъ, набрасывая надъ избой нѣсколько охапокъ сгнившей соломы, раскладывая печальный огонь въ холодной печи, какъ, на мѣсто одного порядочнаго хозяина, являлось два бѣдняка.

Подданные въ эти три вѣка, т. е. XVI, XVII и XVIII, утратили обезпеченіе отъ наказаній тѣлесныхъ, исключеніе женщинъ отъ работъ во дворѣ, свободу варить напитки, суды, избирательныхъ судей, самобытность хозяйства и возможность трудамъ пріобрѣтать имѣніе.

Земледѣльческое населеніе въ Польшѣ отъ XVI до XVII вѣка.

Варшавская библіотека 1857

Земледѣльческое населеніе дѣлилось на свободное и не свободное, одно пользовалось правомъ земскимъ, другое частнымъ. Подъ правомъ земскимъ состояли *солтыси* и *кметы*, подъ частнымъ — крѣпостные и рабы. Статутъ Казиміра, опредѣляя положеніе двухъ первыхъ, умалчиваетъ о двухъ другихъ.

Мѣра свободы, идя отъ солтыся до невольника, постепенно уменьшалась; солтысь пользовался большею противъ кметя свободою личною по имуществу и въ отношеніи службы; кметь большею, чѣмъ крѣпостной, а больше всего была ограничена свобода раба.

Два болѣе свободныя сословія различались между собою тѣмъ, что солтыси были свободны съ судебною властью, кмети, столько же свободные, не пользовались судебною властью.

Два менѣе свободныя сословія различались между собою тѣмъ, что свобода крѣпостныхъ была ограничена въ отношеніи имущества и службъ, рабы же подчинялись болѣе личной неволѣ.

Повинности солтысовъ были: военная и судебная; повинности кметей, крѣпостныхъ и рабовъ были экономическія; но кметь отправлялъ свои повинности безъ барщины, крѣпостные съ барщиной, рабы исключительно только барщиной.

Солтысь и кметь могли быть защитниками по своему имѣнію, безъ присутствія владѣльца земли; крѣпостной являлся защитникомъ только въ присутствіи владѣльца; за раба въ судѣ отвѣчалъ только самъ владѣлецъ.

Солтысь и кметь подчинялись суду владѣльца земли, но позывали его передъ право земское, если дѣло шло о нарушеніи уговора и личной свободы; позывъ крѣпостнаго

и раба не былъ принимаемъ ни въ судахъ, ни у короля; приговоръ владѣльца считался окончательнымъ. Совѣсть и собственный интересъ владѣльца охраняли жизнь крѣпостнаго и раба; *pro nullo isti habentur apud praetorem* опредѣлило римское право.

Солтысь и кметь наказывались денежными пенями, крѣпостной денежными пенями и тѣлесно, рабъ только тѣлесно.

Солтысь имѣлъ военное назначеніе, кметь военное только для защиты замка, но и кметь не нарушалъ закона, нося при себѣ въ домашнемъ быту оружіе. И тотъ, и другой въ судебныхъ поединкахъ употребляли мечь; крѣпостному и рабу закономъ запрещалось носить оружіе, на поединкахъ они употребляли палки.

Солтысь не платилъ подати, ибо шелъ на войну; кметь и крѣпостной платили, ибо лично не отбывали военной повинности; рабъ былъ освобожденъ отъ подати, ибо, не имѣя личныхъ правъ, считался вещью.

У солтыся и кметя хозяйство было лучше, имущества больше, чѣмъ у владѣльца земли; они имѣли всѣ выгоды аренды, не зная не какихъ невыгодъ, вытекающихъ изъ права собственности. Инвентарій и хозяйство крѣпостныхъ и рабовъ были хуже чѣмъ у землевладѣльца.

Солтысь и кметь имѣли собственное имущество; имущество крѣпостнаго и невольника считалось принадлежащимъ землевладѣльцу. Солтысь произвольно продавалъ имущество, но при этомъ уплачивалъ извѣстную часть въ пользу землевладѣльца; крѣпостной продавалъ съ вѣдома владѣльца и окупалъ свои служебности; рабъ не могъ ничего продать и при дозволеніи окупалъ свою личность.

Солтысь и кметь вступали въ бракъ даже и безъ вѣдома владѣльца, крѣпостной съ его вѣдома, рабъ съ вѣдома, по особой милости владѣльца.

Просвѣщеніе шло по степени предоставляемой свободы. Солтыси знали военное дѣло менѣе шляхты и имѣли менѣе чѣмъ духовенство нравственнаго образованія, въ этомъ

они равнялись съ шляхтою, передъ которою первенствовали въ законовѣденіи и земледѣльческомъ искусствѣ. Кмети никому не уступали въ знаніи земледѣлія, но въ законовѣденіи были свѣдущи менѣе солтысей; крѣпостные стояли ниже тѣхъ и другихъ. Общество не допускало возможности пробудить совѣсть въ рабѣ и, благодаря христіанству, часто несправедливо.

Судьба крѣпостныхъ и рабовъ остается чуждою общественной жизни, она заключена въ частной жизни, народъ ея не знаетъ. Народные законы не упоминаютъ ни о крѣпостныхъ, ни о рабахъ, потому что не ихъ дѣло было охранять эти сословія. Не упоминаетъ о нихъ и исторія, потому что жизнь ихъ не представляла примѣровъ значительнаго возвышенія и поражающаго упадка.

Въ короляхъ они находили посредниковъ между собою и другими сословіями. Король защищалъ ихъ противъ духовенства при сборѣ десятины и доходовъ съ отправляемой литургіи, а противъ шляхты въ дѣлахъ тяжебныхъ.

Власть духовная выхлопотала и укрѣпила имъ право соблюдать воскресные и праздничные дни, свободу заключать бракъ. Считая за ничто свѣтскія отношенія, она громила нарушителей законовъ церковныхъ. Съ страшнымъ оружіемъ отлученія отъ церкви преслѣдовала она лихву, при посредствѣ которой зажиточнѣйшіе ставили сѣти свободѣ бѣднѣйшихъ. Шляхтича, занимающагося лихвою, кметь позывалъ передъ пробоша, а оттуда дѣло шло въ консисторію. Лихоимателей гоняли изъ эпархіи въ эпархію. Вошло въ обычай, что расправа надъ бѣднякомъ и нищимъ принадлежала по закону суду духовному, власть духовная покровительствовала ему, защищала его противъ нападокъ, утверждала на мировыя сдѣлки, обезпечивала ему личную свободу.

Съ возрастаніемъ суда свѣтскаго и появленіемъ писанаго свѣтскаго закона, кругъ дѣятельности духовнаго суда ограничивался. Уже въ XI вѣкѣ видны только остатки его, а въ XVI при распространеніи юридическихъ наукъ

и понятій, вызванныхъ реформою, судебная власть духовенства вошла въ тѣ границы, въ которыхъ остается она теперь; не безъ сожалѣнія уступила она своему младшему брату, праву свѣтскому, охраненіе прежнихъ своихъ интересовъ. Услуга, оказанная ею кметю, очевидна и ощутительна, отдаленность времени не должна уменьшать ея важности.

Судебная земская власть назначала особенные сроки для слушанія дѣлъ кметей, чтобы множество дѣлъ владѣльческихъ не мѣшало чинить справедливый судъ кметямъ, отдѣляя судопроизводство по праву польскому отъ судопроизводства по праву нѣмецкому. Когда приговаривалось кметя воротить на землю, предписывалось, чтобы владѣлецъ не смѣлъ его мучить, но поступалъ бы по закону. Кметь, пожелавшій перехода, продавалъ землю, представлялъ кого нибудь на свое мѣсто, свидѣтельствовалъ при *возномъ* свое имущество и если бы владѣлецъ оказывалъ препятствіе, позывалъ его въ судъ. Судъ разбиралъ съ какой земли отходитъ кметь, купленной или барской, что составляетъ его собственность, что съ купли, что съ приплода, узнавалъ дѣйствительность долговъ, денежныхъ пень и причины, по какимъ онѣ наложены. Кметь объявлялъ причины, по которымъ оставляетъ онъ землю; судъ признавалъ ихъ основательность, если владѣлецъ неисполнялъ договора, грозилъ кметю, приказывалъ его бить, стѣснялъ въ дѣлахъ тяжебныхъ. Когда владѣлецъ отнималъ землю, выгонялъ кметя, не выдавалъ ему скота, причинялъ убытокъ въ посѣвѣ—кметь приносилъ жалобу въ судъ. Оцѣняя убытки, судебный приговоръ гласитъ: «*ideo nos pro tribunali sedintes nullum timentes solum prue oculos eum habentes*». Въ дѣлахъ гражданскихъ власть суда распространилась на договоры, залоги, продажу, утверждая мировыя сдѣлки между кметями и владѣльцами. Кметь не подчинялся приговору войта и сходки, но относился къ судебной власти. Въ дѣлахъ, родствѣ, пожизненномъ владѣніи, приданомъ, онъ строго придерживался права зем-

скаго. Никто по закону не былъ его уполномоченнымъ; онъ долженъ былъ являться самъ и представить уполномоченнаго правительствомъ. Въ случаѣ затрудненій дѣло сдавалось полюбовнымъ судьямъ. Обвиняемому представлялось обширное поле средствъ къ оправданію; присутствіе суда, чиновниковъ, шляхты, не стѣсняло свободы защиты, доходившей часто до гнѣва и ругательствъ. Въ дѣлѣ, имѣющемся у насъ, кметь укоряетъ владѣльца, что онъ не шляхтичь. Когда тяжущіеся, кметь и шляхтичь, прибѣгали оба къ присягѣ, метаніемъ жеребья рѣшалось тому или другому должно присягнуть. Все это подтверждаетъ мнѣніе, что свобода существуетъ давно, а только неволя нововведеніе.

Въ средніе вѣка членъ общества имѣлъ мало силы, чтобы противостать отдѣльно житейскимъ непріятностямъ, когда ему угрожали нужда и произволъ сильнѣйшаго. Соединеніе въ общества помогало ему избѣгать перваго и невсегда подчиняться второму. Соединеніе въ общества, извѣстныя западу подъ разными названіями (Сан-Германдадъ въ Испаніи, Ганза въ Германіи) у насъ было распространено въ видѣ поруки. Поручательство одного за другаго обнимало всѣ сословія, соединяло неразрывною связью членовъ общества; обязательства, вытекающія изъ поруки, сглаживали различія, выходящія изъ привиллегій и рожденія. Порука сливала въ одно короля, князей, графовъ, шляхту, кметей и мѣщанъ. При поручительствѣ всѣ сословія были равны между собою, было одно сословіе, одна община, община проручительства. Вступленіе въ общину поручительства было, преимущественно для кметя, первою степенью гражданства: и, на оборотъ, потеря поручительства была какъ бы приговоромъ вступленія въ сословіе крѣпостныхъ или совершенной погибели. Принимая землю засѣянную, кметь давалъ ручательство, что не уйдетъ прежде чѣмъ не внесетъ чиншъ, что получая запряжку, сохранитъ ее, подвергаясь пени уплатитъ ее въ срокъ. Получая денежную сумму, долженъ былъ предста-

вить поручителя въ томъ, что съ уплачивающаго уже непотребуютъ другіе родственники, что принимая на себя работу, выполнитъ ее какъ должно. Передъ плебаномъ (приходскимъ священникомъ) долженъ былъ имѣть поручителя, что уплатитъ десятину; передъ правительствомъ, что явится въ положенный срокъ; передъ владѣльцемъ, что выполнитъ договоръ, передъ евреемъ—для отреченія отъ лихвы. Кметь служилъ поручителемъ: за кметя, за владѣльца земли, на которой жилъ, за войта, суду котораго былъ подчиненъ, и взаимно пользовался поручительствомъ и владѣльца и войта. Порука была достойнымъ средствомъ къ обезпеченію свободы; пока существовало поручительство, кметь какъ бы пользовался *habeas corpus*. Какъ скоро онъ былъ недоволенъ владѣльцемъ, искалъ по сосѣдству другаго и, если тотъ предлагалъ ему болѣе выгодныя условія, отдавался на поручительсто и переходилъ на его землю. Поручительство имѣло высокое нравственное вліяніе; оно болѣе всего требовало вѣрности въ данномъ словѣ, отвращало долги, было въ высокой степени общественно, связывало сословія безразличія по случайностямъ рожденія или богатства; судьба кметя и шляхтича становились дорогими всей общинѣ поручительства; угнетеніе одного кметя, понесенный имъ убытокъ становились угнетеніемъ и убыткомъ цѣлому повѣту (уѣзду).

Когда королевская власть зависѣла отъ одного лица, а власть судебная отъ собирательнаго тѣла, общественное мнѣніе отъ перемѣннаго органа, защита, представляемая поручительствомъ, имѣла видимую мягкость и непобѣдимую силу, потому что опиралась на цѣлой общинѣ. Только при поручительствѣ понятно какимъ образомъ въ теченіе вѣковъ насилія кмети могли сохранить свободу.

Кромѣ такъ называемыхъ зачасовъ, были шарварки (*labores communes*) и тлоки (*convocatoria juvamina adjuotria* шарварки были работы на общую пользу, около замковъ, мельницъ и на дорогахъ. Если не достаточно было работы зачасной, предписывались тлоки; отличительною чер-

тою ихъ были выдача съ фальварка пищи, требованіе не съ земли, а съ лицъ; число тлокъ было уже опредѣлено закономъ, опредѣлено по мѣрѣ потребности и расходовъ, какіе опредѣлялъ чиновникъ фольварку. Исторія развитія страны есть исторія образованія въ ней ренты, т. е. увеличенія части дохода, которую мы называемъ чистымъ доходомъ. Въ этомъ отношеніи тлоки заслуживаютъ вниманіе, они указываютъ на зараждающую въ странѣ ренту.

Данины не были у насъ, сравнительно съ другими странами, многочислены, доказательство и бѣдности природы, и недостатка промышленности. Подвигаясь отъ Данцига къ югу, т. е., идя противъ теченія Вислы и ея притоковъ, мы замѣтимъ, что количество чистыхъ денегъ уменьшается. Наибѣднѣйшую полосу въ этомъ отношеніи составляетъ пространство между Перемысломъ и Ковлемъ, Люблиномъ и Снятиномъ, на югѣ этой полосы оборотный капиталъ нѣсколько увеличивается, вслѣдствіе восточной торговли. Количество чистыхъ денегъ находится въ тѣсномъ отношеніи съ количествомъ данинъ; первое уменьшается въ повѣтахъ, гдѣ данинъ болѣе; увеличивается, гдѣ ихъ менѣе.

Вся исторія земледѣльческаго населенія заключается въ четырехъ періодахъ; въ послѣдней четверти XV вѣка введено прикрѣпленіе, а вслѣдствіе прикрѣпленія въ первой четверти XVI вѣка наступило увеличеніе барщинной работы, во второй четверти послѣдовало межеваніе, а въ послѣдней четверти уничтоженіе пахарей и найма.

Прежняя экономія дѣлила земли на ланъ осѣдлый (*mansus possessionatus*, *sessionatus*, assessus), ланъ пустой (m. desertus, absus) и ланъ безполезный (т. sterilis). Осѣдлыми землями были лучшія земли, требующія менѣе расхода и труда при обработываніи и имѣющія возможность давать всю ренту, какая установлена въ округѣ. Пустыми были всѣ худшія, болотистыя, песчаныя, неразработанныя новины, требующія большихъ издержекъ и труда, тѣ, которыя кметь берется обработывать за ренту умень-

шенную, сравнительно съ нормою принятою въ округѣ. Рентою за нихъ былъ или чиншъ, или данина овсомъ; а самыя дурныя отдавались въ наказаніе. Наконецъ ланомъ безполезнымъ называлась та земля, которую рѣшительно нельзя было обработать. Прикрѣпленіе является въ началѣ какъ фактъ чисто экономическій, какъ требованіе личнаго съ инвентаріемъ присутствія для возвышенія пустой земли и малой ея ренты на степень осѣдлой и ренты нормальной. Въ XIV вѣкѣ въ привиллегіяхъ предписано, чтобы кметь лично жилъ на ланѣ, подъ страхомъ потери права на землю и строенія. Статутъ Казиміра Великаго подтвердилъ прикрѣпленіе, ограничивая право ухода съ земли двумя хозяевами и только въ послѣдней уже четверти XV вѣка общественное мнѣніе обратило вниманіе на вопросъ о повсемѣстномъ прикрѣпленіи. Причиною этого были политическія перевороты на югѣ, со стороны Руси; округи остававшіеся степью, закипѣли опять жизнью; утверждающаяся безопасность привлекала туда массы кметей и настолько же уменьшало число конкурентовъ на землю и этимъ самымъ имѣло вліяніе на уменьшеніе самой ренты. Въ Великопольшѣ исчезали хозяева, исчезали деревни. Было много такихъ, гдѣ оставался одинъ только помѣщикъ съ загродникомъ, всѣ кмети попереходили на Подолію, число пустыхъ лановъ увеличивалось.

Страсть къ переходамъ коснулась и солтысей, корчмарей, мельниковъ, т. е., даже зажиточнѣйшихъ изъ земледѣльческаго сословія. Земли поростали деревьями, фальварочныя, за недостаткомъ работниковъ, обработывались кое какъ кусками. Великопольша превращалась въ пустыню; земледѣліе безъ кметей могло бы сдѣлаться добычею зарящагося на него нѣмца. Съ грустью видѣлъ владѣлецъ межу, поростающую кустарникомъ; среди лѣса не разъ попадались печи избъ, деревенскія кладбища; какой нибудь охотникъ, отыскивающій отдыха, дивился, встрѣчая въ глухой чащѣ остатки жизни. Послѣ смутъ, на Руси и Подоліи нуждались въ осадникахъ, имъ давали легчайшія усло-

вія и большую свободу. На Руси бѣглый великопольскій кметь находилъ свободу, почетъ и былъ удаленъ отъ непріязненнаго ему нѣмца.

Финансовое положеніе страны не осталось безъ вліянія на введеніе прикрѣпленія. Первый періодъ нашихъ финансовъ кончился съ Пястами. Всѣ источники государственнаго дохода перешли въ частное обладаніе землевладѣльцевъ. Съ Ягеллонами начался и другой періодъ. Отличительною чертою этого періода, начинающагося съ 1404 года есть то, что подать сдѣлалась чисто публичною, отдѣленною отъ частнаго дохода короля. Въ первомъ пятидесятилѣтіи XV вѣка подать была опредѣлена два раза, въ пятидѣсятилѣтіи, предшествующемъ XVI вѣку, шестнадцать разъ а въ продолженіе XVI вѣка пятдесятъ разъ. Мы видимъ пять вѣтвей подати.

Послѣднею была только одна — пошлина съ напитковъ (чоповое). Ранѣе всего упоминается объ ней въ коронацію Яна Ольбрахта въ 1492 году. Чоповое раскладывалось на пошлину съ приготовленія напитковъ и съ продажи; сначала оно собиралось безъ различія сословія, въ пользу котораго приготовлялись и продавались напитки. Въ концѣ XVI вѣка чоповое взималось только въ городахъ; землевладѣльцы, подъ видомъ приготовленія и продажи напитковъ только для собственнаго употребленія и для кметей, освободились отъ взноса пошлины. Сумма чоповаго составляла около четвертой части всѣхъ поборовъ.

Города по оцѣнкѣ движимыхъ имуществъ давали съ капитала подать, называемую *шосомъ* по 5% (exactio civilis *v.* szos simpla) 7½% (ex. cvi. medio altero) или по 10% (exac. civ. in duplo). О шосѣ упоминается при собираніи подати уже въ 1473 году. Сумма шоса могла составлять пятую часть всѣхъ поборовъ.

Третьею вѣтвью подати была подать съ дохода, называемая обыкновенно четвертою частью чинша. Въ XV вѣкѣ ея собиралось отъ одной восьмой до половины дохода. Съ перваго сбора въ половинѣ XV вѣка эта вѣтвь

подати постоянно уменьшалась. Съ пятой части, которую она составляла прежде въ суммѣ податей, въ пятдесятъ лѣтъ она упала до нѣсколькихъ десятковъ флориновъ. Значеніе ея было *Лановое* (о которомъ будетъ сказано ниже) было податью съ дохода арендующихъ землю, податью съ кметей, класса бѣднѣйшаго. Четвертая часть чинша составляла подать съ земледѣльцевъ, класса зажиточнѣйшаго. Очевидно то были двѣ вѣтви одного ствола, одно было дополненіемъ другому, уничтоженіе лановаго сбросило бы всю тяжесть податей на классъ зажиточнѣйшій, уничтоженіе четвертой части чинша — на классъ бѣднѣйшій. Одаренное высокими способностями поколѣніе двухъ Зигмунтовъ должнымъ образомъ оцѣняло значеніе этой подати и средства, которыя могла черпать изъ нея казна. Поэтому, кромѣ доходовъ съ имѣній шляхетскихъ, хотѣли обложить пошлиною четвертой части чинша доходы съ имѣній духовныхъ, десятины и *аннаты*, платимыя римскому двору. Зигмунтъ-Августъ подвергъ подати четвертой части чинша доходы съ монастырей и имѣній королевскихъ. Онъ установилъ четвертую вѣтвь подати, подъ именемъ кварты. Для кварты каждыя пять лѣтъ должна была производиться люстрація, но въ XVI вѣкѣ произведено ихъ только двѣ (1564 и 1580 г); въ XVII двѣ (1616 и 1664) и двѣ въ XVIII вѣкѣ (1765 и 1789). Сумма въ XVI вѣкѣ составляла большую половину всѣхъ податей. По первой люстраціи она составляла 94,476 флориновъ. Четвертая часть чинша должна была пасть на доходъ шляты и духовенства, кварта — на доходы королевскіе и арендаторскіе, лановое — на доходы съ кметей; словомъ весь доходъ страны былъ бы обложенъ податью. Но намѣреніе законодателей не осуществилось, уничтоженіе четвертой части чинша оставило безъ подати доходы шляхты и духовенства. Только кварта, уменьшенныя чоповое и лановое, остались постоянной поддержкой казны.

Лановымъ были обложены ланы кметей, по постановленію лановое доходило отъ 6 грош. до 24 флор. съ лана.

Сумма постоянно уменьшалась, въ 1404 году по 12 грошей съ лана, она составляла 100,000 гривенъ, считая 24 грошей на флоринъ будетъ 200,000 флориновъ въ 1432 году, по 20 грошей съ лана, сумма составляла уже только 56000 флориновъ не смотря на присоединеніе Мазовіи и Подоліи, увеличеніе населенія и улучшенія земледѣлія. Во второй половинѣ XV вѣка эта отрасль податей приносила еще меньшія суммы. Поборъ 1493 года доставилъ казнѣ только 13000 флориновъ (насколько уцѣлѣвшіе счеты вѣрны). Причина этого уменьшенія шла съ двухъ противоположныхъ сторонъ, отъ кметей и отъ землевладѣльцевъ, отъ безпрестанныхъ переходовъ кметей съ пашни на пашню, и отъ обычая землевладѣльцевъ обращать пашни кметей въ пашни фольварочныя, чѣмъ по закону кмети увольнялись отъ подати. Неудачная раскладка лановаго поражало самый источникъ подати, можно было расчитать когда онъ долженъ погибнуть совершенно, когда исключится совершенно изъ круга податныхъ универсаловъ. Сборщикъ, пріѣзжающій съ прежнею квитанціею и встрѣчающій уменьшеніе лановъ, долженъ былъ слушать жалобы на непостоянство кметей въ осѣдлости, жалобы, всегда оканчивающіяся только чистымъ убыткомъ казнѣ. Этому, какъ мы сказали, были двѣ причины; предположено, что прикрѣпленіемъ кметей отстранится одна причина, проистекающая изъ непостоянства ихъ въ осѣдлости.

Общественное мнѣніе и всѣ общественныя власти смотрѣли подозрительно на неосѣдлое населеніе и давили его. Власть духовная видѣла въ осѣдлости первоначальное ручательство въ развитіи христіанства, въ синодахъ предлагала давать милостыню только постоянно живущимъ въ приходѣ. Гражданскія власти въ множествѣ неосѣдлыхъ обитателей видѣли грозу порядку, причины умноженія преступленій и трудности отысканія преступниковъ; поэтому предлагали, чтобы не осѣдлыхъ, смѣшивая ихъ съ бродягами, отсылать для насыпи валовъ въ Калимъ, Познань и Каменецъ. Землевладѣльцы предписывали неосѣдлаго не дер-

жать въ деревнѣ больше трехъ дней. Въ обыденной жизни ихъ преслѣдовали и пѣсенькой и принебреженіемъ. Одинъ изъ современныхъ экономистовъ говоритъ: *Vbi populis, ibi oqulus.*

Стремленіе къ умноженію усадебниковъ проявляется въ 1468 году. Съ цѣлью пріохотить арендаторовъ къ населенію пустыхъ земель, предписано, что арендатору уступается половина чинша съ каждаго новопоселеннаго. Обѣщано вознагражденіе въ количествѣ четырехъ гривенъ за усадебника, сверхъ возвращенія расходовъ, произведенныхъ при поселеніи; назначенъ особенный фондъ на выдачу животовъ, именно въ хлѣбѣ о инвентаріи, остающихся послѣ умершихъ канониковъ.

Законодательная власть поддерживая домогательства землевладѣльцевъ, забывая извѣстную истину римскаго закона: *Civitas non carcer est*, постановила, что кмети не имѣютъ права брать въ аренду пустыя земли у чужаго владѣльца, пока таковыя имѣются у своего. Запрещено отдавать свои земли въ содержаніе чужимъ кметямъ. Кметямъ запрещено было наниматься въ матросы и на полевыя работы въ чужія имѣнія. Въ Мазовіи, которая была еще отдѣльнымъ княжествомъ въ то время когда вышелъ законъ 1497 г., сохранилась свобода кметей особенно потому, что въ этомъ заключался интересъ князьковъ могущественной шляхты и шляхты мелкой. Мазовія можетъ служить докозательствомъ ошибочности тѣхъ теорій, которыя принимаютъ, что одна форма правленія способствуетъ свободѣ кметя болѣе другой, а менѣе всего благопріятнымъ считаютъ мелкую шляхту. Мазовію населяла масса мелкой шляхты, рядомъ съ кметями, строго сохраняющими свою свободу; докозательство, что свобода зависитъ не отъ общественныхъ постановленій, а отъ сердца человѣка. Кто достоинъ свободы, и пока будетъ ея достоинъ, тотъ будетъ ее имѣть. Сохраненіе свободы кметей было здѣсь предметомъ даже частныхъ уговоровъ.

На Руси въ началѣ XVI вѣка, привиллегіями сохраня-

емо было не выдаваніе новопоселенцевъ. Инвентаріи указываютъ исключенія, болѣе частыя къ югу, болѣе рѣдкія къ сѣверу; но и тутъ въ теченіе вѣка безусловное прикрѣпленіе сдѣлалось повсемѣстно принятымъ обычаемъ.

Прикрѣпленіе придвигалось къ востоку, встрѣчая къ Днѣпру все большее и большее припятствіе, окончательно утверждено оно по Днѣпру только въ концѣ XVIII вѣка.

Прикрѣпленіе имѣло огромное вліяніе и на экономическое положеніе всей страны. Вслѣдствіе прикрѣпленія земледѣльческаго сословія, уменьшилось городское, города заселяли уже только чужеземцы и евреи. Ремесленники покинули деревни. Въ Мазовіи, когда по повелѣнію короля нужно было отыскать плотниковъ, управляющіе донесли, что нѣтъ ни одной деревни искусной въ этомъ ремеслѣ, на югѣ Россіи чувствовался недостатокъ въ работникѣ; на сѣверѣ Польши недостатокъ въ живности; здѣсь на самой дурной болотистой почвѣ, кметь трудился принужденно безъ заработка и истощалъ силы за недостаткомъ пищи, тогда какъ на югѣ жито и пшеница гнили въ амбарахъ.

При видѣ этой брасающейся въ глаза нужды, несостоятельности кметя уплачивать чиншъ, землевладѣлецъ долженъ былъ хвататься, вмѣсто чинша, за другой источникъ дохода—за барщину. Законъ 1496 года о прикрѣпленіи составляетъ уже начало закона 1520 года о недѣльной барщинѣ.

Способъ раскладки податей имѣлъ также вліяніе на увеличенія барщины и уменьшенія земель, выпущенныхъ на чиншъ. При условномъ недостаткѣ иныхъ средствъ къ обогащенію, земледѣліе должно было нести на себѣ значительную часть тяжести для поддержанія казны; слѣдовательно дурная раскладка податей должна была болѣе всего вредить земледѣлію. За податную норму принято владѣніе лановое (ланъ) и доходъ съ ихъ гривну (48 грошей), допуская что онъ болѣе или менѣе одинаковъ въ цѣлой Польшѣ, послѣ чего постановлено, что та

кое лановое владѣніе будетъ составлять невѣрную часть чистаго дохода. Рядомъ съ этимъ грамота о поборахъ, писанная подъ вліяніемъ узаконенныхъ понятій, что земли, обработываемыя шляхтою непосредственно на фольваркъ, освобождены отъ побора, опредѣлила, что поборъ должны платить только земли кметей. Чтоже могло выйти изъ такой податной системы? Стремленіе владѣльцевъ уменьшить земли, выпущенныя на чиншъ, и умноженіе земель свободныхъ отъ подати, обработываемыхъ непосредственно на фольваркъ, уменьшеніе количества осѣдлости кметей составленіемъ того же самаго числа осѣдлыхъ.

Когда сборъ лановаго довѣрялся одному сборщику на цѣлый повѣтъ, при сборѣ подати четвертой части чиншевъ, рядомъ съ сборщикомъ, надо было, для полученія доходовъ пять или шесть оцѣнщиковъ на жалованьи изъ почетнѣйшихъ лицъ округа. Въ 1525 — 1526 г., подать четвертой части чиншевъ, приносила казнѣ 4033 фл., а расходы на оцѣнщиковъ составляли 8541 фл., такимъ образомъ расходы на сборъ превышали получаемое; сумма же всѣхъ податей въ этомъ году было 67688 фл., тогда какъ расходъ на ихъ сборъ не превышалъ 2635 фл., такимъ образомъ расходы на сборъ превышали получаемое; сумма же всѣхъ другихъ податей въ этомъ году была 67688 фл., тогда какъ расходъ на ихъ сборъ не превышалъ 2635 флориновъ. Съ каждымъ годомъ подать эта уменьшалась; въ 1508 г. съ семи воеводствъ получено 13,608 фл., въ 1543 съ цѣлой Польши — 819 фл., въ 1571 г. одинъ только владыка Пжемысскій заплатилъ подать, эту сбирали семь разъ въ 1454, 1456, 1462, 1508, 1525, 1538, 1553 годахъ.

Другимъ средствомъ для удержанія владѣльцевъ отъ уменьшенія земель подлежащихъ подати, было замѣненіе подати съ земли на подать съ лица, вмѣсто лановаго, сборъ поголовный. Подать эта взволновала все населеніе, понятія вѣка допускали, что поголовный сборъ долженъ падать только на евреевъ и татаръ.

Третьимъ средствомъ къ удержанію владѣльцевъ отъ

введенія барщины было постановленіе закона, что владѣлецъ долженъ платить подать лановую или всю, или пополамъ съ кметемъ. Это средство употреблено было четыре раза (1468, 1511, 1530 и 1531 годахъ). Постановленіеэто произвело слѣдствія, противорѣчащія цѣли закона. Владѣлецъ, принужденный закономъ къ уплатѣ подати за землю кметя, полагалъ, что совершенно справедливо требовалъ съ кметя, чтобы тотъ отработалъ ему подать. Кто изъ владѣльцъ не принялся еще за увеличеніе фольварка и барщины, тотъ подъ вліяніемъ введенной закономъ податной системы, считалъ это уже какъ бы предписаннымъ закономъ. Именно вслѣдствіе этой-то системы болѣе всего прибавлено рабочихъ дней и увеличены фольварки.

Временнымъ средствомъ къ уменьшенію недочетовъ казны, которая вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожала и вліяніе поборовъ на увеличеніе барщины, было употребленіе при сборѣ прежнихъ квитанцій, или *abjurat.* Средство это заключалось въ сборѣ лановаго, по нормѣ прежнихъ поборовъ, при чемъ не принимались въ соображеніе перемѣны произшедшія на земляхъ, къ уменьшенію земель кметей въ пользу фольварка.

Предположеніе это во всѣхъ воеводствахъ, гдѣ ланъ давалъ доходъ одинаковой, очевидно было произвольно, отъ чего и четвертая часть, которую желали получить на пользу казны, составляла въ сущности, въ округахъ изобильнѣйшихъ и счастливѣйшихъ, по положенію пятую и десятую часть, въ иномъ половину, а въ иномъ и весь доходъ. Мѣстности, для которыхъ менѣе выгодно было развивать фольварочное хозяйство, придерживались лановаго далеко болѣе чѣмъ тѣ, въ которыхъ вся мѣстная продукція сосредоточена была въ фольваркахъ.

Попытка создать кадастръ, была первая въ нашей странѣ, она приближалась къ научнымъ основаніямъ (кадастръ требуетъ двухъ элементовъ оцѣнки и межеванія), и была произведена въ обширныхъ размѣрахъ. При сборѣ

дохода 1789 г., исключены доходы съ промысловъ и ремеслъ, оцѣнка XVI вѣка пала на лѣса, земли, пастбища, промышленныя заведенія, мельницы, данины кметей, наконецъ на фольварки, описывая ихъ землю и ея качество, опредѣляя цѣну рабочимъ днямъ и барщинѣ.

Для приданія расчетамъ казны извѣстнаго основанія съ конца XVI вѣка употреблялись абюраты, не въ отношеніи отдѣльныхъ имуществъ, но въ отношеніи цѣлаго повѣта, представляя уже ему раскладку суммъ сообразно съ качествомъ земли. Работы же, соотвѣтствѣнной уменьшенію земель кметей и увеличенію фольварочной, тамъ никакой не поставлено.

Прикрѣпленіе, освобожденіе фольварочныхъ земель отъ подати, отсутствіе закона описывать количество земель, могущихъ, обращеніемъ на фольваркъ, освободиться отъ подати, были постоянно (до 1789 г.) существенными причинами малаго дохода казны, бѣдности кметей, а главное причиною увеличенія барщины.

Сумма податей, собранныхъ въ 42 года царствованія короля Зигмунда I, составляла 1,339,897 фл., слѣдовательно приходится по 31,000 фл., на годъ; въ 24 года царствованія Зигмунда-Августа въ казну поступило 1,823,165 фл., т. е., до 7,5000 фл., на годъ; въ четыре года двухъ междуцарствій и непродолжительнаго пребыванія Генриха, доходы составили 307,049, т. е., 76,000 на годъ. Подати собранныя въ 10 лѣтъ царствованія короля Стефана принесли 1,605,763 фл., на годъ по 160,000.

Въ 46 лѣтъ правленія Зигмунда III въ казну поступило 16,736,083 фл., на годъ приходится 363,000. За тѣмъ сумма дохода казны въ продолженіе ста двадцати лѣтъ (15,071,633), т. е., въ теченіе времени, справедливо названнаго блистательнымъ, составляла 21,811,957 флориновъ. Принимая злотый венгерскій Зигмунда и Зигмунда-Августа за пол-злота польскихъ, междуцарствій и Стефана за два Зигмунда III за $2^1/_2$, а нынѣшній за 20 польскихъ, злотыхъ вышеприведенная сумма состовляла бы 195,131,000.

Все это было предметомъ толковъ цѣлой страны между 1480 и 1520 годами. Оно было предметомъ заботъ владѣльцевъ и насущнымъ вопросомъ для кметей. Во всѣхъ сословіяхъ находились почтенные умы, взросшіе въ прежнихъ обычаяхъ, опасающіеся за будущность. Недѣльная барщина началась прежде всего въ Мазовіи, въ Брестo-Куявскомъ воеводствѣ и подвигалось къ югу.

Первый разъ Капитулъ Гнезненьскій позволилъ по одному дню съ лана, въ видѣ милости. Черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ допустилъ на выборъ: или отбываніе работъ урочныхъ или по одному дню въ недѣлю, въ продолженіе цѣлаго года. Кмети приняли недѣльную барщину.

Послѣ перемѣны урочной барщины на недѣльную, она стала быстро развиваться.

Въ 1506 году постановлено для нѣсколькихъ деревень, чтобы 13 человѣкъ работали въ теченіе недѣли по два дня; а въ 1514 г., во всѣхъ деревняхъ, по 14 человѣкъ. Когда 1520 году объявленъ статутъ, постановляющій отбываніе одного рабочаго дня въ недѣлю, вся страна уже предупредила законъ. Въ 1481 году работали съ лана по одному дню, въ 1530 по два дня, въ 1581 по шести дней, въ 1603 по 24 дня, а въ 1617 по 32 дня.

Въ имѣніяхъ шляхты въ исходѣ XIV вѣка предоставлялось на выборъ увеличеніе чинша или работы, такимъ образомъ барщина не была принужденною.

Въ исходѣ XV вѣка, въ Мазовіи, кметь бралъ землю, съ обязанностію одного дня съ лана, и никогда не работалъ болѣе двухъ дней, а оцѣнка Пильзненьскаго повѣта, съ половины XVI вѣка указываетъ въ однихъ имѣніяхъ по одному дню съ лана, а въ нѣкоторыхъ, рѣдко, два дня.

Древнѣйшая хозяйственная инструкція, написанная во второй половинѣ XVI вѣка для помѣстій въ Краковскомъ воеводствѣ, постановляетъ три дня; но, принявъ во вниманіе оговорку о выходѣ съ двойнымъ сошникомъ за одинъ плужный день и многочисленные уроки, можно предполагать, что эти три дня соотвѣтствовали шести днямъ. Въ на-

чалѣ XVII вѣка владѣлецъ изъ Хельмскаго воеводства жалуется на арендатора, что онъ требуетъ ежедневную барщину, кромѣ середы и пятницы, слѣдовательно четыре дня въ недѣлю. Передъ нами инвентарій трехъ помѣстій Галиційскихъ, второй половины XVII вѣка, въ одномъ работуютъ по одному дню въ недѣлю со двора, въ другомъ лѣтомъ по три дня, зимой по два, въ третьемъ по 8 дней лѣтомъ, по 6 зимой. Инвентарій Радомскаго воеводства. этого же времени, опредѣляетъ 3 двойныхъ дней, т. е. 6 дней, а въ другомъ помѣстьѣ того же повѣта, но уже въ началѣ XVIII вѣка, устанавливаетъ 4 дня барщины волами и 4 дня пѣшихъ, женщинами; такимъ образомъ всего 8 дней. Въ Пильзненьскомъ воеводствѣ въ помѣстьяхъ Тарновскихъ, которыя дочь великаго Яна внесла въ домъ князей Острогскихъ, работали 5 дней съ четырехъ прентовъ, т. е. 12 дней съ лана. Въ Вислицкомъ воеводствѣ въ помѣстьяхъ Шидловскихъ, теперь доставшихся Раздивиламъ, съ ползапашки работали 2 дня, а во время жнитва 4 дня. Въ Бѣцкомъ воеводствѣ отбывалось 5 дней волами, а во время жнитва 10 дней. Въ сосѣдней Пшемыской землѣ лѣтомъ 4 дня, зимой 3 дня. Въ ординаціи Замойскихъ мужикъ обязанъ былъ работать 2 дня съ четверти, а лѣтомъ съ св. Войцеха до св. Марцина до 3 дней, такимъ образомъ 12 дней съ лана.

Въ Любельскомъ воеводствѣ въ влодавскихъ помѣстьяхъ, собственность Поцѣевъ, одной изъ тѣхъ несчастныхъ фамилій, которыя получили значеніе тогда уже, когда *Рѣчь Посполитая* клонилась къ упадку, съ влоки работали 6 дней и 1 день шарварка, слѣдовательно 7 дней Въ Познаньскомъ воеводствѣ, въ курницкихъ помѣстьяхъ, собственность фамиліи Дзялыньскихъ, кметь осѣдлый работалъ 6 дней. Изъ увеличенія барщины и уменьшенія земель видно, что въ XVI вѣкѣ кмети, въ свѣтскихъ помѣстьяхъ, работали отъ 1 до 6 дней съ лана, а въ половинѣ XVIII вѣка, съ такого же лана, въ недѣлю, (128) до 96 дней. Недолжно принимать эту цифру за среднюю

барщины въ свѣтскихъ помѣстьяхъ, но скорѣе за *тахітит*, хотя это *тахітит* въ сущности распространялось на меньшую часть страны.

Въ имѣніяхъ королевскихъ кмети отправляли работу урочную, за исключеніемъ нѣкоторыхъ деревень, работавшихъ цѣлую недѣлю, какими были при замкахъ усадьбы военно-пленныхъ, происхожденіе которыхъ видно изъ самыхъ названій (угры въ Стрыйскомъ воеводствѣ, пруссы въ Самборскомъ, торки и ляшки въ Пшемыскомъ, ятвяги въ Жидачовскомъ, жмудь въ Хельмскомъ, татары въ Цѣхановецкомъ, печенеги въ Новомѣйскомъ) и нѣкоторыя помѣстья надъ Вислой, какъ наприм: Сохочевское староство, гдѣ уже въ 1510 году съ лана работали до трехъ дней въ недѣлю. Въ первые годы послѣ статута 1520 года о недѣльной барщинѣ, Зигмундъ противился примѣненію его въ имѣніяхъ королевскихъ; есть личные декреты этого времени, въ силу которыхъ кмети, по ихъ просьбѣ, оставляются на урочной работѣ; позднѣйшіе декреты, въ царствованіе того же короля, не повысили ни одного дня въ недѣлю. Зигмундъ Августъ, въ первыя десять лѣтъ, постановилъ по два дня съ лана; во второе дѣсятилѣтіе — по три; а къ концу своего правленія и по четыре. Въ 1570 году для деревни Хельмскаго староства, на домогательство старосты, выданъ декретъ на 6 дней барщины; но въ томъ же году декретъ уничтоженъ и шестидневная барщина замѣнена четырехдневною. Король Стефанъ пробовалъ уничтожить всякую барщину, фольварки раздѣлить между кметями или отдавать ихъ кметямъ въ общую аренду. При Зигмундѣ III суды референдарскіе допускали уже пяти и шестидневную работу. При Владиславѣ IV установлено съ четверти по 3 дня, что составляетъ съ лана 12 дней въ недѣлю. При Янѣ-Казимірѣ уничтоженіе фольварковъ и отдача земель на эмфитеотичномъ правѣ началось въ Мальборской экономіи, окончательно довершено при Августѣ III; но въ другихъ воеводствахъ барщина постоянно увеличивалась. Въ XVIII

вѣкѣ существовало величайшее разнообразіе. Въ Сандомірской экономіи съ осьмушки работали полтора дня, слѣдовательно: съ лана 8 дней въ недѣлю. Въ Равскомъ воеводствѣ до десяти дней, въ Ленчицкомъ до двѣнадцати, въ Познаньскомъ 18 дней; въ землѣ Луковской съ лана до 24 дней.

Соразмѣрно увеличенію барщины, возрасталъ и окупъ; въ 1499 году оброчникъ платилъ до 24 гроша. Статутъ 1520 года увеличилъ окупъ на одну осьмую; въ 1533 г. окупъ составлялъ 2, въ 1564 до 4, а въ Кашинскомъ воеводствѣ до 6 злотыхъ. Въ 1600 году оброчникъ давалъ до 14 флор., а въ концѣ XVIII вѣка, въ Сѣрадзкомъ воеводствѣ, въ духовныхъ имѣніяхъ, платилось до 38 злот., въ помѣстьяхъ шляхты, въ Сандамірскомъ воеводствѣ, окупное съ прента состовляло 8 злот., съ лана 96. Въ Русскомъ воеводствѣ съ четверти 20 злот., съ цѣлаго двора 80 злотыхъ. Въ началѣ XVIII вѣка въ Сандамірской экономіи съ полчетверти платилось 10 злот., съ лана 80.

Въ продолженіи этого времени значительно поднялись цѣнность на все и поземельный доходъ; венгерскій флоринъ къ концу XV вѣка принимался въ оборотѣ по 24 грош., въ концѣ XVI по 2 зл. 10 грош., въ концѣ XVII по 13 злот., въ концѣ XVIII по 18 злотыхъ. Лаштъ пшеницы, въ Серадзкомъ воеводствѣ, къ концу XV вѣка продавался по 14½ злот.; въ Сандомірскомъ воеводствѣ, въ началѣ XVI, лаштъ жита по 12 злот.. пшеницы по 16 зл., къ концу по 42 зл., къ концу XVII по 124 злот., а въ XVIII столѣтіи отъ 400 — 480 злотыхъ. Не смотря на это, кметь въ XVIII столѣтіи вносилъ чиншъ, какой вносилъ онъ въ XVI; въ Великопольшѣ 1 злот. 18 грош., въ Мазовіи 20 грош., «мѣдныхъ грошей» добавляетъ люстрація 1789 года. Разницу между цѣнностью, поземельнымъ доходамъ кметя и чиншомъ, установленнымъ въ XVI вѣкѣ, пополняла барщина.

Извѣстными правилами, изданными въ разное время: старались уменьшить неудобства барщины; запрещены

наемъ барщины внѣ границъ помѣстья, подводы въ праздничные дни, подъ чужой хлѣбъ и подводы въ Торунь и Быдгощы, позволены только подводы на такое разстояніе, какое можно проѣхать въ одинъ день.

Денная стража долженствовала быть уничтоженною; бывшихъ на ночной стражѣ не должно было въ это время принуждать ни къ какой работѣ. Охотничьи дни уничтожены; уничтожена и большая часть уроковъ, а остальные зачислены въ дни недѣльные. Запрещено лѣтомъ брать дни, слѣдуемые зимою; запрещено употреблять лошадей кметей на конскія мельницы. Ограниченъ произволъ назначенія экстренныхъ работъ и принужденнаго найма. Для ухода за пчелами и для разныхъ непредвиденныхъ домашнихъ обстоятельствъ, кметя увольняли на нѣсколько недѣль. Если случалось въ недѣлѣ два дня праздника, одинъ должно было исключать изъ барщины.

Постановлено было выходить на барщину съ восходомъ солнечнымъ или часъ спустя; два часа въ полдень опредѣлялось на отдыхъ; за часъ до заката или въ случаѣ отдаленности отъ фольварка, за два — работы кончались. Мѣра работы была опредѣлена. На чиновника возложена обязанность надлежащаго содержанія дорогъ и гребли. Невелѣно было, наконецъ, требовать барщины безусловно, но соображаясь съ силами кметя.

Соотвѣтственно увеличивающійся барщинѣ, увеличивались и фольварки. Въ теченіе XVI вѣка, короли даютъ позволеніе на выкупъ войтовствъ, солтыствъ, пашень кметей и на закладку въ нихъ фольварковъ. Въ частныхъ имѣніяхъ рѣдко гдѣ и остались солтысь и войтъ; ихъ фольварочки, въ рукахъ шляхты, приняли размѣры обширныхъ фольварковъ. Стремленіе къ разширенію фольварковъ шло по направленію отъ запада къ востоку. Ежегодно въ каждомъ повѣтѣ по нѣсколько лановъ присоединялось къ фольваркамъ. Въ каждомъ округѣ значительнѣйшія лица подавали собой примѣръ. Общему стремленію подчинились и имѣнія духовныя. При каждой деревнѣ долженъ

былъ основаться фольваркъ. Съ пустопорожнихъ мѣстъ къ фольварку присоединялось по два лана. Войтовства должны были выкупаться и обращаться въ фольварки. Поля, найденныя при размежеваніи между полями кметей, присоединялись къ фольварку и съ этого времени распространеніе фольварка предоставлялось произволу арендующаго.

Увеличеніе барщины коснулось всего населенія; исчезъ обычай, по которому кметь принималъ землю безъ барщины, а прикрѣпленный отбывалъ барщину менѣе невольника. Даже высшее сословіе земледѣльческаго населенія — солтысей и войтовъ потянули на барщину. Сначала велѣно было имъ присутствовать при работѣ кметей. Прежде кмети были обязаны работать нѣсколько дней на солтысей, теперь самихъ солтысей и войтовъ, потянули сторожить лѣсъ, возить почту, жернова, на толоки и кошеніе сѣна, въ подводы въ Вроцлавъ, Гнѣзно, Варшаву.

Прикрѣпленный кметь, невольникъ, а почти и солтысь были уравнѣны въ отношеніи исполненія обязанностей. Обязанность эта, по отношеніи къ барщинѣ, сдѣлалась имъ общею. Выиграли въ этомъ только прежніе невольники; барщина ихъ опредѣлена, нѣсколько дней дано имъ въ свободное распоряженіе, ихъ обложили денежною платою, какъ бы началомъ чинша, и во всемъ подняли до сословія прикрѣпленныхъ.

Народъ понурился, на груди всѣхъ угнетенныхъ вырѣзались слова: *Vristis usque ad mortem*.

ОТДѢЛЪ XVIII.

Историческія розысканія о земледѣліи

ЭДМУНДА СТАВИЦКАГО.

Варшава 1858 *)

Временный усадебникъ или нѣсколько-лѣтній арендаторъ, какъ птица, перелетаетъ съ вѣтви на вѣтвь, гдѣ ему лучше и выгоднѣе. Усадебника-владѣльца или вѣчнаго арендатора соединяютъ съ землею неразрывныя отношенія; онъ привязывается къ ней, сливается съ нею, живетъ ею и въ ней. Онъ не откажется отъ нея въ недолѣ, не броситъ ее въ несчастіяхъ и при опустошеніи. Онъ не щадитъ труда и пота, ибо знаетъ, что она дастъ ему плодъ, хотя поздній, хотя бы даже для будущихъ поколѣній. Ни къ чему не привязывается такъ человѣкъ, какъ къ землѣ, если обладаніе ею обезпечено. Съ клочкомъ земли такъ легко соединяются воспоминанія молодости и воспоминанія семейныя, что обыкновенно деревья, воды, растенія и человѣка, который выросъ посреди ихъ или ихъ выростилъ, словно соединяетъ духъ родной, семейный. Эта удивительная любовь сохраняется къ землѣ совершенно даже дурной и не красивой. Что еще замѣчательнѣе, люди сильнѣе привязываются къ малымъ клочкамъ земли, чѣмъ къ огромнымъ пространствамъ, хотя логичнѣе должно бы было быть на оборотъ. Многочисленные опыты убѣждаютъ, что мелкія имущества несравненно легче подымаются изъ упадка, чѣмъ обширныя. Большія требуютъ бо̀льшихъ силъ и средствъ; а они, однажды разрушенныя не легко собираются и скопляются.

---

*) Это извѣстное сочиненіе только что вышло изъ печати у С. Оргельбрандта.

Когда дѣятельность Локетка и распорядительность Казиміра-Великаго уничтожила препятствія внѣшнія и внутреннія, которыя давили развитіе земледѣлія, всѣ отрасли его быстро зацвѣли. Не одни, однакожъ, постановленія правленія Казиміра имѣли вліяніе на развитіе земледѣлія. Населеніе усадебниковъ, способныхъ и промышленныхъ, заложеніе и улучшеніе городовъ, оживленіе торговли, введеніе спокойствія, хотя дорого купленнаго, усиліе пробудить промышленность и фабрикацію, учрежденіе сплавовъ, наконецъ, заложеніе внутри страны складовъ земледѣльческихъ произведеній—подѣйствовали на это положеніе развитія.

Тогдашнее земледѣліе дѣлится на нѣсколько отраслей, въ которыхъ землепашество не играетъ исключительной и даже главной роли; оно составлено изъ мелкихъ частичекъ, сумма которыхъ составляетъ одно цѣлое.

Блазе-де-Виженерре пишетъ, что онъ видѣлъ подъ Варшавой 10,000 рыцарей, у которыхъ каждая лошадь съ сѣдломъ стоила болѣе 1200 скудъ; безъ сомнѣнія, множество между ними долженствовало быть лошадей восточныхъ, если путешественникъ назначалъ имъ такую значительную цѣну.

Степи южной Америки, вмѣсто хлѣба и растеній производятъ мясо и кожу. Украйна въ XVII столѣтіи на степяхъ Брацлавскихъ и Кіевскихъ, содержала огромныя стада рогатаго скота, изъ которыхъ крупнѣйшій отсылался въ торговлю, а яловый шелъ на убой для шкуръ и сала. «До 1802 года, т. е. до устройства порта въ Одессѣ, скотоводство давало почти единственное средство къ извлеченію доходовъ со степной земли, которая нанималась подъ пастбище, и по такой низкой цѣнѣ, что подъ Ягорликомъ и Кодемою можно было нанять квадратную милю земли за 1000 злотыхъ *).

Система колонизаціи и чинша дали сильный толчекъ земледѣлію

*) Свѣдѣнія о состояніи промышленности и торговли въ Польшѣ

Великая и Малая Польши подвигались въ колонизаціи потихоньку, но постоянно, другія провинціи или опережали ихъ или оставались далеко позади ихъ. Тяжелая но сильная рука крестоносцевъ организовала Пруссію съ энергіею. Значительные и населенные города составляютъ ихъ дѣло; они переселяли колонистовъ изъ Голландіи, плотинами охраняли плодороднѣйшія мѣста страны ими занимаемой, которыя подвергались опустошеніямъ отъ воды. По свидѣтельствамъ всѣхъ писателей XVI столѣтія, провинціи Прусскія наиболѣе были развиты въ отношеніи культуры, не смотря на то, что въ продолженіи 15 лѣтъ, принуждены были вести кровавую войну для освобожденія отъ владычества крестоносцевъ. Въ изложеніи Бодзанта о десятинахъ, о странѣ за Вислою до границъ Руси и Венгріи, говорится какъ о новикахъ, которыя только что должны заселиться.

Въ XIII и XIV столѣтіяхъ безъ сомнѣнія впереди другихъ частей страны по культурѣ были Великая и Малая Польша: онѣ за то именно составляли въ то время ядро страны. Изъ Силезіи, все болѣе и болѣе онѣмечивающейся, переходили къ нимъ не одни обычаи и новости. Помощь въ людяхъ и промыслы принимались тѣмъ больше съ охотою, чѣмъ болѣе были они искажены и слабы въ Польшѣ. Это преимущество культуры Великой и Малой Польши основалъ еще Казиміръ-Великій своими распоряженіями и своимъ статутомъ. Правда, законодатель этотъ засталъ въ странѣ готовый матеріалъ, потому что, введенная передъ нимъ, а имъ развитая, система чиншованія и колонизаціи, смѣшеніе большихъ и меньшихъ поземельныхъ владѣній, не ясное раздѣленіе разныхъ классовъ населенія, самое рыцарское право, сближающее ихъ между собою, составляли для мудраго законодателя источники устройства страны, въ которой легко было согласить различные интересы и уравновѣсить положеніе разныхъ лицъ.

Мы встрѣчаемъ въ этомъ вѣкѣ жалобы духовенства на

распространяющуюся обработку усадьбъ, въ ущербъ десятины (1). А такъ какъ усадьбы были увольняемы ординаціею Ярослава отъ десятины, на сколько они обрабатывались лопатою и заступомъ (2), то это, слѣдовательно служитъ доказательствомъ значительнаго успѣха земледѣльческой культуры. Въ царствованіе Ягеллы вывозъ, по расчету нѣкоторыхъ писателей, не превышалъ 14,000 ластовъ; съ этихъ поръ онъ постоянно увеличивался. Какъ далеко собственно Польша, въ казиміровскія времена. опередила другія провинціи въ торговомъ, промышленномъ и земледѣльческомъ движеніи, мы находимъ доказательство въ томъ, что когда въ 1360 году въ Краковѣ платилось за корецъ пшеницы 2 злота 24 гр., жита—1 зл. 12 гр., овса—28 гр., то цѣна жита на Подлѣсьи дошла до 1 зл. 12 гр., только въ 1567 году. Такая цѣна на жито появилась въ Волыни 1705 году, на Украйнѣ 1780 году (3). Къ цѣнѣ хлѣба примѣнялась цѣна работника и другихъ, произведеній, какъ это вездѣ и всегда дѣлается.

Съ XIV столѣтія хлѣбопашество росло быстро и постоянно; все ей благопріятствовало, все къ ней заохочивало. Въ Накельскѣ встрѣчаемъ, что на одномъ фольваркѣ, принадлежащемъ къ Мѣховскому монастырю, собрано 77,000 мѣръ (cassularum) пшеницы 4). Съ теченіемъ времени хлѣбопашество начинаетъ очевидно брать верхъ надъ скотоводствомъ. Мы видимъ слѣдъ этого въ отношеніи луговъ къ пахатнымъ полямъ. По свидѣтельству Чацкаго до 1540 года луга и поля были въ одной цѣнѣ: въ 1544 году отношеніе величины луговъ къ полямъ было какъ 1 (луг.) къ $1^1/_3$ (пол.). Въ Правленіи Зигмунда-Августа отношеніе это значительно измѣнилось, ибо оказалось изъ произведеннаго тогда обмѣра, что оно было какъ 1 (луг) къ $2^1/_2$ (пол.). Постоянный запросъ на хлѣбъ за границей, высо-

1) Одесятинахъ Иг. Менг. стр. 103.
2) В. Л. И. стр. 95.
3) Чацкій о Лит. и П. Свѣд. о торг. и пром. въ Польшѣ.
4) Мѣхов., стр. 503.

кія въ то время цѣны, легкая и дешевая производительность, привиллегіи, которыми были одарены большія имѣнія—поощряли къ болѣе обширнымъ хозяйствамъ, но это уменьшеніе отношенія луговъ къ полямъ не могло быть современемъ выгоднымъ производительности. И мы увидимъ какъ быстро падаетъ она XVII вѣкѣ.

Еслибъ ограничивались обращеніемъ подъ обработку новинъ, излишнихъ лѣсовъ, отношенія которыхъ къ полямъ въ однихъ мѣстахъ были какъ 60 къ 40, какъ 80 къ 20, страна и земледѣліе ничего не теряли бы на этомъ, но уменьшеніе луговъ вело за собой уменьшеніе стадъ, а это приготовило постепенное истощеніе земли. Но это сдѣлалось позднѣе; въ XV и въ началѣ XVI столѣтія было болѣе равновѣсія, какъ между малымъ и большимъ хозяйствомъ, такъ и въ отношеніи луговъ и пашень, между скотоводствомъ и хлѣбною производительностью.

Странная вещь, что по мѣрѣ возростанія производительности, возвышались цѣны; причиною этого было увеличивающееся населеніе, возрастаніе городовъ и промысла, а равно и умножающаяся торговля. Мы говорили уже о цѣнахъ на хлѣбъ во времана казиміровскія; впослѣдствіи, по свидѣтельству Чацкаго, цѣна на жито устанавливалась слѣдующимъ образомъ.

Въ 1497 году платили за корецъ	1	зл. 15	гр.
— 1514	1	— 25	—
— 1520	2	— 13	—
— 1551	5	— 2	—
— 1564	6	— 6	—
— 1588 — 1590	5	— 12	—
— 1601	5	— 13	—

Пониженіе въ послѣднихъ годахъ приписываютъ ряду урожайныхъ годовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Приблизительно Сташицъ высчитываетъ, что посѣвъ могъ составлять около 19 милліоновъ корцевъ, т. е., что только бы нѣсколько болѣе $^1/_6$ земли занимали земли пахатныя. На 19 милліоновъ корцевъ посѣву, считая вообще пять

зеренъ на прибыль, вся Польша производила въ годъ 95 милліоновъ корцевъ хлѣба. Чацкій принимая отношенія въ Галиційскихъ провинціяхъ, по аналогіи выводитъ, что еслибы $^3/_4$ земли занята была подъ хлѣбопашество, страна могла бы получить въ воевод. Великопол. 5,625,000, въ Малопол. 13,762,140, въ Литвѣ 17,082,900.

Бываютъ мѣста и времена когда увеличеніе вывоза не есть выраженіе развивающейся культуры и народнаго богатства. Оно можетъ служить иногда доказательствомъ упадка городовъ промысла и обѣднѣнія земледѣльческаго населенія. Бываютъ мѣста и страны, въ которыхъ работникъ въ нуждѣ и голодѣ трудится около богатыхъ жатвъ, которыя станутъ питать страны далекія и увеличивать избытокъ малаго числа богачей. Извѣстно, что страны, въ которыхъ на обработку пашни употребляютъ невольниковъ, высылаютъ наиболѣе сырыхъ произведеній. Въ XVI столѣтіи все начинало стремиться къ этой грустной цѣли, но въ то время мы еще до нея не дошли. Въ отношеніи плодородія и богатой производительности первыя мѣста всегда занимали: Волынь, Подолія, Украйна и Русь. То, что пишутъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ о плодородіи этихъ провинцій, кажется невѣроятнымъ. Опалиньскій говоритъ, что довольно на землю, тронутую деревянной сохою, бросить зерно, чтобы она дала баснословный плодъ. Ржанчинскій говоритъ объ одномъ случаѣ, гдѣ 50 корцевъ посѣяннаго жита дали въ урожай 1500 копъ. У огромныхъ воловъ иногда едва видны рога изъ роскошной травы, а плугъ, оставленный на пашнѣ, густо обрастаетъ травой.

На Волыни Ржончинскій считаетъ на нѣкоторыхъ фольваркахъ до 2000 коп. озимаго. Итакъ эти провинціи давали хлѣба наиболѣе. По свидѣтельству Ржончинскаго *) лучшую пшеницу давала Волынь, купцы ей отдавали преимущество и платили за нее дороже.

---

*) Стра. 67.

Чѣмъ были времена казиміровскія для Польши, тѣмъ была эпоха Зигмунда для Литвы. Все ея внутреннее устройство, все основаніе ея земледѣльческой культуры получили начало только съ этого времени.

Княжество Заторское давало много льну и наиболѣе занималось выработкою льняныхъ произведеній. Лифляндія изобиловала житомъ.

Естественѣйшимъ сосредоточіемъ торговли были Балтика и Черное море. По свидѣтельству Сарнецкаго, Бѣлградъ былъ знаменитымъ складочнымъ мѣстомъ. Владиславъ Ягелло, по свидѣтельству Длугоша и Крамера, изъ Кочубея, порта бывшаго тогда во владѣніи Польши, отсылалъ хлѣбъ въ Трацію. Торговля направлялась въ Вислу и Балтику и устонавлялись трактаты съ крестоносцами.

Съ Казиміра-Великаго вывозъ хлѣба возрасталъ постоянно, а въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка дошелъ до наибольшихъ размѣровъ. По свидѣтельству Опалиньскаго изъ порта Пилавскаго ежегодно вывозилось до 15,000 ластовъ. Изъ порта Мемельскаго до 23,000 бочекъ льнянаго сѣмени, около 2 корцевъ въ каждой. Двѣ тысячи судовъ, называемыхъ стругами, сплавлялись въ Ригу, а нѣсколько сотъ другихъ судовъ, называемыхъ байдаками, прибывало съ хлѣбомъ въ Кенигсбергъ. Опалиньскій говоритъ, что въ послѣднюю зиму по Вислѣ въ Данцигъ явилось до 500 судовъ. Этотъ годъ, говоритъ приводимый нами авторъ былъ необычайный. Извѣстно, прибавляетъ Опалиньскій, что не весь хлѣбъ Польши сплавляется въ Данцигъ, но едва третья часть его, изъ провинцій прилежащихъ Вислѣ и рѣкамъ въ нее впадающимъ; а множество хлѣба идетъ въ Силезію и Померанію. Келларій о ежегодномъ привозѣ хлѣба въ Данцигъ говоритъ, что Польша сплавляетъ въ Данцигъ 21,090,000 медимновъ или медіовъ *). Отношеніе посѣва пшеницы къ житу измѣнялось постоянно и постепенно

*) Стр. 65.

въ пользу перваго. По расчетамъ Чацкаго, пропорція между посѣвомъ жита и пшеницы въ воеводствахъ великопольскихъ, мазовецкихъ, малопольскихъ и землѣ Хельмской, за исключеніемъ воеводствъ русскихъ была такова, что гдѣ засѣвалось:

въ году	пшеницы корцевъ,	тамъ высѣвалось жита корцевъ.
1460 1528	— 1	— 19
1529 1564	— 2	— 18
1565 1620	— 3	— 17

Количество посѣва пшеницы увеличивалось слѣдовательно, въ отношеніи посѣва жита въ пропорціи, которую Сташицъ обозначилъ слѣдующимъ образомъ: каждые 20 лѣтъ посѣвъ пшеницы умножался какъ 1, 2, 3 и т. д., а посѣвъ жита уменьшался какъ 19, 18, 17 и т. д. Что имѣло мѣсто и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ.

Что касается до воеводствъ русскихъ авторъ приводитъ другую пропорцію въ посѣвѣ жита и пшеницы. Повторяемъ ее за нимъ: «Какъ 100 пшеницы къ 96 жита въ прибрежьяхъ Днѣстра; какъ 100 пшеницы къ 244 жита на Покуцѣ и въ западной Подоліи; какъ 100 пшеницы къ 259 жита въ Бѣльскѣ и западной Волыни; какъ 100 пшеницы къ 400 жита на прибрежьѣ нижняго Сана. Такое отношеніе образовалось, впрочемъ, уже около 1650 года.

Но родились смуты, анархія. Пожалованія стали выше всякаго закона. Собственность и наслѣдство не были законно опредѣлены и твердо устроены. Эта-то анархія убила статутъ вислицкій.

Политическія отношенія толкнули ее на другую дорогу. Отъ духа статута начали отступать. Все болѣе и болѣе теряли изъ виду промыслъ и возрастаніе городовъ; рыцарское сословіе взяло на себя защиту страны, а въ замѣнъ этого пріобрѣло значительныя привиллегіи. Съ теченіемъ времени оно освободилось отъ тяжестей и пода-

тей. Оно получило право установлять подати и составлять законы.

Къ увеличенію поземельной собственности ему открывало дорогу свобода скупать солтыства, вмѣстѣ съ тѣмъ объявленіе закона, въ силу котораго только рыцарское сословіе признано способнымъ владѣть землею на правѣ собственности.

Не къ личности, рожденію и происхожденію, но къ владѣнію землею, соединенному съ рожденіемъ, привязывалъ законъ пользованія вышеупомянутыми привиллегіями.

Имѣлъ ли кто во владѣніи болѣе земли или мѣнѣе, это не составляло различія. Но та шляхта, которая сидѣла въ городахъ, не имѣя поземельной собственности, не имѣла никакого значенія.

Одновременно исчезъ щитъ покровительства закона, охранявшій во время статута и малыхъ и великихъ. Законъ судъ, правленіе были для однихъ, но не надъ всѣми, всякая власть сдѣлалась привиллегіею поземельной собственности.

XIV и XV столѣтія суть двѣ высшія точки просвѣщенія страны и развитія народнаго земледѣлія. Обѣ эти эпохи дошли до этого развитія и просвѣщенія разными дорогами и покоились на разныхъ основаніяхъ. Тѣмъ, слѣдовательно, любопытнѣе разсмотрѣть, которая изъ нихъ дала болѣе здоровые и полезнѣйшіе плоды, которая имѣла въ себѣ болѣе зародышей жизни и свѣжести. Присматриваясь внимательно и взвѣшивая безпристрастно, мы видимъ что первая несла въ себѣ множество зародышей будущаго величія, другая различные зародыши болѣзни и уродства.

Историческія изысканія о земледѣліи

ЗДМУНДА СТАВИЦКАГО.

ОТДѢЛЪ II.

Варшава 1852 г.

Если чего нибудь должно коснуться изъ отечественной старины, то XVI и начало XVII столѣтія приковываютъ къ себѣ вниманіе.

При достаткахъ всѣхъ сословій, Польша была въ то время житницею Европы. Общій балансъ торговли склонялся на ея сторону, не смотря на то, что роскошь выписывала много лишняго изъ-за границы. Этимъ перевѣсомъ Польша исключительно была обязана своему сельскому хозяйству. Причиною этого не было плодородіе земли, потому что впослѣдствіи та-же самая земля при тѣхъ же физическихъ условіяхъ, не приносила такой же пользы. Мѣсто богатства постепенно занималъ недостатокъ. Обстоятельствъ, которыя въ XVI и началѣ XVII столѣтія благопріятствовали земледѣлію, нельзя было вернуть.

Въ XIV столѣтіи эти обстоятельства заключались въ раздѣльности земли, въ умѣренности повинностей, въ свободномъ движеніи земледѣльческаго народонаселенія, въ большомъ количествѣ мелкихъ участковъ и въ проистекающей отсюда свободѣ земледѣлія, наконецъ въ дѣвственности и богатствѣ природы, въ возможности пользоваться ими безпрепятственно. Увеличеніе числа усадебниковъ, умноженіе народонаселенія, увеличеніе городовъ, а съ ними промышленности и торговли, дополняли въ XIV столѣтіи тѣ благопріятныя обстоятельства, бывшія въ ту отдаленную эпоху двигателями земледѣлія.

Въ XVI столѣтіи эти благопріятныя обстоятельства измѣнились. Политическія перемѣны осыпали привиллегіями большія помѣстья, сдѣлавшіяся тогда средоточіемъ обширнаго хозяйства. Это обширное хозяйство, пользуясь покоемъ, безопасностію, изобиліемъ рабочихъ ненаемныхъ рукъ, выгоднымъ сбытомъ, удобствами торговыхъ путей, вызвало тѣ гигантскіе доходы, о которыхъ мы старались дать понятіе читателю.

Земледѣліе замѣнило все и стало предметомъ занятій для каждаго. Рыцарское сословіе, чувствуя отвращеніе къ торговлѣ, съ неудовольствіемъ посматривало на города и старалось унизить ихъ. Въ такомъ положеніи не могла развиться обширная внутренняя и внѣшняя торговля, не могла развиться всякая другая промышленность, исключи-

тельнымъ средоточіемъ которой были города. Промышленность, какая была, пала, а торговля перешла въ руки иностранцевъ.

Духъ предпріятій, промышленности и торговли былъ убитъ въ народѣ, а города, набитые иноземцами, потеряли свои значеніе. При такомъ порядкѣ вещей даже искусства не имѣли пріюта, исключая двора короля и нѣкоторыхъ магнатовъ. Народный геній, окруженный такою соціальностію, не могъ развиться всесторонне.

Политическое значеніе каждаго основывалось на владѣніи землею, поэтому всѣ старались раньше или позже, болѣе или менѣе, быть владѣтелями земли. Связь съ землею сдѣлалась неразрывною и впослѣдствіи перейдя въ предразсудокъ, со всѣми своими дурными и хорошими сторонами, хорошее всосалось въ кровь позднѣйшихъ поколѣній.

Даже и въ настоящее время существуетъ она во всей своей силѣ. Не одинъ изъ насъ, вопреки волѣ и сознанію, предпочитаетъ занятіе земледѣліемъ всѣмъ другимъ занятіямъ, ни одинъ изъ насъ не можетъ дать себѣ отчета, почему онъ чувствуетъ отвращеніе ко всему другому и ни одинъ за эту слѣпую привязанность, которая перестала приносить пользу и стала ненадежна, терпитъ лишенія и недостатки.

Вслѣдствіе такой слѣпой привязанности процвѣтало земледѣліе въ XVI вѣкѣ. Разсматривая польское общество въ XVI вѣкѣ, мы видимъ въ немъ не мало домашнихъ добродѣтелей, религіозность, нравственность, которыя составляютъ силу и залогъ долговѣчнаго существованія общества. Въ сношеніяхъ высшихъ классовъ общества съ низшими, господствовала патріархальность, смягчавшая даже суровость тогдашнихъ законовъ. Въ общественной и частной жизни господствовалъ духъ набожности, управлявшій всѣми поступками человѣка. Хотя эгоизмъ и сталъ проникать въ общество, но онъ былъ вытѣсняемъ обычаями; хотя законы дѣлались менѣе справедливыми, но ихъ смиряла любовь христіанская. Встрѣчались насилія, но

противъ нихъ ратовала неиспорченность убѣжденій. Слѣды всего этого сохранились въ сочиненіяхъ того времени.

Съ восторгомъ мы представляемъ себѣ положеніе тогдашняго рыцаря-пахаря, положеніе, отражающее въ себѣ всѣ качества народа и его геній.

Всѣ политико-экономисты того вѣка дивились этимъ новымъ, но уже укоренившимся отношеніямъ земледѣльческихъ сословій. Дѣйствительно, положеніе ихъ съ начала XVII вѣка стало приходить въ упадокъ и угрожало земледѣлію.

Мы видѣли, что Торунскій статутъ назначилъ одинъ рабочій день въ недѣлю тамъ, гдѣ его вовсе не было, а полвѣка спустя въ 1560 и 1573 г. находимъ диссидентскіе синоды: одинъ Великопольскій, другой Малопольскій, которые троктуютъ о трехъ дняхъ недѣльной работы, чтобы воспрепятствовать уже слишкомъ усиленнымъ занятіямъ земледѣліемъ.

Генеральная конфендерація по смерти Сигизмунда Августа опредѣлила: она утверждаетъ и считаетъ священнымъ уже существующее обыкновеніе, потому что опека земскихъ законовъ пала. Равнымъ образомъ пало и постановленіе Вислицкаго статута о службѣ кметовъ. Во времена Крамера кмети исключая тѣхъ, которые посвятили себя наукамъ и церковной службѣ, не могли покинуть своихъ участковъ безъ позволенія пановъ. Позже и это обыкновеніе прекратилось. Законы сурово карали тѣхъ, которые принимали бѣглыхъ кметовъ.

Не удивительно, что при такомъ порядкѣ вещей, находились люди, нарушавшіе право собственности, недорожившіе здоровьемъ и жизнью своихъ подданныхъ.

Должно удивляться только тому, что законодательство допустило существованіе такого порядка вещей. На однихъ возлагало оно слишкомъ много надеждъ, другихъ забывало совершенно.

Положеніе королевскихъ крестьянъ было несравненно лучшее, вслѣдствіе большого уваженія къ древнимъ пра-

вамъ и обычаямъ. Красинскій говоритъ: «земледѣльцы, состоящіе подъ непосредственною властію короля, пользуются большими правами свободы, нежели земледѣльцы шляхты и пановъ.

Первые, въ случаѣ насилій, могли жаловаться самому королю. Петрицій въ комментаріяхъ къ Аристотелевой политикѣ говоритъ, что «королевскіе подданные взамѣнъ различныхъ льготъ должны были платить розличные налоги и пошлины,» наконецъ прибавляетъ: «вездѣ бѣда, и въ королевскихъ помѣстьяхъ воображаемой свободы и правды никогда не достигнутъ».

Помимо этихъ словъ Петриція, мы можемъ сказать, что положеніе королевскихъ и экономическихъ крестьянъ было несравненно лучше, нежели всѣхъ другихъ. Торунскій статутъ опредѣлившій одинъ день барщины, распространилъ ее и на крестьянъ королевскихъ. Ни откуда не видно, чтобы это постановленіе когда-нибудь было уничтожено въ королевскихъ доменахъ. На улучшеніе положенія королевскихъ подданныхъ имѣла вліяніе референдарная институція.

«Одинъ органъ не можетъ страдать, говоритъ г. Моджевскій, чтобы не страдало все тѣло». У насъ связь деревень съ городами была болѣе замѣтна, нежели гдѣ либо; процвѣтали деревни — процвѣтали и города. Деревни терпѣли нужду и города также. Она была причиной зажиточности и богатства одного земледѣльческаго класса. Высшее сословіе употребляло все иностранное. Множество купцовъ шотландскихъ, нѣмецкихъ, московскихъ, венгерскихъ, армянскихъ, греческихъ, персидскихъ и италіянскихъ, какъ свидѣтельствуютъ универсалы, кочевало изъ одного мѣста Польши въ другое, снабжая высшій классъ чужеземными, вовсе лишними товарами. Спрашивается, кому нужны были произведенія нашихъ многолюдныхъ городовъ? Напримѣръ, Сохачевъ, имѣвшій когда-то 22 ремесленныхъ цеха, Шидловъ, Коло, Рава, Ленчица, Клодава, Рогожно, Тушинъ и мн. др., какъ показываютъ изысканія

Суровецкаго, имѣли много ремесленныхъ цеховъ и купцовъ. Ясно, что упадокъ и нищета окрестныхъ городамъ земледѣльцевъ, повлекло за собою разореніе купцовъ и ремесленниковъ.

Мало этого: въ непродолжительномъ времени должно было потерпѣть и сельское хазяйство, то самое хозяйство, для улучшенія котораго, правительство приводило въ исполненіе ложные способы. Чѣмъ болѣе терпѣло земледѣліе, тѣмъ болѣе нищали города и падала внутренняя торговля. Для сбыта же земледѣльческихъ произведеній должно было прибѣгнуть къ внѣшней торговлѣ. Всѣмъ извѣстно, что въ помѣстьяхъ, гдѣ бываетъ барщина въ обширныхъ размѣрахъ, половина работы пропадаетъ. Тѣ рабочія руки, отнятыя отъ своихъ полей, уменьшаютъ государственный доходъ. Даже если станемъ смотрѣть на сельское хозяйство, какъ на искусство, то и въ такомъ случаѣ оно должно было идти къ упадку, потому что чувствовался недостатокъ въ двигателѣ, который бы замѣнилъ рабочія руки силою ума, изобрѣтательности, капиталовъ.

Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ многочисленнѣйшій классъ народа упадалъ физически и морально подъ гнетомъ новыхъ правъ и обыкновеній, другой классъ этого народа, по мѣрѣ увеличенія своихъ богатствъ и свободы отъ общественныхъ обязанностей, преклонился на сторону роскоши, потерялъ древнюю простоту нравовъ, привычку къ труду и воздержанію.

Такое положеніе страны не могло ускользнуть отъ вниманія тогдашнихъ публицистовъ, провидѣвшихъ будущее. Число ихъ было не малое. Все это породило цѣлый рядъ сочиненій, въ которыхъ мы находимъ изложеніе причинъ этихъ общественныхъ болѣзней и средствъ къ ихъ лѣченію. Всѣ жалуются на забвеніе народомъ древнихъ правъ и обыкновеній, на отступленіе отъ духа вислицкаго статута.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія Красин-

скій своимъ сочиненіемъ «Polonia»; изъ духовныхъ писателей Скарга и Бирковскій, потомъ Либерій, Витвицкій, епископъ Луцкій, Ширма, Куженецкій, Голарій и Жельскій. (Много занимательныхъ отрывковъ изъ этихъ писателей можно найти въ сочиненіи г. Пильховскаго. Также г. Чацкій упоминаетъ о многихъ писателяхъ въ началѣ XVIII вѣка).

Чѣмъ болѣе чувствуешь уваженія къ этимъ просвѣщеннымъ и добродѣтельнымъ помѣщикамъ, тѣмъ болѣе удивляешься, почему ихъ сочиненія не имѣли никакихъ послѣдствій.

Неужели литература, лелѣемая образованнѣйшими людьми, не могла сильно протестовать противъ-современныхъ заблужденій? Неужели эти сочиненія служащія памятниками образованія малаго числа людей, не могли пролить свѣта образованности на современниковъ? Неужели вредныя сочиненія могли калѣчить общество, а полезныя не могли лѣчить его?

Будемъ искать отвѣта на этотъ вопросъ у писателей того времени. Лещинскій въ сочиненіи «Свободный голосъ и т. д.» разрѣшаетъ, въ чемъ у насъ эти практическія сочиненія встрѣчали препятствія, и что было гибельнаго въ цѣломъ государствѣ и обществѣ.

«Есть много, говоритъ онъ, принимающихъ сильное участіе въ общественномъ благѣ, которые могутъ безпокоиться о томъ, чтобы средства, употребляемыя для уврачеванія общественныхъ ранъ, не растравили ихъ еще болѣе; къ тому-же я увѣренъ, что благодѣтельнѣйшая реформа нашей Рѣчи Посполитой, въ глазахъ нашихъ, все равно, что запрещенная книга. Говорить намъ объ этомъ не слѣдуетъ, какъ послѣдователю Магомета разсуждать съ христіаниномъ о недостаткахъ Корана, но и разсуждая объ этомъ предметѣ, мы самыми наглядными доказательствами не можемъ убѣдить тѣхъ, въ комъ *stat pro ratione voluntas.*

«Мы похожи на больнаго съ безпокойнымъ характе-

ромъ, который не обращая вниманія на болѣзнь, грозящую ему смертью, чувствуетъ отвращеніе отъ лѣкарства, горькаго на вкусъ, хотя онъ и увѣренъ, что оно возвратитъ ему здоровье. Мы поступаемъ какъ еретики, которые послѣ долгихъ преній хотя и убѣждаются въ своихъ заблужденіяхъ, но не оставляютъ ихъ; наконецъ мы похожи на обитателей стараго дома, который грозитъ паденіемъ, но не смотря на это они не переселяются въ сосѣдній новый и пустой домъ.»

Такимъ образомъ земледѣліе, переживавшее блестящій періодъ своего существованія, начало клониться къ упадку. Управленіе большихъ помѣстій не только что одержало верхъ, но даже вышло изъ предѣловъ, которыхъ не слѣдовало переступать. Въ XVI вѣкѣ были соединены почти всѣ солтыства, а тѣ изъ нихъ, которыя не успѣли соединиться, соединились въ XVII вѣкѣ. Всѣ крестьянскія земли, переходя въ руки шляхты, вошли въ составъ этой системы. Хотя и существовало обыкновеніе, что братья раздѣляли наслѣдство по-ровну, хотя и встрѣчались примѣры страшно мелкаго дробленія шляхетскихъ земель, но это не приносило какъ прежде пользы для сельскаго хозяйства, а напротивъ вредъ. Древнія рыцарскія усадьбы солтыства и другія мелкія участки имѣли величину, соотвѣтственную выгодамъ сельскаго хозяйства и не были безконечно малы; слѣдовательно утратились участки средней величины и вмѣсто ихъ образовались мелкіе участки, которые мало-по-малу вошли въ составъ большихъ имѣній. Они уменьшались соотвѣтственно потребностямъ большихъ имѣній. Въ это-же время пала полуобрачная система; а съ упадкомъ среднихъ участковъ и оброчной системы пали всѣ другіе земледѣльческіе процессы, въ которыхъ они находили средства.

Бѣльскій, Скшетузскій, Бандке, говорятъ, что барщинная система преимущественно вошла въ употребленіе въ междуцарствіе, послѣдовавшее за смертію Сигизмунда-Августа. Изъ этого можно заключить, что въ эту эпоху упра-

вленіе большими помѣстьями взяло перевѣсъ надъ всѣми другими.

Болѣе вошедшая въ употребленіе арендная система была также примѣнена къ управленію большими помѣстьями, во всей своей наготѣ и обширности. Она уничтожила свободный переходъ крестьянъ, систему денежнаго оброка и средніе независимые участки. Нужно еще замѣтить, что собственно чрезъ крайнее и неосмотрительное распространеніе этой системы не только части, но и все сельское хозяйство пришло въ упадокъ. Усадьбы кметей сдѣлались бездоходными, потому что они были обременены различными налогами, возбуждающими къ этимъ усадьбамъ отвращеніе всѣхъ и каждаго. Заниматься же хозяйствомъ на этихъ усадьбахъ, правительство слѣпо принуждало земледѣльцевъ. Такимъ же образомъ хозяйство и въ большихъ помѣстьяхъ находилось подъ вліяніемъ принужденія. Слѣдовательно вся сельская промышленность и система экономическая основана была на невѣрныхъ и опасныхъ принципахъ.

Послѣ того не удивительно, что при такомъ порядкѣ вещей сельская промышленность приходила въ упадокъ. Внѣшній сбытъ хлѣба, какъ видно изъ таблицъ Чацкаго, во второй половинѣ XVII столѣтія значительно уменьшился и, уже, никогда не приходилъ въ первоначальное положеніе. Уменьшилось народонаселеніе, упали города и деревни. «Удивительно, говоритъ Лещинскій, что при такомъ положеніи никто не заботился о возвышеніи нашего сельскаго хозяйства, не подумалъ откуда взялись эти безплодныя поля? Не понятно, отчего такое обширное и плодородное государство, какъ наше, такъ пусто и не многолюдно. Я думаю, что это происходитъ отъ того, что крестьянинъ не имѣетъ средствъ къ обогащенію, а панъ, пріобрѣтенное *per luxum,* проводитъ, мотаетъ. Къ тому же если голодъ, война и эпидемическія болѣзни опустошатъ страну, то нужно нѣсколько вѣковъ, чтобъ придти въ первоначальное положеніе. Итакъ у насъ теперь

общее бѣдствіе. Въ особенности это замѣтно въ городахъ — тамъ сосредоточивается крайняя бѣдность и необразованность жителей, а вѣдь это наша (empгуа) эмпрія: у насъ, за отсутствіемъ морей, нѣтъ внѣшней торговли, вся наша коммерція состоитъ въ сбытѣ сельскихъ произведеній въ ближайшемъ городѣ, а кто же ихъ тамъ станетъ покупать, когда тамъ только нищіе?»

Это даетъ намъ понятіе о положеніи Польши въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. Не отвергаю, что сельское хозяйство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлало большіе успѣхи противъ прежнихъ, могло нѣсколько усовершенствоваться, однакоже это не измѣнило общихъ его результатовъ. Города и деревни упали. Балансъ торговли пересталъ клониться на сторону нашего края.

Кромѣ этого, когда всѣ капиталы въ государствѣ находились въ бездѣйствіи, не были пускаемы ни въ торговые, ни въ промышленные обороты, не были употребляемы даже на пользу общественную, какъ-то: на постройку дорогъ, публичныхъ зданій и т. п., каждый старался пріобрѣтать землю, чрезъ что цѣна ея страшно увеличилась. Что же за польза для государства, что пространства, бывшія въ XVI вѣкѣ безплодными, населились и стали воздѣлываться, когда общее народонаселеніе въ государствѣ уменьшилось, когда меньше продуктивности было сбываемо за-границу и меньше употребляемо у себя, дома?

Политическіе перевороты въ началѣ XVIII столѣтія не благопріятствовали, если не развитію, такъ по крайней мѣрѣ подкрѣпленію государственныхъ силъ, какъ въ промышленномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ.

Двѣ противныя партіи взаимно уничтожали имущества своихъ противниковъ, въ чемъ и чужеземныя войска имъ помогали. Царствованія Августовъ II и III не были ознаменованы важными экономическими или финансовыми узаконеніями. Нельзя даже сказать положительно къ какому направленію возвратилась сила народной жизни.

Духъ партій раздѣлилъ народъ на нѣсколько непріяз-

ненныхъ другъ другу обществъ, борящихся между собою о большемъ или меньшемъ вліяніи, значеніи и выгодахъ. Не исполненіе законовъ распространяло анархію. Знаменитая поговорка: «*при король Сась*» — показываетъ направленіе того вѣка.

Наконецъ началась постройка разрушенныхъ городовъ, сожженныхъ усадьбъ, началась обработка опустошенныхъ нивъ. Съ воцареніемъ мира страна начала постепенно приходить къ лучшему быту, къ врачеванію ранъ, нанесенныхъ ей войною, голодомъ и эпидемическими болѣзнями. Но при всемъ томъ сельское хозяйство не могло возвратиться къ прежнему цвѣтущему состоянію.

Прежде съ понятіемъ о владѣніи землею соединяли понятіе о военной службѣ. Если земля была для рыцарей наградой за подвигъ, то она же налагала на него и обязанности постоянной военной службы. Это начало, на которомъ былъ основанъ составъ общества въ среднихъ вѣкахъ, было у насъ постоянно сохраняемо въ продолженіе всей нашей исторической жизни. Хотя постепенно ленная зависимость уступала мѣсто неограниченному владѣнію, начало это у насъ все таки существовало, проявлялось только въ другой формѣ. Всегда рыцарская обязанность была связана съ землею. Эта же мысль проявлялась и въ позднѣйшихъ преобразованіяхъ, въ чемъ мы можемъ убѣдиться разсматривая законы о наслѣдствѣ и ограниченіи льготъ въ пользу монастырей и духовенства. Гораздо позднѣе обязанность военной службы постепенно начало отдѣляться отъ понятія владѣній землею. Политыя рушенія (всеобщія ополченія) послѣдними королями были дѣлаемы рѣдко, иногда короли даже боялись ихъ.

При внѣшнихъ сношеніяхъ главную роль играло соображеніе съ экономическими выгодами и нуждами края. Все, что въ XV и XVI столѣтіяхъ было предписываемо законами, клонилось на сторону рыцарей, а не земледѣлія. Въ тѣ времена, когда учреждались поземельныя отноше-

нія, законодатель могъ достигнуть своей цѣли двумя путями: права, привиллегіи и обязаности относительно земли, или права привиллегіи и обязанности относительно лицу и обусловить ихъ пользованіемъ какого-нибудь участка земли.

У насъ былъ избранъ послѣдній путь. Рыцарство или отличенное дворянство — сначала это были два различныя понятія и только современемъ сдѣлались не раздѣльными, — было въ сущности привиллегія привязанная къ личности; земля же сама по себѣ не имѣла никакого значенія.

Рыцарь изъ правъ соединенныхъ съ владѣніемъ землею, пользовался только важнѣйшими.

Позже земля сдѣлалась исключительною собственностью рыцарей. Никто не имѣлъ права владѣть ею, исключая нѣкоторыхъ привиллегированныхъ обывателей большихъ городовъ. Но это не принесло пользы земледѣлію, не умножило общественнаго богатства.

Земля всегда и вездѣ составляетъ главный и конечный предметъ матеріальныхъ стремленій человѣка. Преградить путь къ пріобрѣтенію земли для значительной части народа, значитъ уничтожитъ всякое стремленіе къ труду и бережливости. Промышленность и торговля скорѣе могутъ обогатить человѣка; но богатый капиталистъ груститъ по землѣ, по той причинѣ, что съ владѣніемъ землею соединена идея о значеніи человѣка. И это бываетъ повсюду — у насъ должно было быть больше, нежели гдѣ нибудь, потому что владѣніе землею давало значительныя выгоды, полная свобода и обезпеченіе капитала между тѣмъ какъ — были стѣснены.

Личное владѣніе отдѣльными участками проистекало изъ древней общественной родовой собственности. Послѣдняя долго существовала у насъ, и исторія застаетъ слѣды ея. На ней было основано наше древнее право о наслѣдствѣ.

Владѣнія общественное и родовое оставили слѣды въ умахъ и обычаяхъ потомковъ, препятствовавшихъ распространенію права первородства и субституціи.

Владѣніе родовое допускало равенство правъ и основывалось на томъ, что нѣтъ разницы между сыновьями одного отца и другаго для владѣнія землею. Эти понятія укоренились до того, что вошли въ обыкновеніе и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, стали закономъ совѣсти. Правительство принуждало къ раздѣлу земли и возлагало эту обязанность на старшаго въ родѣ, не позволяя однакожъ надѣлять одного и обходить другихъ, потому что подобная несправедливость вопіяла бы о мщеніи. Лишенный законнаго наслѣдства не имѣлъ болѣе не только своего куска земли, но и возможности быть полезнымъ обществу.

Въ древности для младшихъ въ родѣ не было мѣста, если бы старшіе пожелали исключительнаго владѣнія землею. Одно духовенство было богато и могло подавать надежду лишеннымъ наслѣдства на обогащеніе. Въ духовенство поступала, вопреки законамъ, большая часть крестьянъ, извѣстныхъ своими дарованіями. Духовенство принимало ихъ очень охотно, любя науку и нуждаясь въ людяхъ талантливыхъ для пріобрѣтенія вліянія и значенія. Оно не обращало вниманія на происхожденіе, которое есть ничто иное, какъ игра случая.

По мѣрѣ уменьшенія числа членовъ какого-нибудь рода, земля должна была раздѣляться между остальными членами этого рода. Такое дѣленіе современемъ дошло бы до безконечно-мелкихъ участковъ, но ему воспрепятствовало право выдѣлять сестромъ приданое. Система старостъ и устраненіе крестьянъ отъ владѣнія землею—эти три условія не только охранили цѣлость большихъ участковъ, но и были причиною перевѣса ихъ въ XVII столѣтіи надъ мелкими участками. Въ XVIII столѣтіи этотъ перевѣсъ дошелъ до того, что сталъ вредить сельской промышленности; но староства и наслѣдственныя аренды у извѣстныхъ землевладѣтелей сдѣлали то, что этотъ перевѣсъ не имѣлъ вредныхъ послѣдствій. Въ отношеніи экономическомъ былъ очень вреденъ раздѣлъ деревень, бывшій прежде въ большомъ ходу.

Тогда не прибѣгали къ долголѣтней арендѣ, какъ полезнѣйшему средству для развитія земледѣлія и для извлеченія изъ земли большихъ доходовъ.

Причиною этого было то, что арендаторы, изъ шляхты не имѣли капиталовъ, чтобы завести обширное хозяйство, или, быть можетъ, они не хотѣли имѣть сдѣлокъ съ помѣщиками, у которыхъ часто капризъ былъ закономъ. Можетъ быть, богатые владѣтели для сохраненія вліянія на мелкую шляхту сосредоточивали въ своихъ рукахъ куплю и продажу земли.

Въ XVIII столѣтіи еще встрѣчаемъ арендныя земли въ общемъ употребленіи, особливо въ отношеніи староствъ, въ обширномъ значеніи этого слова.

Въ промежутокъ времени отъ 1670 до 1710 г. изъ Гданска среднимъ числомъ ежегодно вывозилось различнаго хлѣба 28,907 лаштъ. Въ десятилѣтіе отъ 1700 до 1710 г. оттуда же отправлено 19,358 лаштъ. Въ таковой же періодъ времени отъ 1730 до 1740—15,106 лаштъ.

Съ 1750 г. сбытъ хлѣба за-границу снова начинаетъ увеличиваться. Такое уменьшеніе вывоза хлѣба въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія удивительно, если примемъ въ соображеніе, что пустопорожнія земли были обращены въ пахатныя, что уменьшился общій итогъ народонаселенія, что между тѣмъ увеличились рабочія силы, составлявшія принадлежность сельскаго хозяйства. Причиною уменьшенія сбыта хлѣба могли быть не только политическіе перевороты и частыя войны, но и система сбыта хлѣба на иностранныхъ рынкахъ.

Изъ статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ въ окрестностяхъ Варшавы 1798 г., на пространствѣ 218 квадр. миль, видно, что если все это пространство земли раздѣлить на 51 равныя части, то лаы заняли бы 16 такихъ частей, дороги и неудобныя земли 12 частей, луга $2^{2}/_{3}$, пахатная земля $18^{1}/_{3}$, строенія и огороды 1 часть.

Нельзя положительно знать въ какой пропорціи относились различныя земли по своему свойству. Сташицъ вы-

водитъ среднимъ числомъ слѣдующія цифры: пахатной земси $^{25}/_{120}$, луговъ $^{9}/_{120}$, вообще же изъ всего количества земли пахалось только одна шестая.

Равнымъ образомъ увеличивались издержки на постройки, на разработку земли и умноженіе рабочихъ силъ. Чацкій вычисляетъ; что тамъ, гдѣ въ XVI столѣтіи хозяйственныя издержки ровнялись 5% до 6% въ XVIII вѣкѣ равнялись 16%, на Волынь, 34%, въ Краковскомъ воеводствѣ. Очевидно, что при этихъ издержкахъ и малыхъ доходахъ немного оставалось владѣтелямъ земли.

Только совершенная свобода отъ отправленія общественныхъ должностей и право произвольнаго распоряженія земледѣльческимъ народонаселеніемъ, даровая соль и т. п. льготы обезпечивали благосостояніе владѣтелей земли.

Ежегодные посѣвы увеличивались, но истощенная почва при трехпольной системѣ не приносила такихъ доходовъ, какъ прежде. По этому внѣшній сбытъ хлѣба не увеличивался, а уменьшался. Цѣна на хлѣбъ увеличивалась не по мѣрѣ внутреннихъ потребностей, но по мѣрѣ вывоза его за-границу. Параллельно съ этимъ увеличивалась или уменьшалась цѣна на землю и на работниковъ. Полѣсье при Сигизмундѣ-Августѣ, Волынь при Августѣ II и Украйна въ 1780 г. дошли до такой цѣны на хлѣбъ, какова была при Казимірѣ-Великомъ въ Краковскомъ воеводствѣ. И это повторялось очень часто. Также плодородіе земли могло быть причиною относительной разницы цѣнъ. Подолъ и Украйна могли менѣе страдать отъ трехпольной системы сельскаго хозяйства, ибо плодородіе этихъ странъ было неисчерпаемое, не нуждалось въ удобреніи посредствомъ позема. Однакоже въ отношеніи цѣлой Польши это были только исключенія.

ОТДѢЛЪ XIX. (А.)

ПИСЬМА АНОНИМА

Къ Станиславу Малоховскому, маршалку сейма и генеральной конфедераціи объ исправленіи Рѣчи Посполитой.

ГУГОНА КОЛОНТАЯ (1788 г).

Законы наши хороши, но неизмѣримая обширность, но неурядица позднѣйшаго законодательства заглушила въ нихъ, такъ сказать, голосъ истины и справедливости. Феодальныя права, ослабивъ сначала монархію конституціею, разспространивъ мысль привеллигированнаго неравенства, захватили въ неволю общины во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Но безпорядокъ этотъ и несправедливое униженіе человѣчества несмогли никогда охватить всю страну, потому что имѣнія королевскія, имѣнія духовныхъ лицъ, съ незапамятныхъ временъ были и до сихъ поръ населены народомъ свободнымъ. Казиміръ-Великій, этотъ лучшій человѣкъ изъ королей, первый законодатель нашего народа, освободивъ Польшу изъ подъ феодальныхъ привиллегій, соединивъ въ одно политическое тѣло столько провинцій, обезпечилъ земледѣльца противъ барской жестокости; обезпечилъ контрактъ его съ владѣльцемъ. Отрадный законъ этотъ каждый можетъ найти въ статутѣ подъ 1347 годомъ fol I, vol. 49, *de Cmetone*; гдѣ опредѣлительно сказано, что «если бы сбѣжавшій подданный доказалъ, что онъ ушелъ отъ безчеловѣчія господина, тогда, заплативъ ему три гривны и чиншъ, который онъ обязанъ былъ платить, онъ становится, навсегда свободнымъ. Если же бы онъ сидѣлъ на правѣ нѣмецкомъ, такой, по контракту, свое владѣніе можетъ продать кому нибудь другому.» Въ другомъ мѣстѣ того же статута «*Tit de villanis; Folio 29 et 49, tit. de Cmetone* § *Culpae veron*,» ясно опредѣлены причины, по которымъ землепа-

шецъ можетъ оставить барина: «если владѣлецъ въ продолженіе года былъ отлученъ отъ церкви, если изнасиловалъ подданую, если по винѣ владѣльца подданные были отягощены и ограблены, въ такомъ случаѣ статутъ позволяетъ «не только одному, но и всѣмъ уйти изъ деревни.» Вотъ основаніе первоначальнаго польскаго закона, который исказили безчисленныя измѣненія. Напрасно было бы высчитывать ихъ. Извѣстно, что наконецъ зѣмлепашецъ въ дворянскихъ имѣніяхъ сдѣлался вещью помѣщика и не понятнымъ насиліемъ человѣчества пересталь быть лицомъ, на перекоръ ясному голосу естественности. Отданный во власть, онъ переносилъ то, чему могли подвергнуть его предубѣжденіе, воспитаніе и страсти помѣщика. Запроданный, наконецъ, въ руки жида, погруженный въ пьянство, необразованный, онъ бѣдствуетъ въ нищетѣ, счастливъ лишь на столько, на сколько добръ его помѣщикъ. Если почему нибудь, такъ ужъ больше всего по положенію нашихъ подданныхъ мы можемъ заключить, что такое польская свобода, ибо кто же увѣритъ меня, что человѣкъ сознающій и любящій ея основанія, возстающій на насиліе и беззаконіе, можетъ съ холоднымъ равнодушіемъ глядѣть на неволю равнаго себѣ по натурѣ?.. Непонятно, чтобы такъ велика была неволя, какъ мы видимъ ее въ позднѣйшихъ законахъ, потому что кромѣ королевскихъ и духовныхъ имѣній, въ которыхъ народная свобода не стѣснена ни какимъ закономъ, у насъ безчисленное множество помѣстій, цѣлыя провинціи, гдѣ земледѣлецъ владѣетъ по контракту землей, пріобрѣтаетъ ее куплею и уплачиваетъ договоренный чиншъ или отработываетъ повинности. Перейдемъ же отъ дѣйствій хорошихъ помѣщиковъ, къ благодѣтельному законодательству Казиміра и къ беззаконности позднѣйшихъ постановленій.

Подумаемъ нѣсколько о томъ, что всѣ, сколько насъ ни держитъ земля польская, не исключая ни бѣднаго, ни богатаго, всѣ мы подданные Рѣчи Посполитой. Она имѣетъ надъ нами высшую власть, ея законы царствуютъ надъ

нами, ея воля повелѣваетъ нами, ея сила насъ защищаетъ, ея могущество усмиряетъ и караетъ насъ. По какому же предубѣжденію можемъ мы изъять изъ ея власти послѣдняго нищаго? По какой самонадѣянности можемъ присвоивать себѣ отдѣльную и независимую власть надъ бѣднымъ земледѣльцемъ? Если одинъ человѣкъ не можетъ быть подданнымъ Петра и Павла, не можетъ онъ, тѣмъ болѣе, быть въ одно время подданнымъ Рѣчи Посполитой и частнаго лица *).

О, правда! о, благодѣтельнѣйшій даръ неба! если ты когда нибудь существовала среди людей, снизойди нынѣ въ сердца поляковъ, просвѣти ихъ разумъ! Пусть богатѣйшій и могущественнѣйшій помѣщикъ, уважая достоинство человѣка въ лицѣ послѣдняго нищаго, исполнитъ свой долгъ въ отношеніи къ Провидѣнію! Да уразумѣетъ онъ, что его значеніе и богатство суть плоды трудовъ бѣднаго крестьянина, что все его величіе сверкаетъ потомъ крестьянина! Что этотъ кровавый потъ, смѣшанный со слезами, обусловилъ различіе сословій, возбудилъ его самонадѣянность до того, что мы наконецъ забыли, что мы такіе же люди и можемъ терпѣть такую же нужду.»

О возстановленіи и упадкѣ уложенія.

3-го мая 1791 г.

Мецъ 1793 г.

«Всѣ польскіе города, населенные по большей части иностранцами, не могли иначе существовать, какъ только

*) Въ этомъ разсужденіи Колонтая есть одна ошибка; Рѣчь Посполита есть идеальная личность, слѣдовательно подчиненіе ея власти есть вымыселъ (fictio). Власть непремѣнно должна быть лелѣема кѣмъ-нибудь и должна вслѣдъ за тѣмъ воплотиться въ чьемъ либо лицѣ. Для сего въ каждой республикѣ крестьянинъ раньше или позже дѣлается подданнымъ частнаго лица. Монархическое подданство, или непосредственная зависимость крестьянъ отъ короны, только и можетъ ихъ обезпечить отъ подданства частному лицу, потому что монархъ есть судія безпристрасный и безапелляціонный.

при извѣстныхъ условіяхъ свободы и вольности. А такъ какъ большинство городскаго населенія состояло изъ нѣмцевъ, то и привиллегіи польскихъ городовъ были тѣ-же самыя, какъ въ городахъ нѣмецкихъ. Мы не видимъ ни одного города, основаннаго безъ присвоенія ему тѣхъ привиллегій, какими пользовались нѣмецкія города или города польскіе, пользовавшіеся привиллегіями городовъ нѣмецкихъ *). Необходимость народонаселенія, промышленности и торговли принудило королей дать магдебургамъ право апеляціи польскимъ городамъ. Въ этомъ отношеніи свобода горожанъ была похожа на свободу духовенства. Послѣднее искало апеляціи въ Римѣ, первые въ Магдебургѣ, гдѣ законы объ апеляціи установилъ императоръ Оттонъ. Безъ сомнѣнія короли польскіе понимали неблагопристойность такого поступка, но желая видѣть свои города цвѣтущими и населенными должны были подчиниться ей. Даже деревни были привеллигированы. Онѣ имѣли право управляться на основаніи нѣмецкихъ законовъ. Когда Казиміръ-Великій обнародовалъ гражданскіе законы для всей Польши, то долженъ былъ въ своемъ статутѣ показать различіе между крестьяниномъ, пользующимся нѣмецкимъ правомъ, и крестьяниномъ, пользующимся польскимъ правомъ.»

«Казиміръ въ 1350 г., созвавъ сеймъ въ Краковѣ, состоявшій изъ привиллегированныхъ: шляхты, горожанъ и крестьянъ, съ ихъ согласія постановилъ, что всѣ привиллегированныя сословія должны искать апеляціи въ трибуналѣ для сего установленномъ.»

«Всѣмъ извѣстно, что магдебургское право состоитъ изъ муниципальнаго римскаго права и изъ частныхъ привиллегій, данныхъ городу различными императорами. Эти

*) Всѣ привиллегіи выражались въ слѣдующемъ: Transferimus cives nostros ex jure polonico, in jus tentonicum, quod magdeburgense diciture Praeterea eximimus eosdem a quavis potestate Palatinorum, Castellanorum, Judicum, Subjudicum etc.

привиллегіи обезпечивали политическую и гражданскую свободу городовъ. Отсюда слѣдуетъ, что какою политическою и гражданскою свободою пользовался Магдебургъ до 1450 г. (sic) таковою же свободою пользовались и привиллегированные польскіе города. Перемѣна названія права не измѣнила его сущности. Назовемъ ли мы его саксонскимъ или хелминскимъ правомъ, все таки оно будетъ разниться отъ магдебургскаго еще бо́льшими привиллегіями. Саксонское право есть то же Магдебургское, присвоенное только Саксонскимъ городамъ. Право Хелминское то же самое, но увеличенное уставами Крестоносцевъ. Эту свободу нѣмецкихъ городовъ жители принесли и въ польскіе города.»

Все это хорошо изложено въ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Zbiór praw miastom służących.» Въ этомъ сочиненіи читатель, желающій найти истину, убѣдится, что польскіе города, о податяхъ, признаніи королевской власти, конфедеративныхъ отношеніяхъ и многихъ другихъ важныхъ дѣйствіяхъ, слѣдуя примѣру нѣмецкихъ городовъ, имѣли очень вольное понятіе. Тотъ же читатель увидитъ, что хотя со временъ Сигизмунда I шляхта и начинаетъ имѣть перевѣсъ надъ городами, однако же горожане не потеряли права присутствовать на сеймахъ и имѣли полное право пріобрѣтать земли, подобно тому, какъ шляхта могла имѣть недвижимость въ городахъ и могла быть избираема для отправленія городскихъ должностей, не теряя своихъ шляхетскихъ достоинствъ.»

«Въ такомъ положеніи оставилъ города послѣдній изъ Ягеллоновъ Сигизмундъ-Августъ, отрекшійся при смерти отъ Польскаго престола. По смерти его, съ учрежденіемъ избирательнаго образа правленія, шляхта, заботясь только о себѣ, стала притѣснять всѣ другія сословія. — Начались постановленія сеймовъ, обидныя для свободы горожанъ. Важнѣйшія ихъ привиллегіи, съ переходомъ силы на сторону шляхты, пришли въ упадокъ. Города подавали свои умѣренныя просьбы сейму, но онъ не обращалъ на нихъ

вниманія. Сохранились слѣды жалобы, передъ которою уступили сеймы 1660 и 1666 годовъ.» *).

---

*) Туръ 1833 г. Должно заботиться о томъ, чтобы не имѣющіе собственности могли пріобрѣтать ее и не лишались бы права на ея пріобрѣтеніе, для этого должно уничтожить обременительную барщину и замѣнить ее оброкомъ, тѣмъ болѣе, что краковскій прелатъ Лентовскій доказывалъ мнѣ въ 1831 г., что она безполезна для самихъ помѣщиковъ и что день найма больше значитъ, чѣмъ день барщины. При этомъ онъ сожалѣлъ, что въ краковской республикѣ нельзя было склонить крестьянъ къ тому, чтобы они оставили барщину, а согласились платить оброкъ. Я замѣтилъ ему, что, вѣроятно, предлагаемый оброкъ показался для крестьянъ слишкомъ обременительнымъ. Барщина для земледѣлія немаловажное дѣло.

Трудъ земледѣльца, проистекающій обыкновенно изъ обязанности воздѣлывать помѣстья, есть обязанность общественная, и не долженъ принадлежать пану, а панъ долженъ только руководить имъ. Замѣнить эту обязанность оброкомъ — оброкъ будетъ ни что иное, какъ денежная барщина, можетъ быть, не менѣе обременительная.

Гдѣ-то въ Голштиніи или въ Ганноверѣ, не помню, были округи, въ которыхъ дворянство имѣло право жить въ замкахъ и драться между собою, а общественныя дѣла были предоставлены крестьянамъ.

Насиліе и наглость не всегда имѣютъ хорошія послѣдствія. Какая польза сдѣлать насильственную операцію? Что за упадокъ, что за элементы, что за разнородность?

Добровольное согласіе, проистекающее изъ убѣжденія, можетъ создать долголѣтнее зданіе. Пользы польскаго народа и хорошо понятые интересы шляхты клонятся къ надѣлу крестьянъ землею. Великая правда! Должно дать возможность понимать ее. Если же убѣжденіе сдѣлается обыкновеннымъ — найдутся средства къ исполненію не въ ущербъ той или другой сторонѣ.

Не знаю древнихъ австрійскихъ постановленій относительно галицкихъ крестьянъ, знаю, что въ настоящее время ничего болѣе не сдѣлано для нихъ, какъ только объявлена имъ свобода. Если австрійское правительство назначило 3 дня барщины въ древней Галиціи, то это требуетъ объясненій. Надѣюсь, что не принесло имъ никакого облегченія. Это суть дни постоянные, а въ нашихъ русскихъ провинціяхъ болѣе трехъ дней въ недѣлю барщины не бываетъ.

«Изъ этого видно, что одинъ классъ, т. е., шляхта считалась Посполитою Рѣчью относительно короля. Другой, т. е,

---

Брюссель. 1854 г.

Войе д'Аржансонъ говаривалъ: «пользуясь благосклонностію счастія, я считаю себя администраторомъ общественной собственности.» И оправдалъ свои слова на дѣлѣ. Много на свѣтѣ подобныхъ примѣровъ. Никому не даютъ попользоваться чужою собственностью, требуя чтобы тотъ непремѣнно подѣлился съ ними. Новая идея не помнитъ, сколько монахи Св. Франциска изорвали своихъ колпаковъ, споря о томъ, что могутъ ли они назвать своею собственностію то, что у каждаго изъ нихъ во рту?

Имѣли мы гуманность, равенство, братство, право свободнаго пользованія своею собственностію, открытые для всѣхъ дома, безпечность, набожность, бытъ и сознаніе себя.

Главный путь къ достиженію желаемаго есть братская любовь.

Не говори объ освобожденіи, потому что человѣкъ не есть твоя собственность до такой степени, чтобы ты могъ его освободить. Разсчитайся съ нимъ добросовѣстно, развяжи узлы, связывающіе твою и его собственности. Для благосостоянія страны ты долженъ заботиться о собственныхъ выгодахъ.

Это была торная дорога, но шляхта не хотѣла идти по ней— пусть же теперь не медля ступитъ на нее, потому что время уходитъ.

Я помню то время, когда, вслѣдствіе преній конституціоннаго сейма, заключаемы были условія съ крестьянами, когда шла рѣчь собственно о нихъ. Послѣ случалось мнѣ видѣть различные способы обращенія съ крестьянами, слышать объ этомъ различныя мнѣнія и съ разнообразными ощущеніями смотрѣть на ихъ участь. Я видѣлъ крестьянъ, безпрепятственно оставлявшихъ свои волоки и свободно поселявшихся по заключеніи условій. Наслушался я разсужденій о повинностяхъ, на нихъ лежащихъ, о правахъ владѣтелей и когда село хотѣло присвоить себѣ земли усадебниковъ— удивлялся ропоту послѣднихъ.

Трудно выразить какъ незрѣлы мои понятія.

Бывали разные случаи, перестало существовать Варшавское герцогство (1807 и 1815 г.). Я пробылъ нѣкоторое время въ Вильнѣ. (1815 и 1818 г.) Наконецъ пришли лѣта, когда я почувствовалъ себя способнымъ заглянуть въ наше прошедшее.

Братья Бандтке не были равнодушны къ общественной реформѣ. «Противъ того ,что родъ человѣческій до христіанства былъ свободенъ, что сказать намъ?! воскликнулъ Юрій Самуэль. Не всѣ

горожане считались ни болѣе ни мѣнѣе какъ классомъ, состоящимъ подъ непосредственнымъ правленіемъ короля. Хотя король былъ слабой защитой для горожанъ, однако же въ случаѣ могъ быть опасенъ шляхетской вольности, если бы вздумалъ возстать противъ шляхты, при помощи этого имъ привиллегированнаго и имъ же управляемаго класса народа. Это неуваженіе шляхты, къ горожанамъ происходило отъ того, что шляхта, обязавъ короля отдавать имъ въ наслѣдственную должность староства, силою своей власти тѣснила горожанъ. Далѣе послѣдовалъ законъ, не отнимающій королю dominium directum, но дозволяющій старостамъ притѣснять горожанъ еще болѣе. Спрашиваю, развѣ это самое не могло дать смѣтливому королю повода къ ограниченію вольности шляхты? Это замѣчаніе — аксіома. Каждый, кто можетъ вообразить движеніе интересовъ

были кмети». Я отвергъ это и нашелся сказать: «прежде дай мнѣ неограниченную свободу, развѣ не видишь въ ней необходимости? А если такъ, то ничего не скажу. Послѣ поговоримъ.» При изданіи въ 1825 г. Ѳедоромъ Вагой «Исторіи Королей» былъ тиснутъ старинный уставъ Сигизмунда объ увеличеніи барщины. Викентій видѣлъ въ немъ игру воображенія. Наконецъ о кметяхъ и положеніи ихъ что-то было говорено въ Краковѣ по-латынѣ.

Когда въ 1819 году, я пріобрѣлъ у ученаго путешественника въ Добромилѣ бытописаніе, то завѣщалъ продолженіе его дѣтямъ и крестьянамъ, (Разборъ VI, 18 § 99) но видя, что никто не исполнялъ моего завѣщанія, вѣроятно, воображая, что я склоню къ этимъ дѣтскимъ занятіямъ Клементину Танскую, то я рѣшился написать повѣсть всѣхъ дѣяній для крестьянъ.

Александръ Вацлавъ Мацѣевскій въ Исторіи Славянскаго Законодательства (1832, 1835) объяснилъ, на какихъ правахъ въ разныя времена была основана организація низшаго класса. Изъ этого сочиненія читатель можетъ составить себѣ понятіе о положеніи простаго народа. Сочиненіе это полно свѣдѣній. Я имѣлъ его передъ собой, когда въ 1835 и въ 1836 г. принялся за переводъ моихъ дѣтскихъ бытописаній и возымѣлъ намѣреніе написать свои замѣчанія на отечественную исторію.

Іоахимъ Лелевель.

Польша, ея дѣла и исторія.

и желаній человѣческихъ, замѣтитъ, что народъ, притѣсняемый многими, охотно признаетъ власть одного.»

«Если иногда ограничивали juris dictii канцлеровъ, то это дѣлали единственно съ тою цѣлію, чтобы стѣснить ихъ власть надъ шляхтою, которая завѣдывала старостваами. Но города до конституціоннаго сейма находились подъ управленіемъ канцлеровъ и были добычею ихъ ненасытной жадности.

«Исторія свидѣтельствуетъ, что земледѣльческое населеніе Польши всегда состояло подъ покровительствомъ законовъ. Но послѣ, когда анархія начала вкореняться, владѣтели, забывъ справедливость, человѣколюбіе и даже свои собственные интересы, стали управлять крестьянами произвольно и на сеймахъ издавали новыя постановленія, противныя прежнимъ. Современное просвѣщеніе, о которомъ мы можемъ судить по человѣколюбію, приказало сеймамъ улучшить бытъ этого народа. Что же, и этотъ поступокъ сейма будетъ ли демократическій? Неужели этотъ поступокъ, которому въ самодержавныхъ государствахъ отдается полная справедливость, будетъ приписываемъ полякамъ, какъ слѣдствіе демократіи? довольно долго польская шляхта пятнала себя самоуправствомъ въ отношеніи крестьянъ.

ОТДѢЛЪ XIX.

Отзывъ противъ уничтоженія инвентарскихъ повинностей въ Галиціи.

ФРАНЦИСКА ВИШНЕВСКАГО.

Принципъ о свободѣ, которымъ руководствовался въ началѣ дѣтскій умъ человѣка, сознали философы, великіе монархи и нашъ народъ зналъ его за полвѣка.

Привожу въ примѣръ такихъ философовъ, каковъ Цицеронъ, который говоритъ: «трибунъ Филиппъ, предлагая законъ о поляхъ, отвергнутый собраніемъ, между прочимъ сказалъ: «въ римскомъ государствѣ нѣтъ и двухъ тысячъ землевладѣльцевъ, которые имѣли бы маетности.» Эта рѣчь, достойная смертной казни, стремится къ уравненію имуществъ. Какая моровая язва можетъ быть ужаснѣе? Для сего существуютъ опредѣленныя дѣла народныя и дѣла политическія, дабы люди владѣли своею собственностію, потому что хотя люди и соединились въ общества, однакоже въ надеждѣ обезпеченія своей собственности искали защиты въ правительствахъ.

Владѣтели земли, которые хотятъ пріобрѣсти популярность, стараются или издавать законы о поляхъ, или мечтаютъ на сеймахъ о прощеніи долговъ.

Тотъ, кому долги прощены, скрываетъ свою радость, чтобы другіе не видѣли, что онъ былъ не въ состояніи заплатить своего долга; заимодавецъ же, понесшій убытокъ, помнитъ обиду и носитъ въ сердце вражду. Хотя должниковъ всегда бываетъ больше чѣмъ заимодавцевъ, но должники ничего не выигрываютъ. Подобной роскоши — отнимать у однихъ и давать другимъ — всегда будутъ далеки правители республики *).

*) Cicero de Officiis Lib II. Cap. XXI, § 773. Cap. XX § 78, 79, 85.

Римскіе пандекты есть ничто иное какъ собраніе принциповъ и изрѣченій стоиковъ, этихъ уважаемыхъ мудрецовъ древности. Въ этихъ пандектахъ излагаются такіе принципы: 1) каждый касательно своей собственности издаетъ уставъ. 2) Никто не долженъ нарушать права о пользованіи своею собственностію. 3) Право лица ограничивается съ его согласія. 4) Несправедливо будетъ, если свободные люди не сами будутъ свободно управлять своимъ имуществомъ. Эти принципы, благодаря стоикамъ, дошли до нашего времени.

Привожу свидѣтельства монарховъ: напримѣръ 5) императоръ Флавій Юстиніанъ германскій, готскій и проч. благочестивый, счастливый побѣдитель, восторжествовавшій надъ сенатомъ и всѣми народами, повелѣваетъ: чтобы уставы, которые находятся въ собраніи пандектовъ, имѣли силу во всякое время. Этимъ эдиктомъ цезарь Юстиніанъ изъявляетъ согласіе на собраніе вышеизложенныхъ принциповъ и объявляетъ, что они должны имѣть силу во всѣ времена, а послѣ самъ прибавляетъ: «пусть каждый распоряжается своею собственностію, и пусть его собственная воля касательно его собственности будетъ закономъ.

Всѣ владѣтельныя князья германіи поняли этотъ принципъ и *обнародовали* его. b) Этотъ принципъ понялъ и нашъ народъ въ 1791 году. Кмети въ этомъ уставѣ признаны независимыми владѣтелями, которые на основаніи контрактовъ могутъ пользоваться землею польской шляхты.

Привожу въ доказательство § 365 гражданскаго универсальнаго австрійскаго кодекса, которымъ правительству предоставляется право лишить владѣльца его имущества, если этого требуетъ общественная польза съ вознагражденіемъ за это имущество.

Проявленіе этого права лишенія имущества бываетъ въ слѣдующихъ случаяхъ. Если правительство нуждается въ моей собственности для пріобрѣтенія себѣ средствъ, или для общей пользы, напримѣръ для постройки крѣпости

тамъ, гдѣ находится мой домъ, или для образованіи тамъ гавани, для проведеніи большой дороги, для площади въ городѣ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ правительство имѣетъ право требовать, чтобы я отступился отъ своей собственности, получивъ за нее вознагражденіе. И такъ вслѣдствіе этого закона царь Давидъ имѣлъ право купить поля Аревона.

По той же причинѣ царь Аавъ не имѣлъ права принудить Набота продать его виноградники.

Общественное имущество есть такое имущество, которымъ каждый имѣетъ право пользоваться. Чтобы имѣть подобное общественное имущество правительство присвоило себѣ исключительное право лишать владѣтелей ихъ имуществъ за приличное вознагражденіе.

Если на моей землѣ гавань, или большая дорога, или площадь, такъ это сдѣлано для общей пользы. Со своимъ кораблемъ также я могу пристать къ этой гавани, ѣздить по этой дорогѣ и прогуливаться по этой площади.

Инвентарскія повинности суть законныя преимущества всѣхъ табулярныхъ земледѣльцевъ. Законное преимущество всѣхъ инвентарскихъ повинностей основано на такомъ естественномъ принципѣ: «даю, чтобы и ты мнѣ далъ, даю, чтобы ты работалъ; работаю, чтобы ты мнѣ далъ. Землевладѣлецъ даетъ кметю часть своей земли въ пользованіе за извѣстную плату; кметъ же со своей стороны платитъ за это преимущество, слѣд. всякая инвентарская повинность есть платежъ за преимущество правъ. Назначеніе платежа есть законное право каждаго землевладѣльца и должно быть выполняемо по его желанію.

Но кто нибудь скажетъ, что я допускаю гипотезу, что земля, которою кметь пользуется, есть его собственность. Я отвергаю такую гипотезу.

Я—вѣчный владѣтель земли, которою пользуется кметь, потому что я владѣю землею по праву маіоратства, которое существовало и существуетъ всюду на земномъ шарѣ. Право маіоратства основано на принципѣ свобод-

наго распоряженія своею собственностью, а потому привожу факты. Чтобы значеніе этихъ фактовъ было доступнѣе пониманію, я долженъ напомнить о слѣдующихъ естественныхъ принципахъ: естественная причина первоначальнаго завладѣнія землею есть занятіе этой земли въ то время, когда она никому еще не принадлежала. Первые владѣтели земли въ Галиціи тѣ, которые нашли ее незанятою, въ настоящее же время землею владѣютъ тѣ, которые дѣлая различныя пріобрѣтенія наконецъ пріобрѣли также и землю. Кто предоставляетъ другому право пользованія землею за постоянную плату, тотъ не передаетъ права собственности на эту землю. Кто за право пользованія постоянно платитъ, тотъ не есть владѣтель земли. Теперь излагаю факты. Въ окрестностяхъ Жеглова находится множество поляковъ, которые въ церкви поютъ на нѣмецкомъ языкѣ. Не только они сами, но даже нѣмцы не понимаютъ этого языка. Это тѣ колонисты, которыхъ древніе владѣтели этого города вызвали изъ Германіи и поселили на своей землѣ за безпрестанно непрерывающуюся плату.

Польская фамилія Сенявскихъ владѣла подольскими и волынскими степями, которыя потомъ перешли въ родъ Чарторижскихъ, а впослѣдствіи въ другіе роды. Августъ, князь Чорторижскій, воевода русскій, собравъ въ Мазовіи разныхъ людей, не имѣвшихъ средствъ къ существованію, переселилъ ихъ на свой счетъ въ Подольскую губернію и поселилъ ихъ на своихъ земляхъ за никогда не прекращающуюся плату. Эти поселенія граничатъ съ моими владѣніями. Жители ихъ до сихъ поръ не умѣютъ говорить по русски, а говорятъ по мазовецки и, по разсказамъ своихъ отцевъ, знаютъ изъ какихъ мѣстъ Мазовіи они пришли сюда.

Мой предмѣстникъ имѣлъ только одни невоздѣланныя земли. Воздѣлавъ ихъ онъ поселилъ 15 кметей. Я же, когда пріобрѣлъ эту землю, поселилъ еще десять.

Первый фактъ заселенія относится къ древнимъ вре-

менамъ, второй имѣлъ мѣсто за 20 или за 30 лѣтъ до освобожденія Галиціи. Третье поселеніе было начато въ въ 1810 г. и кончено въ 1840. Галиція, если не ошибаюсь, должна имѣть пять тысячъ деревень, между которыми, по крайней мѣрѣ на третьей части, фактъ населенія неоспоримо можетъ быть доказанъ. Тысячи находятся такихъ усадьбъ, которыя увеличились послѣ освобожденія Галиціи. Такъ какъ я не допускаю такой гипотезы, то ни кто не будетъ ни отрицать этого, ни утверждать.

Перейдемъ къ вопросамъ объ обязанностяхъ помѣщичьихъ крестьянъ.

1. *Инвентарскія повинности есть лихва, которую поселенецъ обязанъ платить владѣтелю земли за право пользованія его землею; а такъ какъ онъ платилъ съ давнихъ временъ, то земля окупилась, и слѣдовательно должна быть его собственностію.*

Лихва за право пользованія землею есть процентъ, который уничтожаетъ капиталъ. Если кто капиталъ, взятый въ долгъ, пуская въ торговый или другіе обороты пріобрѣтаетъ сто процентовъ, а платитъ по пятидесяти, тогда остальные пятьдесятъ процентовъ не могутъ быть названы лихвой. Если же получаетъ четыре процента, а платитъ пять, то такой процентъ есть лихва, потому что уничтожаетъ капиталъ. Посему каждый народъ имѣетъ свой собственный процентъ. Такъ у Римлянъ 12 было законнымъ процентомъ. Кромѣ того почва и инвентарскія повинности не имѣютъ никакого сходства съ капиталомъ, взятымъ въ долгъ, и уплатою процентовъ. Кметь платитъ землевладѣльцу или трудомъ или чѣмъ либо другимъ, и за это пользуется землею, принадлежащею владѣтелю, слѣдовательно по истеченіи года они не могутъ имѣть претензій другъ на друга.

2. *Инвентарскія повинности суть обязанности феодальныя, а сіи послѣднія уничтожаются съ учрежденіемъ войскъ, состоящихъ на жалованьѣ, слѣдовательно и*

инвентарскія повинности должны сами собою уничтожаться.

Обязанность феодальная состоитъ въ исполненіи военной службы и разсматривается какъ плата за землю. Всѣ народы, исключая германскія племена, до 5-го столѣтія по Р. Х. не имѣли феодальныхъ отношеній. Германцы, покинувшіе въ 5-мъ столѣтіи свои лѣса, заливъ собою римскія области внесли идею о феодальности въ Италію, Францію, Испанію и Англію и осуществили ее. Всѣ народы Европы и Азіи отъ береговъ Вислы и Адріатическаго моря до Великаго Океана не имѣли и не имѣютъ понятія о феодализмѣ. Народы германскіе, неся обязанности военной службы, считали ее платой за право пользованія землею. Другимъ народамъ эта идея была чужда. Они смотрѣли на военную службу, какъ на обязанность, которую каждая отдѣльная личность, дѣлаясь членомъ политическаго тѣла, принимала на себя. Эти феодальныя отношенія у германцевъ существовали исключительно между благородными, — благородный могъ быть воссаломъ благороднаго, но не кметь. Это не гипотеза. Вотъ слова Тацита (§ 25):» у германцевъ подданные не употребляются для домашнихъ услугъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ хуторъ и самъ есть глава своего семейства. Онъ платитъ подать владѣтелю земли или зерновымъ хлѣбомъ, или скотомъ, или пряжей. И подданный обязанъ ему послушаніемъ.» Эти слова доказываютъ, что въ Германіи существовалъ аристократическій элементъ и что германскій кметь не былъ вассаломъ, а только колонистомъ, не имѣвшимъ земли.

Ленная зависимость была двоякаго рода: или вассалъ при учрежденіи войскъ, состоявшихъ на жалованьѣ, терялъ право на владѣніе землею, или ему предоставлялось это право, если онъ обязывался безвозмездно нести военныя повинности.

Если мы допустимъ, что польскій кметь есть вассалъ, то всѣ кмети должны бы тотчасъ оставить землю.

3. Тѣ, которые лично несутъ инвентарскія повинности

вознаграждаютъ меня за нихъ, освобождая отъ juris dictii patrimonialis. Въ Англіи всѣ гражданскія споры кметей между собою и кметей съ лордами разбираются въ патримоніальныхъ судахъ лордовъ съ правомъ свободной аппелляціи въ высшія инстанціи. Англійскій лордъ не уступитъ ни за что права голоса.

Въ адресѣ, поднесенномъ императору жителями г. Львова и тамошними дворянами между прочимъ сказано: уничтожить барщину и другія инвентарскія повинности.

Какое же благодѣяніе сдѣлаемъ мы кметю, уничтоживъ барщину? Барщина — эта наемная работа, ежегодно выкупаемая произведеніями земли, слѣдовательно если кметъ не будетъ мнѣ работать, то я не буду ему платить, т. е., не дамъ земли. Гдѣ фабрики, которыя могли бы вознаградить крестьянина за трудъ такъ, какъ у меня? Слово цивилизація происходитъ отъ слова civilis. А слово civilis заключаетъ понятіе о человѣкѣ, способномъ быть членомъ политическаго тѣла — civitatis. Цивилизованный человѣкъ тотъ, кто сознаетъ въ себѣ принципы религіи и нравственности, чьи нравственныя убѣжденія такъ тверды, что онъ не посягнетъ на собственность своего ближняго. Слова адреса, что земледѣльцы Галиціи намѣрены сдѣлать шагъ къ прощенію инвентарскихъ повинностей, могутъ оправдать подписавшихъ этотъ адресъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ протоколы правительственныхъ мѣстъ, которыя опубликовали патентъ 22 апрѣля 1848 года за N° 31563 объ уничтоженіи инвентарскихъ повинностей.

Этотъ адресъ вызвалъ министерское постановленіе 17 апрѣля текущаго года за N° 867, которое уничтожаетъ инвентарскія повинности, обѣщая вознагражденіе за нихъ, т. е., даетъ кметю право собственности на мою землю.

Министерство въ § 55 конституціи 15-го апрѣля 1848 года называетъ инвентарскія повинности гнетомъ для кметя. Я не налагалъ этихъ повинностей на землю кметя. Кметь не одолжался моею землею. Инвентарскія повин-

ности—плата за предоставленную ему привиллегію пользоваться землею. Эта плата составляетъ доходъ съ моей собственности. Утверждать, что, капиталъ дающій столько-то дохода, былъ уже мнѣ весь выплаченъ, не значитъ уничтожать обремененіе для кметя, а заставлять меня отступиться отъ моей собственной земли, неизвѣстно въ чью пользу. Послѣ опубликованія патента, уничтожающаго инвентарскія повинности, не имѣя денегъ для найма работниковъ, я раздѣлилъ свои огороды на участки и роздалъ кметямъ съ условіемъ, чтобы каждый изъ нихъ работалъ мнѣ 12 дней въ теченіе года, и такимъ образомъ я пріобрѣлъ 480 рабочихъ дней въ годъ. Спрашиваю, можетъ ли быть издано такое постановленіе, которое уничтожило бы пріобрѣтенные мною 12 рабочихъ дней и сдѣлало бы кметя законнымъ владѣтелемъ даннаго ему мною участка земли?

То же сдѣлали я и мой предмѣстникъ до опубликованія министерскаго постановленія: построили мы для кметей избы, дали имъ огороды и поля съ условіемъ работать для насъ за право пользованія землею. Но вотъ выходитъ указъ уничтожающій рабочіе дни, выговоренные нами и отдаетъ кметю въ вѣчное владѣніе мои избы, мои огороды и мои поля.

Повинность службы бываетъ двухъ родовъ: одинъ изъ нихъ во время древняго политическаго или административнаго переворота, вопреки самой справедливости, перенесенъ былъ съ кметей на владѣтелей земли. Онъ, съ возвращеніемъ справедливости, долженъ былъ уничтожаться. Другой, основывающійся на условіяхъ, заключенныхъ при первоначальномъ поселеніи кметей на землѣ моей и составляетъ только придаточную часть къ выговореннымъ мною инвентарскимъ повинностямъ. Министерство, принуждая меня уступить кметямъ мою землю въ вѣчное владѣніе, за такъ называемое вознагражденіе инвентарскихъ повинностей, не можетъ ни оцѣнить моей земли, ни выкупить ея.

Если министерство хотѣло купить мою собственность съ цѣлью подарить ее кому нибудь третьему, то нужно было прежде спросить у меня, имѣю ли я сколько нибудь лишней земли для продажи и сколько за нее хочу. Если имѣю, тогда условясь въ цѣнѣ и заплативъ мнѣ за землю, могло оно подарить ее кому угодно. Министерство не дѣлая ничего подобнаго, вдругъ 17 Апрѣля 1848 года, даетъ указъ, назначая произвольное вознагражденіе за землю. Это же вознагражденіе равняется едва двадцатой части стоимости отнятыхъ у меня земель.

Во владѣніе австрійскаго дома мы перешли не вслѣдствіе трактатовъ, заключенныхъ этимъ царствующимъ домомъ съ древнею польскою Посполитою Рѣчью. Этотъ фактъ, вслѣдствіе международнаго права, поставилъ наши права въ завимость отъ новаго правленія. Императрица Марія Терезія, императоры: Іосифъ, Леопольдъ, Францискъ утвердили наши права собственности своими патентами и приняли ихъ подъ опеку своего правительства.

(Смотри трактатъ 18 Октября 1773 г., книгу патентовъ 25 Февраля 1774 г., XIV, 17-го Октября 1774 г., XXIII, 16 Іюня, LI, 19 Апрѣля 1790, XXX. Высочайшее постановленіе императора Франциска 24 Іюля 1821 г. состоявшееся, обнародованное губерніальнымъ декретомъ 27 Сентября того же 1821 г., §§ 44450, 5, 1122 универсальнаго кодкеса).

ОТДѢЛЪ XX.

Объ оброкѣ.

Статья Ксендза Яна Шпадерскаго, настоятеля въ Осѣкѣ сандомірской епархіи.

«Praca im wolniejsza tém bardziéj plodna«
Wola i Niewola w Pracy str. 81.

При общественныхъ переворотахъ, какъ слѣдствіяхъ усовершенствованія и цивилизаціи, такъ называемый, хотя неправильно спорный крестьянскій, вопросъ заслуживаетъ наибольшаго вниманія. Неправильность этого названія видна изъ того, что онъ касается только одной стороны предмета, не касаясь другой важнѣйшей. Никто не станетъ оспаривать законныхъ правъ собственности на владѣніе имѣніемъ, если эти права не внѣ современнаго порядка вещей. Лучше бы дать вопросу соотвѣтсвенное ему названіе и вмѣсто спорнаго крестьянскаго вопроса назвать его вопросомъ о надѣлѣ крестьянъ землею. Впрочемъ дѣло не въ названіи, но слово восшедшее до идеи — не шутка, потому что неправильное названіе ведетъ къ неосновательному пониманію сущности предмета. Слѣд. спорный вопросъ о крестьянахъ, односторонне разсматриваемый, уже не однажды уклонялся отъ своего пути, блуждая въ сферахъ коммунизма и соціализма. Если станемъ смотрѣть на улучшеніе отношеній между помѣщиками и крестьянами съ точки зрѣнія справедливости и порядка, раждается вопросъ: чѣмъ замѣнить тѣ повинности, которыя несутъ нынѣ крестьяне? Въ минуту, когда просвѣщенные помѣщики, по примѣру правительства, стараются соединить съ общественнымъ благомъ свои собственныя выгоды, въ эту минуту, говорю, когда эти перемѣны приближаются, разсмотрѣніе всѣхъ трудностей вопроса при-

несло бы несомнѣнную пользу. Недѣлая вопроса объ этомъ предметѣ спеціальнымъ, осмѣливаемся изложить нашу мысль болѣе практически, нежели теоретически, и тѣ, кто основательно изслѣдовалъ этотъ предметъ, поймутъ ясно его значеніе. Не только наблюдая, а даже занимаясь нѣсколько лѣтъ земледѣліемъ, разсматривая положеніе оброчныхъ крестьянъ, я, положа руку на сердце, могу смѣло сказать, что денежный взносъ для несостоятельныхъ крестьянъ (а такихъ больше) не сравненно обременительнѣе и разорительнѣе, нежели барщина. Въ оброчныхъ имѣніяхъ несостоятельные крестьяне скоро разорились, потеряли поля, а вмѣстѣ съ ними и средства къ существованію, между тѣмъ какъ при барщинѣ они, имѣя эти средства, могли бы сдѣлать шагъ къ улучшенію своего положенія. Что касается до домохозяевъ зажиточныхъ, то имъ оброкъ развязываетъ руки и при заработкахъ, какіе въ настоящее время представляетъ положеніе мѣстности, они быстро богатѣютъ. Во сколько разъ денежный оброкъ при счастливыхъ обстоятельствахъ благопріятствовалъ однимъ, во столько же разъ онъ лишилъ другихъ участка земли орошеннаго потомъ ихъ предковъ. Не однажды случалось, что крестьяне во многихъ мѣстахъ охотнѣе соглашались ходить на барщину, нежели платить оброкъ. Крестьянинъ ходитъ на барщину или самъ, или его работникъ, или его сынъ, или дочь и знать ничего не хочетъ, а если приходится ему заплатить разомъ отъ десяти до пятнадцати рублей, а въ благоустроенныхъ имѣніяхъ отъ 60-ти до 90, то одинъ только зажиточный крестянинъ въ состояніи это исполнить. При недостаточности же онъ долженъ брать взаймы, очень часто у жидовъ, за весьма большіе проценты, слѣд. входить въ неоплатные долги. Слѣдовательно оброчное положеніе ни на шагъ не подвигая впередъ спорнаго вопроса, имѣетъ на своей сторонѣ преимущество свободы и справедливости. Если же станемъ разсматривать стремленія и требованія вѣка, если поймемъ взаимныя интересы той и другой стороны, и если бы мы

могли заглянуть въ будущее, то смѣло можемъ сказать, что освобожденіе крестьянъ, а слѣдовательно надѣлъ ихъ землею есть единственная и справедливѣйшая исходная точка. Много можно сказать и pro и contra этого положенія, много найдется и такихъ помѣщиковъ, которые хотя смотрятъ на этотъ предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, однакоже, какъ намъ кажется, большинство согласится съ нами.

Главнѣйшія возраженія основываются на томъ, что надѣлъ крестьянъ землею дѣлаетъ ихъ совершенно независимыми отъ помѣщиковъ, слѣдовательно помѣщики не могутъ разсчитывать ни на ихъ помощь, ни на ихъ услуги, что напротивъ оброкъ ставитъ ихъ въ зависимость отъ помѣщиковъ и они скорѣе согласятся работать за условную плату. Конечно эта зависимость была бы благодѣтельна, если бы на самомъ дѣлѣ мы не встрѣчали противнаго. Какъ оброчное положеніе, такъ и надѣлъ землею, освобождая крестьянина отъ произвола помѣщика, не измѣняютъ отношеній крестьянина къ селу. При денежномъ оброчномъ положеніи крестьянинъ не захочетъ помогать помѣщику, считая себя внѣ всякаго принужденія, равно какъ и при надѣлѣ землею. При низкой степени нравственнаго развитія нашихъ крестьянъ, мы и теперь замѣчаемъ, что оброчные считаютъ за униженіе идти въ заработки. Въ тѣсныхъ обстоятельствахъ они нанимаются косить, а при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ ни одинъ не думалъ взятся за косу или за серпъ. Слѣдовательно, какъ денежный оброкъ, такъ и надѣлъ крестьянъ землею, во всякомъ случаѣ даетъ одинъ и тотъ же результатъ, а потому это самое сильное доказательство въ пользу денежнаго оброка уничтожается само собою.

Нѣкоторые совѣтуютъ при денежномъ оброчномъ положеніи поставить крестьянъ въ зависимость отъ помѣщиковъ съ тѣмъ, чтобы они въ счетъ оброка помогали ему во время сѣнокоса, жатвъ и молотьбы, но это не можетъ быть названо оброчнымъ положеніемъ крестьянъ, а только уловкой со стороны помѣщиковъ выйти изъ-затруднительнаго положенія.

Чтоже касается до начальства, поставленнаго надъ крестьянами, которое имѣло бы болѣе нравственное вліяніе, нежели матеріяльное, можно было бы на долю крестьянъ, кромѣ денежнаго оброка оставить часть обременительныхъ полевыхъ работъ въ видѣ laudimeum.

Въ защиту надѣла крестьянъ землею, можно сказать, что они, по истеченіи нѣкотораго времени, сдѣлавшись независимыми владѣтелями своихъ участковъ, не только не сидѣли бы сложа руки, а напротивъ трудились бы и очень часто помогали бы помѣщикамъ въ ихъ полевыхъ работахъ. Къ тому же намъ кажется не маловажнымъ, что надѣлъ крестьянъ землею устранитъ столкновеніе между крестьянами и помѣщиками, которые такъ часто злоупотребляютъ своею властью. Должникъ ненавидитъ своего заимодавца, исключая того времени, когда онъ дѣлаетъ долгъ; а человѣку ничѣмъ болѣе нельзя такъ опротивѣть, какъ частымъ напоминаніемъ о его долгѣ. Такъ какъ бѣдняку труднѣе уплатить свой долгъ разомъ, нежели по частямъ, то въ этомъ случаѣ барщина для него выгоднѣе, нежели оброкъ; но то и другое все таки ставитъ его въ непріятное положеніе относительно помѣщика; слѣдовательно одинъ только надѣлъ землею можетъ поставить его внѣ всякой зависимости. Поистинѣ и надѣлъ землею для бѣдныхъ крестьянъ сопряженъ съ затрудненіями, каковъ напримѣръ, взносъ процентовъ для накопленія капитала, равнаго цѣнности участка земли; но за то онъ имѣетъ на своей сторонѣ огромныя нравстенныя и матеріальныя преимущества.

Нѣкоторые справедливо могутъ сказать, что въ счетъ денежнаго оброка крестьянинъ можетъ платить трудомъ, что выгодно какъ для бѣднаго крестьянина, такъ и для помѣщика; что первый могъ бы легко уплатить свой долгъ, а послѣдній не заботился бы о наймѣ работниковъ въ отдаленныхъ мѣстахъ, иногда даже за границей. Но кто же не знаетъ какъ низко стоитъ нашъ народъ на степени экономическаго соображенія! «До Михай-

лова дня еще далеко, разсуждаетъ крестьянинъ весной, да Богъ знаетъ и доживу ли я до него.» Между тѣмъ нужно купить соли, выпить водки и т. д. Такая теорія не приложима на практикѣ.

Слѣдовательно надѣлъ крестьянъ землею скорѣе достигаетъ цѣли, нежели оброкъ, который можно назвать денежной барщиной, и имѣетъ на своей сторонѣ то преимущество, что разомъ и навсегда рѣшаетъ вопросъ.

Взглядъ съ этой точки зрѣнія обезпечиваетъ благосостояніе крестьянъ и навсегда избавляетъ ихъ отъ ненавистной для нихъ завимости, даетъ имъ возможность улучшить сельское хозяйство, вслѣдствіе чего увеличатся ихъ доходы. Противъ нашего предположенія, надѣлѣ крестьянъ землею, можетъ быть одно только возраженіе, что дворянство разомъ имѣя въ рукахъ своихъ огромныя суммы расточитъ ихъ, не заботясь не только о будущности своихъ потомковъ, но даже о своей собственной.

Источникъ богатства всего народа и каждаго человѣка, взятаго отдѣльно, есть трудъ. Это—аксіома, хотя каждый человѣкъ желалъ бы избавиться отъ труда. Поэтому простой народъ считаетъ счастливыми тѣхъ, кто ничего не дѣлаетъ, и видя праздность дворянъ, увлекается ихъ примѣромъ. Но если трудъ разсмотрѣть поближе, то онъ не только не долженъ казаться обременительнымъ, но даже веселой забавой. Религія видитъ въ трудѣ наказаніе за грѣхъ, и справедливо проповѣдуетъ терпѣніе въ трудѣ, покорность волѣ Провидѣнія. Кромѣ заслугъ, передъ религіею трудъ влечетъ за собою матеріальныя блага.

Слѣдовательно взглядъ на трудъ съ реллигіозной точки зрѣнія согласуется съ экономическимъ. Оба они приходятъ къ одному и тому же заключенію, что трудъ есть источникъ счастія человѣческаго. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ такого человѣка, который не трудился бы, а если и встрѣчаемъ мы подобныхъ людей, то они достойны сожалѣнія, а не зависти. Каждый членъ образованнаго

общества, прежде нежели онъ придетъ въ возрастъ, задолжаетъ обществу, такъ, что трудомъ цѣлой жизни долженъ уплатить его. Трудъ—его обязанность, а каждая обязанность заключаетъ въ себѣ понятіе о нравственномъ побужденіи, иначе она нѣ была бы обязанностью. Посему нельзя допустить такой реформы, которая, по видимому, освобождала бы человѣка отъ труда. Такая реформа была бы антисоціальная. А если она является въ новой формѣ, то все таки не избавляетъ человѣка отъ исполненія его обязанностей.

Не защищаемъ барщины, потому что она внѣ современныхъ понятій, и кончила свое существованіе, но необходимо защитить трудъ. Освободить человѣка отъ барщины не значитъ освободить его отъ труда. Будучи противниками барщины, мы желаемъ доказать, что барщина есть напряженіе силъ, результатъ котораго далеко между тѣмъ не удовлетворяетъ ожиданій.—напряженіе силъ, противное экономическимъ принципамъ, освобождаетъ крестьянъ отъ барщины или, что все равно, развязываетъ труду руки не въ ущербъ народному богатству. Мы говоримъ не о свободѣ личности, но о свободѣ труда. При личной свободѣ крестьянинъ былъ рабомъ труда и долженъ былъ трудиться по принужденію. Могъ онъ оставить своего помѣщика, но не могъ, сидя на господской землѣ, не ходить на барщину. Съ одной стороны онъ ходилъ на барщину, чтобы заплатить за право пользованія землею, съ другой стороны законы позволяли въ то время прибѣгать къ насилію.

Если уничтоженіе барщины есть освобожденіе труда, то ни въ какомъ случаѣ не освобожденіе крестьянъ отъ труда, потому что послѣднее повлекло бы за собою общественную нужду. Здѣсь возникаетъ простой вопросъ, въ которой изъ двухъ предлагаемыхъ системъ трудъ можетъ достичь болѣе счастливыхъ результатовъ, въ системѣ ли оброчной или системѣ надѣла крестьянъ землею?

Сдѣлавъ такой вопросъ, намъ кажется, что теорію легко

примѣнить къ практикѣ, хотя послѣдняя есть ничто иное, какъ пробный камень теоріи. Каждый смотритъ на вещи по своему. Такъ напримѣръ, одни утверждаютъ что наши крестьяне до 1846 года были владѣльцами земель, ими воздѣлываемыхъ. Зачѣмъ же вторично давать имъ то, чѣмъ они уже пользуются; другіе идутъ далѣе и въ личной свободѣ крестьянъ дарованной 50 лѣтъ тому, видятъ полную ихъ свободу и шагъ впередъ къ народности и благосостоянію. Многіе на надѣлъ крестьянъ землею смотрятъ какъ опасный и быстрый прыжокъ на пути общественнаго развитія, которое должно совершаться постепенно.

Если бы мы принуждены были назвать это дѣло соотвѣтственнымъ ему именемъ и высказать наше мнѣніе, то всю эту теорію назвали бы пустою мечтой, или золотымъ сномъ. На бумагѣ у насъ такъ много обѣщаній, надеждъ на богатство и счастіе, въ дѣйствительности же такъ много нищеты и нуждъ, хотя у насъ нѣтъ ни переселеній въ другія части свѣта, ни великихъ предпріятій, ни банкротствъ, а сильныя руки, трудъ, вѣрное вознагражденіе за него, цѣна на произведенія земли довольно высокая. Намъ остается разсмотрѣть все это.

Кто не знаетъ трудолюбія нашихъ крестьянъ, скромность ихъ жизни, очень близкой къ нуждѣ, требованія ихъ такъ ограниченныя, и при всемъ этомъ крайнюю бѣдность? Кто не подумаетъ о томъ, что на этихъ бѣднякахъ въ теченіе вѣковъ лежала тяжкая обязанность обогощать другихъ!

Рабства у насъ не было, а крѣпостное состояніе какъ плодъ болѣе развитаго общества, нежели варварства, укрощалось религіей и патріархальными привычками. Злоупотребленія были очень рѣдки, да и въ этихъ случаяхъ правда чаще была на сторонѣ помѣщиковъ. Почему же эта масса находилась въ такомъ плачевномъ состояніи? Чтобы отвѣтить на это, слѣдуетъ разсмотрѣть примѣненіе тогдашнихъ законовъ. Уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, чѣмъ гордился Наполеонъ I не было

такъ благотворно на практикѣ, какъ на теоріи, и было только грозой для дворянъ, которые стали лучше обходиться съ крестьянами. Оно не могло быть nec plus ultra счастія. Каждый знаетъ привычку человѣка къ мѣсту, гдѣ жили его предки, къ полямъ, орошаемымъ ихъ потомъ и слезами,—оторваться отъ этого мѣста крестьянинъ ни за что не рѣшится, да къ тому же онъ плохой космополитъ. Будучи не одинокой, а семьянинъ, не имѣя въ виду мѣста, которое обезпечило бы его семью, куда пойдетъ онъ?— Одинъ только голодъ можетъ принудить его къ переселенію.

Очевидно, какъ ничтожно это, повидимому, благодѣтельное право перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому, хотя въ нравственномъ отношеніи это право достойно поклоненія.

Подобная неполнота свободы крестьянъ во времена существованія Варшавскаго герцогства, дополнилась въ 1845 году — ихъ надѣлили землею. Какую же пользу можетъ принести крестьянину право перехода съ мѣста на мѣсто, если у него нѣтъ никакой осѣдлости? Надѣлъ крестьянъ землею былъ истиннымъ благодѣяніемъ для крестьянъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ и если не далъ, то дастъ благодѣтельные результаты. Итакъ, наконецъ, цѣль полной свободы крестьянина достигнута. Онъ не мертвый членъ общества. Эта мысль принадлежитъ людямъ прогресса, для которыхъ благо отечества выше ихъ собственныхъ интересовъ. Денежное оброчное положеніе крестьянъ никогда не дастъ подобныхъ результатовъ *).

---

*) Самый большой вредъ для крестьянина ставить его въ зависимость отъ помѣщиковъ, тогда какъ мы должны стараться о совершенной его независимости. Въ первомъ случаѣ онъ никогда не будетъ свободнымъ владѣльцемъ своего участка и угнетаемый различными повинностями дойдетъ до такого состоянія, что долженъ будетъ лишиться своего участка.

(Земьч. Фердинанда Рутовскаго).

Можетъ быть надѣлъ крестьянъ землею будетъ имѣть и дурныя послѣдствія, которыхъ мы теперь не предвидимъ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время нѣтъ ничего болѣе лучшаго. Имѣя возможность изучать крестьянина, я знаю его дурныя и хорошія стороны. Если я берусь за предметъ вовсе не свой, то единственно потому, что сочувствую общему благу.

Система денежнаго оброка не рѣшаетъ удовлетворительно крестьянскаго вопроса. Въ 1846 году, когда наступило время надѣла крестьянъ землею въ такомъ количествѣ, какимъ они владѣли, помѣщики до размежеванія присоединили многіе крестьянскіе участки къ своей землѣ.

То же бывало и при денежной оброчной системѣ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, крестьяне часто оставляли землю, слѣдовательно помѣщикъ могъ присоединить ее къ своей землѣ, въ чемъ никто не имѣлъ права ему прекословить.

Съ 1846 года не слышно, что кто либо изъ крестьянъ продалъ свою землю. Но такая собственность безъ права продажи слишкомъ ограниченная. Напротивъ надѣлъ крестьянъ землею съ тѣмъ, чтобы они сами и потомки ихъ выплачивали за эту землю, будетъ имѣть то преимущество, что крестьянинъ, какъ неограниченный владѣтель своего участка, будетъ имѣть право продать его. При этомъ не существовало бы незаселенныхъ полей, обременительныхъ для помѣщика, потому что онъ долженъ платить за нихъ подать, а крестьянинъ пришелъ бы къ благосостоянію городскихъ обывателей. Наконецъ трудъ, этотъ двигатель личной промышленности, получилъ бы полную свободу.

На основаніи началъ политической экономіи, создавать богатство, значитъ сдѣлать необходимою и полезною каждую вещь для человѣка. (J. Garnier, глава III, § 1). Помимо всѣхъ средствъ, замѣняющихъ силу рукъ, въ нашемъ отечествѣ, болѣе земледѣльческомъ, нежели про-

мышленномъ, сила рукъ есть одинъ изъ сильнѣйшихъ рычаговъ, двигающихъ народъ къ благосостоянію. И вотъ почему, при перемѣнѣ быта крестьянъ, мы должны заботиться о большемъ выигрышѣ силы человѣческой. Доказывать, что барщина стѣсняетъ нравственную свободу человѣка потому только, что тысячи сильныхъ и здоровыхъ рукъ останутся въ бездѣйствіи, есть страшное зло. Если каждый членъ общества не свободенъ отъ труда, то освобожденіе отъ него большинства жителей повлекло бы за собою общественное бѣдствіе. Каждую обязанность можно назвать барщиной. Мы очень часто слышимъ это выраженіе, потому что общество требуя отъ каждаго члена исполненія обязанностей, на него возложенныхъ, заставляетъ трудиться не только здороваго руками, но и здороваго головой. Изъ этого видно, что прежняя осмѣянная нами система барщины заставляетъ трудиться каждаго, подвигаетъ впередъ сельское хозяйство. При введеніи денежной оброчной системы, каждый сельскій хозяинъ годъ отъ году теряетъ число работниковъ.

Чтобы предупредить послѣднее, необходимо измѣнить наше сельское хозяйство въ самыхъ его основаніяхъ, дать полную свободу труду, чего можно достичь при надѣлѣ крестьянъ землею съ правомъ продажи ея другому. Одно это можетъ обезпечить крестьянина, заставитъ его подумать о себѣ, заняться всѣми отраслями сельскаго хозяйства. При денежной оброчной системѣ крестьянинъ не пробудится отъ своего летаргическаго сна, и помѣщикъ принужденъ будетъ заботиться о немъ, весьма часто прощать ему оброкъ. Если же крестьянинъ знаетъ, что земля принадлежитъ ему съ правомъ перепродажи, то это сдѣлаетъ его менѣе равнодушнымъ къ своимъ интересамъ, слѣдовательно болѣе трудолюбивымъ. При денежномъ оброчномъ положеніи, считая себя болѣе обезпеченнымъ, онъ будетъ предаваться праздности, пьянству и буйству. Развѣ это не означаетъ обще-

ственныхъ потерь и упадка сельскаго хозяйства? Что касается до переходнаго прыжка, то не должно опасаться за него, потому что общество ничего не потеряетъ. Для помѣщика же все равно, будетъ ли система денежная оброчная или система надѣла землею. Въ послѣднемъ случаѣ крестьянинъ, имѣя менѣе обязанностей относительно помѣщика, станетъ трудолюбивѣе, между тѣмъ какъ при первой системѣ бытъ крестьянина будетъ казаться ему стѣснительнымъ, потому что крестьянинъ будетъ обязанъ помѣщику только однимъ оброкомъ, и помѣщикъ, не видя себѣ пользы въ его благосостояніи, перестанетъ о немъ заботиться.

Слѣдовательно, положительно можно сказать, что надѣлъ крестьянъ землею, за которую бы выплачивали они сами или ихъ потомки, есть единственное средство къ достиженію желаемой цѣли.

Почтенный авторъ держитъ сторону надѣла, (wywlaszenie), что по его терминологіи значитъ надѣлъ крестьянъ землею. Объ этомъ ложномъ выраженіи, которое употребляетъ авторъ въ первой половинѣ статьи и которое редакція замѣтила настоящимъ именемъ uwlaszczenie, не слѣдовало бы дѣлать замѣчаній, если бы авторъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые преслѣдуютъ неправильность названій, о чемъ онъ самъ заявляетъ въ началѣ своей статьи, умно замѣчая, что неправильное названіе предмета влечетъ за собою ложное понятіе о немъ.

Эта сентенція хорошо можетъ быть доказана его же сочиненіемъ.

Слѣдуя примѣру редакціи мы не хотимъ вступать въ разсужденія, какія системы могутъ дать лучшіе результаты въ спорномъ вопросѣ помѣщиковъ и крестьянъ, и такъ же какъ редакція почитаемъ независимыми убѣжденія изложенныя въ статьѣ г. Шпадерскаго. Мы убѣждены, что только путемъ явной и свободной дискурсіи можетъ быть найдена правда, потому что въ рѣшеніи этого вопроса, важнѣйшаго въ наше время, есть извѣстныя данныя, слѣдовательно составляющія матеріалы для дискурсіи, которые долженъ знать каждый приступающій къ рѣшенію вопроса.

Большая или меньшая важность взаимныхъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, будучи тѣмъ принципомъ, на которомъ хотятъ основать улучшеніе быта крестьянъ, была до такой степени совершенно разрѣшена, что нынѣ не нужно говорить о важности

этихъ отношеній, а должно стараться найти средства къ ихъ улучшенію.

Если начала, служившія основаніемъ разсужденій автора, не были положительны, то и разсужденія не выдержатъ критики. Въ его сочиненіи до такой степени много противорѣчій, что не должно указывать на нихъ — они видны сами собою.

Умолчимъ о первой половинѣ статьи, потому что въ ней авторъ самъ себѣ отказываетъ въ соотвѣтственности, но такъ какъ во второй половинѣ, говоря о своей опытности, онъ прибавляетъ что находясь уже нѣсколько десятковъ лѣтъ среди крестьянъ, имѣетъ право разсуждать объ этомъ предметѣ; то его сочиненіе требуетъ болѣе строгаго разбора.

Прочитавъ статью, мы не можемъ дать себѣ отчета въ томъ, о чемъ трактуетъ авторъ. Такъ въ началѣ другаго своего сочиненія «Praca im wolniejsza, tém bordziéj podna,» онъ говоритъ о врожденной лѣности нашихъ крестьянъ, а черезъ нѣсколько страницъ распространяется о ихъ трудолюбіи. Въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что оброчная система невполнѣ достигаетъ цѣли, въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ, что она рѣшаетъ вопросъ вполовину. Все подаетъ поводъ думать, что гдѣ нибудь въ третьемъ мѣстѣ онъ призналъ бы оброчную систему вполнѣ достигающею цѣли. Кромѣ этихъ противорѣчій, статья его полна доводовъ, не основанныхъ на доказательствахъ.

Повторяемъ, что мы не стоимъ ни за ту, ни за другую, ни вообще за какую-бы то ни было систему, но сознавая важность вопроса, требуемъ во имя общаго блага, чтобы всѣ разсужденія и трактаціи объ организаціи взаимныхъ отношеній были излагаемы систематически, съ логической послѣдовательностію. Редакція, дающая столбцы въ своемъ журналѣ для помѣщенія подобныхъ статей, будетъ строго обращать на это вниманіе, потому что безъ этихъ условій, при всей безконечности разсужденій и при всемъ желаніи быть полезными, мы ни на шагъ не подвинемся впередъ и никогда не достигнемъ предположенной цѣли.

Варшава 24 Ноября 1857.

ВЛАДИСЛАВЪ ГАРБИНСКІЙ.

Этимъ замѣчаніемъ В. Гарбинскій поддерживаетъ Редакцію «хроники«. Съ мнѣніемъ г. Гарбинскаго что то, чтого уже объяснено однажды навсегда и доказано, не можетъ подлежать сомнѣнію, вполнѣ согласиться мы не можемъ. Всякій спорный вопросъ о чьихъ либо взаимныхъ отношеніяхъ, никогда не можетъ быть исчерпанъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ, нѣкогда болѣе трактовали, нежели въ современныхъ журналахъ. Время и опытъ, усиливая мысль, разширяя кругъ воззрѣній на предметъ, измѣняютъ

отношенія, ведутъ къ новымъ обстоятельствамъ, и такимъ образомъ предметъ, совершенно понятый и обсужденный не только однимъ сочиненіемъ, но и цѣлой страною, подвергаютъ новому сомнѣнію.

ИВАНЪ КАНТЪ ГРИГОРОВИЧЪ. 1857 г.

Мнѣнія людей опытныхъ, достойныхъ уваженія, проведшихъ всю свою жизнь въ непосредственномъ общеніи съ крестьянами, въ вопросѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, бываютъ всегда разбираемы людьми, не выходящими изъ своего кабинета и занимающимися только журнальнымъ резонерствомъ. Можетъ ли быть разрѣшенъ этотъ вопросъ положительно, если мнѣнія о немъ подаютъ люди, незнакомые съ бытомъ крестьянъ. Правды въ общественныхъ отношеніяхъ нельзя отыскать сразу — этому препятствуютъ предупрежденіе и самоувѣренность. Древніе называли правду дщерью времени. *Время—мать правды.*—При разрѣшеніи вопроса объ улучшеніи быта крестьянъ она перемѣняетъ свое имя на другое—*опытъ.* Но наши современники такъ увѣрены въ своихъ силахъ, что имъ кажется, что они поймали правду на лету и не хотятъ слышать никакихъ противорѣчій. Старики говорятъ, что ужъ это духъ времени такой. Все вышесказанное доказывается замѣчаніемъ г. Григоровича на сочиненіе человѣка, котораго положеніе и призваніе находятся въ ближайшихъ соотношеніяхъ съ душею и совѣстью крестьянъ. Онъ лучше знаетъ ихъ нужды, привычки и наклонности. Примѣненіе поговорки Sprava jak w Osieku не можетъ касаться пастыря того же самаго прихода. Послѣ того, какъ же мы хотимъ, чтобы насъ уважали другіе, если мы сами себя не уважаемъ?

ЛУДОВИКЪ ЛЕНИЦКІЙ. 1857.

ОТДѢЛЪ XXI. (A.)

О раздѣлѣ земли.

Статья Людовика Воловскаго, члена французскаго института.
(Эту статью Воловскаго сократилъ и перевелъ на Польскій языкъ Северинъ графъ Урусскій).

Вопросъ о раздѣленіи земли издавна составляетъ предметъ спора экономистовъ; но мысль объ ограниченіи раздѣла земли, дала этому вопросу практическій характеръ, вслѣдствіе обращенія мысли на право наслѣдства во Франціи. Желающіе уничтожить право равномѣрнаго раздѣленія наслѣдства между дѣтьми обоихъ половъ приводятъ въ доказательство тотъ фактъ, на который, по мнѣнію ихъ, нельзя сдѣлать никакихъ возраженій, что земля во Франціи раздроблена на мельчайшіе участ-

Желая читателямъ дать возможность сравнить организацію французскаго законодательства о недвижимыхъ имуществахъ, съ законодательствомъ, существующимъ въ Англіи, привожу отрывки изъ авторовъ, писавшихъ объ англійскомъ земледѣліи.

СРАВНЕНІЕ РЕЗУЛЬТАТОВЪ ПРИ СОБСТВЕННОМЪ И АРЕНДНОМЪ ВЛАДѢНІИ ЗЕМЛИ.

(изъ Адама Крыжтопора).

Англія представляетъ собою примѣръ, не только противоположный доказательствамъ, что сельское хозяйство на собственныхъ участкахъ несравненно болѣе развито, нежели хозяйство на участкахъ отдаваемыхъ въ аренду, но напротивъ, еще болѣе подтверждающій ихъ.

Г-нъ Юнгъ (Joung), описывая состояніе сельскаго хозяйства въ Ирландіи, прямо говоритъ, что оно процвѣтаетъ только въ помѣстьяхъ, управляемыхъ самими владѣтелями, потому что арендаторъ не заботится объ улучшеніи цѣнности земли, стараясь извлекать изъ нея болѣе доходовъ.

ки, а между тѣмъ право о наслѣдствѣ дѣлитъ ихъ на меньшія и меньшія части между наслѣдниками. По мнѣнію этихъ авторовъ, наслѣдственное право, раздробляющее землю, препятствуетъ благосостоянію сельскаго хозяйства, единственнаго источника богатства Франціи и есть причина голода и нужды. Въ 1851 году министерство финансовъ во Франціи приступило къ величайшему труду — къ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ во Франціи и къ классификаціи всѣхъ этихъ недвижимыхъ имуществъ по мѣрѣ цѣны ихъ, по продолжительности существованія, по степени совершенства. А такъ какъ послѣднее происходило въ 1821 году, то этотъ трудъ обнимаетъ собою пространство времени отъ 1821 года до 1851. Сравнивая оцѣнку прежнихъ годовъ съ оцѣнкою позднѣйшею, мы видимъ, что въ теченіе 30-ти лѣтъ, цѣнность и число имуществъ во Франціи увеличилось.

Мы и въ настоящее время наслаждаемся плодами быстраго увеличенія народнаго богатства въ теченіе послѣд-

Въ Англіи арендная система существовала съ древнѣйшихъ временъ, а между тѣмъ сельское хозяйство, особенно въ послѣднее пятидесятилѣтіе, сдѣлало большіе успѣхи. Это происходитъ отъ того, что многіе капиталы, занятые другими оборотами, съ учрежденіемъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, были преимущественно обращены на сельское хозяйство. При такомъ положеніи, не имѣя средствъ пріобрѣтать земли, спекуляторы обратились къ арендѣ и при неусыпныхъ заботахъ, пуская свои капиталы въ оборотъ арендуемаго помѣстья, не истощая земли, извлекали изъ нея больше пользы, нежели лорды, довольствовавшіеся доходами безъ предварительныхъ пожертвованій капиталовъ. Начало цвѣтущаго состоянія сельской промышленности въ Англіи заключалось не въ формахъ аренды, но въ промышленности народа и въ капиталахъ обращаемыхъ на сельское хозяйство. Въ Ирландіи же, при отсутствіи двухъ послѣднихъ условій, сельское хозяйство пришло въ упадокъ. Говоря короче, аренда напрягаетъ уже существующія силы, собственность только даетъ средства къ этому напряженію. Взглянемъ на сѣверную Америку: лѣтъ за сто страна эта была совершенно пуста, а между тѣмъ въ настоящее время чрезвычайно населена и богата. Народонаселеніе ея увеличивалось вслѣдствіе переселеній изъ Европы;

нихъ тридцати лѣтъ, слѣдовательно раздѣлъ наслѣдства не имѣлъ никакихъ дурныхъ результатовъ. Богатство Франціи такъ велико, источникъ этого богатства такъ неисчерпаемъ, что по справедливости должно удивляться; но до сихъ поръ во Франціи обращали мало вниманія на сельское хозяйство, хотя оно собственно есть основа общественнаго зданія. Умноженіемъ своихъ матеріальныхъсредствъ Франція обязана плодородію своей почвы.

Раздѣленіе земли на участки—фактъ общеевропейскій. Господинъ Дро (Droz) говоритъ, что раздѣленіе земли на части будетъ существовать всегда между различными классами народа, составляющими общество. Это мнѣніе г-на Дро подтверждается фактами, между тѣмъ какъ мнѣніе его противниковъ, такъ грозно возставшее противъ раздѣленія земли, начинаетъ мало по малу падать. Тѣ же изъ экономистовъ, возставшихъ до сихъ поръ противъ закона о равномѣрномъ раздѣлѣ наслѣдства и противъ притѣсненій, ограничивающихъ

но туда переселялись только нищіе, слѣдовательно богатство родилось тамъ. Въ какихъ же формахъ проявляется тамъ сельское хозяйство? — Это собственность, собственность дешево пріобрѣтаемая, по мѣрѣ того какъ лѣса и пустыни уступаютъ мѣсто цивилизаціи. Еслибы американское правительство, не продавая земли, отдавало ее въ аренду, умножилось бы чрезъ это богатство? — Конечно, нѣтъ. Независимость, обезпеченная будущность, надежда найти спокойствіе на своей собственности въ преклонныхъ лѣтахъ и обезпеченное положеніе потомковъ, — вотъ что такъ страстно привязываетъ земледѣльца къ землѣ. Арендаторъ, будучи чуждъ этой привязанности, конечно, не можетъ такъ, какъ владѣлецъ заботиться о землѣ, слѣдовательно не извлечетъ изъ нея столько доходовъ какъ первый. Замѣтимъ еще, что отношеніе доходовъ извлекаемыхъ владѣльцами, къ доходамъ, извлекаемыхъ арендаторами, измѣняется при большей или меньшей величинѣ помѣстья. Владѣлецъ или арендаторъ малаго помѣстья приступаетъ къ хозяйству болѣе или менѣе съ капиталомъ равнымъ капиталу владѣльца или арендатора большаго помѣстья, и посвящая хозяйству столько же времени, какъ и послѣдній, конечно выигрываетъ. Однакожъ не лишне замѣтить, что владѣлецъ можетъ жить роскошнѣе арендатора и болѣе можетъ

свободное управленіе имуществомъ, твердятъ безпрестанно, что французское законодательство способствуетъ къ уменьшенію богатства въ государствѣ и къ увеличенію его народонаселенія. Говорятъ что во Франціи толпы бѣдняковъ скоро будутъ драться за ложку супу. Землю, дѣйствительно, можно дробить на мельчайшіе, участки, я, однакожъ не вѣрю въ угрозу, что почва подчиненная такимъ законамъ дробленія, распадется на столь мелкіе участки, что испарится въ видѣ дыма.

Заблуждаются тѣ, которые воображаютъ, что дробленіе земли на мелкіе участки ново для Франціи. (*Не менѣе заблуждался бы и тотъ, кто думалъ бы такимъ образомъ относительно Польши. Мелкія владѣнія существовали у насъ не только при Пястахъ, Ягеллонахъ, во времена австрійскаго, краковскаго и люблинскаго владычествъ, но существуютъ и до нынѣ. Указъ 1846 года не образовалъ новыхъ отношеній между участками. Въ этомъ указѣ говорится, что цѣль его сохранить прежнія отношенія между объ-*

соблюсти экономію нежели арендаторъ. Слѣдовательно и при маломъ помѣстьи преимущество на сторонѣ самого владѣльца. Напротивъ, владѣлецъ большаго помѣстья занимается по большей части другими оборотами, вручая управленіе имѣніемъ приближеннымъ, не всегда добросовѣстнымъ лицамъ, слѣдовательно капиталистъ — арендаторъ на этомъ же помѣстьи, не раззоряя его, извлекъ бы болѣе дохода. Изъ всего сказаннаго видно, что управленіе арендатора несравненно полезнѣе для имѣній. Но эта польза зависитъ не отъ формъ и условій контракта, а отъ способностей и готовности посвятить себя призванію.

Вся Англія представляетъ изящный паркъ, въ которомъ каждая особенность занимаетъ мѣсто не для пользы, но для украшенія.

Но не ищите въ этомъ паркѣ крестьянина, не ищите мелкаго зажиточнаго владѣльца! Этотъ классъ народа, кажется, какъ будто бы исчезъ съ лица земли Англіи; нынѣшнее земледѣльческое сословіе состоитъ исключительно изъ богатыхъ арендаторовъ, изъ дюжихъ, здоровыхъ работниковъ и пролетаріевъ. Если насъ удивляетъ богатство первыхъ и приличное содержаніе вторыхъ, то въ то же время производитъ сильное впечатлѣніе бѣдность и нищета послѣднихъ, бѣдность явная, государственная, ибо пауперизмъ въ Ан-

емами участковъ, находящихся какъ во владѣніи крестьянъ, такъ и владѣніи помѣщиковъ. Намъ въ настоящее время предстоитъ разсмотрѣть мелкія владѣнія, состоящія въ залогѣ. Отдача ихъ подъ залогъ творитъ изъ нихъ новые и большіе участки. Во всей Польшѣ до временъ Ягеллоновъ не было ни одного большаго имѣнія, но всюду мелкія. Только въ послѣднее время начали образовываться большія имѣнія какъ напримѣръ: въ уѣздахъ Гостынскомъ, Липновскомъ и Куіавскомъ и на границѣ съ Пруссіей. Слѣдовательно все то, что говорится въ этомъ сочиненіи о мелкихъ участкахъ земли и раздѣленіи ихъ между наслѣдниками во Франціи, можетъ быть примѣнено къ Польшѣ, какъ доказываетъ графъ Александръ Стадницкій).

За нѣсколько вѣковъ до революціи французскій крестьянинъ былъ уже независимымъ владѣтелемъ небольшаго участка земли. До революціи на немъ лежали еще остатки феодальной зависимости, отъ которой крестьянинъ совершенно освободился въ 1789 году. Но не революція

гліи составляетъ отдѣльную институцію, имѣетъ свое правительство, свои доходы, свои права и привиллегіи.

Видя, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находится земледѣліе въ Англіи, многіе желали бы слѣпо подражать тамошнимъ институціямъ. А такъ какъ тамъ нѣтъ малыхъ усадьбъ, то они думаютъ, что арендныя отношенія и составляютъ главный рычагъ развитію земледѣльческой промышленности. Но мы уже сначала доказали, что причины этого развитія заключаются не въ условіяхъ контрактовъ, а въ причинахъ совершенно постороннихъ и что арендная система болѣе полезна при большихъ усадьбахъ и при большихъ капиталахъ. Замѣтимъ еще, что въ Англіи усадьбы, соотвѣтственныя усадьбамъ нашихъ крестьянъ, совершенно исчезли и слились съ большими. Крестьяне же, которые были не въ состояніи сдѣлаться арендаторами, остались работниками, тѣмъ болѣе, что промышленность въ Англіи открыла имъ большіе источники доходовъ. Слѣдовательно, если бы мы вздумали подражать англичанамъ, то намъ нужно было бы совершенно уничтожить усадьбы крестьянъ, образуя изъ нихъ большія усадьбы, на которыхъ бы арендаторъ могъ устроить хозяйство соотвѣтственно извлеченію приличныхъ доходовъ. Для движенія хозяйства въ Польшѣ по англійскому способу

образовала эти мелкія участки. Въ послѣднее время этотъ фактъ былъ объясненъ г. Тэквиль (Toequeville) въ его знаменитомъ сочиненіи о Революціи.

Изучая Статистику Франціи, мы видимъ, что въ настоящее время земля принадлежитъ такому же числу владѣльцевъ, какъ за 100 или за 200 лѣтъ тому.

Причины, способствовавшія въ то время дробленію земли на участки, существуютъ и донынѣ. Земля всегда цѣнится дороже въ отношеніи доходовъ съ нея получаемыхъ. Это потому, что крестьяне жаждутъ быть владѣтелями земли. Высшіе классы общества стараются отдавать свои капиталы въ ростъ другимъ лицамъ. Крестьянѣ же на остающійся доходъ покупаютъ землю. Артуръ Юнгъ (Joung) во время своего путешествія по Франціи удивлялась раздробленности земли на мелкія участки. По его соображеніямъ болѣе нежели треть земли принадлежала крестьянамъ.

Право первородства и привеллегія о нераздѣльности

было бы довольно только $^1/_4$ рабочихъ рукъ. Что же мы сдѣлали бы съ остальными? Гдѣ у насъ фабрики, заводы, порты, гавани верфи, корабли?... Такое подражаніе привело бы наше сельское хозяйство въ совершенный упадокъ.

Слѣдующія затрудненія существовали, существуютъ и будутъ существовать, т. е., 1) затрудненіе для крестьянина въ платежѣ оброка, и 2) невозможность помѣщику завести безбарщинное хозяйство, сдѣлали, что и до сихъ поръ находится унасъ такъ мало оброчныхъ имѣній. Эти же причины и въ будущемъ, со введеніемъ арендной системы, будутъ имѣть вредное вліяніе, если все улучшеніе ограничится замѣной работы деньгами.

Здѣсь, чтобы исторгнуть крестьянина изъ апатіи, нуженъ сильный толчекъ, нужно владѣльцамъ дать усадьбы, соотвѣтственныя тѣмъ, которыхъ требуетъ мѣна барщины за деньгами. Этимъ толчкомъ можно назвать только то состояніе, въ которомъ крестьянинъ есть полный и независимый владѣлецъ земли, а помѣщикъ или владѣтель удовлетворенъ за уступленную крестьянамъ землю разомъ, а не посредствомъ безпрерывныхъ процентовъ или оброка Если вы будете крестьянину толковать о преимуществахъ и выгодахъ англійской системы, — онъ и слушать васъ не станетъ; но

земли, принадлежащей дворянству или духовенству, не распространялись на крестьянъ. Въ рапортѣ одного интенданта говорится: «раздѣлъ наслѣдствъ повлечетъ за собою страшныя послѣдствія. Крестьянинъ непремѣнно хочетъ имѣть часть земли, оставшейся по смерти его родителей. Въ то же время г. Тюрго (Turgot) говоритъ «раздѣлъ наслѣдства на участки довелъ крестьянъ до того, что они не въ состояніи добыть себѣ куска хлѣба. Неккеръ (Necker) увѣряетъ, что въ его время было безчисленное множество (une immensite) мелкихъ участковъ.

Крестьяне во Франціи, какъ говоритъ тотъ же Артуръ Юнгъ, всюду владѣютъ такими мелкими участками земли, о которыхъ въ Англіи не имѣютъ ни малѣйшаго понятія; хотя нѣкоторые крестьяне зажиточны, но большинство ихъ нищенствуетъ, а все потому, что дѣти по смерти родителей раздѣляютъ наслѣдство между собою. Какой нибудь десятокъ квадратныхъ саженъ съ нѣскольеслн вы дадите ему средства сдѣлаться независимымъ владѣльцемъ усадьбы — увидите въ немъ тотчасъ другаго человѣка.

Безъ сомнѣнія съ уничтоженіемъ барщины въ нѣсколько лѣтъ возвысится цѣна на усадебныя произведенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится и доходъ помѣщиковъ, слѣдовательно помѣщикъ не будетъ нуждаться въ возмездіи за барщину, только нуженъ ему капиталъ для преобразованія своего барщиннаго хозяйства въ наемное. Если онъ не получитъ этого капитала единовременно, не приступитъ къ улучшенію быта крестьянъ, принужденный къ этому силой власти — сдѣлается нищимъ, потому что блестящія надежды, не болѣе ни менѣе какъ надежды, и не будутъ въ состояніи защитить его отъ банкротства. Напротивъ владѣлецъ можетъ быть даже доволенъ малымъ возмездіемъ, лишь бы получить его тотчасъ и наличными деньгами, «*qui cito dat bis dat*», ибо рѣчь идетъ не о будущности его но о мгновеніи перехода изъ одного въ другое положеніе.

Верховная власть, въ рукахъ ли она монарха или въ рукахъ палатъ, имѣетъ право коснуться личной собственности, когда цѣлое общество опирается на томъ началѣ, что каждая личность даетъ часть своей собственности и независимости для пріобрѣтенія опеки для

кими деревьями на нихъ растущими составляютъ все богатство цѣлаго семейства!—Народонаселеніе же Франціи быстро возрастающее влечетъ за собою умноженіе нищихъ. Число рабочихъ рукъ гораздо значительнѣе, нежели сколько ихъ потребно для городовъ и фабрикъ, а потому многіе умираютъ съ голоду. Для Франціи необходимъ законъ, который бы запретилъ дробить землю на участки меньшіе двухъ десятинъ. И изъ этого видно, что земли во Франціи издавна дробились на мелкіе участки.

Маркграфъ Мирабо въ своей философіи земледѣлія доказываетъ, что три четверти народонаселенія занимались обработкою малыхъ участковъ. Артуръ Юнгъ того мнѣнія, что благодѣяніе для государства, если крестьяне владѣютъ землею. Если у крестьянина въ его участкѣ встрѣтятся пески или скалы, то онъ всѣ силы употребитъ, чтобы сдѣлать ихъ годными на что нибудь. То же бы могло быть и въ другомъ государствѣ. Трудъ

другихъ. Но когда это прикосновеніе уничтожаетъ личность тогда общественная жизнь будетъ потрясена въ самомъ основаніи.

Но возвратимся къ земледѣлію въ Англіи. Англія до временъ Вильгельма-Завоевателя не знала феодализма; но и этотъ государь ввелъ его не вдругъ: сначала только конфискованные имѣнія дворянства, падшаго вслѣдствіе пораженія при Гастинсѣ, были розданы членамъ его нормандской дружины. Уже позже, при опасеніи нападенія на Англію Дановъ и въ слѣдствіе притѣсненій арміи Вильгельма, англійское дворянство, на Сорумскомъ сеймѣ отдало всѣ свои владѣнія подъ права феодальныя и дало королю ленную присягу. Съ тѣхъ поръ принято начало, «что единственный и универсальный владѣлецъ земли въ государствѣ есть король и что никто не можетъ владѣть ею, если право на владѣніе не дано владѣльцу самимъ королемъ прямо или косвенно.» Это начало и до настоящаго времени служитъ пьедесталемъ британскому законодательству.

Съ этого времени король или ленный владѣлецъ, былъ законодателемъ и судьей всѣхъ своихъ вассаловъ.

Ленный владѣлецъ не могъ пріобрѣтать новыхъ вассаловъ безъ позволенія владѣльца, котораго онъ самъ былъ вассаломъ Что же касается правъ о наслѣдствѣ, вездѣ мужескій полъ имѣлъ

свою пользу дѣлаетъ чудеса. Въ окрестностяхъ Ганге (Gange) трудъ преодолѣлъ всѣ физическія препятствія, если не удобны для посѣва, то покрайней мѣрѣ покрыты такъ что даже скалы, травою.

Человѣкъ здравомыслящій поймет причину этихъ улучшеній. Если дать труженику скалу въ вѣчное владѣніе — онъ обратитъ ее въ огородъ. Собственность — главный двигатель къ постоянному труду. Въ горахъ Лангедока крестьяне создали себѣ почву — они наносили земли изъ долинъ на скалы.

Но неосновательный экономическій взглядъ его видѣнъ изъ слѣдующаго: «Народонаселеніе Франціи, говоритъ онъ, въ отношеніи къ ея промышленности такъ велико, что страна эта процвѣтала бы, имѣя пятью или шестью милліонами жителей менѣе. Чрезмѣрная густота народонаселенія есть главная причина бѣдности во Франціи, ибо королевство не въ состояніи занять трудомъ всѣ рабочія руки.

преимущество предъ женскимъ, что было слѣдствіемъ военныхъ цѣлей феодальной организаціи.

Военный ленно-владѣлецъ, не имѣя времени заниматься хозяйствомъ, раздавалъ свои участки крестьянамъ, обязывая ихъ въ отношеніи себя работой или оброкомъ. Вслѣдствіе этого феодальныя права распространились на всѣ отношенія земледѣлія и сдѣлались главными основаніями гражданскаго права въ Британіи.

Въ это же время было четыре рода ленной зависимости, въ отношеніи на нихъ лежащихъ обязательствъ.

Грамата короля Іоанна положила конецъ феодальному гнету, замѣнила всѣ неопредѣленные налоги опредѣленнымъ оброкомъ, единственно сохраняя обязательства меченосцевъ, оруженосцевъ, крайчихъ и т. д.

Если повинности были низшаго разряда, крестьянскія (base) и притомъ неогрибичены, то ленная зависимость такого рода называлась крестьянскою, purum villenagium (pure vilainages). Изъ нея образовались нынѣшніе copyhold, tenures, или обыкновенные арендаторы, составляющіе большинство крестьянскихъ осѣдлостей въ Англіи. Чтобы понять какъ образовались и что въ сущности составляли эти два отдѣла, нужно узнать, что такое было въ древ-

При развитіи земледѣльческой промышленности во-Франціи послѣ революціи и увеличеніи народонаселенія едва ли не вдвое, Франція все таки въ состояніи дать каждому возможность къ труду и средства къ существованію. Этотъ фактъ опровергаетъ мнѣніе Юнга, который путешествовалъ по Франціи за 80 лѣтъ до нашего времени. Нельзя не припомнить изрѣченія Монтескьё, «плодородіе почвы зависитъ не отъ удобренія ея, а отъ свободы тѣхъ, которые ее воздѣлываютъ».

Удивительно! Франція въ глазахъ Юнга имѣя 24,000,000 жителей, была слишкомъ населена. Тридцать лѣтъ спустя Мальтусъ доказывалъ, что вслѣдствіе дробленія земли на участки, Франція черезъ сто лѣтъ будетъ самой любопытнѣйшей страной въ отношеніи къ ниществу и непостижимо-равному раздѣленію земли на участки. Богатыми, въ то время будутъ, продолжаетъ Мальтусъ, «тѣ, кто будетъ получать жалованье отъ казны». Исчисленіе народонаселенія доказываетъ, что нѣтъ ни одной страны, въ которой бы

пости manerium или dominium (manor). Этимъ именемъ называлась резиденція лорда съ землями, находящимися въ непосредственномъ его владѣніи (demense land), въ отличіе отъ земель отданныхъ другимъ (tenementalland). Во всякой такой резиденціи находился присяжный судъ, a jury court of justice, состоявшій изъ подданныхъ, разрѣшавшій споры и утверждавшій полюбовныя сдѣлки. Состояніе подданныхъ (the villains), бывшихъ въ немного лучшемъ положеніи рабовъ, было все таки хуже всѣхъ другихъ состояній. Они раздѣлялись на regardant villains, т. е., принадлежащихъ къ землѣ, и villains in gross, т. е., привязанныхъ къ особѣ господина. Они неимѣли никакой собственности, не могли даже жениться и оставлять земель безъ позволенія господина. Послѣдній имѣлъ право у каждаго изъ нихъ отнимать или перемѣнять участки земли, грабить ихъ имущество, наказывать ихъ тѣлесно съ ограниченіемъ смерти калѣчества и насилія. Неизмѣняемость обыкновенія въ отношеніи повинностей, сдѣлалось чѣмъ то въ родѣ неизмѣнныхъ законовъ и вообще было принято за начало, что подданные владѣютъ землею хотя и съ согласія господина, но вслѣдствіе обыкновенія dominii.

А такъ какъ письменныхъ доказательствъ о сущности этого обыкновенія не было, исключая протоколовъ мѣстныхъ судовъ, то

народонаселеніе возрастало такъ быстро, какъ во Франціи, гдѣ между тѣмъ совершенно не знаютъ эмиграціи. И при весьма ограниченномъ количествѣ земли страна эта годъ отъ году дѣлается богаче и могущественнѣе.

Въ глазахъ новѣйшихъ экономистовъ раздѣленіе земли и заботливость мелкихъ землевладѣльцевъ о потомкахъ препятствуютъ быстрому увеличенію народонасенія.

Споры экономистовъ о раздробленіи земли во Франціи повторились въ 1820 и въ 1825 годахъ, такъ какъ во времена Юнга и Мальтуса.

У насъ въ Польшѣ, при переходѣ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ свободное, тѣ же самые факты приводились въ доказательство, чтобы воспрепятствовать переходу крестьянъ къ свободному состоянію. Державшіе сторону, противную дробленію земли на участки, принялись за реставрацію правъ о наслѣдствѣ. Дробленіе земли называли игомъ для Франціи и у экономистовъ существовала формула, что земля французская перетерта въ порохъ

такихъ усадебниковъ называли tenats bu copy of court roll, или владѣтелями земли на основаніи протоколовъ этихъ мѣстныхъ судовъ. Короче же ихъ называли copyholders; самое же право владѣнія называлось copyhold.

Обычаи взиманія повинностей съ крестьянъ сначала были различны, но впослѣдствіе почти всюду замѣнились должнымъ оброкомъ.

Такова была первоначальная организація земледѣльческихъ отношеній въ Англіи. Эта организація съ нѣкоторыми перемѣнами существуетъ и понынѣ. За 50 лѣтъ Англія питалась польской пшеницей. Стоило страшныхъ усилій, чтобы обратить на сельское хозяйство вниманіе капиталовъ. Двигателемъ къ этому была индустріальная война, континентальная система и учрежденіе хлѣбныхъ магазиновъ, какъ ея слѣдствія. Когда Европа заперла свои порты для англійскихъ кораблей, Англія рѣшилась обойтись безъ европейскаго зернового хлѣба. Огромная пошлина, наложенная на всѣ привозныя земледѣльческія произведенія была причиною возвышенія цѣны на съѣстные припасы на всѣхъ англійскихъ рынкахъ и заставила обратить вниманіе на сельское хозяйство, прибѣгнуть къ землѣ и механики, что подняло цѣну на землю. Это было причиною,

(pulvérisé), что не мѣрили земли не только гекторами, но даже и десятинами, а только такими мелкими кусками, которые имѣли не болѣе одной квадратной сажени. Въ 1825 году жалобы на дробленіе земли приняли какой-то дикій характеръ и въ палатѣ депутатовъ часто слышались такого рода выраженія: «отчего наши крестьяне такъ бѣдны? Отчего малъ сбытъ скота и земледѣльческихъ продуктовъ? Почему наши города пусты? Почему наши фабрики въ такомъ дурномъ состояніи?» Раскрывъ кодексъ, найдемъ отвѣтъ на эти вопросы, именно, что французскіе законы терпятъ употребленіе плуга, дробленіе земли на участки и такъ далѣе.

Съ того времени прошло тридцать лѣтъ. Цифры же, которые мы приведемъ ниже, покажутъ какъ было велико заблужденіе господъ экономистовъ. При мелкихъ участкахъ во Франціи существуютъ также средніе и большіе участки. А раздѣлъ наслѣдства между наслѣдниками поровну не въ состояніи уравновѣсить соединенія малыхъ участ-

хотя насильственнаго, но за то гигантскаго развитія сельскаго хозяйства. Не думали о заселеніи земли жителями, которые были бы довольны своими трудами, но всѣми силами старались извлечь изъ нея какъ можно болѣе продуктовъ. Не заботились о дешевизнѣ хлѣба, а о томъ, чтобы доставало его, хотя по высокой цѣнѣ, для цѣлой Англіи. Если же кто не имѣлъ хлѣба, тотъ записывался въ число нищихъ и имѣлъ право требовать, чтобы его кормили даромъ. На земледѣліе стали смотрѣть какъ на фабричную промышленность, а на землю, какъ на прядильный станокъ. А такъ какъ произведенія фабрикъ обширнаго размѣра дешевле, то и стали заботиться о занятіи сельскимъ хозяйствомъ въ обширныхъ размѣрахъ. При этихъ обстоятельствахъ земледѣліе пріобрѣло огромные капиталы. А такъ какъ англійское дворянство, владѣвшее огромными участками земли, исключительно занималось общественною жизнью, слѣдовательно не имѣло времени заниматься хозяйствомъ явился классъ арендаторовъ, людей исключительно посвятившихъ себя сельскому хозяйству. Принципъ англійскаго права, что земля исключительно принадлежитъ королю, что дворянство владѣетъ ею только временно, что велики хлопоты при перепродажѣ земли, особливо малыхъ участковъ, все способствовало къ тому, что земля

ковъ въ большіе. Причина этого заключается въ желаніи зажиточныхъ землевладѣтелей увеличивать свои участки. Пророчества противниковъ дробленія земли не сбылись. Напротивъ, какъ мнѣ кажется, французское гражданское право, слѣдуя благороднѣйшему и возвышеннѣйшему стремленію души о равномѣрномъ раздѣленіи наслѣдства, согласуется съ правомъ политическимъ, которое основано на равенствѣ всѣхъ членовъ общества въ отношеніи къ этому праву.

Въ 1814 году Палата Перовъ представляла королю, что всѣдствіе Революціи увеличилось богатство государства и число землевладѣтелей, что торговые капиталы пріобрѣли быстрое вращеніе. Это представленіе Палаты, и въ настоящее время, по истеченіи слишкомъ сорока лѣтъ, имѣетъ мѣсто и служитъ доказательствомъ того, какъ дробленіе земли на участки было благодѣтельно. Личные интересы богача и бѣдняка, говоритъ г. Дро, будутъ всегда противоположны. Поэтому повсемѣстное дроблене раздроблялась, а напротивъ сливалась въ большіе и большіе участки. Пастбища были превращены въ пахатную землю, земли общественныя раздѣлены между усадебниками. Тѣ же изъ мелкихъ арендаторовъ, которые обогатились, сдѣлались арендаторами большихъ участковъ, а обѣднѣвшіе стали работниками.

Такимъ образомъ земледѣльческая промышленность Англіи въ теченіе полувѣка стала на ту степень, какъ нигдѣ. Земля стала давать больше, нежели въ баснословныя времена Египта. Искусственныя орошенія, химическія удобренія превратили безплодныя земли въ плодороднѣйшія. Самыя лучшія земледѣльческія орудія, самый лучшій скотъ, овцы удивительной величины и тучности, наконецъ отличныя, обширныя, образцовыя по чистотѣ, хозяйственныя строенія, сады и огороды заботливо лелѣемые, словомъ все представляетъ роскошный паркъ лорда, стоющій огромнаго содержанія. Но эта роскошь не страшила арендатора, потому что онъ привыкъ къ ней съ дѣтства и глядѣлъ на нее, какъ на свою собственность.

Сиръ Вальтеръ Скоттъ въ «Quartelij Revieu» разсказываетъ объ этомъ многія подробности: «до сего времени, говоритъ онъ, крестьянинъ имѣлъ корову, стадо овецъ и изгородь вокругъ своего

ніе земли на участки невозможно. Часто случается, что владѣтель большаго участка мало-по-малу чрезъ покупку присоединяетъ къ своему участку сосѣдніе мелкіе участки. Если же и случается видѣть въ иныхъ мѣстахъ слишкомъ дробное дѣленіе, то это или исчезаетъ съ теченіемъ времени, или подобныя мѣста обладаютъ какими нибудь естественными преимуществами.»

Министръ Юстиціи предполагая въ 1825 году сдѣлать значительныя перемѣны въ гражданскомъ законодательствѣ такъ описываетъ тогдашнее положеніе Франціи относительно дробленія ея на участки, до 1815 года поземельные сборы были слѣдующіе: участковъ, съ которыхъ взималось по 1000 франковъ и болѣе было 17,000; съ которыхъ взималось отъ 500 до 1000 франковъ 40,000, а такихъ, съ которыхъ взималось по 20 и менѣе франковъ, было слишкомъ восемь милліоновъ. Въ періодъ времени между 1815 и 1825 годомъ число участковъ земли, съ которыхъ взималось по 20 франковъ возросло на $^1/_5$,

дома. Гдѣ теперь пашетъ одинъ арендаторъ, тамъ прежде было до тридцати усадебниковъ. Но одинъ изъ нихъ будучи богаче нежели всѣ остальные, здѣлался владѣтелемъ всѣхъ усадьбъ и по крайней мѣрѣ половина тѣхъ 29 усадебниковъ оказалась лишнею для новаго арендатора.» Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что въ приходѣ North Creck въ 1798 г. каждый житель имѣлъ скотъ, благодаря общественнымъ пастбищамъ, а сборъ на нищихъ не простирался болѣе 1 шиллинга 9 пенсовъ. Въ 1818 г. во всемъ приходѣ не было общественныхъ пастбищъ и осталась одна корова, а сборъ на нищихъ дошелъ до 25 фунт. стерлинговъ.» Далѣе онъ говоритъ, что въ четырехъ приходахъ въ графствѣ Суссексъ не было ни одного малаго усадебника, ни общественныхъ пастбищъ, ни одной коровы, а сборъ на нищихъ дошелъ отъ 1848 до 11392 фунт. стерлинговъ.

Удивительно, что въ Англіи съ развитіемъ сельскаго хозяйства увеличился пауперизмъ, не смотря на приношенія богатыхъ, не смотря на то, что каждый приходъ долженъ былъ прокармливать своихъ нищихъ, не смотря на то, что были предприняты постройки съ цѣлію даровать простому народу возможность къ существованію. Число нищихъ не уменьшалось, но увеличивалось. Должно было прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ. Принужденіе нищихъ къ эми-

а число участковъ, съ которыхъ взималось 500 франковъ уменьшилось на половину. Такимъ образомъ въ 1825 г. на бюджетѣ Франціи было 9 милліоновъ участковъ, съ которыхъ взималось по 20 фран. и 26,000, съ которыхъ взималось болѣе чѣмъ по 500 франк., включая сюда и набавочные сантимы. То же встрѣчаемъ въ періодъ отъ 1825 до 1835 г. Въ 1835 г. число двадцати франковыхъ и меньшихъ участковъ не простиралось до 8½ милліоновъ (8,471,655); число же участковъ пятисотфранковыхъ и болѣе почти удвоилось, ибо въ таблицѣ поземельныхъ сборовъ было 8.873,951 двадцати франковыхъ и меньшихъ участковъ и 55,208 пятисотфранковыхъ и болѣе. Слѣдовательно въ теченіе этого времени первая цифра возрасла на 5%, а вторая на 16%.

Сравнимъ цѣнность недвижимыхъ имуществъ 1850 г. съ цѣнностію 1821 г.

Въ глазахъ противниковъ нашихъ гражданскихъ законовъ, Франція годъ отъ году должна была нищать

граціи, поселеніе ихъ въ окрестностяхъ фабрикъ, систематическое устройство богоугодныхъ заведеній и т. п. — уменьшили нѣсколько сборы на нищихъ, но не уменьшили бѣдности. Очевидное доказательство, что возвышеніе цѣны на съѣстные припасы, если оно искусственное, а не основано на преимуществахъ монополіи, то счастливый общественный бытъ не можетъ быть достояніемъ народа — напротивъ это возвышеніе можетъ быть источникомъ бѣдствій. Вслѣдствіе всего этого англійскій парламентъ уничтожилъ пошлину на привозный хлѣбъ. Въ Ирландіи тѣ же самыя права, тѣ же самыя формы организаціи не имѣютъ тѣхъ же послѣдствій. Тамъ также какъ въ Англіи никто, кромѣ короля, не владѣетъ землею неограниченно; но тамъ находятся участки, которые отдаются въ аренду на долгое время. Не смотря ни на сходство организаціи съ англійской, ни на выгоднѣйшее для земледѣлія географическое положеніе, $^5/_7$ народонаселенія Ирландіи — нищіе, потому что нѣтъ тамъ другихъ промысловъ, нѣтъ достаточнаго числа капиталовъ.

Несправедливость нѣсколькихъ вѣковъ нельзя исправить почеркомъ пера. Испорченное народонаселеніе Ирландіи въ своемъ лицѣ ставитъ себѣ препятствіе къ улучшенію своего быта, потому что

вслѣдствіе вреднаго раздѣленія наслѣдства на равные участки. Но цифры даютъ другой результатъ. Недвижимыя имущества оцѣненныя въ 1821 г. въ 39,514 милліоновъ франковъ въ теченіе 29-ти лѣтъ увеличились въ цѣнѣ почти въ 2½ раза, т. е., цѣнность недвижимыхъ имуществъ въ 1851 г. равнялось 83,744 милліон. франковъ. Правда, что увеличеніе цѣнности происходитъ отъ того, что оцѣнка была произведена въ 1851 г. по другимъ цѣнамъ. Въ 1821 г. чистый доходъ съ земли равнялся 4% ея цѣнности, между тѣмъ какъ въ 1851 г. равнялся отъ 3% до 16% ея цѣнности. Положимъ, что даже въ 1851 г. недвижимыя имущества были оцѣнены по цѣнамъ. 1821 г. все таки цѣнность недвижимости во Франціи будетъ равняться 66 милліардамъ. Слѣдовательно безотносительное увеличеніе цѣнности на землю будетъ равно 50%. Недвижимыя имущества въ 1821 г. принесли доходу 1,580,597,000 франковъ, а въ 1850 года то же самое пространство земли принесло до-

самолюбіе притупило въ нихъ всѣ благородныя чувства, оставивъ одно ничѣмъ неискореняемое звѣрство.

Примѣръ Англіи научаетъ насъ, что изъ земли можно извлечь много выгодъ и между тѣмъ не обезпечить быта низшаго класса общества. Хлѣбные законы подвинули впередъ сельское хозяйство, но вмѣстѣ съ тѣмъ возвысили цѣны на хлѣбъ и были причиною пролетаріатства. Нераздѣльность земли способствуетъ увеличенію участковъ, производя удивительные контрасты богатства и пауперизма.

Слѣдовательно, если нельзя оспаривать, что привиллегія монополіи служила къ развитію сельскаго хозяйства, то вмѣстѣ съ тѣмъ можно сказать, что она была причиною не нормальнаго, а насильственнаго развитія. Безъ привиллегіи монополіи сельская промышленность имѣла бы болѣе твердыя основанія. Отличительная черта англійскаго характера не заботиться объ оруди, но о лучшемъ примѣненіи его къ дѣлу, не заботиться объ исправленіи институціи, а стараться благоразумно пользоваться тѣмъ, что есть. Потому-то капиталы Англіи такъ быстро растутъ, отъ того-то гдѣ ни ступитъ англичанинъ—всюду является бережливость, и тамъ, гдѣ другой бы понесъ убытокъ, онъ умѣетъ извлечь выгоды.

ходу 2,643,366,000 фр., слѣдовательно доходъ съ земли увеличился на 67 %.

Изъ этого видно, что во Франціи въ теченіе времени отъ 1821 до 1851 г. земля приносила своимъ владѣтелямъ годъ отъ году болѣе и болѣе доходу, а именно среднимъ числомъ въ 2,2 раза болѣе нежели въ предъидущій годъ. Стоимость земли продажной возрастала ежегодно въ 3,06 раза. При этомъ, имѣя въ виду пониженіе процентовъ, неудивительно, что капиталисты стремились къ пріобрѣтенію земли. Результатомъ капиталовъ было постепенное улучшеніе почвы посредствомъ хорошей обработки, и большаго числа земледѣльческихъ усовершенствованій.

Вышеприведенныя цифры еще не даютъ положительнаго понятія о томъ, какимъ образомъ раздѣленіе земли содѣйствовало обогащенію Франціи. Нужно прежде разсмотрѣть мелкія части, изъ которыхъ слогаются большія суммы и тогда убѣдимся, что увеличеніе цѣнности

Во Франціи принципы аллодіальности и раздѣльности земли, ведущія къ управленію мелкими участками, начали обнаруживаться еще до революціи 1789 г. Французскіе короли благопріятствовали аллодіальности и съ цѣлію развитія силъ горожанъ и крестьянъ — основали сущность этихъ двухъ классовъ на правѣ наслѣдственнаго владѣнія землею. Слѣдствіемъ этого еще до революціи демократическій элементъ de facto имѣлъ перевѣсъ надъ правами проникнутыми духомъ феодализма. Подданство еще существовало, но барщина была ограничена.

Собраніе Генеральныхъ Штатовъ (Etats generaux) въ достопамятную ночь 14 Августа 1789 г., уничтоживъ всѣ феодальныя преимущества, барщину, laudemia, десятину, исключительное право охоты и рыбной ловли, предупредило возможность взиманія оброка. Это постановленіе казалось для крестьянъ очень благодѣтельнымъ, но напротивъ обстоятельства, при которыхъ оно состоялось, и насиліе въ исполненіи, уничтожили въ началѣ ожидаемыя благодѣянія. Безпрестанныя войны оторвали тысячи рукъ отъ плуга, а горячка революціи отвратила вниманіе отъ земледѣлія и промышленности, большая часть землевладѣтелей эмигрировала, а ихъ конфискованныя имѣнія сдѣлались добычею правителей. Чтобы избѣжать голода

земли во Франціи и увеличеніе доходовъ имѣло мѣсто въ мелкихъ участкахъ. Слѣдовательно стоимость большихъ участковъ земли въ теченіе этого времени увеличилась едва вдвое, между тѣмъ какъ цѣнность участковъ меньшихъ втрое, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вчетверо.

Мы разсмотрѣли матеріальную часть нашего вопроса; но принципы дробленія земли, по нашему мнѣнію, не есть только вопросъ экономическій. При улучшеніи обыкновеннаго быта должно болѣе всего цѣнить достоинство человѣка, нежели обычное его стремленіе къ частной свободѣ и къ духу порядка, который есть слѣдствіе того, что у него есть право собственности. Нравственное могущество человѣка въ каждой странѣ возрастаетъ по мѣрѣ зависимости его интересовъ отъ почвы. Раздѣльность владѣній — есть двигатель къ увеличенію произведеній, а обладаніе землею есть могущественный двигатель цивилизаціи. Мы видимъ на самомъ дѣлѣ, что во Франціи это движеніе было постоянное.

и обезпечить продовольствіе столицы и войска, революціонное правительство прибѣгнуло къ реквизиціи. Для пониженія же высокихъ цѣнъ на съѣстные припасы назначило на каждый предметъ нормальныя цѣны.

Очеркъ отечественной земледѣльческой промышленности.

ЭДМУНДА СТАВИЦКАГО.

Въ Англіи, такъ какъ въ древней Италіи, большія помѣстья находятся въ рукахъ патриціевъ. Англійскіе писатели сами признаются, что малые участки въ теченіе ста лѣтъ у нихъ исчезаютъ мало-по-малу. Нѣкоторые изъ англійскихъ публицистовъ предсказывали бѣдствія для Англіи, если она допуститъ совершенное исчезновеніе малыхъ усадьбъ, принадлежащихъ самому полезному классу народа, который до сихъ поръ составляетъ ея силу и опору. Однакоже это не воспрепятствовало движенію порядка вещей. Теперь нѣтъ въ Англіи малыхъ усадьбъ. Владѣльцы большихъ помѣстій пріобрѣтали ихъ большею частію для того, чтобы имѣть больше вѣсу на выборахъ. Владѣльцамъ мелкихъ участковъ не

Для удобренія земли нужно имѣть капиталъ. Во Франціи капиталъ, какъ плодъ бережливости въ теченіе прошедшихъ лѣтъ, былъ ограниченнымъ средствомъ къ улучшенію почвы. Почва во Франціи улучшалась единственно вслѣдствіе терпѣнія и усиленнаго труда крестьянина, воздѣлывающаго свой маленькій участокъ. Главнѣйшій капиталъ — есть самъ человѣкъ. Мелкіе участки благодѣтельны въ томъ отношеніи, говоритъ Сисмонди, что собственность есть истинная для бережливости касса, которая всегда готова принимать малѣйшія приношенія и дѣлать каждую минуту полезною въ жизни своего обладателя, который никогда не можетъ найти повода къ праздности. Въ гигантскихъ предпріятіяхъ, подвергающихъ капиталы большимъ или меньшимъ опасностямъ, необходимо имѣть отвагу, вдохновеніе и энергію. Дѣятельность человѣка на столько бы увеличилась при зависимости его отъ почвы, на сколько почва была бы его собственностію.

возможно было противустоять этому тѣмъ болѣе, что они платили за землю вдвое, нежели она стоила.

Занимательно слѣдить какъ вслѣдствіе этого слиянія малыхъ участковъ съ большими исчезали различныя слои земледѣльческаго народонаселенія. Предметъ этотъ развитъ во многихъ сочиненіяхъ, но мы коснемся его вкратцѣ. Прежде всего скажемъ, что большія помѣстья въ Англіи образовались чрезъ присоединеніе къ нимъ всѣхъ безплодныхъ пространствъ, находившихся во владѣніи общественномъ крестьянъ. Отъ 1800 до 1820 г. такимъ образомъ слишкомъ 3 милл. акровъ земли, присоединились къ большимъ участкамъ. Владѣтели послѣднихъ скупили также участки, принадлежавшіе приходскимъ церквамъ.

Такимъ образомъ мелкіе участки образовали большіе. Уменьшеніе числа усадьбъ увеличивало конкуренцію, вслѣдствіе которой небогатые разорялись и должны были покидать свои усадьбы. Многіе изъ нихъ стали работниками, другіе переселились въ города, третьи въ Америку.

Кромѣ того число работниковъ увеличилось усадебною прислугою. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ многіе собрали толпы наемниковъ и заключали условія съ владѣтелями о снятіи съ полей хлѣба и

«Грустно видѣть, говорятъ наши противники, что земля раздроблена на столь мелкіе участки, что едва въ состояніи прокормить своего владѣтеля и дать ходъ скотоводству и что подобное дробленіе будетъ имѣть для земледѣлія Франціи тѣ дурныя послѣдствія, какія имѣли latifundia для древней Италіи. Обратимся къ цифрамъ французскаго бюджета и кадастра.»

Кадастральнымъ участкомъ называется каждый кусокъ земли, стоящій въ кадастрѣ подъ особеннымъ нумеромъ.

Земская повинность есть плата, ежегодно взимаемая отдѣльно съ каждаго участка земли.

Число кадастральныхъ участковъ не указываетъ на число владѣтелей, потому что нѣкоторые владѣтели имѣютъ по нѣсколько десятковъ участковъ.

Часто случается, что одинъ и тотъ же владѣтель имѣетъ участки въ разныхъ округахъ, слѣдовательно число владѣтелей участковъ приблизительно вдвое меньше числа самыхъ участковъ.

сѣна. Такъ какъ работа при большомъ числѣ рабочихъ производилась быстро, то они, переходя изъ усадьбы въ усадьбу не оставляли никакой возможности мѣстнымъ фабрикамъ къ заработкамъ. Въ настоящее время, превращеніе пахатной земли въ пастбища, по причинѣ высокихъ цѣнъ на мясо, влечетъ за собою меньшую нужду въ работникахъ, которыхъ обыкновенно замѣняютъ женщинами. Нынѣ $^3/_5$ пахатной земли превращены въ пастбища и искусственныя луга; но за то остальныя $^2/_5$ пахатныхъ полей не уменьшили доходовъ противъ прежняго, вслѣдствіе увеличенія назема, но за то наемники не имѣютъ заработковъ.

Слѣдовательно въ Англіи число владѣльцевъ, слугъ и наемниковъ безпрестанно уменьшается. Оттого, когда въ періодъ времени отъ 1800 до 1840 г. остальная часть народонаселенія увеличивалась 20% въ каждое двадцатилѣтіе, народонаселеніе земледѣльческое увеличивалось только на $7^1/_2$ %. Но отъ 1840 г. ежегодная эмиграція равнялась остатку, получаемому при вычитаніи числа умершихъ изъ числа новорожденныхъ, слѣдовательно новая перепись покажетъ уменьшеніе земледѣльческаго народонаселенія. Вообще на каждый акръ земли въ Англіи приходиться по три человѣка. Графства болѣе другихъ населенныя и имѣющія по нѣсколько многолюд-

Число кадастральныхъ участковъ въ 1821 году простиралось до 126 милл., а въ 1851 г. возрасло до 127 милліоновъ.

Въ 1821 году количество кадастральной земли было слѣдующее:

Земли подъ строеніями. . . .	6,577,000
Подъ дворами и огородами . . .	16,422,000
Наконецъ пахотной земли. . . .	102,981,000

Въ 1851 году количество кадастральной земли относительно 1821 г. было слѣдующее:

Земли подъ строеніями.	7,578,000
Подъ дворами и огородами . . .	18,945,000
Пахотной земли	100,477,000

Сравнивая эти цифры находимъ, что увеличеніе числа кадастральныхъ участковъ происходитъ вслѣдствіе новыхъ построекъ; вообще же число кадастральныхъ участковъ увеличилось на три милліон. отъ того, что увеличилось число дворовъ и огородовъ. Съ другой стороны мы

ныхъ городовъ, едва даютъ на акръ земли $2^1/_2$ человѣка, въ графствахъ же преимущественно земледѣльческихъ на акръ земли едва приходиться 2 человѣка.

Слѣдовательно въ массѣ земледѣльческаго населенія Англіи, безпрерывно образуется *пустота*. Равновѣсіе между земледѣльческимъ и промышленнымъ народонаселеніемъ совершенно изчезаетъ. Интересы этихъ двухъ сословій очень часто противоположны между собою. Въ подобныхъ случаяхъ сословіе промышленниковъ будетъ имѣть перевѣсъ надъ земледѣльцами, къ совершенному упадку послѣднихъ. Но еще болѣе вреда таится въ увеличеніи пролетаріатства.

Распространеніе же у насъ этихъ *латифундіевъ* въ такихъ размѣрахъ, какъ въ Англіи и древней Италіи, была бы болѣе опасно, тѣмъ болѣе что у насъ нѣтъ другой промышленности, кромѣ земледѣльческой, на которой основывается благосостояніе цѣлаго края. Если чрезмѣрное распространеніе большихъ имѣній приноситъ у насъ не вожделѣнные плоды, то такая система привела бы нашу страну въ совершенный упадокъ. Къ счастію препятствіемъ ко введенію этой системы у насъ послужилъ недостатокъ наличныхъ капиталовъ, нужныхъ для управленія большими имѣніями и хлѣбная

видимъ увеличеніе объема пахотныхъ участковъ потому, что два милліона участковъ изъ подъ огородовъ и дворовъ перешло въ число пахотныхъ участковъ.

Слѣдовательно, сила двигающая большими участками земли и интересами земледѣльца, втеченіе тридцати лѣтъ предупреждала раздробленіе земли на болѣе мелкіе участки, не смотря на то, что по праву наслѣдственному они должны бы были дробиться. Сліяніе мелкихъ участковъ съ большими существовало не только до 1834 года, но и послѣ, когда взималась съ нихъ плата, соотвѣтствующая ихъ стоимости.

Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи существуетъ слишкомъ дробное дѣленіе, но мы должны обращать вниманіе не на интересы нѣкоторыхъ мѣстностей, а на интересы цѣлаго края. Дробленіе земли на мелкіе участки въ окрестностяхъ городовъ стало дѣломъ необходимости. Такъ какъ въ настоящее время города, при помощи желѣзныхъ дорогъ, получаютъ съѣстные при-

земледѣльческая система, слѣдовать которой должны были всѣ ограниченной внѣшней торговли и маломъ числа торговыхъ городовъ. Слѣдовательно англійская земледѣльческая система, ведущая за собой бережливость рабочихъ рукъ и уменьшающая классъ земледѣльцевъ, не могла у насъ развиться.

О сельскомъ хозяйствѣ въ Шотландіи.

(статья Делаверна изъ Revue des Deux Mondes 1854 г.)

Начальники горныхъ клановъ до сраженія при Cullode въ 1746 г. заботились единственно о умноженіи числа воиновъ, ибо мѣриломъ ихъ значенія были не доходы, а число вооруженнаго войска. Когда повсемѣстно измѣнилось средневѣковое состояніе земледѣльческой промышленности общественнаго устройства, въ этихъ уединенныхъ областяхъ оно сохранилось вполнѣ. Но когда Стюарты были изгнаны совершенно, все приняло иной видъ. Понятія и нужды общественныя начали проникать въ горы. Революція начата была начальниками. Горные вожди, утративъ феодальную независимость, стали заботиться о пріобрѣтеніи своего значенія другими путями и старались увеличивать свои вещественные доходы.

пасы изъ отдаленныхъ мѣстъ, то вслѣдствіе этого участки еще болѣе стали увеличиваться.

Прежде большіе участки и были причиною народныхъ нуждъ, потому что у владѣтелей не доставало капиталовъ для воздѣлыванія ихъ и потому они лежали невоздѣланными, кромѣ самыхъ плодородныхъ нивъ.

Однако же возрастающій сбытъ сельскихъ произведеній не способствовалъ дроблению земли, потому что двѣ силы подвигнули французское сельское хозяйство впередъ. Личный трудъ человѣка въ большихъ участкахъ не необходимъ такъ, какъ прежде, потому что онъ съ умноженіемъ капиталовъ замѣнился машинами. Это самое и способствуетъ къ сліянію мелкихъ участковъ съ большими. Хотя число рабочихъ рукъ и уменьшается, но земледѣліе, не смотря на это, идетъ успѣшнѣе. Въ настоящее время механическая сила примѣняется къ земледѣлію не только въ Англіи, но и во Франціи, ибо наемъ работниковъ обходится весьма дорого. Съ до-

Только одно средство вело къ обогащенію — увеличеніе цѣнности своихъ произведеній. Но здѣсь встрѣтились имъ два препятствія: первое суровость климата и второе дикость жителей. Что касается первой — можно было побѣдить, но преодолѣть вторыхъ небыло возможности. Они тѣмъ упорнѣе были въ своихъ предразсудкахъ, чѣмъ болѣе были увѣрены, что плодами ихъ трудовъ будутъ пользоваться другіе.

При всей привычкѣ къ умѣренному столу, горцы, чтобы иногда спастись отъ голодной смерти, прибѣгали къ крайнимъ средствамъ: отворяли вены животныхъ и питались кровью. Но если бы это народонаселеніе было и болѣе трудолюбиво, все таки не могло бы жить роскошно, кромѣ обезпеченія отъ голодной смерти.

Наконецъ начальники Скотовъ убѣдились, что благосостоянію вредитъ многочисленное народонаселеніе, и стали заботиться сначала тайно, а послѣ и открыто, объ уменьшеніи сего послѣдняго. Англійское правительство искусно побуждало ихъ къ этому и всѣми мѣрами старалось пріучить ихъ къ новому порядку вещей. Наконецъ и собственное сознаніе, что прежняя организація не могла помирить ихъ съ покоемъ и трудомъ, заставило оставить свои предразсудки.

роговизной найма увеличивается и процентъ на капиталы, не потому, что мало капиталовъ, а потому что капиталы могутъ быть пущены во всякій другой оборотъ. Доказательствомъ того, что капиталовъ много, служитъ высокая цѣнность земли. Такъ какъ во Франціи не существуетъ права, воспрещающаго перепродажу земли, то земля переходя изъ рукъ въ руки, поступаетъ во владѣніе человѣка богатаго, который при посредствѣ своего капитала можетъ извлечь изъ земли большіе доходы. Равновѣсіе между большими, средними и малыми участками земли можетъ быть нарушено только на мгновеніе, потому что въ странѣ образованной свободная конкурренція есть единственное средство, которое можетъ уравновѣшивать отношеніе между участками. Съ 1789 года каждый во Франціи имѣетъ право владѣть землею. Съ этого времени земля обременена различными ограниченіями, что и составляетъ главный принципъ законовъ о владѣніи. Если допустить, что эта свобода имѣла бы дурныя послѣд-

Для уменьшенія народонаселенія прибѣгли къ образованію новыхъ полковъ, предводительствуемыхъ національными начальниками. Полки эти во времена королевства были одними изъ лучшихъ въ англійской арміи. Также переселяли многія семейства изъ горъ въ равнины, а не желавшихъ переселенія выгоняли въ Америку. Доконца XVIII столѣтія это дѣлалось съ осмотрительностью, съ этого же времени, вслѣдствіе земледѣльческой революціи, начали дѣйствовать рѣшительнѣе. Польза большихъ ексилеатацій на этихъ горахъ сдѣлалась очевидною. Земли Клановъ признаны были достояніемъ полковыхъ начальниковъ и вся горная Шотландія была раздѣлена на нѣсколько обширныхъ помѣстій. Новый владѣлецъ помѣстья буквально началъ охотиться на жителей: одни изъ нихъ искали спасенія въ Канадѣ, другіе же поселились въ долинахъ. На мѣстѣ грязныхъ ихъ лачугъ, начали возноситься пышныя фермы, съ цѣлью разведѣнія овецъ.

Все это происходило въ то время, когда въ цѣлой Европѣ и Англіи читали произведенія Вальтеръ Скотта. Первая его поэма, — *Пѣсня послѣдняго Менестреля*, вышла въ 1805, а первая его повѣсть— *Вавердей* въ 1814 году. Въ этихъ двухъ чудныхъ произведеніяхъ поэзіи снова возродилась къ жизни поэтическая горная Шотландія, снова ожили древніе ея жители съ грознымъ вооруженіемъ claymore. И

ствія, то въ то же время необходимо нужно полагать, что взамѣнъ дурныхъ послѣдствій можно ожидать также и хорошихъ. Франція, какъ страна цвѣтущая и многолюдная должна быть раздѣлена на мелкіе участки не по недостатку капиталовъ, но вслѣдствіе развитія сельской промышленности.

Г. Ипполитъ Пасси (Passy) въ своемъ сочиненіи «Les divers systémes de culture» приводитъ слѣдующую таблицу измѣненія поземельныхъ податей съ 1835 до 1842 года.

Таблица участковъ съ которыхъ взимается подать.

	1835	1842	Степень возрастанія процентовъ.
Менѣе 5 франковъ	520,5411	5,440,580	4,52
Отъ 5 до 10 фр.	175,1944	1,818,474	3,80
— 10 — 20	151,4250	1,610,897	5,65

въ эту минуту, когда поэзія бросала свои волшебные лучи свѣта на эту страну, жителей ея, подъ предлогомъ выгодъ для владѣльцевъ помѣстій, мало изгоняли. Начались со всѣхъ сторонъ жалобы на притѣсненія. Правительство принуждено было вразумить начальниковъ клановъ, что занятая ими земля принадлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жителямъ, какъ ихъ вассаламъ. Права этихъ начальниковъ были, правда, неопредѣленныя, но все таки преимущество ихъ было очевидно.

Нельзя было оставить трудолюбивое населеніе равнинъ близъ этихъ безпечныхъ горцевъ. Правительство, во имя общественной безопасности, каснулось и этого. Благодаря этой помощи горная Шотландія постепенно теряла своихъ суровыхъ жителей.

Нигдѣ подобный опытъ не былъ произведенъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, какъ въ графствѣ Сутэрландъ, занимающемъ сѣверо-западный полуостровъ Британіи. Будучи подъ одинакой широтой съ Швеціею и Норвегіею, вслѣдствіе гористаго мѣстоположенія, имѣло климатъ еще болѣе суровый, нежели въ двухъ этихъ странахъ. Въ этомъ то уголкѣ сохранились остатки чистѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ закоренѣлыхъ галловъ. Ими предводительствовалъ наслѣдственный начальникъ. Народонаселеніе было

— 20 —	30 —	739,206 —	791,711 —	7,10
— 30 —	40 —	634,135 —	754,911 —	8,88
— 50 —	100 —	533,230 —	607,956 —	9,89
— 100 —	500 —	398,714 —	440,104 —	10,17
— 500 —	1000 —	33,196 —	36,862 —	11,63
болѣе чѣмъ	1000 —	13,361 —	16,346 —	22,34
	Сборъ	10,893,328	11,511,841	

Слѣдовательно цифра платежа поземельныхъ сборовъ возрасла на 618,313 т. на 5,7 процента, но это возрастаніе увеличивается тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе отдѣльныхъ участковъ. Доказательство, что съ развитіемъ хозяйства увеличивается число мелкихъ участковъ.

Въ тотъ же самый періодъ времени отъ 1835 до 1842 года умножились капиталы. Капиталъ, который сельская промышленность во Франціи имѣетъ въ оборотѣ, такъ великъ, что сліяніе мелкихъ участковъ съ участками средней величины будетъ возрастать годъ отъ году.

очень ограничено, вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ. На пространствѣ 300,000 гекторовъ жило едва 15,000 человѣкъ и то совершенно похожихъ на дикихъ звѣрей. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, графиня Сутэрландъ, выйдя замужъ за марграфа Стаффордъ, рѣшилась преобразовать ихъ положеніе. Она повелѣла всѣмъ своимъ вассаламъ оставлять занимаемыя имъ земли и переселяться на взморье, гдѣ они могли бы заниматься рыбнымъ промысломъ или, если пожелаютъ, земледѣліемъ къ чему способствовало хорошее состояніе почвы. Не желающимъ слѣдовать этому повелѣнію оставалось одно средство — переселиться въ Америку. Три тысячи семействъ должны были оставить мѣсто своего древняго жительства и поселиться на взморьѣ. Чтобы принудить ихъ къ скорѣйшему переселенію, ломали или зажигали ихъ жилища. Когда такіе поступки стали извѣстны англійской публикѣ, ропотъ негодованія достигъ крайней степени. Притѣсненные также начали жаловаться.

Эти жалобы были причиною того, что въ 1820 г. лордъ и леди Стаффортъ должны были дать публичное объясненіе чрезъ своего уполномоченнаго.

Уполномоченный объяснилъ дѣло такъ: что наслѣдница графовъ

Правда, что съ участковъ, приносящихъ государству ежегодно пять франковъ, сборъ увеличился на 4, 52%. Слышу голосъ моихъ противниковъ: не правдали, что земля распалась на столь мелкія участки, что исчезаетъ въ видѣ дыма? Но да не торжествуютъ они! Въ дробленіи земли на участки нѣтъ повода къ упадку сельскаго хозяйства во Франціи. Бѣдственно положеніе землевладѣтелей, воскликнетъ монополистъ, которые едва имѣютъ жилище и кусокъ земли для огорода, а такихъ землевладѣтелей во Франціи болѣе 600,000. Каждый изъ нихъ платитъ менѣе 65 сантимовъ подати, а многіе по бѣдности во все освобождены отъ платежа. Дѣйствительно, положеніе такихъ бѣдняковъ достойно сожалѣнія, но я не перестану опровергать софизмы моихъ противниковъ, и буду доказывать, что владѣтель огорода счастливѣе пролетарія потому, что онъ, будучи свободенъ, можетъ ходить въ заработки. Положеніе такихъ мелкихъ помѣщиковъ въ настоящее время не процвѣтаетъ и не

Сутэрландъ желала оказать услугу своимъ вассаламъ, заставивъ ихъ переселиться изъ страны, гдѣ они терпѣли нужду. На мѣсто земляновъ, въ которыхъ они жили, они получили избы подъ небомъ болѣе благопріятнымъ, вмѣсто безплодныхъ и обширныхъ пастбищъ, они получили болѣе удобныя, гдѣ стада ихъ не могли помереть съ голоду. Сверхъ всего этого имъ былъ открытъ океанъ. Они не были изгнаны, но переселены для собственной ихъ пользы. Если нѣкоторые должны были эмигрировать въ Америку, то они составляли исключеніе, большинство же съ благодарностію подчинилось этому нововведенію. И дѣйствительно—прекрасныя послѣдствія этого нововведенія скоро оказались. Въ 1820 г. новыя деревни были несравненно значительнѣе прежнихъ.

На учрежденіе порта Гельмсдаль было выдано 16000 фунтовъ стерлинговъ. Эта ничтожная гавань, въ которую до 1814 г. не заходилъ ни одинъ изъ кораблей, сдѣлалась сборнымъ пунктомъ навигаціонной торговли на нѣсколько тысячъ тоннъ. Сначала агенты маркграфскія принуждены были съ большими издержками выписывать матеріалы нужные для постройки порта, инженеровъ, каменотесовъ, матросовъ и другихъ ремесленниковъ.

Не требуется доказательствъ, что это предпріятіе принесло

улучшилось послѣ революціи, какъ положеніе крестьянъ пріобрѣвшихъ большіе участки, однакоже привсемъ томъ мелкіе помѣщики болѣе или менѣе владѣютъ капиталами, которые могутъ поддержать ихъ въ случаѣ какихъ нибудь бѣдствій. Изъ этого ясно, что при равномъ раздѣленіи наслѣдства, къ чему стремятся наши противники, Франція пришла бы къ первоначальному положенію общественной бѣдности,

(Правительство не должно обусловливать отношеній помьщиковъ къ крестьянамъ, но предоставивъ это ихъ взаимной сдѣлкѣ должно только наблюдать за тѣмъ, чтобы не появлялось между ними условій, неоспоримо влекущихъ за собою дурныя послѣдствія. При такой добровольной сдѣлкѣ, крестьяне, соотвѣтственно своимъ нуждамъ и понятіямъ, или пріобрѣтутъ помьщичью землю въ свою собственность, или сдѣлаются наемниками помьщиковъ. Такъ же и сіи послѣдніе, смотря по обстоятельствамъ, или перейдутъ къ хозяйству безбарщинному,

для земледѣлія вожделѣнные плоды. Мѣста, оставшіяся не заселенными, были раздѣлены на 29 участковъ, назначенныхъ для овцеводства. Были выписаны овцы лучшей породы, cheviot, чтобы улучшить туземныя породы. Вездѣ новыя пространства были выжжены, болота осушены, при помощи канавъ. Трава, которая могла бы быть истреблена большими стадами, стала произрастать въ большемъ количествѣ, вслѣдствіе удобрѣнія пастбищъ наземомъ овецъ. Овецъ породы cheviot, родившихся, тамъ считалось 118,000, а туземныхъ 13000. Ежегодный вывозъ шерсти простирался до 415,000 фунтовъ. Ее продавали въ Инвернесѣ. 30000 овецъ отправлялось въ Нортумберландъ на убой.

Графство Сутэрландъ не могло бы достичь до такого состоянія само собою, если бы такое огромное число капиталовъ не было употреблено на его улучшеніе. Англійское правительство желая сохранить память объ этой реформѣ, всѣ имѣнія графа Стаффордъ назвало княжествомъ Сутэрландъ и сынъ его теперь носитъ титулъ князя Сутэрландъ. Съ этихъ имѣній оно получаетъ ежегодно 1,000,000 франк. доходу, что составляетъ $^1/_5$ всего его дохода потому что другія его имѣнія находятся въ другихъ графствахъ. Когда въ 1840 г. онъ вступалъ во владѣніе своими имѣніями, ему

т. е., наемному, или отдадутъ свои имѣнія въ аренду, или всю свою землю подъ населеніе крестьянъ, или же, наконецъ, продадутъ. Такимъ образомъ народное богатство и народонаселеніе само собою прійдетъ въ надлежащее ихъ положеніе. На земль останутся земледѣльцы по преимуществу, а не способные къ земледѣлію увеличатъ собою число городскихъ обывателей. А. гр. З. Тр. о З. П. стр. 30. Унасъ въ Польшѣ въ настоящее время раздѣленіе земли не приноситъ обыкновенному быту такихъ выгодъ, какъ въ древней Франціи. Это доказывается бѣдностью нашего края, существующей единственно потому, что земля въ сущности должна дѣлиться, но еще не раздѣлена. Конечно, современемъ раздѣленіе земли на мелкіе участки пересоздаетъ и нашу страну, какъ пересоздало Францію. Унасъ въ польшѣ, для предупрежденія раздробленія земли на мелкія участки, существуетъ законъ добровольнаго заключенія условій между помѣщиками и крестьянами. Если вообще предположимъ, что

всюду оказывали знаки благодарности. Арендаторы, взявшіе на аренду горы, въ короткое время составили себѣ огромные капиталы. Народонаселеніе, возрасло до 20 т., разселилось по взморью и не сожалѣло о потерѣ горъ. Взморье, гдѣ прежде почва была самая безплодная, было воздѣлано съ большими издержками, такъ что 1 гектаръ приносилъ 100 франк. ежегоднаго дохода. Торговля, рудники, рыбные промыслы, все достигло цвѣтущаго состоянія.

Въ горахъ же туземную породу овецъ замѣнила порода cheviot въ числѣ 20 тысячъ. Прежде эти горы были не въ состояніи прокормить и четвертой части.

Что касается прежнихъ жителей, то ихъ почти нѣтъ; если и обнаружится тамъ или сямъ потомокъ прежнихъ горцевъ, то это не воинъ, а пастухъ. Вотъ все, что осталось отъ угасшаго поколѣнія. Одинъ пастухъ нуженъ для 500 овецъ, слѣдовательно число всѣхъ пастуховъ не можетъ быть болѣе 500, и всѣ они разселились на пространствѣ 300 т. гектаровъ.

Исторія графства Сутэрландъ есть болѣе или менѣе исторія цѣлой горной Шотландіи. Почти всюду, оттуда жители были переселены, мѣсто ихъ заняли овцы. Тамъ же, гдѣ почва болѣе плодородна,

почва, находящаяся нынѣ во владѣніи крестьянъ, принадлежитъ помѣщикамъ (а объ этомъ то всѣ и спорятъ), тогда каждый согласится на условіе добровольныхъ сдѣлокъ, съ тѣмъ, что почва въ идеальномъ отношеніи будетъ разсматриваться какъ собственность крестьянъ, и эти сдѣлки, будутъ ничто иное, какъ условія о цѣнѣ, выкупающей барщину, подъ надзоромъ правительственныхъ мѣстъ.

(С. г. У.)

Я благословляю это дробленіе земли во Франціи на участки неувеличивающіеся, какъ уже сказано, въ объемѣ, и нахожу, что мелкіе участки земли, находящіеся въ рукахъ преимущественно рабочаго класса есть дѣло новѣйшей цивилизаціи и важный шагъ къ общественному благоустройству. «Земля будучи раздѣлена между государствами, говорятъ гг. Мунье и Рюбишонъ (Mounié et Rubichon) въ своемъ de l'Agriculture en France, (Т. II. стр. 362), образовала классъ кметей, ко-

занимаются посѣвомъ овса и турнита, и кромѣ овецъ держатъ нѣсколько рогатаго скота.

Народные англійскіе обычаи — грубы. Англичанинъ, дѣйствуя на основаніи справедливости, не избѣгаетъ нареканій. Наслѣдники обширныхъ феодальныхъ владѣній въ Шотландіи, повредили себѣ тѣмъ, что употребляли силу противъ своихъ вассаловъ, а не предоставили времени измѣнить порядокъ вещей. Хотя принужденіе было необходимо, но не должно было поступать такимъ образомъ съ людьми, преданными имъ до фанатизма. Все прочее, исключая послѣдняго, было полезно какъ въ отношеніи земледѣлія, такъ и въ отношеніи политическомъ. Пятидесятилѣтній опытъ доказалъ это. Бѣдность горцевъ, оставшихся на прежнихъ мѣстахъ поселенія, заставить и ихъ переселиться на взморье. Г. Сисмонди безотносительно порицалъ все, что ни сдѣлалось въ это время въ Шотландіи, онъ не имѣетъ ясныхъ понятій объ этомъ краѣ, воображая его страною довольно образованною и достаточно плодородною. Должно ли желать выселенія изъ края, гдѣ почва и климатъ не даютъ возможности къ существованію. Если бы эта земля была собственностію жителей, то и въ семъ случаѣ переселеніе хотя и части ихъ было бы необходимостью.

Самая безплодная почва не должна быть исключеніемъ изъ общаго

торый, наводнивъ Европу, раздробилъ землю на мельчайшіе участки». Не оспаривая этихъ словъ, я благословляю то, что они проклинаютъ; не перестаю твердить, что раздробленіе земли не только на владѣльцевъ большихъ участковъ имѣетъ благотворное вліяніе, но и нанаемный классъ народа дѣйствуетъ благотворно, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ, потому что каждое семейство пользуется доходомъ со своей частицы земли, не платя за это условленной цѣны владѣльцу ея, какъ то бываетъ въ другихъ странахъ. Въ этихъ спорахъ должно также обращать вниманіе въ какой степени распредѣлены богатства между классами общества. «Желаніе узнать, что въ сущности полезно для общественнаго благосостоянія, говоритъ г. Рау (Rau), одинъ изъ величайшихъ нѣмецкихъ экономистовъ, обусловливается точными свѣдѣніями объ отношеніи степеней, размѣщающихъ народное богатсво между членами общества. Дробленіе земли, кромѣ того, что приноситъ

правила, что земля только тогда приноситъ пользу, когда послѣ издержекъ на ея удобреніе, получается остатокъ. Этотъ остатокъ идетъ на содержаніе тѣхъ, которые не занимаются земледѣліемъ, т. е., торговцевъ, промышленниковъ, ученыхъ и художниковъ. Страна, не дающая чистаго дохоДу, можетъ назваться варварской страной. Шотландскіе горные начальники, имѣя свои собственные виды, вопреки своему желанію, были причиною переселеній.

Приводимъ здѣсь слова стараго горца, изъ которыхъ ясно видны всѣ жалобы его поколѣнія. «Въ молодости моей горецъ благороднаго происхожденія измѣрялъ свое значеніе числомъ людей, которыхъ могли прокормить его усадьбы, потомъ называлъ количество рогатаго скота, которое могли пропитать его пастбища. Въ настоящее же время онъ считаетъ однѣхъ овецъ. Потомки наши будутъ считать сколько мышей и крысъ въ ихъ усадьбѣ.» Эта острота не слишкомъ справедлива. На нее можно отвѣтить однимъ словомъ, что населеніе горной Шотландіи въ 1750 г. равнялось 300 т. душъ, въ настоящее же время равняется 600 т. душъ, между тѣмъ доходы увеличились вдвое противъ прежняго, даже въ горахъ, оставленныхъ жителями. Эти горы приносятъ своимъ владѣтелямъ не болѣе трехъ франковъ дохода съ одного гектара, такимъ же доходомъ пользу-

болѣе доходовъ, имѣетъ на своей сторонѣ и то преимущество, что проще распредѣляетъ этотъ доходъ между членами общества. Во сколько разъ при дробленіи земли больше независимыхъ семействъ, во столько разъ уменьшается пролетаріатъ. При раздробленіи земли на мелкіе участки процвѣтаетъ болѣе земледѣльческій классъ народонаселенія, но зато обезпечены другіе классы общества, которымъ менѣе стоитъ ихъ содержаніе, ибо на базарахъ появляется большое количество жизненныхъ припасовъ, чего достигнуть можно только при независимости крестьянъ, какъ класса производительнаго. Въ этомъ случаѣ доходъ съ земли чрезъ посредство мелкихъ владѣтелей, снова возвращается земледѣлію. «Перейдемъ теперь къ мнѣнію нашихъ противниковъ: «владѣльцы мелкихъ участковъ земли, всегда находятся «въ неоплатныхъ долгахъ». Недвижимость во Франціи обременена 12 милліардами вѣрителей, а сколько же есть такихъ, которые по 10, 12 и 16% за одолженный капиталъ.

ются и арендаторы, между тѣмъ какъ овчари получаютъ 1000 фр. съ гектара, слѣдовательно въ десятеро больше, нежели ихъ предки. То же случилось и съ переселенцами: внѣ родины они голодали, между тѣмъ какъ на взморьѣ они живутъ не терпя недостатковъ и лишеній. Взморье вмѣстѣ съ горами даетъ съ гектора 12 франковъ ежегоднаго дохода — доходъ слишкомъ малый, но въ сравненіи съ прошедшимъ слишкомъ значительный. Слѣдовотельно вслѣдствіе этой перемѣны горы Шотландіи ничего не потеряли, какъ говоритъ г. Сисмонди, но напротивъ выиграли

Подобная же реформа произошла въ Англіи при Генрихѣ VII, послѣ окончанія войны, красной и бѣлой розъ, съ воцареніемъ въ странѣ порядка и безопасности. Феодальная организація, полезная во времена воинственныя, оказалась дурною во времена мира. Англійское дворянство, сознавшее, что полезнѣе имѣть меньше военныхъ людей, и больше доходовъ, поступило точно такимъ же образомъ, какъ шотландское дворянство двѣсти лѣтъ спустя. Какъ тѣ, такъ и другіе старались уменьшить число вассаловъ и замѣнить ихъ стадами овецъ. Въ теченіе XVI вѣка систематическое переселеніе, особенно послѣ уничтоженія монастырей, породило огромную массу

Г. Пасси отвѣчаетъ на это, что важная задача частнаго кредита какъ докозательства, что всѣ мелкія земли обременены долгами, представляется имъ въ слишкомъ яркомъ свѣтѣ. Правда, что во Франціи много имуществъ, обремененныхъ долгами, и, не спорю, что имъ нужна помощь, однакоже не перестаю твердить, что вообще земля во Франціи менѣе обременена долгами, нежели въ другихъ странахъ Европы, гдѣ она не представляетъ такого мелкаго дробленія. По исчисленію статистиковъ частные долги Франціи равняются шести милліардамъ; другіе полагаютъ ихъ десять милліардовъ. Допустимъ среднее число — семь милліардовъ. Лѣтъ десять тому во Франціи ежегодный частный долгъ равнялся 500 милл. франковъ.

Въ настоящее врямя мало охотниковъ отдавать свои капиталы въ частныя руки. Допустимъ, что подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ ежегодно берется 500 милліоновъ.

Распредѣленіе этихъ частныхъ долговъ, если 100

нищихъ, населившихъ многія деревни и было поводомъ къ постановленію знаменитаго сбора на нищихъ.

Къ концу царствованія Елисаветы число торговцевъ и промышленниковъ стало увеличиваться, вслѣдствіе чего произошла необходимость обработки большаго количества земли, нежели прежде, чтобы имѣть больше хлѣба. Вальтеръ Скоттъ, сдѣлавшись изъ романиста историкомъ, громко говорилъ о необходимости преселеніи горцевъ. Если кто-нибудь невольно пожалѣетъ о судьбѣ людей, которыя вслѣдствіе насильственнаго уничтоженія ихъ общественности утратили древній поэтическій духъ рыцарства, тотъ, при болѣе обширномъ взглядѣ на этотъ предметъ, согласится съ тѣмъ, что никакое правительство долѣе не потерпѣло бы ихъ существованія и что нѣтъ никого, кто сожалѣлъ бы о ихъ исчезновеніи. «Они какъ псы на псарнѣ» сказалъ Вальтеръ Скоттъ, разсматривая ихъ только въ отношеніяхъ политическомъ и нравственномъ, не обращая вниманія на сторону матеріальную, не менѣе важную.

Едва только народонаселеніе удалилось, тотчасъ мѣста пастбищныя начали отдѣлять отъ мѣстъ, назначенныхъ для лѣсовъ. Вожди шотландскихъ поколѣній, оставшись владѣтелями большихъ участковъ, начали разводить на нихъ лѣса. Послѣдній князь Атоль заса-

примемъ за число капиталовъ, въ 1842 году было слѣдующее:

	Было такихъ займовъ.	Эти займы приносили.
$^{7}/_{100}$ изъ общаго числа капиталовъ равнялись займу на сумму 400 фр.	155,220	36,640,000
$^{13}/_{100}$ равнялись суммѣ отъ 400 до 1000 фр.	89,803	62,421,000
$^{80}/_{100}$ превышающей 1000 франковъ.	84,553	392,513,000
Итого	392,676	491.575,000

Если положимъ, что на каждый участокъ приходилось долгу 400 франковъ, то весь долгъ простирался бы до 500 милл. франковъ. Допустимъ, что на каждый участокъ приходилось долгу не 400 а 1000 франк., то и тогда весь долгъ будетъ равняться 1 милліарду франк., между тѣмъ

дилъ 6000 гектаровъ. Роскошный этотъ лѣсъ, которому въ настоящее время около 60-ти лѣтъ, покрываетъ горы на сѣверъ отъ рѣки Тай и составляетъ украшеніе страны. Только Шварцвальдъ можетъ сравниться съ нимъ. Огромную выгоду доставляетъ дичь, обитающая въ этихъ лѣсахъ, какъ то: бѣлыя куропатки, тетерева и водныя голенастыя птицы, преимущественно особенный родъ куропатокъ называемыхъ gronses. Также дикіе олени. Англійская роскошь придаетъ огромную цѣну этимъ охотамъ. Гора изобидующая gronses приноситъ каждую осень до 50 Ф. стерлинг. дохода. Среди дикихъ скалъ построены домики или Shootinh lodges, которые отдаются въ аренду за 500 Ф. стерл. каждый. Тѣ же мѣста, которыя названіе собственно лѣса предоставлены въ обиталище оленямъ и не имѣютъ цѣны. Всѣ шотландскіе владѣтели, по примѣру Вильгельма Завоевателя, завели у себя огромные лѣса. Ничто въ горной Шотландіи не въ такой модѣ, какъ охота, которая напоминаетъ собою воинственные крики древнихъ шотландцевъ и оканчивается доходомъ для владѣтеля.

Общественное мнѣніе послѣ долгихъ колебаній произнесло свой судъ объ изгнаніи горскихъ поколѣній и окончательно одобрило эту реформу. Оно заботилось о сохраненіи шотландскихъ лѣсовъ, какъ остатковъ былаго; но въ настоящее время начинаютъ роптать на

какъ цѣнность земли равняется 80 милліардамъ франковъ. Слѣдовательно долгъ лежащій на землѣ составляетъ почти $^1/_{10}$ ея цѣнности.

Г. Буссенго (Boussingaulth) доходъ получаемый собственно съ земли отличаетъ отъ дохода, получаемаго земледѣльцемъ съ другой отрасли сельской промышленности, и доказываетъ, что владѣтель маленькаго участка земли можетъ платить большіе проценты, потому что онъ самъ лично распоряжаясь занятымъ капиталамъ извлекаетъ изъ него больше выгодъ. На это наши противники отвѣчаютъ, что крестьянинъ дѣлаетъ заемъ не для того, чтобы улучшить свой собственный участокъ, а чтобы пріобрѣсти новый. Я же на это отвѣчу, что французскій крестьянинъ пріобрѣтаетъ новый участокъ только тогда, когда видитъ, что онъ въ состояніи обработать свой старый. Главный капиталъ крестьянина есть его трудъ, который часто влечетъ за собою то, что крестьянинъ бываетъ поставляемъ въ необходи-

эти остатки древняго феодализма, говоря, что олени водятся тамъ въ незначительномъ количествѣ, и что съ пространства, занимаемаго лѣсами, не получается такого дохода, какое они бы могли дать, если бы были обращены въ пастбища. Такое мнѣніе можетъ касаться только англійскихъ лѣсовъ, занимающихъ огромныя пространства плодородной земли; но не лѣсовъ шотландскихъ, гдѣ вредъ ихъ едва ли можетъ быть чувствителенъ. Все овцы и вездѣ овцы—слишкомъ однообразно и можетъ произвести манію. Лишить сельскую жизнь поэзіи не значитъ подвинуться впередъ. Никогда не должно уничтожать главной причины, заставляющей богачей переселяться въ деревни. Рыбный промыселъ въ горахъ также немаловажнѣе охоты. Въ послѣднее время торговля лососиной значительно возросла. Послѣ усмиренія Шотландіи, каждый имѣвшій въ своемъ участкѣ часть озера или рѣки, въ короткое время обогащался. Сисмонди говоритъ, что въ одномъ мѣстѣ рѣки Тай рыбный промыселъ въ 1800 г. приносилъ 5 гиней, въ 1810 г. приносилъ 2000 гиней. Не потому говоритъ онъ, чтобы количество рыбы увеличилось, а потому, что увеличилось ея потребленіе. Этотъ доходъ нынѣ значительно уменьшился, потому что количество лососей уменьшилось. Но въ настоящее время, при искусственномъ размноженіи рыбы, снова есть на-

мость дѣлать заемъ и обращать его на улучшеніе почвы своего участка. Что же можетъ быть спасительнѣе для страны, какъ не страстная привязанность крестьянина къ почвѣ? Она дѣлаетъ то, что крестьянинъ не копитъ денегъ, въ надеждѣ обогатиться впослѣдствіи безъ труда, а пускаетъ ихъ въ оборотъ, улучшая свой собственный участокъ.

Этимъ я не стараюсь доказать, что нынѣ существующіе участки должны раздѣлиться на меньшіе, я доказываю только то, что законъ о равномѣрномъ раздѣленіи наслѣдства между наслѣдниками, не можетъ имѣть дурныхъ послѣдствій, потому что при существованіи такого закона, существуетъ другой о свободномъ пріобрѣтеніи земель. Правда, что втеченіе сорока лѣтъ возросло число податныхъ участковъ, но также и народонаселеніе увеличилось только въ большей пропорціи, что доказываетъ слѣдующая статистическая таблица:

дежда на большіе доходы. Нынѣшній князь Атоль нещадитъ никакихъ издержекъ для разведенія рыбы въ рѣкахъ и озерахъ. И опытъ показываетъ, что онъ будетъ имѣть успѣхъ.

Не только древніе вожди воздвигали для себя замки на развалинахъ лачугъ, но и въ настоящее время англичане покупаютъ тамъ землю и заводятъ на ней усадьбы. Нѣтъ такого живописнаго мѣстоположенія въ Шотландіи, гдѣ не возвышался бы замокъ новаго стиля. Гектаръ цѣнится здѣсь во 100 франковъ, слѣдовательно за небольшую сумму можно пріобрѣсти значительный участокъ. Жилища находятся одно отъ другаго на разстояніи нѣсколькихъ миль, а между ними обитаютъ стада куропатокъ и grouses. Если все внѣ этихъ жилищъ безплодно и дико, то внутри ихъ сосредоточивается все, что только можетъ придумать роскошь. Отличныя дороги, пароходы дѣлаютъ доступными мѣста самыя уединенныя. Цѣлая страна представляетъ паркъ. Въ продолженіе лѣта сюда стекаются тысячи туристовъ, которые составляютъ источникъ дохода для бережливаго шотландца.

Великолѣпнѣйшее помѣстье Шотландіи Taymouth, принадлежащее лорду Breadalbane, лежитъ при истокѣ рѣки Тай изъ озера того же имени. Лордъ Breadalbane — потомокъ начальниковъ поколѣнія

Годы.	Число податныхъ участковъ.	Народонаселеніе.
1815	10.083,731	29.152,743
1821	10.700,000	30.461,875
1835	10.893,528	33.326,573
1836	10.998,730	33,540,910
1842	11.511,846	34.376,722
1851	12.393,366	35.783,170
1852	12.549,954	
1853	12.653,715	
1854	12.745,350	
1855	12.822,738	39.364,390

Слѣдовательно число податей въ теченіе сорока лѣтъ возросло до 2.739,007. Въ это же время произведено такъ много построекъ, что изъ этой суммы только 957,893 получены съ земли, остальные съ построекъ. Народонаселеніе же Франціи въ теченіе этихъ сорока лѣтъ увеличилось на $^1/_5$; общій итогъ отдѣльныхъ податныхъ

Кампбельтовъ, могущественнѣйшихъ въ древней Шотландіи. Его имѣнія простираются на 100 англ. миль, отъ береговъ одного моря до береговъ другаго. Вмѣсто стариннаго феодальнаго замка возвышается великолѣпнѣйшій дворецъ, удивившій своею роскошью нынѣшнюю королеву. Паркъ, черезъ который протекаетъ рѣка Тай, полонъ цвѣтовъ и разной дичи. Чтобы побѣдить такимъ образомъ природу и климатъ нужно было не малое число капиталовъ, которые составляли доходъ съ овецъ, пасомыхъ на этихъ мѣстахъ въ былыя времена.

Во время моего путешествія по Шотландіи, я, приближаясь къ мосту Кенморе, увидалъ оленей шедшихъ на водопой среди роскошныхъ деревъ, посаженныхъ отцомъ нынѣшняго лорда. Этотъ спокойный видъ одинаково занимателенъ какъ и сцены, происходившія здѣсь, и описанныя Вальтеромъ Скоттомъ въ его романѣ «Перѳская красавица.»

Острова Shetland и Гебридскіе еще чужды образованности, но при помощи пароходовъ начались сношенія между жителями этихъ острововъ и Шотландіею. Думаю, что въ непродолжительное время, благодаря средствамъ, и эти острова станутъ на ту степень образованія, какъ графства Сутэрландъ и Перѳъ.

участковъ увеличился на $^{1}/_{6}$; число податныхъ участковъ земли увеличилось только на $^{1}/_{18}$.

Выше мы представили, что общій итогъ кадастральныхъ участковъ земли въ 1821 г. равнялся 126 милл. 30 лѣтъ спустя, т. е., въ 1851 г. онъ увеличился до 127 милліоновъ; слѣдовательно число податныхъ участковъ увеличилось только на 1 милліонъ.

Но мы уже прежде разсматривали эти цифры и убѣдились, что въ 1821 г.

Количество земли подъ постройками равнялось	6.577,000
Количество земли подъ дворами и огородами	16.442,000
Итого. . .	23.019,000

Слѣдовательно количество участковъ кадастральныхъ увеличилось на 3.504,000; напротивъ количество участковъ въ 1821 году равнялось 102.981,000; а въ 1851 г.

О СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ ВЪ ИРЛАНДІИ.

Статья де Лавернь.

Реформы, произведенныя въ огромномъ помѣстьѣ Лорда Landsdowne въ Ирландіи въ графствѣ Керry, представляютъ одинъ изъ примѣровъ, болѣе заслуживающій вниманіе за стремленіе сдѣлаться повсемѣстнымъ въ Ирландіи. Это помѣстье занимаетъ болѣе нежели 100 т. акровъ англійскихъ или 40 т. гектаровъ, наибольшую часть которыхъ составляютъ горы, могущіе быть прекраснымъ пастбищемъ. Пахатной земли только одна-двадцатая всего количества. Лордъ Lansdowne съ этого помѣстья не имѣлъ прежде никакихъ доходовъ. Народонаселеніе, простиравшееся до 16 т., не только истребляло всѣ доходы да еще требовало милостыни отъ лорда. Когда въ 1845 и 1846 г. половину народонаселенія истребилъ голодъ, другая, будучи не въ состояніи бороться съ голодомъ, эмигрировала въ Америку. Когда доказано было, что пространство земли не могло прокормить болѣе 2 т. душъ и что не нужно болѣе этого количества рукъ для ея воздѣлыванія, тогда на мѣстѣ многочисленныхъ лачугъ стали появляться болѣе обширныя и ириличныя, строенія для вновь поселенныхъ фермеровъ.

было этихъ участковъ 100.477,000, слѣдов. 2.504,000 менѣе. Изъ послѣдняго видно, что втеченіе времени отъ 1821 до 1851 г. количество кадастральныхъ участковъ уменьшилось на $2^1/_2\%$. Послѣ этихъ вычисленій, какъ же можно смѣть утверждать, что французская земля обратилась въ порохъ.

— Всѣ несчастія, о которыхъ годали наши противники, состоятъ въ увеличеніи участковъ земли подъ постройками, дворами и огородами!

Нѣтъ сомнѣнія, что впродолженіе этихъ 30 лѣтъ, множество кадастральныхъ участковъ земли, распалось на меньшія части. Но такъ какъ общій итогъ ихъ уменьшился на $2^1/_2\%$; то это математически доказываетъ, что при правѣ свободнаго управленія участковъ, они не раздрабляются, а напротивъ сливаются въ большіе участки.

Познакомясь съ этими цифрами, мы убѣдимся, что всякое стремленіе къ ограниченію закона, о равномъ раздѣлѣ наслѣдства между наслѣдниками, будетъ смѣшно

Система мелкихъ арендаторовъ постоянно будетъ существовать у Лорда Lansdowne. При несчастіяхъ, тяготѣвшихъ надъ Ирландіей, всякая другая система сельскаго хозяйства была бы неудобна Приложеніе системы мелкихъ участковъ обѣщаетъ въ будущемъ быть въ столько разъ полезнѣе, во сколько всякая другаясистема была бы вредна.

Вмѣсто 3 т. усадьбъ, изъ коихъ каждая заключала около 300 гектаровъ, въ цѣломъ помѣстьѣ будетъ только 400 усадьбъ, изъ которыхъ подъ каждой будетъ не болѣе 100 гектаровъ, Изъ этого пространства подъ пахатную землю пойдетъ не болѣе 5 или 6 гектаровъ, такъ чтобы доходъ, получаемый съ этого количества земли, могъ обезпечить существованіе одного семейства; остальная земля будетъ обращена въ пастбища. Такова система, введенная въ горахъ Шотландіи. Въ Ирландіи она тѣмъ болѣе будетъ примѣнима, что почва и климатъ ея болѣе благопріятны растительности. Доходъ каждаго семейства будетъ, по крайней мѣрѣ, вчетверо больше. Доходъ же владѣтеля земли увеличится въ томъ же самомъ отношеніи. Прежде лордъ получалъ 5 т. Ф. стерл. или 125 т. фр., т. е. около 3 франк. съ гектара. Изъ всего этого дохода лорду не оставалось почти ничего. За нѣсколько лѣтъ весь этотъ доходъ онъ портво-же

и глупо. Таковой законъ можетъ быть приспособленъ къ мѣсту и времени.

Еще въ 1808 г. хотѣли создать законъ, воспрещающій дѣленіе земли на участки меньшіе ¹/₈ гектара. Положимъ, что цѣль такого закона была — воспрепятствовать дробленію земли на участки, плата съ которыхъ была бы менѣе пяти франковъ. Но такъ какъ такихъ участковъ въ настоящее время 6.000,000, то подобный законъ распространялся бы на пространство земли въ 750,000 гектаровъ. Поверхность Франціи равна 53.000,000 гектаровъ. Изъ этого числа только съ 50.000,000 гектаровъ получается подать; а такъ какъ земля находящаяся подъ постройками, дворами и огородами равняется половинѣ вышеупомянутыхъ 6.000,000 мелкихъ участковъ, то законъ воспрещающій дробленіе земли на участки, меньшіе ¹/₈ гектара, распространялся бы едва на ¹/₁₁₀ поверхности Франціи. Противники наши сами согласятся, что это весьма незначительная часть.

валъ на содержаніе переселенцевъ на пути ихъ въ Америку, на постройку новыхъ фермъ, на покупку нѣкоторыхъ земледѣльческихъ орудій, на проведеніе новыхъ дорогъ и на устройство изгородей, и всѣ эти пожертвованія принесли мало пользы. При нынѣшней же системѣ такія пожертвованія принесутъ огромную пользу, Подобной же системѣ должны слѣдовать всѣ владѣтели большихъ участковъ въ Ирландіи, если они будутъ въ состояніи давать помощь переселенцамъ въ Америку.

Слѣдовательно все въ Ирландіи стремится къ уничтоженію народныхъ бѣдствій, такъ чувствительныхъ для Англіи.

При знакомствѣ чрезъ сочиненія съ общественнымъ интересомъ, можно заключить что начала, которыя должны служить основаніемъ реформы въ Польшѣ, противорѣчатъ одно другому. Одни доказываютъ преимущество абсолютнаго надѣла крестьянъ землею, другіе держатъ сторону денежнаго оброка. Я держусь перваго мнѣнія, что только совершенно независимый надѣлъ крестьянъ землею можетъ совершенно окончить споръ и произведенный вдругъ можетъ предохранить ихъ отъ многихъ пожертвованій.

Чѣмъ же другимъ можетъ быть оброкъ если не настоящей барщиной подъ другою формою? Мы признаемъ вредъ для кресть-

Въ 1852 г. поземельный сборъ съ участковъ, платящихъ менѣе 20 франк., равнявшійся 52.600,000 франковъ, при поземельномъ сборѣ 268.000,000, составляетъ только $^1/_{20}$.

Слѣдовательно мы не должны безпокоиться о прекращеніи дробленія земли. Намъ остается только опредѣлить количество сбора съ участковъ еще болѣе меньшихъ, нежели тѣ, которые существуютъ нынѣ, а не думать объ уничтоженіи нашихъ законовъ о наслѣдствѣ.

Если бы мы и задумались надъ послѣднимъ вопросомъ, и принимая въ соображеніе кадастральные участки, пожелали бы образовать 100 милл. участковъ, которые не могли бы быть далѣе раздробляемы, то законъ такой довелъ бы до absurdum, и распространялся бы только на $^1/_4$ поверхности Франціи. Неосновательно было бы мнѣніе, что дробленіе земли есть причина истощенія почвы и препятствіе къ разработкѣ и улучшенію почвы неплодородной. Справедливо, что $^1/_7$ поверхности

янъ ихъ настоящихъ отношеній къ помѣщикамъ. Что же пріобрѣтутъ они, если тѣ же самыя отношенія будутъ выражены въ другой формѣ? И при перемѣнѣ этой внѣшней формы помѣщики, прямо или косвенно, непремѣнно должны будутъ понести убытокъ. Новая форма, рано или поздно, окажется несовершенною, окажется что она была только переходною и что нужно помышлять о новой реформѣ. Отъ собственнаго убѣжденія нельзя легко перейти къ сознанію послѣдняго; но если обстоятельства и принудятъ къ этому, необходимы будутъ новыя жертвы, болѣе значительныя, а можетъ быть и жертва отреченія отъ безотносительнаго права. Какую же пользу принесетъ денежный оброкъ? Онъ подвергнетъ интересы края опасностямъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.

При надѣлѣ крестьянъ землею, помѣщики непремѣнно должны быть вознаграждены крестьянами, при посредствѣ правительства. Это единственный способъ, который можетъ сдѣлать священными права собственности въ глазахъ народа.

Нельзя не замѣтить, что если въ странахъ, гдѣ существуетъ порядокъ вещей, намъ современный, рано или поздно будетъ произведена реформа, то она въ отношеніи матеріальномъ будетъ имѣть не столь благопріятныя послѣдствія, потому что она зависитъ отъ

Франціи невоздѣлана. Сюда принадлежатъ горы, болота, кустарниковыя пространства и степи. Было бы смѣшно требовать отъ крестьянина, чтобы онъ употреблялъ свои капиталы на разработку невоздѣланныхъ земель. При всемъ этомъ, благодаря распространенію желѣзныхъ дорогъ, во многихъ мѣстахъ безплодныя пространства обратились въ плодородныя. Въ промежутокъ времени отъ 1821 до 1851 года было воздѣлано безплодныхъ пространствъ:

Подъ огороды	4075	гектаровъ.
Подъ искусственные луга. .	3847	— —
Подъ виноградники.	11,692	— —
Подъ поля.	310,691	— —

Итого 420,000 гектаровъ вошло въ составъ земли плодородной.

Это показываетъ, что среднимъ числомъ ежегодно 14,000 гектаровъ безплодной земли были обращаемы въ плодородную.

Втеченіе тѣхъ же тридцати лѣтъ цѣнность на землю во Франціи страшно возвысилась. По оцѣнкѣ земли въ 1821 году оказалось на сумму 39,514 милліадровъ, а по оцѣнкѣ 1851 года на сумму 83,743, слѣдовательно цѣнность земли возвысилась на 109%, то есть, ежегодно возрастала на 3,6%. Увеличеніе же поземельнаго

многихъ другихъ обстоятельствъ, вовсе непричастныхъ соціальнымъ и политическимъ соображеніямъ.

Это отрывки изъ болѣе обширнаго моего сочиненія объ этомъ предметѣ. Если они полны ясности, то ничего не имѣю противъ приложенія къ нимъ своего имени.

ПЕТРЪ ТРЩИНСКІЙ.

сбора въ тѣ же тридцать лѣтъ вмѣсто 1.580.597,000 возрасло до 2.643.366,000, слѣдовательно доходъ увеличился на 69%, т. е., ежегодно возрасталъ на 2,2%. Въ 1851 г. доходъ съ недвижимыхъ имуществъ во Франціи равнялся тремъ милліардамъ.

Вотъ сравнительная таблица казенныхъ доходовъ во Франціи:

А. Плата въ казну съ вещи безъ добавочныхъ сантимовъ.

Бюджетъ 1851 г. показываетъ слѣдующую цифру дохода съ произведеній земли . . . . . 172.588,000 франк.

Бюджетъ того же года показываетъ слѣдующую цифру поземельнаго сбора . . . . . 160.277,000 —

Послѣдній источникъ дохода казны менѣе перваго 12.311,000 франк. и былъ бы еще менѣе, если бы первый источникъ дохода втеченіе времени отъ 1835 до 1851 г. не увеличился 5.600,000 франк., вслѣдствіе наложенія податей на новыя постройки.

Б. Плата въ казну съ вещи съ добавочными сантимами.

Въ 1821 году . . . . . 241.016,000 франк.

Въ 1851 году . . . . . 259.074,000 —

Здѣсь съ перваго взгляда видно увеличеніе дохода послѣдняго года на 18.058,000 франк., происшедшее вслѣдствіе новыхъ налоговъ на зданія, не говоря уже о добавочныхъ сантимахъ, назначаемыхъ на проложеніе дорогъ, содержаніе учебныхъ заведеній и т. д.

Сравнимъ теперь степени податей съ стоимостью земли по оцѣнкѣ и съ доходомъ, получаемымъ съ недвижимыхъ имуществъ.

Въ 1821 г. подать относилась къ доходу безъ добавочныхъ сантимовъ, какъ 1 франк. къ 9 франк. и 16 сант., въ 1857 г. какъ 1 франк. къ 16 франк. и 49 сантимамъ.

Въ 1821 году подать относилась къ стоимости земли, какъ 1 франк. къ 432, въ 1857 г., какъ 1 франк. къ 522 франкамъ.

Въ 1821 г. подать относилась къ доходу съ добавочными сантимами, какъ 1 франк. къ 6 франк. и 56 сант.; въ 1857 г. какъ 1 франк. къ 10 франк. и 20 сантимамъ.

Въ 1821 году подать относилась къ стоимости земли по цѣнамъ, того 1821 г., какъ 1 франк. къ 166 франк, въ 1857 г. какъ 1 франк. къ 323 франк.

Изъ этого видно увеличеніе дохода на 7 франк. 33 сант. и на 3 франк. 64 сант., а увеличеніе стоимости земли на 290 франк. и 137 сантимовъ.

Среднее число поземельнаго сбора, изображавшее въ 1821 г. относительную стоимость земли, равнялось 3738 франковъ, а средній доходъ съ земли, 148 франковъ. Это показываетъ, что въ 1851 году средняя стоимость соотвѣтственнаго количества земли, съ которой взималась по́дать, относилась какъ 6755 франк. къ стоимости по оцѣнкѣ, а 213 франк. къ доходу. Напротивъ поземельная подать не только не увеличилась, но уменьшилась. Въ 1821 г. поземельная подать безъ добавочныхъ сантимовъ среднимъ числомъ равнялась 16 франкамъ 13 сантим., а съ добавочными сантимами 22 франкамъ 53 сантимамъ. Тридцать лѣтъ спустя, т. е., въ 1851 году подать безъ добавочныхъ сантимовъ равнялась 12 франкамъ 93 сантим., а съ добавочными 20 франк. 90 сантимамъ.

Въ 1821 году каждый землевладѣтель во Франціи, среднимъ числомъ имѣя земли на сумму 5901 франк., среднимъ числомъ получалъ доходу 233 франка. Поземельной подати каждый землевладѣлецъ платилъ 25 фран. 45 сантим., а съ добавочными сантимами. 25 фран. 55 сантимъ. Въ 1851 г. каждый землевладѣтель имѣлъ среднимъ числомъ земли на 10,674 франк.; доходу среднимъ числомъ получалъ 338 франк. Поземельныхъ податей среднимъ числомъ платилъ 20 франк. 43 сант., а съ добавочными сантимами 33 франк. 6,2 сантима.

Изъ этого слѣдуетъ:

а) Что вслѣдствіе браковъ, участки дробимые по

праву о наслѣдствѣ между наслѣдниками на равные участки, снова соединяются;

b) Что нестѣсняемость въ пріобрѣтеніи земли препятствуетъ распространенію пролетаріатства;

c) Что умноженіе капиталовъ, посвящаемыхъ на земледѣліе, способствуетъ соединенію малыхъ участковъ съ большими;

d) Что могущество механики совокупно съ капиталами было бы грозою земледѣлія, потому что могло бы ввести во Франціи гибельныя latifundia, если бы этому не препятствовалъ законъ о равномѣрномъ раздѣленіи наслѣдства.

e) Что благодаря гражданскимъ законамъ число среднихъ участковъ все болѣе и болѣе увеличиваются;

f) Что воздѣлываемые мельчайшіе участки занимаютъ весьма малое пространство земли и годъ отъ году имѣютъ меньшее значеніе.

Однако же это частичное воздѣлываніе имѣетъ на своей сторонѣ моральныя и политическія преимущества, которыя исчезли бы для Франціи если бы былъ введенъ законъ, ограничивающій дробленіе земли.

g) Что наши законы о наслѣдствѣ едва были бы въ состояніи уравновѣсить стремленіе къ увеличенію участковъ, и мелкіе участки не могли бы противустоять могуществу капиталовъ, если бы не существовало закона о равномѣрномъ раздѣленіи наслѣдства между дѣтьми.

Это заключеніе нашего славнаго экономиста доказываетъ, какъ много заблуждаются тѣ, которые боятся, чтобы вслѣдствіе надѣла крестьянъ землею не распалось наше сельское хозяйство на мелкіе участки. Я опасаюсь за одно: что при безпечности нашихъ крестьянъ, помѣщики, имѣющіе въ своихъ рукахъ капиталы, мало по малу скупятъ всѣ крестьянскіе участки и развѣ только при помощи труда мелкіе землевладѣльцы устоятъ противъ этого и то не далѣе одного столѣтія.

(С. У.)

Изъ всего вышесказаннаго видно, что во Франціи еще долго будетъ существовать система большихъ и среднихъ участковъ.

Вожделѣннѣйшій плодъ французскихъ законовъ есть тотъ, что земля всегда переходитъ въ руки тѣхъ, которые умѣютъ ее обработать и извлечь изъ нея больше доходу.

Не должно забывать, что во времена республики, т. е., въ 1851 г. Франція еще не была совершенно спокойна и цѣнность на недвижимыя имущества не возвышалась, потому что всѣ доходы не пришли еще въ нормальное положеніе.

Мы видимъ, что цѣнность земли противъ прежнихъ временъ удвоилась, а доходъ увеличился на двѣ три. Эти результаты оказались бы болѣе благопріятными если бы мы разсматривали Францію въ отношеніи къ 1858. г.

Наконецъ заключимъ, что съ 1789 года съ развитіемъ земледѣльческой промышленности во Франціи, благодаря законамъ о наслѣдствѣ, дробленіе земли на мелкіе участки стало дѣломъ обыкновеннымъ.

ОТДѢЛЪ XXII.

Мысли объ усовершенствованіи отечественнаго земледѣлія.

СТАТЬЯ ГЕНРИХА КАМЕНСКАГО.

Почему у насъ слѣдствія труда такъ незначительны? Чтобы отвѣтить на это стоитъ только взглянуть на проявленіе этого труда.

Вообразите большую толпу людей работающихъ на нивѣ. Каждый изъ нихъ равнодушный къ труду, мечтаетъ о томъ, какъ бы скорѣе прошелъ день; а надсмотрщикъ стоитъ тутъ же и грозно на всѣхъ покрикиваетъ. Не такъ бываетъ въ странахъ, гдѣ процвѣтаетъ земледѣліе. Тамъ каждый трудится не изъ подъ палки, а съ надеждою на достатокъ. Въ первомъ случаѣ человѣкъ трудится лѣниво и неохотно; во второмъ—усердно, съ желаніемъ трудиться.

Усерднымъ трудомъ можно назвать тотъ трудъ, который приноситъ трудящемуся хорошее положеніе и достатокъ. Зачѣмъ же спрашивать послѣ этого такъ ли это бываетъ у насъ? Можетъ ли охотно трудиться человѣкъ, котораго насильно выгоняютъ на барщину, который голодаетъ въ вознагражденіе за кровавый потъ имъ проливаемый, человѣкъ, для котораго даже соль—роскошь? И если она есть у него, то онъ долженъ обращаться съ нею очень экономически. Какъ же, повторяю можетъ трудиться человѣкъ, ничѣмъ неинтересующійся, не имѣющій ничего собственнаго, даже дома, въ которомъ онъ живетъ?

До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать такой порядокъ вещей, напрасно будетъ хлопотать о введеніи улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ. До тѣхъ поръ ра-

ботникъ не будетъ сочувствовать труду, пока не увидитъ въ немъ выгоды и пользы для себя. Достичь этого можно только однимъ путемъ — дать возможность труду истекать изъ самого себя, вслѣдствіе чего онъ станетъ на ту степень цвѣтущаго состоянія, которому мы завидуемъ у другихъ.

Это, какъ намъ кажется, важный вопросъ, а между тѣмъ о немъ мало говорится въ земледѣльческой литературѣ. Въ настоящее время должно заботиться объ усовершенствованіи труда, что возможно только тогда, когда трудящійся интересуется своимъ трудомъ. Въ этомъ и заключается начало всякаго усовершенствованія.

«Газета Торговли и Промышленности» прежде всѣхъ открыла обширное поле для разсужденій объ этомъ предметѣ. За нею «Ежедневная Газета» развила этотъ вопросъ такъ далеко, что разсмотрѣла его со всѣхъ сторонъ, привела къ одному заключенію всѣ противоположныя о немъ мнѣнія, словомъ бросила на него яркій свѣтъ.

Въ настоящее время нельзя быть врагомъ улучшенія быта крестьянъ. Полетъ европейскихъ понятій не позволяетъ, чтобы существовалъ кто нибудь, не сочувствующій этому предмету, хотя и смотритъ на него односторонне. Въ спорахъ объ улучшеніи быта крестьянъ не должно обращать вниманія на матеріальную сторону послѣдствій реформы, потому что дѣло идетъ о судьбѣ массы народа, угнетаемаго столькими нуждами, о судьбѣ тружениковъ, нуждающихся въ воздаяніе за свой трудъ, чего нельзя достигнуть при барщинной системѣ.

Развѣ доказательства, на которыя мы хотимъ бросить взглядъ, соотвѣтствуютъ матеріальной сторонѣ предмета, котораго они касаются? Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Въ этомъ должно видѣть залогъ разсужденій обширнѣйшихъ, потому что общество не можетъ нейти далѣе рѣшенія этого вопроса съ матеріальной точки зрѣнія. Слѣдующія разсужденія болѣе обширныя,

будучи очевидны для людей мыслящихъ, приведутъ къ началамъ, на которыхъ должно основываться отношеніе между помѣщиками, которые много имѣютъ, и между крестьянами, которые не имѣютъ ровно ничего.

Г. Сосновскій прежде всѣхъ коснулся этого предмета въ своемъ сочиненіи «*Средства къ улучшенію быта крестьянъ.*» До сихъ поръ сосредоточиваются около этого вопроса всѣ разсужденія, благодаря землевладѣтелей И. Р. помѣщика Липновскаго уѣзда и С. П, помѣщика Олькусскаго уѣзда, противящихся реформѣ, и доводамъ Г. Сосновскаго, направленнымъ противъ барщины.

Начнемъ съ главнаго.

Г. Сосновскій доказываетъ, что барщина внѣ современныхъ понятій, что крестьянинъ долженъ быть полнымъ владѣтелемъ земли, слѣдовательно онъ въ главныхъ положеніяхъ одного съ нами мнѣнія. Но чтобы дать вѣрныя средства къ улучшенію быта крестьянъ, т. е., такія, которыя бы обусловливали довольство крестьянина не въ ущербъ помѣщику, должно разсмотрѣть причины, почему нашъ крестьянинъ терпитъ нужду, а помѣщикъ не получаетъ между тѣмъ столько доходу, сколько онъ могъ бы получить? Отъ того, какъ будемъ мы понимать эти причины, зависятъ вѣрныя средства къ улучшенію быта крестьянъ.

Г. Сосновскій находитъ, что главная причина бѣдности крестьянъ состоитъ въ дороговизнѣ найма работниковъ и ищетъ средствъ освободить крестьянина отъ этого гнета. Эти средства, по его мнѣнію, должны состоять въ слѣдующемъ: крестьянинъ долженъ возвратить помѣщику рабочій скотъ, земледѣльческія орудія, лишиться лѣсовъ и пастбищъ; а тягловая барщина должна быть перемѣнена на пѣшую. Вмѣсто послѣдней крестьянинъ помѣщику долженъ платить среднимъ числомъ втеченіе года по пятнадцати копѣекъ ежедневно. Вотъ и всѣ средства Г. Сосновскаго, ведущіе къ улучшенію

быта крестьянъ. Онъ основывается на вычисленіяхъ, взятыхъ съ его мѣстности, и доказываетъ, что крестьянинъ, издерживая ежегодно на наемъ работниковъ 800 злотыхъ польск. и платя 208 оброку, выигрываетъ несравненно болѣе. Авторъ не заботится о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ на крестьянина лишеніе пастбищъ и лѣсовъ, безъ которыхъ онъ не можетъ обойтись и за которые впредь долженъ платить помѣщику. Развѣ это не поведетъ крестьянина къ упадку, ибо онъ опять будетъ долженъ нести барщину подъ видомъ платы за пользованіе пастбищами и лѣсами. Не заботится авторъ также и о томъ, чѣмъ будетъ крестьянинъ удобрять свои поля, если возвратитъ помѣщику скотъ и не будетъ имѣть пастбищъ. Авторъ заботится единственно о томъ, чтобы крестьянинъ платилъ какъ можно болѣе оброка, который, если будемъ считать по способу автора, въ четыре раза будетъ болѣе оброка, который крестьянинъ въ силахъ платить.

Г. Сосновскій совершенно забываетъ о томъ, что чѣмъ обширнѣе барщина, тѣмъ болѣе помѣщикъ подъ видомъ займа даетъ крестьянину, вполнѣ увѣренный, что никогда ничего не получитъ, однакоже даетъ и выигрываетъ чрезъ это. Не обращаетъ также авторъ вниманія на разбросанность полей крестьянина, вслѣдствіе чего онъ никогда не можетъ улучшить своего хозяйства такъ, какъ еслибы эти поля были у него подъ руками. Есть у насъ прекрасный примѣръ, достойный подраженія. Основатель земледѣльческаго товарищества въ Грубешовѣ далъ своимъ крестьянамъ землю въ собственность. Онъ подарилъ имъ огромное помѣстье, и между тѣмъ все это не улучшило ихъ хозяйства именно потому, что поля ихъ были разбросаны. Больше этого къ средствамъ г. Сосновскаго, служащимъ къ улучшенію быта крестьянъ, ничего нельзя прибавить. Авторъ не могъ ничего лучшаго придумать, потому что причиною бѣдности крестьянъ считаетъ дороговизну найма работниковъ. Отыскать эти

причины — дѣло обширныхъ соображеній, которые мы постараемся набросать въ видѣ экскиза.

Нашъ крестьянинъ бѣденъ потому, что плоды его трудовъ незначительны, а это происходитъ отъ того, что онъ во всемъ зависитъ отъ помѣщика. Не можетъ охотно трудиться тотъ, кто трудится не для себя, а нашъ крестьянинъ находится именно въ такомъ положеніи. Не имѣя ни чего собственнаго, обремененный барщиной до такой степени, что не имѣетъ времени пріобрѣсти что нибудь для себя, онъ долженъ разсчитывать на помощь помѣщика, которую и получаетъ, потому что помѣщикъ страшится потерять работника. Эта помощь не опредѣленная, а совершенно зависитъ отъ произвола помѣщика и препятствуетъ трудолюбію. Что же можетъ заставить крестьянина трудиться лично для себя, если онъ работаетъ только на помѣщика, отъ времени до времени оказывающаго ему помощь? Вотъ въ этомъ-то и заключается истинная причина бѣдности крестьянина, здѣсь-то и кроются начала, на которыхъ должны быть построены средства къ улучшенію быта крестьянъ.

Г. Сосновскій противникъ тѣхъ человѣколюбивыхъ лицъ, которыя не имѣя земли желаютъ надѣла крестьянъ землею, говоря что они готовы отдать ее крестьянамъ. Можетъ быть, г. Сосновскій и насъ причислитъ къ этой категоріи. Мы также не согласны съ его теоріей улучшенія быта крестьянъ. Имя человѣколюбца — священно для насъ и мы ничего не осмѣлимся сказать противъ него. Выраженіе же г. Сосновскаго, что человѣколюбцы не имѣющіе земли и т. д. слишкомъ ироническое. Развѣ человѣколюбцемъ можетъ быть только тотъ, кто имѣетъ землю?—Конечно, мы не хотимъ унизить г. Сосновскаго, приписывая ему такую дикую мысль. Вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать, что владѣніе землею и любовь къ ближнему — двѣ вещи совершенно различныя. Если онъ такъ думаетъ, то мысль его слишкомъ общая.

Если же г. Сосновскій выражается иронически на счетъ надѣла крестьянъ землею, то это показываетъ только его самолюбіе. Пусть онъ не воображаетъ, что надѣлъ крестьянъ землею повлечетъ за собою униженіе помѣщиковъ. Мы предоставляемъ право надѣла крестьянъ землею помѣщикамъ и желаемъ только одного, что бы они отказались отъ лихвы, повергающей крестьянъ въ нищету, и между тѣмъ уменьшающей доходы помѣщика. По нашему мнѣнію, бытъ крестьянъ улучшится если:

1) Раздать участки земли крестьянамъ за цѣну ея стоимости, слѣдовательно не въ ущербъ помѣщикамъ, а на пользу общую.

2) Обезпечить права крестьянъ на вѣчное владѣніе участками, которые совершенно обусловливали бы успѣхъ сельской промышленности, (земля, раздѣленная на мелкіе части цѣнится дороже и приноситъ относительно больше доходу) и тѣмъ дать имъ толчокъ къ достиженію благосостоянія и достатка, т. е., создать для нихъ самостоятельный бытъ внѣ всякой зависимости отъ помѣщиковъ.

Обратимся къ доказательствамъ, которыя появились вслѣдствіе статьи г. Сосновскаго. Первый изъ вышеупомянутыхъ помѣщиковъ И. Р. не смотритъ на улучшеніе быта крестьянъ съ высшей точки зрѣнія, а довольствуется разсмотрѣніемъ г. Сосновскаго, которое не можетъ быть примѣнимо къ каждой мѣстности.

Далѣе онъ говоритъ, что пьянство, а не барщина, главная причина бѣдности крестьянъ, а г. Сосновскій присовокупляетъ что причина пьянства жиды, содержащіе корчмы. Если, говоритъ онъ, ограничить продажу водки, то это ограниченіе искоренило бы бѣдность. Мы не согласны съ этими двумя мнѣніями. Пьянство есть слѣдствіе зла, извѣстнаго подъ именемъ барщины, которая дѣлаетъ противнымъ для крестьянина трудъ, вслѣдствіе чего онъ становится лѣнтяемъ и пьяницей. Такому порядку вещей пьянство непремѣнно должно сопутствовать и можетъ быть искоренено при новыхъ

условіяхъ жизни крестьянина. Грядущее поколѣніе крестьянина, конечно, будетъ трудолюбивѣе и трезвѣе. Наконецъ г. И. Р. говоритъ, что нашъ крестьянинъ слишкомъ невѣжественъ, чтобы быть свободнымъ, и потому необходимо, чтобы онъ несъ барщину, хотя и маленькую. Но кто же опредѣлитъ время, по истеченіи котораго крестьянинъ сдѣлается образованнымъ? — Сперва должно уничтожить барщину, какъ причину всѣхъ золъ, и тогда уже ожидать отъ крестьянина образованія. Приведемъ прекрасный, хотя слишкомъ умѣренный отвѣтъ г. Сосновскаго на мнѣніе г. И. Р.: «Крестьяне наши такіе же люди, какъ и мы и только вслѣдствіе нужды, отъ которой мы препятствуемъ имъ освободиться, не имѣютъ ни времени, ни средствъ получить какое нибудь образованіе. Если бы было у нихъ свободное время, мы, всеконечно, встрѣтили бы образованныхъ людей и между крестьянами.» Слѣдовательно стоитъ только улучшить положеніе крестьянъ и ожидать процвѣтанія образованности и земледѣлія.

Г-нъ С. П. полагаетъ, что улучшенію быта крестьянъ препятствуетъ существованіе кредитныхъ установленій. Но г. Сосновскій весьма ловко опровергаетъ это мнѣніе, говоря что кредитные установленія никогда не стремятся препятствовать умноженію народнаго богатства. Если бы причина заключалась въ этомъ, то улучшеніе быта крестьянъ не могло бы быть приведено въ исполненіе, потому что имѣнія, вслѣдствіе нужды, отдавались бы подъ залогъ.

Далѣе г. С. П. подаетъ прекрасную мысль къ учрежденію компаніи съ цѣлію выкупа земель, которыми крестьяне нынѣ пользуются. Эта мысль достойна большаго развитія, потому что стремится къ достиженію желаемой цѣли — создать владѣтелей малыхъ участковъ земли, что составляетъ главную опору развитія земледѣлія.

Разсмотримъ наконецъ мнѣніе г. И. М. помѣщика Люблинскаго уѣзда.

Г-нъ И. М. начинаетъ съ того, что барщина и для крестьянина и для помѣщика выгодны, а что причина всѣхъ бѣдъ крестьянина—водка и пьянство. Но мы уже выше доказывали, что уничтоженіе этихъ золъ послѣдуетъ за уничтоженіемъ барщины.

Въ заключеніе скажемъ, что во всѣхъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ, помѣщенныхъ въ газетѣ Торговля заключались начала лучшія, чѣмъ пустословіе, какое мы видимъ въ другихъ сочиненіяхъ по части земледѣльческой литературы. Если подобныя разсужденія будутъ вновь появляться, мы не преминемъ сдѣлать на нихъ свои замѣчанія.

ОТДѢЛЪ XXII.

О военной службѣ крестьянъ.

Антона Шиманскаго.

Началомъ Карловингской организаціи были классы, основанные на разницѣ крови или сословій. Въ организаціи франковъ, ежели не въ сущности, то по крайней мѣрѣ идеально, всегда была мысль о государствѣ, т. е., о единствѣ власти съ народомъ и нуждѣ опеки надъ судьбою угнетенныхъ. Все показываетъ, что такая мысль о государствѣ, постоянно лелѣялась при западныхъ дворахъ, обновлялась преданіями по мѣрѣ генія государей. То была — мысль ослабить элементъ феодальный и возвысить успѣхъ Христіанской Вѣры, мысль подкрѣпленная византійскою цивилизаціею во время царствованія сосѣднихъ намъ Оттоновъ колда возвысилась народная, *антифеодальная* конституція Пястовъ и государство храбраго. Мы не придаемъ нашимъ институціямъ никакого исключительнаго образца того, или другаго народа, но опредѣляемъ мысль, изъ которой онѣ возникли. Мысль эта была — *государственная,* или *императорско-римская,* противоположная какъ *феодальной*, такъ и *варварско-демократической* мысли, тогда существовавшей и безпрестанно противодѣйствовавшей первой. «*Jus militare* или *regula militaris* — была лучшая институція, которую тогдашняя Европа могла произвести. — *Miles,* поступая въ ряды рыцарей, *ordo militaris,* присягалъ служить Богу, слушать обѣдню, сражаться за Вѣру, охранять Церковь, вдовъ, сиротъ и угнетенныхъ; обѣщалъ остерегаться разбоевъ и частныхъ войнъ, упражняться въ воинскомъ артикулѣ и повиноваться государямъ. — *Ordo militaris* собственно не было корпораціею, но институціею. По образцу *ordo*

militaris образовался *ordo equestris,* единственное братство, освященное религіею и покровительствуемое монархами, управлявшееся своими начальниками, отличавшееся одеждою, возвышенное до достоинства, одаренное гербами, имѣніями и т. д. «*Jus militare* — не было вовсе, такъ сказать, институціею наступательною или непріятельскою, свойственною только наѣзднікамъ и характеризующею первыя эпохи нападеній, но оборонительною, цивилизованною. Необходимость ея проистекла вслѣдствіе правильной жизни и противодѣйствія варварамъ. — Отсюда произошло то, что во всѣхъ западныхъ государствахъ, къ *jus militare* призывали не только высшіе и средніе классы, но даже и низшіе. Изъ такой необходимости произошло раздѣленіе воиновъ на высшихъ и низшихъ.» *Jus militare,* какъ видно, занималось устройствомъ обороны края. Это право было даже черезчуръ систематично въ эпоху, возмущаемую безпрестанно вліяніемъ феодализма; но Польша, можетъ служить примѣромъ того, что когда это право ввели въ одноплеменномъ и *антифеодальномъ* краѣ, или когда его въ состояніи были привести въ исполненіе, то это право значительно возвышало могущество народовъ. То, что у насъ произошло при Болеславѣ храбромъ, въ Германіи имѣло мѣсто при Генрихѣ Птицеловѣ. — Когда этотъ монархъ въ 926-мъ году стѣсняя феодализмъ, получилъ на Сеймѣ въ Вормсѣ право народнаго ополченія, то есть право созвать на службу всѣхъ воиновъ (zolnierzy), то тотчасъ-же возгорѣлась война противъ славянъ и дала начало городамъ: *Бурварту* при Эльбѣ и Селѣ, Мерзебургу, Мюнстеру, Кведлинбургу, сдѣлавшимся вскорѣ до того богатыми и многолюдными, что германскіе историки долгое время считали Генриха основателемъ городовъ, между тѣмъ какъ онъ закладывалъ только военныя поселенія. Генрихъ Птицеловъ постановилъ между прочимъ, чтобы одинъ изъ десяти крестьянъ служилъ въ ближайшемъ городѣ, а другіе воздѣлывали-бы за него землю. — От-

тонъ I, въ 950-мъ году, ведя войну противъ славянъ, пошелъ по слѣдамъ Генриха и представилъ такимъ образомъ живой образецъ для основанія польскихъ городовъ первымъ Пястомъ, о которыхъ всѣ наши писатели хроникъ вспоминаютъ съ такимъ восторгомъ.

«При первыхъ Пястахъ, военныя институціи ежели не были тѣ же какъ и въ прочей Европѣ, то по крайней мѣрѣ имѣли то же самое основаніе и имѣть другаго не могли. Въ чемъ другомъ, но въ военныхъ дѣлахъ одинаковость организаціи войска была и есть необходима. Такой необходимости не могли даже противиться народы съ самыми рѣзкими отличіями; если-же это случалось, то они подвергались опасности.»

«*Jus militare*, какъ право, на которомъ отразилось вліяніе духовенства, могло имѣть мѣсто въ Польшѣ только съ введеніемъ христіанства. Хроники намъ показываютъ, что военныя и религіозныя институціи нигдѣ не были такъ тѣсно связаны между собою какъ въ Польшѣ: польское рыцарство появилось въ нашей исторіи въ то время, когда въ первый разъ полу-обнажило саблю при чтеніи Евангелія *).

Когда возвратился изъ Каринтіи (Крак.....) и явился въ собраніе, то сказалъ: «ridiculum esse ecüm mntilum, sine capite, acephalum. Jdem esse corpus inanimo, idem sine luce lampadem, idēm mundum sine sole, quad sine rege imperium.»

«Нельзя отвергать, что военная служба крестьянъ относится къ эпохѣ царствованія Болеслава и введенія *jus militare* въ западную Польшу. — *Jus militare*, можно сказать, положило начало совершенно новому классу въ старинномъ польскомъ обществѣ, которое было основано, на поземельно-родовомъ отличіи; — этотъ классъ

*) Польскіе рыцари имѣли обыкновеніе во время чтенія Евангелія вынимать до половины сабли изъ ноженъ, въ знакъ готовности защищать христіанство.

(Примѣч. переводчика).

былъ основанъ на одномъ только рыцарскомъ достоинствѣ, и до того затмилъ прежнее общество, что польская шляхта вздумала впослѣдствіи перемѣнить этимологію своего происхожденія, и принять другую, основанную на военныхъ заслугахъ, отъ слова *die Schlacht*. Введеніе рыцарскаго права имѣло для Польши еще то важное послѣдствіе, что оно положительно вошло въ систему европейскихъ державъ, и возвысило надъ властями земель и воеводствъ власть кастеляновъ, т. е., администрацію военную, распространявшуюся постепенно по цѣлому краю, центромъ которой были города, *castella*.

Европейская цивилизація развивалась съ улучшеніемъ городовъ. Римляне распространили ее до Рейна и Дуная при помощи *oppida, castra* и *castella*.»

«Шляхта не отдавала себѣ никогда отчета въ огромной разницѣ, между институціями въ царствованіе Пястовъ, Ягеллоновъ и Вазовъ; не помнила того, что Болеславъ храбрый съ трудомъ ввелъ *jus militare* и что родовая наша шляхта, тогда еще не многочисленная, противилась этому нововведенію.» *Et quicunque probus horpes opudeum* (Boleslaum chrobry) *in militia probatur, non miles illé sed regis filius vocabatur*.» (Gallus).

«Подобныя обстоятельства показываютъ, что исключительныя мнѣнія какъ горожанъ, такъ и шляхты не могутъ быть здѣсь приняты. Обѣ стороны, при обсужденіи историческаго акта, имѣли въ виду только собственныя побужденія и совсѣмъ забывали, что въ войскѣ, о которомъ шла рѣчь, могли находиться не только горожане и шляхта, но также и крестьяне. «На сколько послѣднее мнѣніе можетъ быть справедливо, покажетъ намъ подробное разсматриваніе войскъ, сформированныхъ изъ крестьянъ во время Пястовъ; въ настоящее время свидѣтельства Длугоша и Галла то только доказываютъ, что сила Польши при Болеславѣ I была сосредоточена въ городахъ и мѣстечкахъ, съ которыми администрація края связывала окрестныхъ жителей.»

Польскія хроники и статутъ Казиміра показываютъ, что военныя институціи Пястовъ ввели, по образцу западныхъ государствъ, нѣсколько родовъ войска: пѣхоту и конницу, отличающіяся какъ збруею, убранствомъ и строемъ, такъ и оружіемъ, и раздѣленныя на высшіе и низшіе военные чины, *milites famosi, nobiles, milites pauperi, simplices*. О войскѣ высшемъ, переходящемъ постепенно въ *ordo militaris* и *ordo equestris*, и состоящемъ частію изъ шляхты, горожанъ и иноземцевъ, — о войскѣ, которое мы встрѣчаемъ на первыхъ страницахъ нашей исторіи, мы ничего здѣсь не скажемъ.»

«По обыкновенію, сохраняемому какъ во Франціи, такъ и Германіи, съ каждаго участка земли (лана) или съ каждаго дыма выбирался рекрутъ, преимущественно рослый и проворный, который освобождался отъ повинностей и податей. Такъ дѣлалось и при Стефанѣ Баторіи. Служившая во Франціи пѣхота была вооружена луками, отсюда произошло названіе *liberi sagittarii* (francsarchos); земли-же, которыя они занимали, назывались *praedia militaria*, и были обработываемы общими силами деревни. Слѣды подобной институціи мы находимъ въ буллѣ папы Инокентія, данной Гнѣзненскому архіепископству въ 1136 году: *Item in villa Sagitariorum Boles cum Sociis suis*. Если вѣрить словамъ Старовольскаго, что *Sagittarii* составляли въ Польшѣ конницу, то должно-бы было допустить существованіе конныхъ полковъ, составленныхъ изъ крестьянъ, что противорѣчило-бы Лубенскому, который опровергаетъ это мнѣніе. Въ Венгріи *jobagiones*, такъ часто встрѣчаемые у нашихъ дипломатовъ, которыхъ Вислицкій статутъ называетъ *Kmethones* были избираемы одинъ изъ десяти и служили *cum hasta et clipeo*. Изъ этого видно, что при Болеславѣ I *Clipati* Гнѣзна, Познани и т. д. имѣли въ своихъ рядахъ крестьянъ.»

«Болеславъ I образовывалъ свои надворные полки не только изъ бароновъ и воиновъ но и изъ *крестьянъ, которыхъ за то освобождалъ отъ повинностей*. Слѣдуя

примѣру Храбраго, то же самое дѣлали и всѣ польскіе помѣщики — до послѣднихъ временъ—образуя въ своихъ имѣніяхъ надворныя роты—обыкновенно изъ крестьянъ, которыхъ называли казаками, гайдуками, гусарами, драгунами и проч., смотря потому какъ ихъ одѣвали, и освобождали отъ платы за землю и другихъ повинностей. Если-бы слово Длугоша — *liberti* — означало плѣнниковъ, то это доказывало-бы только, что Болеславу I представлялось большое затруденіе при наборѣ войска, и что принимая въ него плѣнныхъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ-бы былъ принимать крестьянъ. Не должно думать, чтобы наборъ королевскихъ надворныхъ полковъ или гвардіи изъ низшаго класса былъ чѣмъ-либо необыкновеннымъ; напротивъ это, кажется, случалось довольно часто, какъ самый удобный способъ, — особенно придурномъ положеніи финансовъ. Это объясняетъ намъ почему сеймы такъ боялись королевской гвардіи и постоянно старались уменьшить ея число. Стефанъ Баторій, при устройствѣ конной-гвардіи, ясно изъявляетъ желаніе принимать въ нее каждаго, безъ различія сословій. Гвардія Станислава Августа, такъ дѣятельная въ 1794 г., не была исключительно составлена изъ шляхты. Польскіе надворные полки были такъ хорошо устроены, что короли опасались безъ нихъ начинать войну. Казиміръ Ягеллонъ приписываетъ неудачу подъ Хойницами — отсутствію надворныхъ полковъ.»

«Всѣ вышеприведенныя доказательства для четырехъ родовъ крестьянскаго строя, указываютъ, что военныя польскія институціи назначали крестьянамъ такія-же мѣста для службы, какъ и у другихъ народовъ; такимъ образомъ войско Болеслава Храбраго, набранное изъ великопольскихъ *) *кастеляній*, могло заключать ихъ значительное число. Военная служба крестьянъ, при первыхъ Пястахъ, была тѣмъ естественнѣе, что при одноплеменности Поль-

*) Познань.

ши, не только одна шляхта имѣла исключительно рыцарское значеніе.

«Короли, слѣдуя Болеславу Храброму, защищали ихъ (крестьянъ находившихся въ военной службѣ) отъ опасности со стороны шляхты, жаловали, небольшими участками земли — *sortes haereditariae* или *praedia*, возвышали цѣнность ихъ головъ; освобождали отъ повинностей и податей, и, надававъ привиллегій на княжескія достоинства, исключили изъ надворнаго суда — дѣла, касательно убійства воина. Если не такими, то покрайней мѣрѣ подобными привиллегіями пользовались крестьяне, находившіеся въ военной службѣ до конца XVII столѣтія. При Владиславѣ Варнскомь крестьяне, лично отправлявшіеся на турецкую войну, освобождались отъ наложенныхъ податей; при Сигизмундѣ III, Владиславѣ IV, Іоаннѣ Казимірѣ и т. д. крестьяне, служившіе въ войскѣ, назывались воинами. Освобождались отъ повинностей во время службы и были изъяты изъ подъ власти земскихъ судовъ на основаніи привиллегіи, называя *exemptio*.»

«Рыцарское право, вводя съ собою въ общество новое достоинство (такимъ образомъ званіе шляхты получалось или наслѣдственно, или чрезъ имѣніе, а имѣніе пріобрѣталось только рыцарскою службою), а въ народъ — новый классъ, — подало поводъ родовой шляхтѣ къ соперничеству съ нимъ, которое, не смотря на упадокъ рыцарства, и даже науравненіе его съ шляхтою, никогда въ Польшѣ не изчезло. Если будемъ разбирать службу крестьянъ, то можно сказать, что подобное соперничество и вражда, равняющаяся въ послѣдствіи зависти мелкопомѣстной шляхты къ магнатамъ, имѣла мѣсто и между воинами высшими и низшими, т. е., между шляхтою, рыцарствомъ и простымъ народамъ. Съ другой стороны, военныя институціи, налагая на крестьянъ тягостныя обязанности, подъ названіемъ *польскаго права*, дѣлало эту вражду общею для всего крестьянскаго класса и требованія были тѣмъ настойчивѣе, что злоупотребленія

дѣлались безнаказанно. Рыцарство наше, отправлявшее службу на коняхъ и въ панцыряхъ, которое съ такимъ стараніемъ формировалъ Храбрый, — одаренное достоинствомъ и арендами деревень, которыя должны были снабжать ихъ средствами нести службу (villae millitans), во зло употребляло свою власть, отнимая собственность у крестьянъ, или перемѣняя ихъ земли на свои. Длугошъ свидѣтельствуетъ, что что-то подобное дѣлала шляхта въ XV еще столѣтіи, когда ей короли давали аренды на Руси (773, 1442 г.). «Augebet etians hujus modi malum Baronorum Paloniae amlitio, qui a rege danationibns oppidorum etc. villarum in terris Russiae et Padoliae impetratis, *antiquas ducelas et haeredes de illis efeclutebant*, qui inopia et egestate pressi et quadam desperatione, compulsi, ad Tartaras fugiebant, illosque past modum ad vartandum terras Russiae et possessianes, de quibus ejecti fuerant inducebant.»

«Сташицъ принимаетъ ту, а не другую причину угнетенія крестьянъ. Такимъ-же образомъ Мицкевичъ объясняетъ первоначальное образованіе дворскихъ земель, (т. е., земель безъ крестьянъ), произшедшихъ изъ крестьянскихъ полей, которыя окружали прежнія деревни.»

Употребленіе казаковъ, открытіе ихъ тогдашнихъ качествъ, утвержденіе деспотическаго трона на прочныхъ основаніяхъ, стѣсненіе феодальныхъ владѣтелей и наложеніе на Польшу, страну столь непріязненную для всякой стройной власти, такихъ обременительныхъ повинностей польскаго права, — все это окончательно объясняетъ причину быстраго возвышенія Болеслава I. Обычай — содержать наемныя войска, былъ основаніемъ тайной политики многихъ нашихъ монарховъ. Еще Людовикъ и Ягеллоны ввѣряли оборону замковъ иноземцамъ и когда сеймы настаивали, чтобы эта оборона была принадлежностію одной только шляхты, то короли стали обращаться къ казакамъ. Стефанъ Баторій, скрывавшій, до самой смерти, свои намѣренія, собиралъ изъ нихъ полки. Вла-

дислав IV, Марія Людвика и даже Августъ II опирали свои проэкты на ихъ содѣйствіи. Казаки до того стали необходимы въ польской арміи, что при Янѣ Казимірѣ, ежели-бы не крестьяне, мысль — о раздѣлѣ Польши-была-бы приведена въ исполненіе.

«Содѣйствіе крестьянъ ясно видно во всѣхъ войнахъ Пястовъ. Тогдашне состояніе края и не многочисленность войска, безпрестанно подавали къ этому поводы. Должно замѣтить, что во время первыхъ Пястовъ, рыцарство польское, получившее свое начало отъ *jus militare* и соединенное въ *ordo militaris,* а впослѣдствіи въ *ordo equestris,* не слилось еще съ шляхтою, т. е. не было сословіемъ, а только братствомъ. Рыцарство, до конца царствованія Болеслава III, служило только за плату и не сочувствовало несчастіямъ края; такъ, по словамъ Кадлубка, оно искало счастія подъ знаменами бунтовщиковъ.»

«Шляхта польская не имѣла въ своемъ характерѣ ничего сходнаго съ завоевателями. Это объясняетъ намъ причину, почему шляхта допустила Пястовъ наложить на нее тяжелыя обязанности, и почему рыцарство, по мѣрѣ того, какъ оно получало осѣдлость, и приходило въ сношеніе съ шляхтою, теряло свой воинственный духъ.»

«Шляхта не могла собственными силами преодолѣвать препятствія, и потому ей необходимо было содѣйствіе крестьянъ.»

«Шляхта, только со времени присоединенія къ ней рыцарства, получила воинственный духъ, и вслѣдствіе этого дѣльно сражалась съ непріятелями; но и тогда еще былъ случай, что она испугалась татаръ, пропустила эту дикую орду въ Силезію и обратилась исключительно только къ партизанскому образу войны, защищая свои воеводства и повѣты.»

«Тогдашній образъ веденія войны, выгонявшій изъ домовъ мирныхъ жителей и подвергавшій ихъ плѣну,

заставилъ крестьянъ принимать участіе въ народныхъ войнахъ и дѣлала-то, что слава великихъ людей въ Польшѣ — состояла въ лучшемъ употребленіи ополченій.»

«Изъ свидѣтельствъ Галла и Анонима, мы убѣждаемся, что побѣда на *Собачьемъ полѣ*, съ такимъ восторгомъ описываемая въ нашей исторіи и народныхъ легендахъ, была одержана при помощи крестьянъ: *rustisi midaus et acute sagacitate.* Это сраженіе показываетъ, какъ хороши были въ дѣлѣ польскіе крестьяне. «Это былъ дѣльный народъ» говоритъ по сему случаю Мацѣевскій.» Галлъ доказываетъ, что крестьяне издавна имѣли свои военныя пѣсни, и что когда еще возвращались изъ подъ Глогова, говоритъ хроника, то въ походѣ воспѣвали Кривоустаго, и шляхта, подходившая къ ихъ рядамъ, съ удивленіемъ слушала эти пѣсни.»

«Военная служба была въ то время для крестьянъ единственнымъ средствомъ къ полученію шляхетства, и что это бывало часто, доказываютъ розданныя Болеславомъ Храбрымъ *sortes haereditariae*, основаніе военныхъ мѣстечекъ вблизи городовъ, возведеніе крестьянъ, спасшихъ жизнь королю, въ достоинство шляхты и обширныя земли по границамъ Польши, данныя мелкимъ рыцарямъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образовалось такое множество шляхты. Частое возведеніе въ достоинство шляхты было политикою всѣхъ польскихъ королей, и даже въ позднѣйшее время Сигизмундъ Августъ дошелъ до того, что далъ магистрату города Познани право жаловать шляхетскимъ достоинствомъ отъ своего имени.»

«Хотя мы жалѣемъ о преждевременномъ упадкѣ конституціи Пястовъ, но по справедливости должны сказать, что все то, что было у насъ въ исторіи, если и не должно было имѣть мѣсто, повидимому имѣло уважительныя причины для своего существованія, или такъ сказать: въ Польшѣ привиллегіи на *jus ducale* неоднократно узаконяли то только, что существовало во многихъ земляхъ. Эти привиллегіи доставляли частнымъ лицамъ

власть и судъ надъ крестьянами, потому что при смутномъ состояніи края, эти послѣдніе рѣдко прибѣгали къ королевскимъ судамъ и не находили въ нихъ покровительства, а эти привиллегіи освобождали крестьянъ отъ военной службы и податей, потому что они, при зависимости отъ магнатовъ, занимались возведеніемъ укрѣпленій, слѣдовательно и безъ того уже были обременены тяжелыми обязанностями.»

«Для частныхъ лицъ, феодальность въ Польшѣ, никогда не могла быть *фактомъ*, освященнымъ однимъ только существованіемъ, но *институціею*, объясненною дипломатами и утвержденною народною властію. То же самое случалось и въ позднѣйшихъ столѣтіяхъ. Всѣ наши *ординаціи* отправляли военныя повинности, только имъ свойственныя, и за исполненіемъ которыхъ сеймы дѣятельно наблюдали.»

«Изъ трехъ родовъ нашихъ правъ: *jus ducale, jus teutanicum, jus haereditarium,* послѣднее было самое вредное для края, потому что оно, дозволяло нашему рыцарству заводиться хозяйствомъ и дѣлаться помѣщиками, и уничтожало крестьянское войско, ничѣмъ его не пополняя. Привиллегіи на нѣмецкомъ правѣ имѣли то преимущество, что увеличивали силы службою *салтысовъ* (soltysów) и вмѣстѣ съ тѣмъ не уничтожали совершенно прежнее войско, набираемое съ *лана* или *дыма*. Что-же касается до *jus ducale,* самаго вреднаго въ политическомъ отношеніи, потому что оно разъединялъ народъ вслѣдствіе распространенія *городовъ* (grodów) *солтыствъ* (soltystw) и введенія мѣстной обороны при содѣйствіи крестьянъ, то оно по крайней мѣрѣ имѣло то преимущество, что оброзовало точки опоры для народа и поле для упражненія молодой шляхты, отчего впослѣдствіи народный интересъ получалъ не малыя выгоды.»

Jus ducale — дало начало жизни дворской и *церковной* (koscielne), отъ которой Польша не освободилась во все время своего существованія. Съ этого времени богатая

шляхта начала жить въ укрѣпленныхъ замкахъ, окруженныхъ стѣною и водою, построенныхъ въ неприступныхъ мѣстахъ и стала прибавлять къ своимъ родовымъ именамъ названія замковъ. Отсюда беретъ начало слова равносильное *von* и *æan* (*. Дворы пановъ, на подобіе двора Храбраго, сдѣлались лагерями, занимающимся войною и охотою. Слабѣйшіе прибѣгали къ ихъ покровительству, т. е., подъ защиту сильнѣйшаго, подъ его знамя (godlo), *гербъ*, *щитъ* съ готовностью служить по первому приказанію, по первому *призыву*, *proclma*. Попроцкій при описаніи герба съ изображеніемъ топора, говоритъ: что паны объявляли претензіи на право — владѣніе крестьянами на томъ основаніи, что они принадлежали къ ихъ гербу (Мацѣевскій, о Польскихъ обычаяхъ, I, 86, 90, 93, 105). *Церковные дворы* имѣли въ числѣ своихъ вассаловъ даже шляхту. Въ XIII столѣтіи начинаютъ появляться кастныя знамена, *banderia* и измѣняется языкъ хроникъ. Длугошъ рѣже вспоминаетъ о содѣйствіи простаго народа и говоритъ только о панахъ, а когда вспоминаетъ о крестьянахъ, то употребляетъ слова: *cusn hominibus vum gente*.

Привиллегіи на княжеское достоинство, даваемыя сперва дѣйствительно за заслуги, а потомъ смотря по усмотрѣнію, распространили въ Польшѣ чрезвычайно большое число замковъ. Крестьяне, подвластные пану, имѣющему жалованную грамоту, освобождались отъ кастелянскаго суда, что обыкновенно выражалось словами: *ad efpedilionem non cant, caſtram non reqifiunt, ſtrosam nonsolvant*. Вмѣсто того они должны были тѣ-же обязанности исполнять для пановъ.

«Наше намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы противорѣчить мнѣніямъ получившимъ начало при Ягеллонахъ и

*) Нѣкоторые историки думаютъ, что слово *Pan* происходитъ отъ словъ *Ban* или *Хирап*, употребляемыхъ южными славянами для названія своихъ начальниковъ.

Николай Кубельскій 1857 г.

Вазахъ; показать постоянное участіе крестьянъ въ войнахъ и причину неослабнаго ихъ патріотизма. Патріотизмъ польскихъ крестьянъ во время раздѣла наслѣдствъ, не могъ уже имѣть никакой опоры. Это самое намъ объясняетъ, почему крестьяне наши такъ равнодушно смотрѣли на отнятіе у нихъ правъ. Ошибался-бы тотъ, кто-бы придавалъ дѣйствіямъ простаго народа самостоятельность; однакожъ нельзя противорѣчить тому, что въ эпоху раздѣла наслѣдствъ, — когда простой народъ, погруженный въ интриги партій, терялъ не только свои права, но и имѣнія, и постѣпенно дѣлался бѣднѣе, — были случаи, что они въ самихъ себѣ искали одушевленія, и хотя напрасно, сражались, защищая свое имущество.

«Эпоха раздѣла наслѣдствъ показываетъ: что тогда всѣ низшіе классы народа выведены были на поле сраженія и что Польша уцѣлѣла единственно только при помощи этого неизсякаемаго резерва.

Возвышенію популярности Локетка и Храбраго благопріятствовали крестьяне; благодаря имъ, сей послѣдній снова могъ возстановить независимость простаго народа и сдѣлаться такъ грознымъ въ глазахъ магнатовъ. По числу убитыхъ крестьянъ подъ Пловцами, въ 1331 г., должно предположить что Локетокъ много ихъ имѣлъ въ своихъ рядахъ. Кизиміръ В., когда не былъ въ состояніи противится мечеиосцамъ, точно такимъ-же образомъ сформировалъ войско: — созвалъ крестьянъ, часть изъ нихъ оставилъ для защиты городовъ, съ остальными-же далъ сраженіе. Въ 1330 г. этотъ король отправился на Русь съ войскомъ изъ крестьянъ».

«Сраженія подъ Пловцами и Пыздрами относятся къ законодательнымъ дѣйствіямъ Пястовъ. Владиславъ, Ягелла и Кизиміръ Великій, соединяя обычаи и народность поселенцевъ, выражая что *unus est rex et una lef*, старались водворить давнюю конситутцію, стѣснить *jus ducale* и *jus tentonicum* и удержать въ цѣлости земскую военную службу — *jus militare*. Дальше увидимъ, что эти на-

мѣренія были имъ не по силамъ. Идея о равенствѣ хотя послужила имъ къ нейтрализованію послѣдствій княжескаго права на столько, на сколько оно невыгодно для народнаго единства, но вмѣстѣ съ тѣмъ короли должны были уступить шляхтѣ многіе права, которыя она себѣ присвоила по примѣру магнатовъ; такъ что результатъ показалъ, что короли многое утратили изъ своей власти.

«Каковы бы не были правила статута Казиміра Великаго, позднѣйшая исторія показываетъ, что они были только воспоминаніемъ и объясненіемъ прошлаго, а не основаніемъ будущихъ постановленій. Разсматривая акты временъ Людовика, Владислава Ягеллы и Владислава Варнскаго, находимъ, что въ XIV ст., вслѣдствіе привиллегій, данныхъ монархами не польскаго происхожденія въ видѣ вознагражденія за полученный тронъ и вслѣдствіе самоувѣренности шляхты, увеличенной соединеніемъ народа съ Литвою, обычаи временъ Пястовъ утратили свою силу и конституція польская начала принимать новую форму, характеризующуюся демократическимъ отношеніемъ шляхты къ королю и феодальнымъ отношеніемъ къ городамъ и крестьянамъ. Всѣ стремленія Польши могутъ быть объяснены стремленіемъ къ равенству. Съ распространеніемъ феодальныхъ привиллегій на *цѣлую массу шляхты* произошло — что число одаренныхъ привиллегіями вскорѣ увеличилось и удержало власть надъ крестьянами (absolitumjus), и было независимо въ своихъ дворахъ, которыхъ послѣ никто уже не могъ собрать въ одно цѣлое. Подобное положеніе дѣлъ обыкновенно имѣло мѣсто въ исторіи въ видѣ такъ называемаго *политическаго эгоиста*».

«Шляхта принудила даже короля (Людовика) принять на себя постройку и поправку замковъ, т. е., то что она не въ состояніи была исполнить, и такимъ образомъ, къ сожалѣнію писателей нашихъ хроникъ, шляхта нанесла ударъ институціи городовъ. Владиславъ Ягелла, стараясь сложить съ себя обязанность, которую онъ

не могъ исполнить безъ народнаго убытка, вынудилъ отъ шляхты обѣщаніе — что пограничные города она будетъ содержать на свой счетъ и что Куявская и Добржанская земли, въ которыхъ было много замковъ, построенныхъ противъ мечеиосцевъ, будуть доставлять хлѣбъ впродолженіе десяти лѣтъ, а Русь впродолженіе всей жизни короля.

Единовременно съ стремленіемъ городовъ къ освобожденію отъ повинностей, которыя Польша при Казимірѣ Ягеллонѣ съ трудомъ могла уплачивать, наступалъ упадокъ солтысовъ (Soltysow), о пользѣ которыхъ въ военномъ отношеніи мы уже говорили. Отсюда произошелъ обычай покупать солтыства, напрасно стѣсняемый законами; послѣдствія этого обычая по свидѣтельству Кромера и Модржевскаго были пагубны для края, потому что онъ лишился многихъ воиновъ, а деревни теряли мѣстныя власти, которыя пользуясь нѣкоторою независимостію, могли быть посредниками между интересами пана и крестьянина *). Въ это же самое время

*) Исторія *солтыствъ* состовляетъ для Польши исторію крестьянскихъ общинъ. Число вольныхъ деревень при Болеславѣ I должно быть было значительно, потому что Галлъ говоритъ; ***Влодаржи*** (владѣтели участка земли извѣстной мѣры) или Yastadiones и Yillici были распространены въ цѣломъ краѣ, и Сигизмундъ III предлагалъ управлять страною, не требуя дани, съ условіемъ — чтобы всѣ эти Влодаржи возвратились подъ его власть; слѣдствіемъ распространія Влодаржей было уменьшеніе *солтыствъ*, привыкшихъ по духу того времени, употреблять во зло свою власть и силу. Солтысы занимались сборомъ поземельныхъ денегъ и приведеніемъ въ исполненіе постановленій, такъ называемыхъ Вилькурій (die Wilkuhren), касательно условій общинъ съ господами о барщинѣ; съ присоединеніемъ-же *солтыствъ* къ владѣтелямъ, эти послѣдніе отнимали у нихъ льготы, данныя имъ королями, перемѣнили нѣмецкія деревни, одаренныя привиллегіями въ ущербъ правительству, но въ пользу крестьянъ, на господскія въ ущербъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ; это было слѣдствіемъ вездѣ введенной барщины. У насъ не умѣли ограничиваться, подобно Пруссіи при введеніи перемѣнъ: изгоняли изъ деревень горожанъ, занимавшихся тамъ промы-

въ деревняхъ принадлежащихъ шляхтѣ, прекратился наборъ пѣхоты съ *лана* и *дына*.

Перемѣны, вводимыя въ XIII и XIV столѣтіяхъ, въ составѣ военныхъ силъ Польши, казалось слагали народную оборку на города, королей и преимущественно на шляхту. Шляхта знала объ этомъ, и въ замѣнъ данныхъ ей, феодальныхъ привиллегій, обѣщала всѣми силами оборонять Польшу отъ непріятелей. Шляхта могла заключить столь дерзкій договоръ, потому что уничтожая крестьянское войско, включала его такимъ образомъ въ свои силы, — и обязывалось выводить его въ поле соотвѣтственно величинѣ своихъ имѣній. Крестьяне, такимъ образомъ доставляемые на войну, внезапно отрываемые отъ работъ и лишенные давняго рыцар-

---

сломъ, оставшихся же лишали всего. Тѣ-же изъ литенныхъ которымъ удалось избѣгнуть униженія, живо чувствввали какъ-бы теперь умѣстны были законы и справедливость, которыхъ они столько вѣковъ добивались напрасно.

«Изысканія публицистовъ временъ Станислага Августа касались только исторій шляхты, и, принимая *обновленіе* услугъ нашихъ крестьянъ, оказанныхъ отечеству, пропустили пять вѣковъ ихъ службы».

Противъ этого мнѣнія принимаемаго Лубинскимъ, Старовольскимъ, Фредромъ и другими, возсталъ при Станиславѣ Августѣ Коллонтай, который зналъ какимъ путемъ должно защищать угнетенныя классы, будучи убѣжденъ, что возвышеніе крестьянъ въ народномъ мнѣніи было бы невозможно безъ указанія ихъ заслугъ: Коллонтай нанесъ ударъ господствующему мнѣнію,—отличилъ шляхту отъ рыцарства и объявилъ въ своемъ письмѣ I, стр. 190, что крестьяне несли въ Польшѣ военную службу и привелъ въ свидѣтельство конституцію Сигизмунда I, 1544 г., подъ которую подходили крестьяне, ***Kmethones suoe Regiae Majestatis A DOMJNORVM tam Spiritualium quan SAECVJARJVM, vigesemum ef numaro suo egpedire tenebuntur, efcertis hortulaois.*** Vol. I, 583. Исключеніе хотя не столь нужныхъ для земли, огородниковъ, объясняется тѣмъ, что они обработывали землю, откупаемую у крестьянъ (S, V,). Не смотря на свои доказательства, онъ (Коллонтай) прибѣгалъ къ великодушію сейма, умоляя о милости къ крестьянамъ. По нашему убѣжденію, въ настоящее время, крестьяне нуждаются не въ защитѣ, а

скаго права,—не могли уже составлять стройной пѣхоты и вѣроятно были употребляемы для прислуги конницѣ—въвидѣ деньщиковъ, фурштатовъ и проч. Что это могло имѣть мѣсто, доказываетъ устройство пѣхоты при Владиславѣ Ягеллѣ изъ карпатскихъ горцевъ, называемыхъ до XVII столѣтія—Волохами.

На поляхъ Грюнвальда и Танненберга находились многія польскія и литовскія надворныя роты и этимъ опровергается мнѣніе Лубенскаго, — будто бы шляхта сама одержала побѣду. Кромѣ того, обѣщая оборонять отечество всѣми своими силами, шляхта не забывала о *пополненіи* или *резервѣ* его войска воеводскими ополченіями, или о давней обязанности крестьянъ, выступать на защиту края, какъ это было на Литвѣ и Руси.

въ исторіи. Все вышеизложенное подтверждаютъ и надгробные памятники: *grandia effossis ossa sepulcgris.* Эта скромная исторія была лишена лучшихъ произшествій, но, несмотря на пренебреженіе нашихъ писателей къ исторіи простаго народа, мы ясно видимъ, что она начинается раньше привиллегій шляхты и требуетъ положительнаго опредѣленія рыцарскаго права. *Jus militare, Ordo militaris* не были собственно корпораціею, но институціею, на основаніи которой возвысилось государство Болеслава Храбраго, которое, опираясь, главнымъ образомъ, на народномъ элементѣ, могло употребить силу, наложить на всѣ сословія тяжелыя повинности и покровительствовать крестьянамъ. Вышеприведенные факты открываютъ тайну возвышенія могущества Болеслава Храбраго и популярности его у низшаго класса, равно какъ и популярности отравленнаго Мечеслава, сына Болеслава Смѣлаго и Казиміра Великаго, правнуковъ и наслѣдниковъ трона и политики Великаго основателя монархій въ Польшѣ.

(По смерти каждаго изъ слѣдующихъ польскихъ королей, не имѣющихъ власти, народъ уже не оставлялъ своихъ занятій для траура и орошенія слезами камней на королевскихъ могилахъ. С. У.). Доказательства такой популярности передали намъ хроники, и вмѣстѣ съ тѣмъ открыли, какъ говоритъ Лелевель, тайну развитія у насъ ясно понимаемой мысли о государствѣ Болеслава.»

Антоній Шиманскій, въ Варшавск. библіот. 1843 г., стр. 252, т. Ш. (О службѣ крестьянъ древней Польши, изъ Познаньскаго Обозрѣнія (Przeqlgd poznanski) 1845 г. т. II стр. 1 и слѣдующія).

Поэтому можно сказать, что шляхта въ XIV столѣтіи произвела рѣшительную перемѣну въ образѣ веденія войны, т. е., измѣнило *земскую службу*, описанную въ *jus militare* въ *феодальную*; произвела безпорядокъ въ составѣ милиціи, но не обошлась безъ участія крестьянъ въ народныхъ войскахъ.

«Спытко изъ Мельштина, возставая противъ Владислава Варнскаго, устроилъ изъ нихъ вооруженную пѣхоту».

«In subsidium Wladislao reqi quilibet lancus oqri im terris Cracoviensibus unum fertonem solverat, et nabilis qvilibet kmethonem non habens et scultetus unam marcam Exempti tamen erant omnes Baroues et nobiles otque Cmethones corum, qui personaliter in subsidium Wladislao reqi erant transituri. (Длугошъ I, 750).»

«Изъ вышеприведенныхъ фактовъ видимъ, что военная служба крестьянъ, не смотря на договоръ, заключенный шляхтою, не прекращалась въ Польшѣ, и что они учавствовали во всѣхъ сраженіяхъ. Мало того,—шляхта когда приняла участіе въ народныхъ дѣлахъ,—увидѣла: что даже съ крестьянами, т. е., всею силою, ей трудно упрочить безопасность отечества, и потому въ 1447 г. учредила въ обширнѣйшемъ смыслѣ внутреннюю оборону».

«Слабость Польши, не смотря на соединеніе съ нею Литвы и Руси, происходила тогда вслѣдствіе перемѣны устройства края, упадка рыцарскаго права и сверхъ того отъ давняго, а теперь всеобщаго, стремленія къ конной службѣ. Умноженіе конницы имѣло важное вліяніе на судьбу народа, потому-что унижало мало по малу пѣхоту, —этотъ источникъ могущества Пястовъ, — и уменьшая ея количество, открывала путь къ злоупотребленіямъ власти надъ крестьянами. Съ униженіемъ пѣхоты теряли вѣру въ ея необходимость, безполезно употребляли крестьянъ на лагерныя услуги и не охотно доставляли отряды соотвѣтственно величинѣ имѣній. Къ причинамъ ослабленія Польши при Ягеллонахъ, можно прибавить

еще и то, что наши писатели называютъ *отдохновеніемъ* или вѣрнѣе-постоянно распространяющаяся феодальная жизнь шляхты и рыцарства, независимая земледѣльческая жизнь, а по Старовольскому цивилизованная, начавшаяся отъ основанія академіи. Рыцарство польское, освобождая себя отъ военныхъ тяжестей, измѣняя ленныя деревни въ наслѣдственныя, все болѣе и болѣе, сравнивалось со шляхтою, увеличивало ее, распространяло среди нея воинственный духъ, затемняющій своимъ блескомъ давнишнее ея родовое происхожденіе, въ замѣнъ этого принимало всѣ ея обычаи. Рыцарство и шляхта, занятыя землею и привязанныя къ ней съ силою, свойственною земледѣльческимъ народамъ, отвыкали отъ военной службы, избѣгали ея по возможности и отказывались выступать за границу, что измѣнило прежнія наши наступательныя войны въ оборонительныя. Однакожъ, не смотря на всѣ эти недостатки, свойственные многимъ современнымъ народамъ, наша народная *кавалерія* при Ягеллонохъ, достигла высшаго блеска».

«Кавалерія польская, сосредоточивая въ себѣ лучшія преданія стариннаго jus militare образовала по образцу прежняго ordo militaris, рыцарскій кругъ, ordo equestris, *братство* или *товарищество*, состоящее изъ свободныхъ людей, въ которомъ равенство, храбрость и взаимная помощъ были обязанностями, освященными религіею. Въ этомъ братствѣ каждый могъ заслужить доброе имя, съ которымъ, по окончаніи войны, возвращался въ повѣтъ, — этотъ источникъ, сосредоточивающій гражданскую жизнь и дающій награды, значенія и достоинства. Съ пренебреженіемъ къ пѣхотѣ многочисленность военной прислуги придала шляхтѣ феодальный видъ, превосходящій войска другихъ народовъ. Каждый изъ шляхты, сражающейся въ первыхъ рядахъ подъ именемъ *товарищей*, имѣлъ отъ 10—30 человѣкъ прислуги и въ деревнѣ и въ дружинѣ показывался какъ *Parvus Monarcha*.

Такое положеніе хорошо выражалось поговоркою: *что Полякъ—то гетманъ.*

Отношеніе войскъ одной организаціи къ другой точно опредѣляло степень власти и отношеніе привиллегій шляхты къ правамъ простаго народа, такъ что исторія организаціи войскъ можетъ быть принимая за исторію правъ какъ королей, такъ и частныхъ лицъ. При Пястахъ видимо преобладала организація простаго народа, извѣстная впослѣдствіи подъ именемъ *чужеземнаго набора* (autoramant cudzoziemski); при Ягеллонахъ же и Вазахъ преобладала организація шляхты. Максиміанъ Фредро, описывая устройство кавалеріи, забылъ прибавить что тамъ, гдѣ всѣ наказываютъ,—нѣтъ дисциплины. Наша кавалерія могла служить этому примѣромъ. Для достиженія дисциплины необходимо было уменьшеніе виновныхъ. Владиславъ Варнскій, разбивъ турокъ, въ другой разъ вышелъ противъ нихъ съ одною только кавалеріею, но встрѣтивъ въ непріятельскомъ войскѣ порядочную пѣхоту, проигралъ сраженіе и былъ убитъ; ужасъ народной на кавалеріи былъ такъ великъ, что она отъ Варны до Кракова не могла собраться въ ряды и возвращалась впродолженіе цѣлаго года, скрываясь отъ стыда въ своихъ домахъ.

«Узнавъ о Варнскомъ пораженіи, шляхта, для защиты границъ прибѣгнула къ другой крайности — пособію крестьянской пѣхоты. Вышеизложенныя постановленія, включенныя въ *Lauda Cracoviensia*, сдѣлалась обыкновеніемъ въ краковской землѣ. Постановленія жителей краковской земли показали энергію шляхты при внутренней защитѣ, но такъ какъ онѣ ни въ чемъ не измѣнили состава народныхъ войскъ, то не могли устранить позднѣйшихъ опастностей; то что случилось подъ Варною повторилось въ 1449 году въ Молдавіи. Кавалерія наша, бросившись на пѣхоту Богдана, должна была отступить съ большею потерею и если бы не Богулабъ, которому пришла мысль употребить въ дѣло обозныхъ людей,

Польская армія принуждена была бы отретироваться. Въ 1454 году народное ополченіе, состоявшее исключительно изъ конницы, безъ дисциплины и обремѣненное обозами и ихъ прислугою, потерпѣло пораженіе отъ меченосцевъ подъ Хойницами, покрыло стыдомъ всю Польшу и запятнало славу нашего оружія, пріобрѣтенную подъ Грюнвальдомъ. Прусская война, тянувшаяся впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, показала во всей силѣ лѣность феодальной шляхты.»

«Слѣдствіемъ этого было то, что прусская война перешла въ руки войска, составленнаго изъ простаго народа. Каждый разъ, когда Польша вела продолжительную войну, шляхта оказывала нетерпѣніе, вслѣдствіе чего война принимала простонародный характеръ.»

Когда Казиміру Ягеллону, въ 1464 году, угрожало вторженіе крестоносцевъ въ нѣдра Польши, онъ образовалъ изъ крестьянъ отрядъ и, присоединивъ къ этому *ultima datio* нашихъ войнъ свои надворные полки, расположилъ ихъ подъ Хелмомъ для удержанія непріятеля. Вотъ какимъ образомъ ведена была прусская война, въ которой нашихъ должно было погибнуть около 300,000. Кто можетъ намъ сказать сколько было тамъ крестьянскихъ труповъ?

Альбертранди говоритъ: что когда сеймы распустили войско, состоящее изъ крестьянъ, не уплативъ ему жалованье, то оно окопалось на горѣ Жебрачѣ, близъ Освѣтима, и въ Мыслеицахъ. Приведенное въ возмущеніе войско за неуплату жалованья, немогло не подѣйствовать сжели не на польское то покрайней мѣрѣ на русское крестьянство.—Въ 1492 году, польскій крестьянинъ Муха произвелъ это возмущеніе, ставъ во главѣ 10,000 крестьянъ. Съ этого времени начинается исторія *Опришковъ*, или бунтовщиковъ, состоящихъ изъ крестьянъ южныхъ провинцій, которыя скрывались въ Карпатскихъ горахъ. Возмущеніе сильнаго жмудскаго народа, столько принесшаго услугъ народнымъ войскамъ, произшедшее близъ

Мереча въ 1483 году, подъ предводительствомъ Лейшица и незапятнанное грабежомъ,—представляло возмущеніе, произшедшее единственно только отъ угнетеній. Лейшицъ, поднимая колесо, какъ эмблему свободы, требовалъ отъ Казиміра Ягеллона возвращеніе народу давнихъ льготъ. Когда возмущеніе, которымъ онъ предводительствовалъ, было усмирено, жмудскій народъ находилъ утешеніе въ религіи: что послѣ смерти ему легче будетъ карабкаться на гору спасенія, чѣмъ господамъ, которые хотя имѣли бо́льшіе когти, не обремененные насильствіями, Богъ знаетъ когда взойдутъ на ея вершину, тогда какъ онъ, свободный отъ тяжести, скорѣе ея достигнетъ.

«Польскіе крестьяне возмущались; но опасенія дали поводъ сейму къ ихъ обезоруженію. Въ царствованіе Казиміра Ягеллона, крестьяне, имѣя при себѣ оружіе, противились шляхтѣ и дѣло нерѣдко доходило до ссоръ и даже до драки. Ограничили ихъ право собственности и перехода отъ одного помѣщика къ другому, посѣщенія ихъ дѣтьми школъ и принятія въ духовное званіе. Въ это же время начался рядъ постановленій противъ такъ называемыхъ *голотовъ*, т. е., рядовыхъ и обозныхъ людей, не хотѣвшихъ по окончаніи войны возвратиться на земли своихъ господъ, а шатавшихся по городамъ, для болѣе выгодныхъ и свободныхъ заработковъ.»

«Царствованіе Казиміра Ягеллона было печальною драмою нашей исторіи, потому-что оно открыло печальныя послѣдствія, произшедшія отъ завладѣнія феодальными правами. Независимость и честолюбіе, а съ ними и лѣность, увеличились до того, что въ 1454 и 1456 годахъ, было постановлено: что король не можетъ объявлять войну безъ предварительнаго одобренія ея уже не на сеймѣ, а на воеводскихъ сеймикахъ. Какъ при Людовикѣ сеймы, взамѣнъ получаемыхъ привиллегій, самоувѣренно принимали на себя военныя повинности, такъ теперь они слагали ихъ на короля. Казиміръ, разсуждая съ депутатомъ Рытвянскимъ о своемъ затруднительномъ

положеніи, сказалъ: что онъ могъ бы принять на себя защиту края, оставя въ покоѣ *штаты* (stany), если бы города и королевскія имѣнія не были разобраны. Въ 1462 году король долженъ былъ угрожать военною силою и, какъ мы выше уже сказали, прибѣгать къ надворнымъ ротамъ и крестьянамъ для обороны края.

«Остророгъ, свидѣтель вялости сеймовъ и пораженія въ Молдавіи, совѣтовалъ, смотря по степени угрожающей опасности, призывать къ оружію сначала шляхту, въ болѣе важныхъ случаяхъ горожанъ, а въ крайности уже крестьянъ. Сеймы не хотѣли слѣдовать этому совѣту, но мысль о реформѣ военной организаціи, сильно занимавшая Сигизмунда I и Сигизмунда Августа, была поводомъ, что институція, по которой пѣхота набираемая съ *лана*, или *дыма*, противорѣчащая всякой феодальности, была снова возобновлена для защиты края, угрожаемаго опасностями.»

Конституція Сигизмунда I въ 1514 году, возобновляя крестьянскую пѣхоту, показала, что какъ прежде, такъ и теперь военные резервы польскихъ силъ опирались на народномъ элементѣ. Отъ скораго или медленнаго призыва къ оружію этихъ резервовъ зависѣли всѣ наши успѣхи и не удачи.»

«По убѣжденію Европы исторія войнъ должна быть и исторіею правъ народа, народныя войны были для него спасеніемъ, а поля сраженій поприщемъ, на которомъ онъ пріобрѣталъ и льготы и права; но исторія нашихъ войнъ заставляетъ сомнѣваться въ справедливости этого. Все показываетъ, что польское крестьянство со временъ Болеслава, утрачивало свои права въ отношеніи участія, какое принимало оно въ защитѣ края. Это происходило отъ его простоты, не умѣющей о себѣ напомнить, отъ странной безпечности, не превосходящей обыденныхъ потребностей и отъ мѣстоположенія края, неспособствовавшаго къ возмущенію, или, наконецъ, отъ отсутствія въ сосѣдствѣ вольнаго народа, на который

опирались бы его дѣйствія. Царствованіе Яна Казиміра можетъ быть пояснитъ намъ настоящую причину равнодушія крестьянъ; но въ настоящее время то только несомнѣнно, что ихъ возмущенія имѣли характеръ оборонительный и что униженіе ихъ наступило вслѣдъ за униженіемъ пѣхоты.»

Назначеніе *кварты* *) для войска, положило начало такъ называемымъ — *квартяннымъ* полкамъ. Сигизмундъ Августъ употреблялъ ихъ для охраненія южныхъ границъ отъ татаръ и казаковъ. Что же касается сѣверныхъ границъ, то онѣ были обезпечены постановленіями 1551 года, по которымъ снова былъ введенъ родъ гарнизонной пѣхоты. Постановленіями Сигизмунда Августа: замковые литовскіе воины, называемые *служащими боярами,* освобождались отъ барщины и обязывались заботиться о дорогахъ, нести гарнизонную службу и жили на военномъ ланѣ, такъ называемомъ — *манствъ*, — *sociagium* militare, sociagium privilegiatum или sociagium villenagium.» (Mansus — ланъ, влокъ).

«Экономической Уставъ 1557 года предписалъ *кадастръ* **) одобренный коронным сеймомъ.»

Лановую пѣхоту, устроенную Баторіемъ въ 1578 году, обыкновенно почитали совершенно новою, тогда какъ слѣды ея древности находимъ на всѣхъ страницахъ нашей исторіи.»

«Стефанъ Баторій *) кромѣ надворной пѣхоты шлях-

---

*) Четвертая часть государственныхъ доходовъ.

**) Списокъ недвижимыхъ имѣній, съ обозначеніемъ цѣны, составленный правительствомъ.

*) Канцлеръ и великій Гетманъ Янъ Замойскій, какъ извѣстно, былъ исполнителемъ политики этого короля, слѣдовательно ему принадлежитъ заслуга — возобновленія ланной пѣхоты; объ этомъ самомъ упоминаетъ и Шиманскій. Стефанъ Баторій повелѣлъ принимать въ гвардію людей безъ различія сословій. Авторъ памятниковъ исторіи Стефана Баторія (изданія Решевкаго 1830) доказываетъ, что Польша безъ участія Литвы была въ состояніи выставить 150,000

ты, которая не была достаточно сильна, имѣлъ въ своей арміи нѣсколько тысячъ новобранцевъ, которыхъ, смѣшавъ съ венгерцами, пріучилъ къ войнѣ, и не однократно одерживалъ съ ними побѣды. Съ этого времени мнѣніе о пѣхотѣ измѣнилось и существовавшая пословица: *ольская пьхота нехороша и мало стоитъ*, въ 1579-мъ году перешла въ другую: *кто воюетъ безъ пьхоты, тотъ только дълаетъ набьги*. Кромѣ людей, набираемыхъ съ *лана*, Стефанъ Баторій призывалъ *солтысовъ*, *войтовъ* и *лемановъ* (so tysi, wójcii emanowie).»

пѣхоты изъ крестьянъ, набирая одного съ 20-ти лановъ и въ рукописи, которая содержитъ въ себѣ это число, была слѣдующая выноска — «Сохрани Боже, чтобы оружіе, принадлежащее шляхтѣ было ввѣрено крестьянамъ.»

Это желаніе безъимяннаго шляхтича — писателя комментарій, вполнѣ осуществилось въ 1717, потому что вслѣдствіе извѣстнаго, неслыханнаго трактата короля съ народомъ, вынужденнаго Тарногродскою конфедераціею, пѣхота набираемая съ лана была уничтожена.

Сильванди говоритъ: что Чарнецкій, по обыкновенію другихъ великихъ мужей Польши, уважая силу простаго народа или пѣхоту, возбудилъ противъ себя шляхту.

Онъ предложилъ услуги королевѣ Маріи-Людвикѣ: «pour en finir avec cette turbulente noblesse.» Изъ этого не слѣдуетъ заключать: что этотъ спаситель отечества, немогшій достигнуть гетманскаго достоинства, по причинѣ своего не столь знатнаго происхожденія, хотѣлъ отдѣлаться отъ шляхты. Подобный поступокъ не могъ быть свойственъ великому мужу, имѣвшему въ обыкновеніи поговорку: *что произошелъ не изъ соли и земли, а изъ горя.* (Zé nie powstal z soli ani z roli, ale z tego co go boli); — напротивъ это показываетъ вѣрнаго представителя тогдашней шляхты. Такимъ образомъ Стефанъ Чарнецкій вѣрнѣе Яна Замойскаго представляетъ образецъ духа шляхты того времени; — потому-что, не смотря на полученіе мѣста въ сенатѣ и имѣнія Тыкоцынъ, до конца жизни не переставалъ думать о возвышеніи сословія, изъ котораго происходилъ, между тѣмъ какъ о Янѣ Замойскомъ этого сказать нельзя. Хотя родъ Замойскихъ впослѣдствіи и занялъ въ Польшѣ болѣе благопріятное положеніе чѣмъ прочая шляхта, но ничего для нея не сдѣлалъ (принимая значеніе шляхты какъ въ другихъ странахъ — за среднее сословіе). «Всѣ стремленія Польши, говоритъ Ши-

«Шляхта опасалась пѣхоты, составленной изъ крестьянъ, зная, что она въ будущее время могла бы имѣть вліяніе на внутреннія дѣла, и даже опровергнуть конституцію, основанную на перевѣсѣ одного только сословія. Фредро и Гурницкій, упоминая о пѣхотѣ, говорятъ— «наши новобранцы опасны, потому-что они въ скоромъ времени будутъ для королей дароже шляхты.» Изъ этого опасенія виденъ постепенный упадокъ пѣхоты, набираемой съ лановъ. Уже законъ 1616 года, показываетъ— «что число новобранцевъ значительно уменьшилось.»

майскій, объясняются стремленіемъ къ равенству.» Позволимъ себѣ сдѣлать замѣчаніе, — что стремленіе это не имѣло цѣлью свободу, которая развилась только во 2-ой половинѣ XVII столѣтія, потому-что въ такомъ случаѣ двѣ разнородности, свобода и равенство могли-бы произвести анархію; — между тѣмъ мы видимъ, что духъ тогдашней польской шляхты выражался государственнымъ порядкомъ — убѣжденіемъ о необходимости правительства и привязанностію къ владѣтельнымъ домамъ, какъ слѣдствіемъ одного господствующаго стремленія (т. е. къ равенству).

Съ другой же стороны, даже при Августѣ III, такъ называемая *золотая свобода,* совершенно ослаблявшая правленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ намъ свое влініе на равенство, которое осталось въ Польшѣ только повидимому; изъ этого можно заключить — что свобода образовывалась у насъ на счетъ равенства. Вслѣдствіе безпрестаннаго присоединенія къ шляхтѣ всѣхъ элементовъ народности, которые, чрезъ различныя усилія и домогательства, успѣли снискать себѣ извѣстное достоинство, — стремленіе къ равенству сдѣлалось болѣе яснымъ. Изъ этого произошло, — что званіе шляхты, прежде уважаемое, потеряло свое значеніе у магнатовъ, заняло мѣсто консервативное и монархическое, подобно среднему сословію другихъ странъ Европы.

Не смотря на то, что шляхту водили два ея любимца, Янъ Замойскій и Чарнецкій, противъ такъ называемыхъ старшихъ братьевъ (магнатовъ), которыя, имѣя въ виду пользу, возмущали спокойствіе республики, обманывали шляхту и вслѣдствіе этого сдѣлались для нея негодными въ предводители, — магнаты все таки успѣли удержать свое значеніе, въ ущербъ шляхтѣ, которой не дозволяли до самаго конца имѣть неограниченную надежду на короля, какъ это было при Пястахъ.

Что же касается до Яна Замойскаго, по-мимо партій Ракузской

«Шляхта постоянно опасалась какъ окопавшихся крестьянъ, такъ и гарнизоновъ, которые не раздѣляли ея мнѣній. Что это было еще и при Вазахъ, доказываетъ выдача крестьянами Сигизмунду III Ланцкороны, принадлѣжавшей сыну взбунтовавшагося воеводы Забржидовскаго. Лучшимъ же доказательствомъ этого можетъ служить институція 1667 года, которая, разбирая составъ полоцкаго гарнизона, исключаетъ изъ онаго казаковъ и крестьянъ и ввѣряетъ защиту города шляхтѣ, *съ условіемъ, чтобы она удержала нѣкоторое число стрѣльцовъ изъ крестьянъ — хозяевъ.*

и избраннаго короля Максимильяна, который быть можетъ и имѣлибы вліяніе на благосостояніе Польши, нельзя его исключительно упрекать въ томъ, что онъ полагался на внутреннія силы, т. е., на народъ. Янъ Замойскій вѣроятно понималъ мнѣніе, признанное даже и въ настоящее время, — что возмущеніе народа, далеко не такъ опасно для правительства, какъ могущество богатыхъ, потому что первое, если бы потребовалось, можно усмирить силою, тѣмъ болѣе что народъ чувствуетъ необходимость королевской власти. Если же бунты, вспыхнувшіе подъ предводительствомъ Зебржидовскаго и начальниковъ войскъ, возвратившихся изъ Руси, а также впослѣдствіи возмущеніе Юрія Любомірскаго и конфедерація голомбская, — не принесли должныхъ послѣдствій, т. е., уничтоженія усилившейся свободы шляхты въ Польшѣ и возвращенія королевской власти, какъ это было при Пястахъ, то въ этомъ не должно обвинять Яна Замойкаго.

Разсматривая позднѣшія происшествія мы находимъ, что отвѣтственность передъ потомствомъ за послѣдствія, произведенныя анархіею въ Польшѣ, падаютъ на *богатыря* (Вишневецкаго), который происходя изъ шляхты, мечталъ о тронѣ и получилъ его, быть можетъ, не слишкомъ благородными средствами. Отсюда произошло то, что не смотря на многія добрыя качества этого знаменитаго короля, государственная власть при немъ, быть можетъ, была унижена болѣе чѣмъ прежде; — крестьяне потеряли слѣды своей древней свободы; — по смерти же его, оставшееся потомство, какъ единственное послѣ чисто польскаго короля, наказанное провидѣніемъ, не удержало корону; такимъ образомъ польскій престолъ по необходимости достался иностранному дому.

С. У.

«Изъ этого видимъ, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ, главная сила республики, не смотря на уравненіе шляхты съ магнатами при Людовикѣ и Ягеллонахъ, была какъ и во времена раздѣловъ, въ рукахъ *пановъ, аристократіи* и *крестьянъ*. Шляхта отняла у крестьянъ права, имущества, оружія и запретила поступать въ пѣхоту; но что же изъ этого вышло? то, что паны, которые лучше всего могли воспользоваться подобными обстоятельствами, употребили крестьянскія силы на собственныя нужды и на свой исключительный интересъ. Какъ тогда, такъ и теперь военная служба крестьянъ не прекращалась, но вмѣсто того, чтобы быть *земскою, народною*, обратилась въ *панскую* и была часто обращаема противъ шляхты. Такое плачевное состояніе, снова приводящее польское общество къ средневѣковому варварству, объясняетъ намъ быстрое распространеніе при Вазахъ надворныхъ ротъ. Этими ротами предводительствовала шляхта, въ видѣ начальниковъ давняго рыцарскаго права, и горожане. Десятниками были обыкновенно крестьяне. Конституція 1635 г. постановила: что въ случаѣ вины крестьянскихъ начальниковъ, отвѣчаютъ за нихъ паны. Крестьяне надворныхъ полковъ были набираемы, по примѣру *лановой* пѣхоты, съ *дыма*. Примѣромъ этого можетъ служить *Универсалъ* Льва Сапѣги, 1621 г., данный крестьянамъ его наслѣдственныхъ имѣній.»

Панскія роты, часто содержавшіеся для великолѣпія, а часто и для *олигархическихъ* намѣреній, нарушающихъ спокойствіе края, были также содержимы для необходимости защиты края и изъ патріотизма, который онархической народъ нехотя долженъ былъ заимствовать.»

«Такому раздробленію польскихъ силъ между частными лицами соотвѣтствовали и войны. Можно сказать, что при Сигизмундѣ III всѣ войны, происходившія между панами, при помощи надворныхъ полковъ, были ведены безъ *вѣдома сейма*, который, узнавая о нихъ, долженъ былъ принимать мѣры къ прекращенію. Такимъ

образомъ крестьянское войско, вмѣсто того, чтобы быть резервомъ, было передовою стражею, а ополченіе заднею.»

«Въ 1620 г., послѣ сраженія подъ Цецорою, Станиславъ Любомірскій, имѣя только двѣ тысячи легкой кавалеріи, обратился къ крестьянамъ, и собравъ ихъ въ окрестностяхъ Львова — разбилъ татаръ. Оборона *Курпиковъ* *) всѣмъ извѣстна. Въ это время простой народъ служилъ въ надворныхъ ротахъ, въ обозѣ, и въ ланавой пѣхотѣ. Въ 1590-мъ году, сеймъ постановилъ: *чтобы города, которые шляхта не исправитъ и не снабдитъ продовольствіемъ, были разрушаемы и сжигаемы.* Немногочисленность порядочной пѣхоты и недоброжелательство къ ней шляхты, были причиною, что осада крѣпостей сдѣлалась для насъ не возможною. Крестьянское войско, которое, вслѣдствіе независимости отъ шляхты, легко можно было собрать, дало начало казакамъ. Республика была одолжена имъ не малыми заслугами.»

Изъ обозной прислуги былъ сформированъ (при Сигизмундѣ III) семитысячный корпусъ. Этотъ корпусъ, организованный по образцу крестьянскаго войска, и состоявшій изъ польской и русской черни, а по словамъ Ракочія изъ «сброда отчаянной, обозной прислуги», оказывалъ чудеса храбрости, и, находясь всегда впереди, получилъ названіе *головорѣзовъ*. Ими предводительствовали Лисовскій, Чаплинскій, Рогавскій, Стройновскій и другіе; даже въ 1619 году и шляхта поступала въ ихъ ряды. Лисовщики, подъ предводительствомъ Рогавскаго спасли Вѣну отъ венгерцевъ, а въ 1623 году, подъ предводительствомъ Нишицкаго, помогая нѣмцамъ, дрались съ французами въ Пикардіи, при Montreuil, Verdun и Soissons. Въ то время обыкновенно говорили, что «они хуже чёрта.» Владиславъ IV, видя постоянный упадокъ *лановой* пѣхоты (что Владиславъ IV старался о

*) Окрестные варшавскіе крестьяне.

сохраненіи военной службы крестьянъ, показываетъ конституція 1646 года), кажется хотѣлъ подкрѣпить народныя войска этимъ сбродомъ. Опасаясь войны съ Турціею, а какъ нѣкоторые полагаютъ, для уменьшенія перевѣса сеймовъ, онъ составилъ изъ него многочисленное войско, образовалъ его и привелъ въ замѣчательный порядокъ. Изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ и поступковъ Маріи Людвики при Казимірѣ Великомъ, видно, что Владиславъ IV готовясь къ *coup* d'Etat думалъ употребить и казаковъ. Малороссійская *дума* о Барабашѣ и записки Далейрака упоминаютъ: что король отвѣчалъ жаловавшемуся казачеству, почти тѣми же словами, какія Казиміръ Великій сказалъ крестьянамъ: *развѣ у васъ нѣтъ сабель?* Несомнѣнно то, что сеймъ, боясь крестьянскаго войска, вынудилъ у короля, въ 1646 году, его распущеніе, угрожалъ непослушнымъ ротмистрамъ лишеніемъ чести и славы и ограничилъ число королевской гвардіи до 1200 человѣкъ. Съ уничтоженіемъ войска Владислава IV армія польская упала и исчезла надежда привязать къ себѣ казаковъ. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Польша дорого поплатилась за это постановленіе сейма. Желтыя Воды, Корсинь, Пилавцы и Збаражъ оказали не годность ополченія и безсиліе храбраго, но малочисленнаго рыцарства и вмѣстѣ съ тѣмъ открыли какую-бы силу могла имѣть Польша, если бы сеймы вмѣсто того, чтобы угнѣтать простой народъ, старались о прекращеніи и удаленіи взаимнаго недовѣрія.»

«Уважая казаковъ, какъ союзниковъ, ихъ военная служба и причины возмущеній не входятъ въ составъ нашихъ разсужденій, Польша потеряла въ нихъ большую помощь; но шведскія войны, въ царствованіе Яна Казиміра, показали, что она не была лишена народныхъ силъ. Шведы вступили въ Польшу съ 12,000 войска. Великопольша, которой ввѣренъ былъ первый отпоръ, призвала, къ защитѣ провинцій, *лановую* и *дымовую* пѣхоту, на основаніи конституцій 1631 и 1635 годовъ; но вскорѣ сдалась и

распустила крестьянъ. То же самое сдѣлала и Литва. Мелкая шляхта роптала, но, не будучи въ состояніи сопротивляться, разбѣжалась по домамъ.»

«Шведы», говоритъ Desnoyers, «должны были выслать изъ Кракова тысячу человѣкъ конницы къ Сончу для разогнанія собирающихся тамъ крестьянъ; но этихъ послѣднихъ было столь значительное число, что ни одинъ шведъ не остался въ живыхъ. *Старóста* Бабимостскій защищалъ Велико-Польшу на всемъ пространствѣ съ *волохами,* къ которымъ присоединялись шляхта и крестьяне. *Волохи, карпатскіе горцы*, страшные видомъ, проворные, религіозные и чрезвычайно ловкіе, возвратили Сандомиръ, и просили короля, чтобы онъ позволилъ имъ освободить Краковъ, и были такъ жестоки къ шведамъ, что ни одному не пощадили жизнь. Если бы поляки хотя отчасти соединились между собою, шведы скоро бы погибли, — такъ велика была къ нимъ ненависть народа.»

Освобожденіе Варшавы было послѣднимъ дѣломъ ополченія. — Велико-поляне, впослѣдствіи, вмѣсто ополченія высылали кресьянскую пѣхоту. И въ самомъ дѣлѣ *хорошо сдѣлали;* потому что когда подляскій воевода — Опалинскій, напалъ на шведовъ съ этимъ ловкимъ народомъ, то онъ обратилъ ихъ въ бѣгство и рѣзалъ безъ пощады. Познаньское и калишское laudum 1535 года, описывая оборону уѣздовъ, говоритъ: что шляхтѣ дозволяется, въ случаѣ хозяйственныхъ нуждъ, оставлять знамена, съ условіемъ, чтобы ихъ отряды и челядинцевъ оставляли въ обозѣ. Въ выраженіи рукописи — *хорошо сдѣлала*, что шляхта оставила ряды, проявляется тогдашняя мысль Чарнецкаго.»

«Царствованіе Яна Казиміра было временемъ великихъ несчастій для Польши и поэтому великихъ обѣщаній для крестьянъ. Сеймы призывали къ оружію всю какъ *лановую,* такъ и *дымовую* пѣхоту. Наборъ дошелъ тогда до невѣроятности; — воеводства поставляли для защиты одного изъ десяти. Лановая пѣхота изъ королевскихъ

имѣній доходила до значительнаго числа. Такъ называемые иноземные полки, при недостаткѣ денегъ, состояли изъ одного только польскаго крестьянства.»

«Въ польскомъ войскѣ» (говоритъ Desnoyers) находятся полки, хотя и называемые иноземными, потому что несутъ службу по иностранному способу, но состоящіе изъ однихъ поляковъ, исключая извѣстнаго числа офицеровъ.» Старовольскій прибавляетъ: что нѣхоту большею частію набирали изъ крестьянъ, потому-что прусаки были народъ лѣнивый и слабый, нѣмцы, французы, венгерцы и италіянцы обходились дорого и часто переходили къ непріятелю; горожане же были безпокойнаго духа. D'Aleygac описываетъ дурное состояніе пѣхоты въ матеріальномъ отношеніи; но возвышаетъ ея терпѣніе ко всѣмъ неудобствамъ, — голоду, холоду, ранамъ и проч. — до героизма. Когда рыцарство, при каждомъ случаѣ неуплаты жалованья, бунтовалось, и оставляло на произволъ судьбу народа, — крестьянская пѣхота показывала примѣръ высшаго самоотверженія. Въ сраженіи при Прагѣ въ 1656 году, когда наше рыцарство прорвало три непріятельскія линіи и достигло даже Карла Густава, часть нашей пѣхоты была поставлена у моста для удержанія ополченія отъ бѣгства.»

Шведскія войны, которыя были народными, показали необходимость умноженія средствъ крестьянъ. Если бы шляхта знала тогда лучше военную службу и показала большую энергію, война была-бы окончена въ два или три мѣсяца. Праздность была причиною нашихъ несчастій. Въ нашемъ краю господствовалъ постоянно золотой вѣкъ, такъ пріятный для праздныхъ. Акты, находящіеся въ Porto-folio, свидѣтельствуютъ, что регулярное войско состояло изъ 90,000 человѣкъ. Кто можетъ сказать сколько въ немъ было крестьянскихъ рядовъ? Развѣ можно полагаться на писателей? Янъ Казиміръ, возвращаясь въ Львовъ, далъ слово — заняться улучшеніемъ судьбы народа. Тышовецкая конфедерація объявила, что «обѣ-

щаетъ людямъ всѣхъ состояній, включая и крестьянъ, оказавшимъ услуги отечеству, вольность и привиллегіи сословія шляхты. Не смотря на присягу и торжественныя обѣщанія, сеймъ противился проэкту, имѣющему цѣлью облегченіе податей народа, и ничего для него не сдѣлалъ. Обѣщаніе свободнаго достиженія достоинства шляхты, данное тышавецкою конфедераціею, было обманомъ. Конфедерація забыла, что времена частаго одаренія шляхетствомъ, имѣвшія мѣсто при Пястахъ и Ягеллонахъ, навсегда прошли, потому-что шляхта все болѣе и болѣе заключалась въ самой себѣ. При Вазахъ новопожалованная шляхта не имѣла права владѣть имѣніями, занимать должности ранѣе третьяго колѣна и несла тяжелыя повинности. По конституціи 1601 года нобилитація могла происходить только *на сеймѣ*, и крестьянинъ получалъ достоиство шляхты *съ дозволенія своего пана*. Какъ во времена *архидіакона*, такъ и теперь въ кругъ шляхты могли входить только люди, отличающіеся родомъ и имѣніемъ — *genere aut fortuna*.»

Такое законодательство имѣло вліяніе на то, *что ни одинъ польскій крестьянинъ*, не смотря на обѣщанія и заслуги, *не былъ одаренъ шляхетствомъ*. Въ этомъ насъ убѣждаютъ *Volumina legum*, въ которыя тогда вписывали всѣ нобилитаціи. Тамъ мы встрѣчаемъ казаковъ, горожанъ, нѣмцевъ, Французовъ, венгерцевъ, даже и жидовъ, но ни одного крестьянина. Однакожъ, кто изъ историковъ можетъ отвергать преданность и кротость, которыя забываютъ о своемъ собственномъ интересѣ? Когда Іеремія Вешневецкій и Александръ Конецпольскій, истые тираны, прервали договоры Яна Казиміра съ Хмельницкимъ и зажгли неугасаемую войну, то наши крестьяне по первому призыву короля Сабѣсскаго и того-же самаго Вешневецкаго, явились для защиты края, отъ нападеній казаковъ, окопались и обороняли замки. Казацкіе бунты, пропоганда протестантовъ, социніановъ, — возбудили всю Польшу, и удалили часть краковцевъ къ Хмельницкому;

такое раздѣленіе, казалось, открывало возможность нашимъ крестьянамъ къ возстанію, но напротивъ, не смотря на эти поводы и ужасъ шляхты, польскіе крестьяне остались вѣрными и соединили свой интересъ съ интересами народа; даже русскіе крестьяне представляютъ намъ примѣръ вѣрности.. Альбертъ Радзивилъ и ксензъ Краевскій свидѣтельствуютъ: что причиною не удачи при Желтыхъ Водахъ и Пилавцахъ были не бунты и разность исповѣданій, а своеволіе шляхты, которая принуждала украинскія деревни, города и селы возставать и окапываться. Альбертъ Радзивилъ (II, 292), говоря о бѣгствѣ изъ подъ Пилавцевъ, прибавляетъ: «что причиною его были гордость и угнетеніе бѣдныхъ.» Хмельницкій, во время нападеній на Польшу, щадилъ церкви, но мстилъ шляхтѣ. Послѣ этихъ неудачъ, изъ которыхъ каждая была побужденіемъ къ возстанію, Чарнецкій, посланный въ Украйну, хорошимъ обхожденіемъ сдѣлалъ то, что когда пригласилъ жителей дѣйствовать за одно для общихъ интересовъ, то украинскіе крестьяне тотчасъ же взялись за оружіе, стали на нашей сторонѣ и дрались съ самоотверженіемъ.

Здѣсь можетъ имѣть мѣсто вопросъ — что удержало нашихъ крестьянъ отъ междоусобной войны? ужъ вѣроятно не военный перевѣсъ шляхты, и не то, что у нихъ не было случая, начальника и надежды на помощь. Лещинскій, *въ свободномъ голосѣ*, приводитъ мнѣніе, что крестьянина удерживало не неимѣніе начальника, а не привычка. Подобные вопросы долженъ былъ предлагать себѣ Мицкевичъ, когда говорилъ, что люди до-сихъ-поръ такъ часто собою жертвовали, что не обращали вниманія на поводы къ этому; но въ настоящее время успѣхъ долженъ основываться на сбереженіи жизни и на разсматриваніи важности поводовъ. Крестьянинъ нашъ хотѣлъ взаимности, т. е., чтобы имъ руководствовали съ любовью.»

«*Начало* возмущенія при Казимірѣ Монахѣ было въ

войскѣ; энергія возмущеній уменьшалась, по мѣрѣ угнетенія крестьянъ. Возмущенія служащихъ крестьянъ, при Янѣ Казимірѣ, упустили изъ виду улучшенія своихъ правъ и будущности, а происходили только единственно для роскоши и грабежа. Грабежи пріучили крестьянъ, служащихъ въ военной службѣ, къ роскоши въ одеждѣ и жизни, чего даже не избѣжали и *Курпики*. Польская пѣхота, не получая жалованья, взбунтовалась и не хотѣла повиноваться, но высланное противъ нее рыцарство легко ее усмирило и повѣсило заговорщиковъ. Крестьянское войско, обозная прислуга и казаки часто вымѣщали свои обиды на шляхтѣ, остававшейся дома. По окончаніи войны, они образовывали шайки и подъ видомъ зимнихъ квартиръ и стоянокъ обременяли жителей разными требованіями. Какъ при Казимірѣ, такъ и при Вазахъ, крестьяне, оставившіе свои деревни и привыкшіе къ оружію, носили его постоянно при себѣ, отчего происходили драки и убійства на ярмаркахъ и *отпустахъ*. Когда ополченіе разсуждало о уровненіе титловъ, о *lex agraria* въ имѣніяхъ магнатовъ, а обозная прислуга, 60,000 возовъ, грабила окрестныя страны, то случалось, что слова свободы и равенства, распространяющіяся въ обозѣ, находили умногихъ сочувствіе. Тогда обозная прислуга образовала по образцу пановъ *кругъ* (kolo), имѣла свои трибуны и издавала декреты. Чѣмъ же былъ этотъ кругъ? — Складомъ добычи, взятой на сосѣднихъ дворахъ. Каждый ограбленный могъ торговаться о выкупѣ своихъ вещей и сдѣлаться снова ихъ владѣтелемъ, въ силу выдаваемаго декрета.

Необходимо было вмѣсто *лановой* пѣхоты, носившей только оружіе, но не имѣвшей порядка, устроить изъ крестьянъ регулярное войско, въ которомъ каждый, возвысившійся заслугами въ какое-либо достоинство могъ его удержать за собою. Но крестьяне никогда до этого не дошли. Со времени образованія обозною прислугою — круга, лановая пѣхота не существовала. Конситуція 1670

года совершенно ее уничтожила. Вышеприведенное право, одобренное во время выступленія шляхты противъ магнатства, указываетъ на расположеніе шляхты къ крестьянской пѣхотѣ.»

«Лановая пѣхота находилась подъ Вѣною. На канунѣ сраженія, Собесскій приказалъ ей пройдти церемоніальномъ маршемъ мимо нѣмецкихъ князей, и когда приблизился полкъ, весь оборванный, пристыженный король, чтобы скрыть скупость сейма, прибѣгнулъ къ остроумію: «Смотрите» сказалъ онъ нѣмцамъ «этотъ-то храбрый и непобѣдимый полкъ далъ обѣтъ, никогда не носить другой одежды, какъ ту, которую сниметъ съ убитаго непріятеля.«

«Прежняя лановая пѣхота оставлена только въ земляхъ Спиской и Саноцкой, для защиты помѣщиковъ отъ нападеній карптсакихъ горцевъ, а въ краковской землѣ для стражи въ замкахъ.»

«При саксонской династіи единственнымъ полемъ дѣйствій силъ простаго народа были войны Августа II съ Лещинскимъ и Карломъ XII. Возмущеніе казаковъ подъ Пальцемъ произошло вслѣдстіе стараній Августа II. Тарногродская конфедерація не обошлась безъ участія крестьянъ. Мартынъ Рыбенскій, маршалокъ краковскаго воеводства, употреблялъ ихъ для войны съ саксонцами. «Вотъ вамъ, бѣдные подданные, (слова, имъ произнесенныя) отъ насъ, какъ вашихъ господъ, позволеніе бить и уничтожать жестокихъ саксонцевъ, всѣми возможными средствами.»

Въ 1717 году произошло рѣшительное, ничѣмъ не остановленное уничтоженіе лановой пѣхоты.

«Тарногродская конфедерація окончилась вліяніемъ Петра Великаго и наложеніемъ на Польшу такъ называемой *гарантіи*. Коммисары сейма 1717 года предлагали уменьшить армію до 60,000. Между тѣмъ самъ сеймъ даже и не принуждаемый, для уменьшенія издержекъ, довелъ ее до 18,000; а лановую пѣхоту, какъ мы уже видѣли, уничтожилъ. Уменьшеніе войска до такого

числа, произошло вслѣдствіе того, что шляхта не хотѣла уплачивать подати. При Августѣ III идеальное желаніе шляхты—устранить крестьянъ отъ участія въ военной службѣ, пришло въ исполненіе; но, ближе присматриваясь къ ея дѣйствіямъ и нравамъ, мы видимъ, что она употребляла всѣ старанія, чтобы исключенныхъ опять возвратить въ службу. Печальные и раздирающіе душу мемуары Отвиновскаго показываютъ, что конные народные полки, составленные изъ служащей шляхты, когда-то столь славные, пришли при Августѣ III въ большое униженіе. Установившійся міръ изнѣжилъ ихъ и лишилъ рыцарскаго духа. *Товарищи* не занимались ни науками, ни военными упражненіями, но бесѣдовали и предавались хозяйству. *Въ хоругвяхъ* (часть войска), одни только деньщики, рядовые, или одѣтые въ мундиры, знали употребленіе оружія и несли службу. Въ хоругвѣ на 50 товарищей приходилось 500 рядовыхъ; слѣдовательно, шляхта составляла только десятую часть народной кавалеріи. Кромѣ того за этимъ войскомъ, называемомъ *компутовымъ*, слѣдовало другое, которое хотя и не считалось сеймомъ, однакожъ дисциплиною и устройствомъ превосходило народную армію. Какъ при Сигизмундѣ III и Янѣ Казимірѣ, такъ и при Августѣ III Польша имѣла многочисленныя силы, неподвѣдомственныя сейму, такъ называемыя *роты* или панскія гвардіи.»

«Радзивиллъ не хотѣлъ платить подати и прогонялъ изъ своихъ имѣній сборщиковъ, говоря: я имѣю хорошее войско, а республика не подастъ мнѣ помощи.»

«Состояніе войска, когда вступилъ на тронъ Станиславъ-Августъ было слѣдующее: ополченіе вышло изъ употребленія, рыцарство изнѣжилось долгимъ отдохновеніемъ, такъ называемые *иноземные* полки, хорошо выученные и послушные, были немногочисленны, но худо устроены. Исключая дворскихъ людей и галицкихъ смоляковъ, назначенныхъ для защиты окрестностей отъ *Опришковъ* (разбойниковъ карпатскихъ горъ), всѣ крестьянъ

яне частныхъ и церковныхъ имѣній были освобождены отъ военной службы. Шляхтѣ казалось что крестьянскіе бунты постоянно угрожали краю; но, напротивъ, простой народъ не смотря на притѣсненіе былъ вѣренъ своимъ панамъ и даже усмирялъ украинскія возстанія. Царствованіе Станислава-Августа показываетъ, что королю, если невозможно, то по крайней мѣрѣ трудно, подстрекнуть народъ къ возстанію. Станиславъ-Августъ желая реформы конституцій встрѣтилъ сопротивленіе магнатовъ, и притомъ, опасаясь вслѣдствіе угрозъ радомской конфедераціи потерять корону, имѣлъ намѣреніе, подобно Владиславу IV, произвести *coup d'Etat*. Установленіе въ судахъ защитниковъ для бѣдныхъ кажется имѣло мѣсто изъ желанія подражать Храброму Станиславъ-Августъ придерживался народа и старался улучшить его судьбу для того, чтобы впослѣдствіи преодолѣть сопротивленіе магнатовъ и сейма. Прусскіе крестьяне сочувствовали возбужденію и образовали конфедерацію. Въ обнародованномъ, по этому случаю, манифестѣ, объявили: *что они по происхожденію равны шляхтѣ;* что требованія ихъ не имѣютъ цѣлью освобожденіе отъ повинностей, а личную свободу; чтобы барщина уменьшена была до трехъ дней и чтобы они, по образцу Швеціи, имѣли своихъ представителей на сеймѣ. На этомъ манифестѣ дѣло и кончилось. Станиславъ Августъ ограничался только угрозою. Должно быть Провидѣніе, въ этомъ королѣ хотѣло показать намъ какимъ позоромъ покрывается каждая посредственность, когда осмѣливается подражать великимъ примѣрамъ и когда принимаетъ на себя тяжесть управленія народомъ.

«Пулавскій считалъ войну средствомъ для защиты вѣры и свободы; созвалъ подъ Баръ нѣсковько тысячъ крестьянъ, думая возобновить лановую пѣхоту, но, кажется, его мнѣніе не было раздѣляемо начальниками конфедераціи. Издатель мемуаровъ Сулковскаго думаетъ, что Красинскій и Потоцкій противились созванію кресть-

янъ. Конфедерація, можно сказать, употребляла народъ, какъ вещь, нежели какъ силу. Карпатскіе горцы снова сошлись для кроваваго дѣла; Дзержановскій собиралъ *курпиковъ*, шляхта и духовенство доставляли своихъ людей. Заремба сгонялъ мужиковъ съ топорами для взятія Познани. Такимъ образомъ массы народа, тронутыя съ своихъ жилищъ, вступали въ конфедератскіе ряды; однако, не смотря на все это и на большое кровопролитіе въ этой войнѣ, ни одинъ универсалъ не вступился за крестьянъ.»

«Когда наступилъ первый раздѣлъ края, подписанный трактатъ уменьшилъ армію до 30,000, сеймъ же вскорѣ добровольно довелъ ее до 18,000.«

Сильно поразилъ меня бытъ жителей Силезіи, Саксоніи и Австріи въ сравненіи съ бытомъ нашихъ крестьянъ. Я сталъ присматываться къ причинамъ различія торговли, промышленности, зажиточности и цивилизаціи, но нигдѣ не нашелъ, чтобы народъ былъ лучше нашего; между тѣмъ онъ всюду казался счастливымъ, — я желалъ угадать причину этого. Не трудно было убѣдиться, что тамъ всѣ жители болѣе нежели у насъ пользуются защитою законовъ, терпятъ меньше притѣсненій со стороны богатыхъ, имѣютъ лучшую организацію, нестолько зависятъ отъ землевладѣтелей и, наконецъ, большая часть имѣетъ свою собственность. Если гдѣ-либо и встрѣчались слѣды давней неволи феодальной организаціи, тамъ и слѣдствія подобной организаціи были видны въ бо́льшой или меньшей степени.»

«Самое неблагопріятное положеніе народа было въ нашей худоустроенной Польшѣ. Напрасно будутъ возставать противъ этого мнимые любители мнимой польской народности; напрасно станутъ защищать они то, что было причиною всѣхъ золъ; напрасно станутъ держать сторону богатыхъ и сильныхъ магнатовъ, которые если не *de jure*, то по крайнѣй мѣрѣ *de facto*, были предводителями бѣднѣйшей шляхты; напрасно станутъ защищать шляхту, которая господствовала надъ низшими и угнетала ихъ. Какъ же не сожалѣть о судьбѣ этихъ рабовъ, угнетенныхъ подданныхъ.

Я самъ воспитывался подъ вліяніемъ четырехъ лѣтняго сейма и его стремленій. Я окруженъ былъ въ домѣ моего отца и людьми свободно-мыслящими, между которыми я часто видывалъ Гугона Коллонтая. Совѣты послѣдняго имѣли вліяніе на воспитаніе сыновей Ѳомы Островскаго. Я болѣе и болѣе убѣждался, что трудно надѣ-

яться на нравственное развитіе той массы народа, которая съ утра до ночи принуждена заботиться о снисканіи хлѣба себѣ и своему семейству. Невозможно что бы человѣкъ отъроду не учившійся, грубый, борящійся съ судьбою, могъ имѣть средства и охоту къ просвѣщенію.

Мартынъ Баденi съ пріятною, только ему свойственою улыбкою, говаривалъ: «Господа! всѣ ваши намѣренія придутъ сами собою въ исполненіе, только надѣлите крестьянъ недвижимою собственностію и тѣмъ защитите ихъ отъ нужды.»

«Но пріобрѣтеніе собственности еще недостаточно для полнаго успѣха цивилизаціи народа; — необходимо дать имъ возможность для сбыта сельскихъ произведеній въ сосѣднихъ торговыхъ городахъ.»

Можетъ быть кто-нибудь изъ читателей, живущихъ на родинѣ или заграницей, подумаетъ, что теперь не время указывать на безпрестанныя внутреннія улучшенія, какъ на обязанность помѣщиковъ.

Подобное мнѣніе было-бы преувеличенное и ничѣмъ неоправдывающееся. Во-первыхъ по причинамъ, объясненнымъ въ началѣ этой статьи; во-вторыхъ что каждый честный, стоящій выше неудачъ человѣкъ, долженъ имѣть девизомъ: *дѣлай все, что ты долженъ дѣлать, а послѣдствія предоставляй волѣ Бога.*

Каждый прибывшій въ землю Ѳомы Островскаго, могъ сказать: я пришелъ сегодня утромъ безъ гроша, безъ капитала, кромѣ десяти пальцевъ, сегодня вечеромъ буду владѣтелемъ куска земли, буду имѣть свой собственный домикъ и садикъ, которыхъ никто не можетъ отнять у меня, потому-что баринъ дастъ мнѣ печатный листъ на вѣчное владѣніе ими.

Возобновить прошедшее въ тѣсномъ смыслѣ невозможно, потому-что каждая эпоха имѣетъ свою идею и свои хорошія и дурныя законы и убѣжденія. Если мы, для избѣжанія замѣшательствъ допускаемъ забвеніе прошедшаго, — да не посрамимъ будущаго, а тѣмъ болѣе настоящаго, которое въ нашихъ рукахъ.

Антонъ графъ Островскій. *Мнѣніе о необходимости одщественной реформы.*

ОТДѢЛЪ XXIV.

О средствахъ къ улучшенію быта крестьянъ.

Изъ рѣчи, произнесенной на землевладѣльческомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, 17 Мая 1846 г., графомъ Августомъ Цѣшовскимъ, авторомъ сочиненія: «Du crédit et de la circulation.

«Мы видимъ, что положеніе нашихъ крестьянъ какъ въ моральномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ значительно улучшилось со времени личной свободы и уничтоженія барщины. Съ радостію сознаешь что крестьяне при доходахъ, получаемыхъ съ земли, благодаря мудрымъ учрежденіямъ, видятъ свой бытъ значительно улучшеннымъ и болѣе усовершенствованнымъ. При всемъ томъ мы должны сдѣлать замѣчаніе, что самый послѣдній землевладѣльческій классъ, наемники и работники еще далеки быта, къ которому бы они могли придти, если бы были надѣлены землею.

Разсужденіе объ этомъ предметѣ и внимательное его разсмотреніе почтеннымъ обществомъ земледѣлія доказываютъ, что чувство пробуждаетъ въ совѣсти злаго пламенное желаніе къ исправленію. Позволяю себѣ войти въ разсужденіе объ этомъ предметѣ, т. е., разсмотрѣть средства, данныя для улучшенія быта крестьянъ. Въ программѣ ихъ десять. Ограничиваюсь наиважнѣйшими:

1, Что дѣйствія правительствъ и частныхъ обществъ имѣютъ большое вліяніе на трезвость и нравственность; что важность этихъ дѣйствій равномѣрна вліянію — объ этомъ никто не будетъ спорить; но чтобы это вліяніе распространилось такъ далеко, какъ этого желаютъ, т. е., до уничтоженія праздниковъ и народныхъ увеселеній, то это мнѣ кажется несправедливымъ. Положеніе нашего

крестьянина и такъ уже грустное. Зачѣмъ же придумывать средства для уничтоженія его веселости, стѣсненія ея, и для лишенія его невинныхъ и сподручныхъ ему наслажденій. Однакоже не должно придавать большой важности этимъ увеселеніямъ, исключая воздержанія и трезвости.

2. Второе средство состоитъ въ заботахъ о воспитаніи крестьянскихъ дѣтей преимущественно чрезъ учрежденіе *пріютовъ*. Это средство изъ всѣхъ наиважнѣйшее и наиполезнѣйшее. Подъ вліяніемъ этой идеи, нынѣшній сеймъ въ княжествѣ познанскомъ согласился съ моимъ мнѣніемъ подать прошеніе на имя его величества, дабы повелѣно было во всей странѣ учреждать пріюты, а мѣстнымъ учебнымъ заведеніямъ содѣйствовать воспитанію вышепоименованнымъ пріютамъ, равно какъ и учреждать ихъ тамъ, гдѣ жители, по причинѣ бѣдности, сами не могутъ открыть подобной залы.

Это средство можно скорѣе назвать педагогическимъ, нежели экономическимъ. Намъ было, не безъизвѣстно, и не однажды было упоминаемо въ нашихъ обществахъ, что развитіе нравственное, умственное и человѣчное основываются на матеріальныхъ началахъ, что прежде нужно улучшить почву, произведенія которой были бы лучшія. Во всякомъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о средствахъ къ нравственному совершенствованію крестьянъ, не должно терять изъ виду улучшеніе его матеріальнаго быта.

3. Что касается поступковъ помѣщиковъ относительно прислуги, до исправленія суровости обращенія съ ними, прибавки какъ жалованья, такъ и награжденій, то для сего предлагаются различныя удовлетворительныя средства. Основываясь на этомъ, я вздумалъ раздѣлить своихъ крестьянъ на степени, принимая въ расчетъ ихъ трудолюбіе, созвалъ ихъ всѣхъ и просилъ ихъ, чтобы сами они указали на трудолюбивѣйшихъ обоего пола. Вслѣдствіе этого избранные получили соотвѣтственныя награды. Если

бы каждый получилъ награду безъ согласія крестьянъ, то они могли бы подумать, что помѣщикомъ руководила односторонность и несправедливость. А такъ какъ выборъ достойныхъ былъ предоставленъ имъ самимъ, то это привело ихъ къ сознанію о разницѣ награды и вслѣдствіе этого нравственность ихъ улучшилась.

4. Что касается до средствъ приводить крестьянъ къ бережливости и ко взносу въ общую кассу чего бы то ни было, то я замѣчу, что прежде нежели предписывать имъ бережливость, *какъ средство*, необходимо дать имъ возможность сберегать что-нибудь. Развѣ мы здѣсь не можемъ заблуждаться? Что бережливость можетъ улучшить положеніе нашихъ крестьянъ — это не оспоримо; однакоже, откровенно говоря, крестьянинъ ничего не въ состояніи сберечь, пока не улучшится его положеніе. Спрашивается, стоитъ ли давать совѣты поденщику, чтобы онъ заботился о пріобрѣтеніи куска земли? Естественно, что не стоитъ. Прежде нежели станемъ требовать отъ него взноса въ общую кассу, должно дать ему средства сдѣлать это.

5. Больше или меньше соединеніе полевыхъ работъ съ ремесломъ есть вопросъ, рѣшеніе котораго принадлежитъ нашей эпохѣ. Но мы должны предоставить эти двѣ вѣтви общественной промышленности самимъ себѣ, клафицируя ихъ естественнымъ путемъ.

6. Никогда не можетъ быть лишнимъ совѣтъ, безпрестанно повторяемый помѣщикамъ, о заботливости, человѣколюбіи, попеченіи о старыхъ колѣкахъ и больныхъ крестьянахъ.

7. 8. 9. Что касается до этихъ пунктовъ программы, какъ напримѣръ, частныхъ награжденій за долгую и вѣрную службу, безпристрастія въ выдачѣ работникамъ свидѣтельствъ, заботливости о посѣщеніи ими храмовъ, до подаванія имъ собою примѣра, — это суть пункты, о которыхъ уже много говорили.

Отсюда вывожу мое убѣжденіе, что классъ поденщи-

ковъ не можетъ быть оставленъ при своемъ настоящемъ положеніи, будучи лишенъ всѣхъ общественныхъ и нравственныхъ связей, безъ надежды имѣть когда-либо свою осѣдлость, словомъ безъ надеждъ на улучшеніе своей судьбы.

Тѣ изъ прежнихъ барщинныхъ крестьянъ, которые сдѣлались землевладѣльцами, имѣютъ по крайней мѣрѣ осѣдлость, служащую основаніемъ ихъ будущности; хотя еще многое остается имъ, однакоже они надѣются, что улучшеніе ихъ судьбы зависитъ отъ ихъ трудолюбія и заботливости. Имѣютъ они, если можно такъ выразиться, матеріалъ, изъ котораго, если пожелаютъ, могутъ дѣлать что-нибудь; кто не вѣритъ въ чудеса, которыя производятъ чувство независимости и право собственности?

Оставляя въ покоѣ крестьянъ — землевладѣльцевъ, которые въ другой разъ могутъ обратить на себя наше вниманіе, мы можемъ теперь сказать, что они сами могутъ помочь своему горю, ибо имѣютъ къ тому большія или меньшія средства. Совсѣмъ другое дѣло наемники и работники. Они не имѣютъ ничего, кромѣ собственныхъ рукъ, и, исключая развѣ школъ, общество ничего для нихъ не сдѣлало. Развѣ мы не должны позаботиться о средствахъ сдѣлать ихъ землевладѣльцами? Гдѣ же мы возмемъ землю? Должно ли быть помѣщено все земледѣльческое сословіе на своихъ усадьбахъ? Неужели земля должна быть растерта въ мелкій порошокъ для того, чтобы каждый имѣлъ свою собственную порошинку? — Это дѣло невозможное, а если было возможное, то повлекло бы за собою вредъ. Что же практически возможно для улучшенія быта этого забытаго класса? — Для этого есть другія существенныя средства—возбудить въ нихъ дѣятельность и энергію, чего также можемъ достигнуть, льстя имъ возможностію имѣть свою собственность.

Знаемъ, что многіе управляющіе, кромѣ опредѣленнаго платежа, получаютъ по уложенію еще десятую или другую какую-либо часть дохода съ имуществъ, имъ под-

вѣдомственныхъ. Это приношеніе есть награда за ихъ ревность и заботливость. Опытъ показалъ какъ полезно такое правило для помѣщиковъ. Что же препятстветъ распространенію этого правила на другихъ?

Хорошее управленіе имѣніемъ зависитъ не только отъ способнаго и благонамѣреннаго управителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ трудолюбивыхъ и способныхъ работниковъ. Нѣтъ трудности къ постепенному вознагражденію послѣднихъ, или каждаго отдѣльно, или всѣхъ вмѣстѣ, подобно тому какъ вознаграждается управитель. Что полезно относительно одного, то можетъ быть полезно относительно многихъ. Подобное условіе полученія управителемъ извѣстой части изъ общаго дохода, очень легко могло бы быть примѣнено къ работникамъ, только слѣдуетъ принять въ соображеніе получаемую ими нынѣ плату. Итакъ, слуга, получающій 20 таллеровъ въ годъ за усердіе и трудолюбіе могъ бы получить что-нибудь сверхъ этого. Такое вознагражденіе не можетъ быть обременительно для помѣщика, и каждый трудящійся не менѣе бы управителя цѣнилъ эту прибавку.

Въ крестьянскомъ вопросѣ, такъ важномъ и такъ трудномъ, обремененномъ, кромѣ того, отношеніями политическими, моральными, экономическими и чисто финансовыми, въ дѣлѣ, которое въ каждой мѣстности должно проявиться иначе, слишко было бы самонадѣянно считать себя въ силахъ рѣшать всякіе случаи. Однако то не подлежитъ сомнѣнію, что на рѣшеніе этого дѣла вмѣстѣ съ вліяніемъ мѣстности должна имѣть вліяніе общая потребность края.

ВАЛЕРІАНЪ КАЛИНКО.

1858.

СВОДЪ.

Изъ всѣхъ заключающихся въ этомъ томѣ отрывковъ можно вывести слѣдующія заключенія.

1. Освободить крестьянъ, не давъ имъ недвижимой собственности и не обезпечивъ ихъ правъ свободно распоряжаться этою собственностью, значило бы испортить ихъ бытъ.

2. Вѣчный оброкъ приводитъ крестьянина къ праву пользованія землею, какъ собственностью. Временной оброкъ, или обусловливающій извѣстное число лѣтъ пользованія землею, лишаетъ крестьянина правъ, проистекающихъ изъ долголѣтняго пользованія ею.

Послѣдняя система, хотя бы и называлась обязательною, была бы полезна для однихъ помѣщиковъ.

3. Надѣлъ крестьянъ землею можетъ повести къ нѣкоторымъ невыгодамъ для обѣихъ сторонъ. Во всякомъ случаѣ къ ограниченію этихъ не выгодъ могло бы служить запрещеніе дѣлимости земли и ограниченія ея взаимной перепродажи. Разумѣется, что подобныя ограниченія могли бы существовать до времени погашенія долга, лежащаго на землѣ крестьянъ.

Опытъ покажетъ, что разница въ правительственномъ отношеніи между крестьянскими и помѣщичьими землями можетъ быть навсегда устранена, когда крестьянскія земли на столько будутъ свободны отъ долговъ, на сколько помѣщичьи будутъ обременены долгами.

4. Крестьянскія семьи, владѣющія землею въ настоящее время, должны получить въ вѣчное владѣніе свою избу и огородъ, а уже впослѣдствіи все то пространство земли, которое они воздѣлываютъ нынѣ. Создать общественную собственность, кажется, легко на практикѣ, но приложеніе ея къ практикѣ не улучшило бы быта крестьянъ.

5. Учрежденіе Фермъ и разграниченіе крестьянскихъ отъ помѣщичьихъ, было бы желательно. Но вообще эта

операція требуетъ много времени и не можетъ быть произведена до времени надѣла. Слѣдовательно, надѣлу крестьянъ землею должно во многихъ мѣстахъ предшествовать отдѣленіе крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ, тѣмъ болѣе, что это отдѣленіе не будетъ мѣшать до-тѣхъ-поръ, пока не окупится крестьянская земля.

9. Предположеніе, что надѣлъ креетьянъ землею будетъ вреденъ для помѣщиковъ, опровергается тѣмъ, что подобная реформа дастъ капиталъ имъ для усовершенствованія своего собственнаго хозяйства, для возвышенія цѣнности земли до цѣнности ея въ сосѣднихъ государствахъ. Въ этомъ отношеніи, равно какъ и въ наложеніи на крестьянскіе кредитные билеты извѣстнаго курса, безъ сомнѣнія, многіе изъ помѣщиковъ окажутъ готовность поручиться за исправность платежа крестьянами оброка; какъ скоро они убѣдятся, что оброкъ только временный и что, даже въ первые годы погашенія, это поручительство сдѣлается не менѣе наглядным, такъ какъ въ настоящее время солидарное поручительство помѣщиковъ, принадлежащихъ къ земскому кредитному обществу.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛІОТЕКА И. К. П.

7. Предположеніе, что дробленіе земли будетъ вредно какъ для цѣлаго края, такъ и для крестьянъ, можетъ принадлежать только противникамъ продукціи, нравственности и просвѣщенія. Примѣръ шляхты и свободныхъ горожанъ доказываетъ какъ полезна раздѣльность земли, если бы она была доступна для крестьянина. Въ это время мелкіе владѣтели дурнаго поведенія раздѣлятъ общую усадьбу оброчниковъ, т. е., должны будутъ продавать свои участки.

8. Наконецъ предположеніе, что надѣлъ крестьянъ землею повредитъ праву пріобрѣтенія, можетъ быть опровергнуто, если обратить вниманіе на то, что въ тѣхъ только странахъ Европы владѣніе землею совершенно, гдѣ земля раздроблена на участки. Слѣдовательно всѣ такого рода реформы, ведущія къ подобной цѣли, вмѣсто

того, чтобы уменьшить обезпеченіе владѣнія, утвердили ихъ еще болѣе, сдѣлавъ ихъ доступными для всѣхъ.

Что касается познаньскихъ наемниковъ, то нѣкоторые думаютъ дать имъ право удѣльности въ земляхъ, подаренныхъ по дарственному праву. Такое желаніе проистекаетъ изъ того начала, принятаго прусскимъ правительствомъ въ экономическомъ отношеніи, чтобы помѣщики, теряющіе барщину, были вознаграждаемы частью крестьянской земли и чтобы крестьяне, владѣющіе только огородами и пространствомъ земли, не превышающимъ трехъ морговъ, лишились всего остальнаго. Такимъ образомъ количество крестьянскихъ земель уменьшилось само собою и въ деревняхъ образовалось пролетаріатство, которое при обыкновенномъ увеличеніи народонаселенія не было бы такъ пагубно для крестьянъ, какъ нынѣ.

Всѣ эти заключенія привели нижеподписавшагося къ тому убѣжденію:

Чтобы окончательно образовать у насъ свободное владѣніе землею.

Чтобы на самомъ дѣлѣ истинно улучшить бытъ нашихъ крестьянъ и увеличить цѣны на землю, равно какъ и обезпечить помѣщиковъ значительнымъ капиталомъ, безъ новаго займа съ ихъ стороны.

Чтобы, говорю, удовлетворить этимъ тремъ главнымъ потребностямъ нашего края нѣтъ другаго средства, какъ:

Надѣлить крестьянъ землею.

СЕВЕРИНЪ УРУССКІЙ.

Варшава 1858.